

Ю.Н.БЕСПЯТЫХ

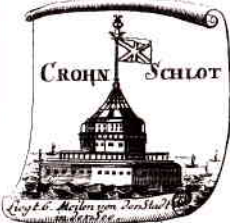
ПЕТЕРБУРГ
ПЕТРА I
В ИНОСТРАННЫХ
ОПИСАНИЯХ

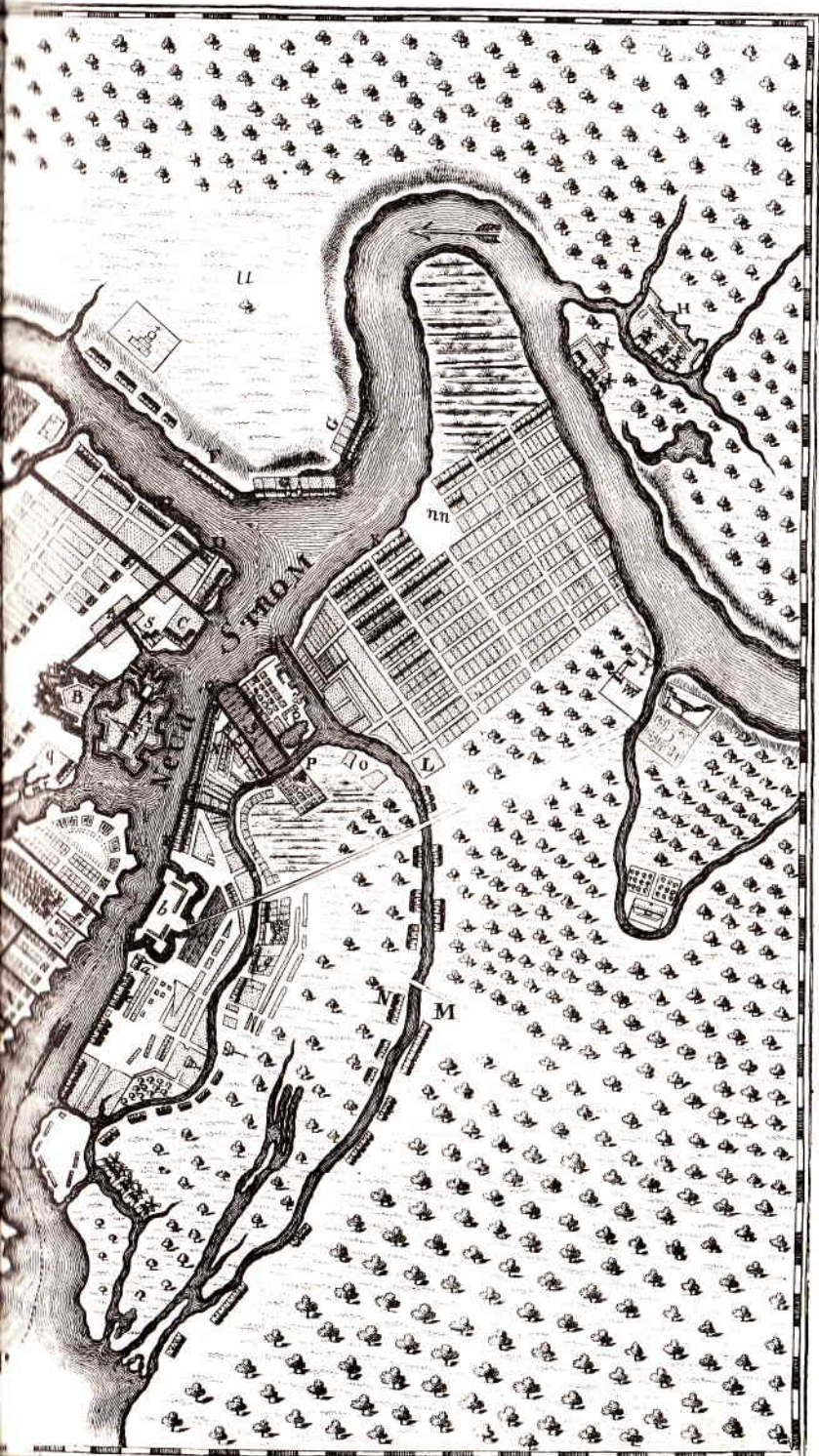
Grundriß
 der Festung, Stadt u. Situation
 St. PETERSBURG

Mund Vom der Oost See

Scala von 100 Russischen Clafftern.

СЕРИЯ «ПАНОРАМА ИСТОРИИ»

Ю.Н.БЕСПЯТЫХ

ПЕТЕРБУРГ
ПЕТРА I
В ИНОСТРАННЫХ
ОПИСАНИЯХ

ВВЕДЕНИЕ. ТЕКСТЫ. КОММЕНТАРИИ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ /
1991

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ПАНОРАМА ИСТОРИИ»

*Ю. Г. Алексеев, Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Л. А. Дмитриев,
М. П. Ирошников (заместитель председателя), И. Д. Ковальченко, В. М. Ковальчук,
Д. С. Лихачев, И. П. Медведев, А. П. Новосельцев, В. М. Панеях,
А. А. Фурсенко (председатель), А. Н. Цамугали, К. В. Чистов,
Ю. Б. Шелаев (ученый секретарь), В. А. Шишкин*

Ранний Петербург — его облик, застройка, общественная жизнь, быт и нравы первых горожан — известны нам преимущественно по описаниям, составленным несколькими западноевропейскими современниками бурных событий в России эпохи Петра Великого, посетившими берега Невы. Наша книга — первый свод этих ценных сочинений, без которых многое в начальной истории города оказалось бы утраченным безвозвратно. Два немца (один — аноним, другой — некто по фамилии Геркенс), шведский военнопленный Л. Ю. Эренмальм, шотландский офицер П. Г. Брюс, французский путешественник О. де ла Мотрэ и два анонимных поляка были внимательными и заинтересованными наблюдателями, создавшими панораму жизни Петербурга в 1710—1726 гг. — их записки, известные лишь узкому кругу специалистов, мы представляем сегодня вниманию читателей.

Русские переводы публикуемых текстов сопровождаются введением научного характера и комментариями. Книга рассчитана как на специалистов, историков, студентов, так и на самую широкую читательскую аудиторию.

Рецензенты:

Л. Н. СЕМЕНОВА, И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

Редактор издательства:

И. П. ПАЛКИНА

Б 0503020200-515 Без объявления
042 [02] -91

ISBN 5-02-027336-8

© Ю. Н. Беспярых, 1991

ВВЕДЕНИЕ

История раннего Петербурга, неизменно привлекательная для профессиональных исследователей, любителей старины да и решительно для всех людей, не утративших естественной любознательности, непредставима без его описаний, созданных современниками давних событий. Какой бы труд, посвященный прошлому невыхских берегов, мы ни раскрыли, непременно обнаружим, что автор внимательно изучил наблюдения, запечатленные людьми, знакомыми с юной российской столицей.

Мемуары, дневники, записки изобилуют многочисленными красочными подробностями, благодаря которым мы лучше узнаем ранний Петербург. Так, интересные наблюдения принадлежат датскому посланнику в России Юсту Юлю,¹ ганноверскому (брауншвейг-люнебургскому) резиденту Фридриху-Христиану Веберу,² гольштейн-готторпскому резиденту Геннингу-Фридриху фон Бассевичу;³ особенно богат сведениями о петербургской жизни обстоятельный дневник гольштейн-готторпского придворного Фридриха-Вильгельма Берхгольца.⁴ Множество ценных фактов можно извлечь из официальных депеш западноевропейских дипломатов, находившихся в эпоху Петра I при русском дворе.⁵ Неудивительно, что мимо всех этих документов не проходит ни один петербурговед.

Мы же намерены здесь сосредоточиться главным образом на сочинениях, авторы которых задались целью представить систематическое изображение города, каким он был на тот или иной момент своего развития в 1710—1720-е годы.

В начале XVIII в. Западная Европа с пристальным вниманием следила за ростом Петербурга, невиданными темпами возникавшего среди лесов и болот Богом забытой Ингерманландии (Ижорской земли) в устье Невы. Известия о новом городе постоянно появлялись на страницах зарубежной периодической печати. В середине 1720-х годов профессор Вестфаль уже читал о нем лекции студентам Грайфсвальдского университета.⁶ Только-только рождавшийся, но уже овеянный легендами Петербург занимал воображение современников. Иноземцы, по каким-либо причинам оказавшиеся в этих местах и не пожалевшие усилий на описания (а мотивы, которые побудили их взяться за перо, были самыми разными), подарили нам

чудесную возможность шаг за шагом пройти по городу, прихотью российского самодержца выраставшего там, где прежде был лишь «приют убогого чухонца». Образ раннего Петербурга, встающий со страниц таких сочинений, привлекателен еще и тем, что он, созданный иноземцами, — результат соприкосновения культур, которое обнаруживает их особенности.

За первую четверть XVIII в. известно всего несколько более или менее систематических описаний, однако им принадлежит огромная роль в развитии наших знаний о петровском «парадизе»: топография юного города, архитектура, культурная, политическая и экономическая жизнь, особенности быта и нравов населения (от высших слоев общества до монахов в монастыре), характеристики Петра I и его ближайшего окружения — все было увековечено перьями любознательных и прилежных современников.

В сущности, эти описания относятся к важнейшим источникам, привлекаемым для воссоздания облика города на самых ранних этапах его развития. Некоторые авторы, к счастью, не ограничивались рассказом о собственно Петербурге, но сообщили чрезвычайно интересные сведения также об окрестностях, флоре и фауне, о жителях глухого в ту пору края.

Одни описания уже имеются в русском переводе, другие по-прежнему остаются малодоступными широкому читателю.

В предлагаемой книге впервые сведены вместе известные на сегодняшний день западноевропейские описания петровского Петербурга. Самые поздние составлены уже по наблюдениям 1726 г., т. е. формально выходят за рамки эпохи (император скончался 28 января 1725 г.), однако очевидно, что и эти авторы увидели город по существу таким, каким оставил его великий преобразователь.

Публикуемые сочинения переведены нами с немецкого, шведского, английского, польского языков. Во введении обоснована целесообразность нового перевода двух текстов (немецкого и польского), уже изданных во второй половине XIX в. на русском языке.

Исследователи постоянно пользуются иностранными описаниями раннего Петербурга, привлекая их материалы по частным поводам. Вместе с тем эти исторические источники еще не были предметом сколько-нибудь последовательного специального изучения. Поэтому ощущается настоятельная необходимость изложить здесь некоторые наблюдения, прежде всего относительно широко известных описаний, прояснив заодно создавшуюся вокруг них историографическую ситуацию.

1

Особенная известность по праву принадлежит двум немецким сочинениям о Петербурге, опубликованным отдельными изданиями в 1713 г. (по впечатлениям 1710—1711 гг.)¹ и 1718 г. (по впечатлениям 1716—1717 гг.)² Основная часть второго описания включена (с важными дополнениями и изменениями) Ф.-Х. Вебером в его «Преображенную Россию».³

Описания опубликованы анонимно: под первым стоит криптоним Н. Г., второе не имеет и этого. Вопрос об их авторстве с давних пор и постоянно занимал исследователей. Знарок «Россики» Р. И. Минцлов воздержался от атрибуции и заметил только, опираясь на текст первого документа, что автор был человеком образованным, а при осаде Риги в 1710 г. находился в русском лагере и был хорошо знаком с окружением Петра.⁴ Второе описание Р. И. Минцлов считает «обновленным и в некоторых частях дополненным, а в других сокращенным изданием» первого. Но исследователь не настаивает на мысли приписать оба сочинения одному автору, так как «в издании 1718 г. выпущены все намеки на личное пребывание в Петербурге, из чего можно заключить, что прежний не принимал уже участия в составлении этой обновленной книги», и отмечает также сходство этого второго описания с помещенным в труде Ф.-Х. Вебера.⁵

Несколько ранее Н. В. Калачов, опубликовавший в 1844 г. свой перевод трех глав из первого описания, высказался так о сочинении 1718 г.: «... вышло, кажется, второе издание той же книги, потому что оно во всем сходно с первым, кроме изменений и выпуска или дополнения некоторых статей, так что обе книжки составляют собственно одно в высшей степени любопытное сочинение».⁶ Ниже Н. В. Калачов уже без оговорок упоминает о «втором издании».⁷

«Другим изданием сочинения того же автора» прямо называет второе описание П. П. Пекарский.⁸

П. Н. Петров, видевший целью первого описания «представить в Европе лучше, чем было подлинное, застроение царской столицы», считал автором дипломата, состоявшего на службе Петра, а именно барона Генриха Гюйссена, и подчеркивал при этом, что «цель издания в 1713 г. (при начале разногласий союзников с Петром I) была именно политическая». По мнению П. Н. Петрова, второе описание — перепечатка первого, которая «для незнающих могла представляться совершенно особым сочинением».⁹ Отметив, что второе описание «не представляет существенного различия от первого»,¹⁰ он, в общем, невысоко оценивает достоверность обоих документов, полагая многие приведенные в них факты и сведения ошибочными и инкриминируя автору стремление выдать желаемое за действительное.¹¹

По И. Э. Грабарю, рассматриваемые описания принадлежат не кому-либо состоявшему на русской службе, а «немецким путешественникам, посетившим новую столицу в 1711 и 1717 годах».¹² Исследователь убежден, что «книги писали два разных лица и второй автор мог лишь использовать некоторые данные первого».¹³ Справедливо замечание И. Э. Грабаря о латинском написании имени и фамилии Г. Гюйссена — Heinrich Huyssen (или, добавим, — Huyssen), стало быть, его инициалы должны писаться Н. Н., а не Н. Г.¹⁴

С. П. Луппов энергично оспаривает суждение П. Н. Петрова относительно целей описаний и достоверности заключенных в них сведений. Кроме того, по поводу первого он отмечает: «Несмотря на то что текст документа составлен на немецком языке, есть основание полагать, что в основу его положен русский оригинал»,¹⁵ не раскрывая, впрочем, мотивов такого предположения. Скорее всего, эта фраза —

отголосок мнения П. П. Барсова, издавшего в русском переводе первую часть труда Ф.-Х. Вебера и заметившего в предисловии, что помещенное ганноверским резидентом описание Петербурга составлено им самим «(по-видимому) по русскому же сочинению, вышедшему в России в 1716 году».¹⁶

В предисловии к русской публикации второго описания С. П. Луппов обращает внимание на значительное его сходство с описанием, помещенным Ф.-Х. Вебером в «Преображенной России». Это обстоятельство навело Е. Э. Либталь и С. П. Луппова на предположение о том, что автором описания 1718 г. также был ганноверский дипломат, а «мысль о составлении такого труда, по-видимому, была навеяна знакомством Вебера с описанием Петербурга 1710—1711 годов...; которому он во многом подражал (отсюда и внешнее сходство)».¹⁷

Мы не имеем здесь в виду полного разбора высказанных исследователями точек зрения; сколько-нибудь развернутой аргументации они не привели. Уже ясно, что нет окончательного ответа на вопросы о том, кто был автором (авторами) описаний; нет единого мнения, идет ли речь о немецком путешественнике или о человеке, состоявшем на русской службе. Равным образом остаются не вполне определенными цели составления описаний, которым суждено было сыграть выдающуюся роль в раскрытии образа Петербурга на первых этапах его развития. Между тем ответы на эти и другие вытекающие из предложенного краткого обзора вопросы имеют существенное историко-ведческое значение.

Немецкий экономист Пауль Якоб Марпергер (1656—1730), автор многочисленных трудов о торговле и промышленности, во втором издании своей содержательной книги «Московитский купец»¹⁸ предложил подробное географическое, экономическое и политическое описание Русского государства. Неизвестно достоверно, был ли П. Я. Марпергер сам когда-нибудь в России, но видно, что при составлении своего труда он широко пользовался рядом современных сочинений. «Московитский купец» содержит, в частности, обширные заимствования из «Преображенной России» (без указаний на источник). П. Я. Марпергер поместил на страницах труда рассказ о пригородах Петербурга и автором приведенного сообщения назвал «прилежного и много путешествовавшего господина Геркенса, дающего нам следующее известие в своем подлинном описании города С.-Петербурга, гл. IX».¹⁹ Но, как легко видеть, заимствованному у Геркенса тексту соответствует глава IX анонимного описания 1718 г.²⁰ В другом месте, где речь идет об основании и строительстве Петербурга и об обороне о. Котлин (Ретусаари) от шведов, П. Я. Марпергер вновь вставляет пространное заимствование оттуда и потом отмечает: «Дальнейшие подробности об этой новозаложенной столице см. в ее подлинном описании господина Геркенса».²¹ Того же происхождения обстоятельная характеристика Петра на страницах «Московитского купца»; на этот раз Геркенс не назван, но все-таки упомянуто, что приводимые сведения вышли из-под «одного непредвзятого пера».²²

Займствованные П. Я. Марпергером места есть и в сочинении Ф.-Х. Вебера, однако сопоставление всех трех текстов убеждает в том,

что П. Я. Марпергер следовал именно изданию 1718 г., а соответствующие абзацы в книге ганноверского дипломата имеют ряд отличий, порой существенных. П. Я. Марпергер, превосходно знавший «Преображенную Россию», уверенно считал издание 1718 г. первоисточником и отдавал ему предпочтение.

Уместно привести здесь абзац, начинающий последний раздел «Преображенной России», — «Приложение о городе Петербурге и относящихся к этому замечаниях»: «При подготовке изложенного труда не предполагалось составлять систематического описания Петербурга. Но поскольку было сочтено, что опубликованное изображение этого города показывает его состояние лишь по 1716 г., с какого времени до 1720 г. в нем произошли изменения настолько существенные, что, учитывая немногие годы, употребленные на его строительство, он теперь может быть расценен как чудо света, то по настоятельной просьбе было решено присовокупить еще следующее известие, в основу которого положен вышеупомянутый трактат».²³

Эти слова, отсутствующие в русском переводе П. П. Барсова, ясно свидетельствуют, что дипломат не считал себя автором описания 1718 г., а включил его (с изменениями и дополнениями) в книгу, следуя чьим-то просьбам (вероятно, издателя, осведомленного о живом и неудовлетворенном интересе читающей публики к Петербургу). Этого не заметил П. П. Барсов, написавший: «Наконец, в заключение Вебер приводит свои собственные описания: личности царя Петра I и острова Ретусари».²⁴

Таким образом, автором немецкого описания, анонимно изданного в 1718 г. во Франкфурте и Лейпциге и опубликованного на русском языке Е. Э. Либталь и С. П. Лупповым в 1975 г., является некий бывалый путешественник по фамилии Геркенс.

Из содержания обоих описаний можно извлечь некоторые сведения об их авторах.

Автор первого описания находился в русском лагере в 1710 г. при осаде Риги,²⁵ сдавшейся, как известно, 4 июля. Оттуда он, вероятно, и отправился в Петербург, так как «сам в сентябре 1710 года видел, как, желая доставить удовольствие покойному [ныне] герцогу Курляндскому, весь флот провел настоящую морскую баталию».²⁶ Похоже, это было его первое появление на берегах Невы, ибо о более ранних петербургских событиях он повествует с чужих слов. О строительстве земляной Петропавловской крепости и Кронверка: «как мне достоверно сообщили», «как я слышал»;²⁷ о строительстве Кроншлота: «как мне рассказывали».²⁸ Петербургским жителем автор описания себя не считал — он однажды обмолвился: «Я наряду со многими другими иностранцами и приезжими наблюдал. . .».²⁹ Кроме того, как мы знаем с его слов, он помимо России бывал в Германии, Голландии и Брабанте и других странах,³⁰ значит, немало попутешествовал.

Попытаемся теперь определить, был ли автор «Точного известия. . .» на русской службе или же в нем надо видеть заезжего путешественника. Косвенным, но чрезвычайно сильным доводом в пользу первого предположения считаем то обстоятельство, что на страницах описания нигде не упомянута Екатерина Алексеевна; автор упорно

молчит и о ее с царем дочерях — Анне (родилась в 1708 г.) и Елизавете (родилась в 1709 г.)

В описании пропущены сад и летний дворец Екатерины. Маловероятно, чтобы независимый наблюдатель удержался от соблазна поведать западноевропейским читателям о личной жизни русского монарха (особенно если учесть ее скандальный оттенок). Не странно ли, что ни в характеристике Петра, ни в описаниях придворных празднеств нет ни единого намека на присутствие Екатерины (а она в них неизменно участвовала). Датский посланник Ю. Юль, к примеру, мог себе позволить свободно называть Екатерину на страницах дневника «царской любовницей» и даже «наложницей».³¹

Разгадка кажется простой: автор «Точного известия...» покинул Петербург зимой 1711 г., а несколько позже произошло событие, о котором в «юрнале» записано: «Против 7-го дня [марта] в ночи его царское величество с Москвы путь свой изволил воспрять. Того же дня дан ему чин полного генерала, и протчее окончалось некоторое дело».³² В другом «юрнале» глухой намек раскрыт: «В то же самое время (т. е. «против 7-го дня в ночи». — Ю. Б.) публично объявлено всем о государыне царице Екатерине Алексеевне, что она есть истинная государыня».³³

Петр с Екатериной в тот день отправился в Прутский поход. Свадьба же состоялась по возвращении из него, 19 февраля 1712 г., причем «юрналы» сообщают, что венчание произошло именно тогда — в церкви Исаакия Далматского.³⁴ Вопрос о том, когда же все-таки царь обвенчался с Екатериной, по-прежнему далеко не ясен.³⁵ В любом случае автор «Точного известия...», покинувший Петербург до начала марта 1711 г., ничего не успел узнать об изменении в общественном положении Екатерины Алексеевны, и одно это наводит на мысль об официальном происхождении составленного им сочинения.

Спустя несколько лет Геркенс уже, разумеется, не обходит вниманием царицу: «На противоположной стороне рукава маленькой реки находится царицын сад, летний дом».³⁶ Ниже он вспоминает о «царицыном саде и увеселительном доме в Екатерингофе».³⁷

В этой связи обращает на себя внимание однажды оброненная П. Я. Марпергером фраза: «Он (царь. — Ю. Б.) начал делать свою новую столицу популярной в просвещенном мире».³⁸ Мы расцениваем приведенные слова как прозрачный намек на происхождение одного или обоих немецких описаний Петербурга. Вероятно, экономист располагал сведениями о мотивах, побудивших автора (или авторов) составить такие сочинения.

Относительно описания 1718 г. заметим, что оно содержит целый ряд прямых указаний Геркенса и других бесспорных свидетельств личного пребывания его в Петербурге. Геркенс появился там не позже весны 1713 г.: 1 мая он, как сам сообщил читателям, неоднократно переправлялся через рукава Невы.³⁹ Последние же по времени данные о Петербурге в сочинении относятся, как верно отметили исследователи, к 1717 г.

Затруднительно определить, кто же был этот Геркенс. Не удастся найти сведения о нем в трудах по истории культурных и литературных

русско-немецких связей. Фамилия Геркенс могла тогда варьироваться: Gerkens, Gerike, Geriken, Gericke, Geerken, Geerken. Однако он не только писал по-немецки, но определенно и сам был немцем, что следует из нескольких его сравнений российских реалий исключительно с германскими: «...будет превосходить по высоте все башни Германии. . .»;⁴⁰ «...ни один немецкий плотник с ним не может сравниться. . .»;⁴¹ «...город . . . едва ли уступает любому из германских городов».⁴²

В этой связи напрашивается еще одно соображение. Геркенс, называя дату 1 мая 1713 г., помечает, что она по старому стилю.⁴³ Едва ли это уточнение сделал прибалтийский немец: до 1711 г. шведский календарь опережал русский всего на один день (а к этому времени Швеция лишилась своих прибалтийских провинций). Лютеранская же Германия перешла на григорианский календарь в 1700 г.

В доступных нам справочных изданиях XVIII—XX вв. также не оказалось нужных сведений. Весьма полный «Немецкий биографический индекс» учел дополнительно несколько персоналий с перечисленными вариантами фамилий людей, живших во второй половине XVII—первой половине XVIII в.⁴⁴ Из них вероятными «претендентами» на авторство описания Петербурга можно было бы считать четверых. Это юрист Иоганн Вильгельм Герикен (Johann Wilhelm Gericke), художник Самюэль Теодор Герике (Samuel Theodor Gericke, 1665—1730), юрист Иоганн Бернхард Герике (Johann Bernhard Gericke), врач Фридрих Герике (Friedrich Gericke). Ни один из них не имеет инициалов Н. Г., и едва ли кто-либо из названных лиц окажется искомым автором.

Реальной фигурой является для нас нарвский пастор Симон Дитрих Геркенс (Geerkens, Geerken), автор вышедшей в 1703 г. брошюры «Ученая Нарва. . .».⁴⁵ Однако нужных сведений о нем обнаружить не удалось.⁴⁶

Сопоставление изданий 1713 и 1718 гг. дает следующие результаты. 1) Они оформлены одинаково, их преемственность как бы подчеркнута этим. 2) Из второго описания сняты все имевшиеся в первом указания на личное пребывание автора в Петербурге, но появились новые, относящиеся к более позднему времени. 3) Не звучавшие уже актуально и устаревшие куски текста и целые главы во втором описании отсутствуют. 4) Описания выстроены по одной схеме, но во втором частично изменена последовательность глав, причем видно, что и в первом, и во втором главы выстраивались по степени важности, но с развитием города изменялись представления о сравнительной значимости той или иной его части. Так, рассказ о Котлине и Кроншлоте во втором описании сдвинут в конец, ему посвящена предпоследняя, восьмая глава, после которой идет только глава о загородных дворцах, отсутствующая, естественно, в издании 1713 г., поскольку в 1710—1711 гг. их еще практически не было. Во втором описании выделено в особую главу сообщение о Васильевском острове и постройках на нем. 5) Трудно избавиться от впечатления, что начальные фразы обоих описаний намеренно сформулированы одинаково; в опубликованных переводах они звучат несколько по-разному, но в оригина-

лах: «Любознательным людям (или: читателям. — Ю. Б.) предлагает-ся здесь маленький трактат. . .» — и затем следуют развернутые названия сочинений.⁴⁷ 6) Показательным видится утверждение Геркенса, что прежде о Петербурге не было напечатано обстоятельного описания,⁴⁸ он как бы игнорирует издание 1713 г., но, думаем мы, Геркенс таким образом дает понять, что никто, помимо него самого, не составил подобного сочинения.

Другими словами, Геркенс сделал все от него зависящее, чтобы показать преемственность описаний, он словно бы сопротивлялся (вынужденной?) анонимности и стремился доступными средствами преодолеть ее.

Наконец, начальная буква фамилии Геркенс совпадает со вторым инициалом автора описания 1713 г., и это уже само по себе может служить некоторым основанием для осторожного предположения, что инициал означает ту же фамилию.

Итак, кажется, мы вправе видеть за обоими описаниями одного автора.

«Точное известие. . .» готовилось к печати после отъезда автора из Петербурга — в одном месте он пишет: «Припоминаю еще. . .».⁴⁹ Он уже знает о Прутском походе 1711 г.,⁵⁰ о кончине прусского дипломата Г. И. фон Кейзерлинга,⁵¹ последовавшей 11 декабря 1711 г.,⁵² а также однажды замечает: «В прошедшем 1711 году в названный день я наблюдал церемонии, сопровождавшие это освящение»⁵³ (о водосвятии 6 января).

Наконец, едва ли не самая поздняя временная привязка: «Я . . . случайно прочел напечатанный два года тому назад в Париже маленький труд, в котором под названием „князь Кушимен“ (читай наоборот: Мен-ши-ку, или -ов) и под другими скрытыми именами его (А. Д. Меншикова. — Ю. Б.) жизнь описана уже довольно ясно».⁵⁴ Речь идет об анонимном французском сочинении «Князь Кушимен, история татарская, и Дом Альвар дель Соль, история неаполитанская», вышедшем в 1710 г. трижды.⁵⁵ Стало быть, даже если упомянутая книга оказалась у автора вскоре после выхода, слова эти могли быть написаны не ранее 1712 г.

Весной 1713 г. Геркенс уже (опять) был в Петербурге (возможно, привез с собой только что отпечатанное в Лейпциге описание). Пробыв на берегах Невы до 1717 г., он вновь отправился в Западную Европу и там завершил работу над вторым описанием. О том, что он готовил его вдали от Петербурга, красноречиво свидетельствует фраза в части текста, посвященной Петровским воротам Петропавловской крепости: «Не могу вспомнить, чтобы воротам уже дали название».⁵⁶ Не исключено, что Геркенс ехал из России с определенной целью — издать второе описание, и оно вскоре выходит в свет. Если так, то Геркенс на протяжении ряда лет работал, как и многие другие иностранцы того времени, по заданию русских властей, стремившихся в данном случае познакомить общественность Западной Европы с новой столицей России. Это, кстати, отчасти объясняет и возможность заданной анонимности описаний.

Попутно нельзя не обратить внимания на еще одно обстоятельство. В описании 1713 г. есть специальная глава, посвященная свадьбе герцога Курляндского и царевны Анны (будущей императрицы Анны Ивановны), состоявшейся 31 октября 1710 г.⁵⁷ Она, по словам самого автора, «наилучшее и точнейшее описание, удостоенное чести быть разосланным к королевским, курфюршеским и княжеским дворам».⁵⁸ Любопытно, что под этими словами, заключающими главку, стоят инициалы: J. G. (а не И. Г. и I. G., как в русском переводе А. Ф. Бычкова).⁵⁹ Не потому ли автор поставил здесь инициалы, что реляция, подготовленная по приказу Петра и разосланная по Европе, принадлежит ему же? Попытаемся предположительно объяснить несовпадение инициалов под реляцией и на титуле описания 1713 г.: во втором случае инициал Н. может обозначать слово *Neig*, как, например, английские авторы ставили — правда, редко — первой букву G — *Gentleman*.

В связи с нашей темой требует обсуждения еще один документ — «Краткое описание большого императорского города С.-Петербурга»,⁶⁰ прежде, насколько нам известно, не изучавшийся. Назначение брошюры, изданной анонимно на немецком языке без указания места и года, сформулировано в заключительном абзаце: «Это описание развлечет тех, кто прежде ничего не знал о возникновении и местоположении этого города, чтобы им было тем приятнее получить таким образом некоторые предварительные сведения, наблюдая во всем великолепии представленную сейчас здесь панораму Петербурга, полностью охватывающую город и местность».⁶¹

Основное содержание брошюры (см. русский перевод в приложении 3) сводится к сжатою пересказу описания 1718 г., отдельные абзацы переписаны почти дословно. Однако безымянный автор сообщил и более свежие сведения, показывающие позднейшее состояние города. В местах, где Геркенс говорит о застройке деревянными домами, «Краткое описание» сообщает, что дома были прежде деревянными, а теперь в большинстве своем перестроены в камне.⁶² Имеется несколько развернутых дополнений, например: «...крыши [домов] полностью покрыты железными или медными листами, а купола башен (колоколен. — Ю. Б.) — отчасти золотом, отчасти серебром и в солнечную погоду уже издали выглядят чрезвычайно красиво».⁶³

Впрочем, из текста нельзя извлечь неопровержимых доказательств того, что он был подготовлен человеком, посетившим Петербург. Тем не менее мы вправе говорить о небольшой цепочке немецких описаний Петербурга, составленных в разное время, изданных анонимно и преследовавших одну и ту же цель — знакомить западно-европейского читателя с новой российской столицей в ее развитии.

Однако если имелось в виду показать дальнейший рост города, то третье сочинение плохо выполняет задачу. Возможно, впрочем, что с кончиной Петра этому перестали придавать прежнее значение, либо же текст готовился в спешке.

«Краткое описание» не поддается надежной датировке. Оно составлено в послепетровское время.⁶⁴ Упомянуты наводнения 1715 и 1721

гг.,⁶⁵ но нет ни слова о еще более значительном подъеме воды в Неве осенью 1726 г. Труднообъяснимы конкретные детали одной из новых вставок: «Теперь через нее (Неву. — Ю. Б.) наведены два понтонных моста, по которым можно ездить [в экипажах] и верхом и ходить пешком, но зимой мосты приходится убирать, так как в противном случае их разрушили бы многочисленные плывущие льдины. Один мост, наведенный через самую узкую часть Невы, называется Исаакиевским, другой, находящийся выше по течению и почти вдвое длиннее первого, называется Новым мостом».⁶⁶

Плашкоутный Исаакиевский мост впервые был построен в 1727 г., а затем, после пятилетнего перерыва, — в 1732 г. и впоследствии наводился ежегодно. Первый же плашкоутный мост через всю Неву (Воскресенский), по М. С. Бунину, построили только в 1786 г.⁶⁷ Но с 1779 г. Исаакиевский стали наводить и зимой, как только замерзала река.⁶⁸ А это не вяжется с сообщением автора о том, что на зиму оба моста убирала. Может быть, упоминание о новом мосте через Неву — отголосок какого-то неосуществленного проекта, преждевременно выданного автором за реальное? Случалось, как известно, что на гравюрах изображались задуманные было в Петербурге, но так и не возведенные или возведенные в ином виде постройки.⁶⁹

М. С. Бунин, учтя упоминание Г. И. Тимченко-Рубана о понтонном мосте, наведенном через Неву неподалеку от устья р. Охты еще в 1707 г.,⁷⁰ резонно предположил, что, вероятно, его навели из соображений стратегических и едва ли он мог существовать скольконибудь длительное время. Никаких документальных свидетельств о нем исследователь не нашел.⁷¹

Трудно предположить, чтобы во второй половине XVIII в. ощущалась необходимость знакомить таким образом — при помощи весьма краткого описания — Западную Европу с историей возникновения и развития города на Неве, так как к тому времени были изданы многочисленные сочинения очевидцев, посетивших Петербург и записавших свои порой очень подробные и точные впечатления. К тому же автор второй половины XVIII в., кто бы он ни был, не увидел бы смысла в сплошном пересказе книжки 1718 г., поскольку российская столица за десятилетия претерпела огромные изменения. Как нам представляется, это описание могло быть составлено не ранее 1730-х годов. Автором третьего звена цепочки был, несомненно, иностранец: российский подданный не стал бы последовательно именовать Петра царем (писал бы: «его величество»); в тексте лишь однажды, в самом конце, прозвучал титул, принятый Петром осенью 1721 г.: «...увеселительные дома и сады царя, теперь императора».⁷² Хотя в XVIII в. еще не считалось зазорным заимствовать части чужих текстов без ссылок на источник, в нашем случае сходство слишком разительно. Любой автор не преминул бы, не ограничиваясь несколькими скупыми новыми фактами, внести в описание что-то свое. Стало быть, автором «Краткого описания. . .» вполне может оказаться тот же немец Геркенс. А содержание брошюры позволяет думать, что он необязательно вновь побывал в Петербурге, скорее, внес дополнения, почерпнутые из рассказов других людей или из печатных источников.

Прежде всего надлежит обосновать целесообразность нового перевода «Точного известия. . .» — этого ценнейшего для ранней истории города документа, наиболее известного в нашей литературе по переводу А. Ф. Бычкова.¹

Несмотря на заявление, что «перевод сделан по возможности близкий»,² в ряде случаев предложено довольно свободное переложение, исходя, возможно, из тогдашних представлений о принципах передачи иностранного текста на русский язык. Поэтому в переводе выпали некоторые подробности.

Кроме того, «Точное известие. . .», написанное довольно тяжелым языком, содержит слова и обороты, поставившие переводчика в затруднительное положение, и он либо приблизительно передал их смысл, опираясь скорее на интуицию, либо просто опускал непонятные места.

Особенностью перевода А. Ф. Бычкова надо считать такую последовательно проводимый прием: переводчик, хорошо представлявший себе российские реалии начала XVIII в., переводил порой не то, что написано в источнике, но вкладывал в уста немца привычные для русского названия реалий, заведомо тому неизвестные. Конечно, это облегчает понимание текста для русского читателя, однако одновременно с неизбежностью влияет на восприятие первоисточника.

Встречаются также обыкновенные (вполне понятные) недосмотры и пропуски.

Как отмечалось выше, целиком выпущена глава сочинения под названием «Некоторые редкости, собранные в Москве, Польше и Ингерманландии», содержащая описания русских, а также римских, парфянских, арабских и других монет и предметов.³ В конце предыдущей главы А. Ф. Бычков отметил только в скобках: «Следует за этим на 10-ти страницах реестр найденных в Польше, России и Ингерманландии монет, медалей, колец, пряжек, сосудов и пр., не представляющий для нашего предмета ничего любопытного. В нем, между прочим, упоминается о кладе, найденном в кургане вблизи старой Ладоги и заключавшем в себе монеты: восточные, лифляндские и языческие, а также жертвенные орудия, и об арабской монете, найденной близ Киева».⁴

Стоит между тем пожалеть о том, что этот пространный содержательный каталог оставался не опубликованным на русском языке — ведь он явился результатом неутомимой деятельности первого петербургского археолога В. Толле, важным для истории археологии и нумизматики на заре научной жизни в нашем городе.

А намерение пастора И. А. Паули подарить коллекцию «одной высокой особе»⁵ кажется довольно-таки прозрачным — не имелся ли в виду сам царь?

Кстати, в русском переводе составителем этого каталога ошибочно назван автор «Точного известия. . .»,⁶ на самом деле речь должна идти о В. Толле и И. А. Паули.⁷

Немецкое издание «Точного известия...» — очень большая редкость, доступная ограниченному кругу исследователей. Если учесть также непростой для чтения готический шрифт и тяжелый немецкий язык начала XVIII в., то этот круг должен еще более сузиться. Абсолютное большинство исследователей работало и, надо полагать, будет работать с русским переводом сочинения. Поэтому кажется нелишним, предвидя вопрос о степени доверия к тому или иному переводу, обратить внимание на несколько характерных случаев, когда А. Ф. Бычков передает значения немецких слов, опираясь на бытовавшие названия реалий: die Markt («рынок») — «гостиный двор»;⁸ Völker («народы») — «иногородцы»;⁹ общий термин Schiff («судно») — в зависимости от контекста — «барка» или «гичка»;¹⁰ das Eisen («железо», «железный предмет») — «свонец»¹¹ и т. д., и т. п.

Впервые части «Точного известия...» были опубликованы на русском языке в 1844 г.: Н. В. Калачов поместил на страницах «Отечественных записок» под общим названием «Рассказы иностранца о Петре Великом» свой перевод трех глав — «Суждение иностранца о Петре Великом в 1713 году», «Бракосочетание герцога Курляндского с царевной (впоследствии императрицей) Анной Иоанновной» и «Достопамятная свадьба придворного карла».¹² Первая из них была перепечатана в том же году «Журналом министерства народного просвещения».¹³ Интересно, что Н. В. Калачов намеревался издать и полный перевод описания: «Предоставляя себе в последствии времени познакомиться публику со всей этой книжкой, предлагаем для образца три следующие статьи. . .»,¹⁴ однако замысел остался нереализованным.

Здесь важно отметить одну существенную особенность публикации Н. В. Калачова. Первая фраза «Суждения иностранца. . .» звучит так: «Царствующий ныне государь Петр Алексеевич родился в 1672 году 11 июля от великого князя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны, дочери Кириллы Полуектовича Нарышкина, одного из первых государственных сановников».¹⁵ Однако фраза вовсе отсутствует в оригинале, она взята из другого источника — описания 1718 г., принадлежащего Геркенсу, только исправлена одна ошибка — вместо «великого князя Михаила Алексеевича» написано правильное: «Алексея Михайловича»; ошибка же в дате рождения Петра перекочевала в перевод из текста Геркенса.¹⁶ К. П. Нарышкин назван здесь «одним из первых государственных сановников», вероятно, не без влияния уже Ф.-Х. Вебера,¹⁷ так как у Геркенса это уточнение отсутствует.¹⁸

Несколько ниже встречаем еще вставку, не имеющие отношения к переводимому источнику и заимствованные из описания Геркенса 1718 г. Приведем их.

«На воде же [Петр] до того неустрашим, что когда, например, во время сильной бури другие считают все погибшим, он один вовсе не теряет духа и к стыду лучших моряков берет на себя команду и сам принимается за руль».¹⁹

«Счастлив поистине тот, кто удостоился с ним поговорить или даже иметь частные сношения. Не только за столом, но где бы то ни было обходится он со всяким ласково и очень любит рассуждать о делах

особенно важных, причем обыкновенно дает самые лучшие решения. Его склонность к милосердию простирается до того, что он ко многим преступникам бывает снисходителен, нередко смягчает наказания и даже прощает тех, которые угрожали самому здоровью его высокой особы. Для развлечения он любит иметь при себе шутов, забавляясь их простотою, когда они с величайшей важностью отпускают какую-нибудь пошлую шутку или острят так глупо, что тосударь должен поневоле рассмеяться».²⁰

Таким образом, в выполненном Н. В. Калачовым переводе обнаруживаются три вставки из другого сочинения, никак им не оговоренные, поэтому переводиться переводом нужно осторожно.

Если отвлечься от указанных вставок, сделанных по неизвестным нам мотивам, а также от нескольких пропусков целых фраз и отдельных слов, то перевод Н. В. Калачова в целом надо признать более близким к тексту оригинала, нежели перевод А. Ф. Бычкова.

Укажем еще, что к описанию свадьбы карликов Н. В. Калачов присовокупил фрагмент о кончине карлика-жениха, последовавшей в 1724 г.²¹ Этот фрагмент исследователь перевел с немецкого издания дневника Ф. В. Берхгольца,²² на этот раз сопроводив соответствующей ссылкой на источник.

Ф.-Х. Вебер целиком позаимствовал для своей «Преображенной России» из описания 1713 г. главы о свадьбе карликов и о бракосочетании герцога Курляндского с царевной Анной, поместив их под августом 1719 г. (§ 472, 473) в указанной последовательности.²³ Тексты практически идентичны: дипломат сделал всего несколько незначительных пропусков — и явно намеренных, и случайных. Кроме того, он почти повсюду изменил глагольные времена, упростил синтаксис, словоупотребление, порядок слов, тем самым осовременив некоторые выражения. Прочие внесенные им изменения носят сугубо орфографический характер.

Обе эти главы были переведены П. П. Барсовым в составе первой части «Преображенной России» — уже, стало быть, в третий раз.²⁴

Все три перевода, как показывает сравнение, выполнены независимо друг от друга; порой трудно избавиться от впечатления, что А. Ф. Бычков не был знаком с публикацией Н. В. Калачова, а П. П. Барсову остались неизвестными переводы обоих предшественников. Это, разумеется, весьма и весьма маловероятно,²⁵ однако невозможно иначе объяснить целый ряд неточностей в двух позднейших переводах — неточностей, которых легко избежал Н. В. Калачов.

Попутно отметим, что другое описание этих придворных празднеств предложил еще один очевидец и свадебный гость — Ю. Юль. Возможно, он был знаком с текстом разосланной по западноевропейским дворам реляции о свадьбе герцога Курляндского, однако изображение датским дипломатом и этого, и второго торжества носит, вне всякого сомнения, самостоятельный характер, содержит много новых подробностей и в ряде случаев расхождений со сведениями Н. Г.²⁶

«Точное известие. . .» послужило, далее, одним из основных источников для превосходной работы П. П. Пекарского «Петербургская старина», посвященной городу эпохи Петра I. Исследователь подробно

пересказал большие фрагменты сочинения, не всегда ссылаясь на источник. Практически многочисленные более или менее обширные куски предложенного П. П. Пекарским текста можно квалифицировать как вольный перевод.²⁷ Эта работа вышла в свет в 1860 г., однако видно, что П. П. Пекарский переводил источник независимо от Н. В. Калачова.

Некоторые трудные и неясные места документа все четверо исследователей толкуют по-разному.

И. Э. Грабарь, открывший перечень наиболее важных документальных источников по ранней застройке Петербурга именно немецкими описаниями 1713 и 1718 гг., первым в отечественной литературе привел полные переводы их названий²⁸ и широко пользовался этими сочинениями в своей работе. Не кажется случайным, что он даже не упоминает о дважды изданной публикации А. Ф. Бычкова, приводя цитаты, порой обширные, в собственном переводе.²⁹ Напрашивается предположение, что И. Э. Грабаря не удовлетворил изданный перевод — цитаты переданы им самим на русский язык точнее.

И в заключение разговора о публикациях (полных и частичных) «Точного известия. . .» отметим, что два ярких события при петербургском дворе не остались незамеченными в Западной Европе. Спустя четверть века еще один анонимный немецкий автор пересказал описания обеих свадеб из этого сочинения в сокращенном виде, добавив, однако, и некоторые новые детали, например подробности о фейерверке во время свадьбы герцога Курляндского.³⁰

3

Мы отказались от намерения поместить здесь описание Геркенса 1718 г., сравнительно недавно опубликованное на русском языке. И дело не только в том, что ряд мест в немецком тексте толкуем иначе, нежели Е. Э. Либталь и С. П. Луппов.

Как уже отмечалось, ганноверский резидент в Петербурге Ф.-Х. Вебер приложил это описание к первой части своей «Преображенной России». А учитывая, что оно хронологически доведено только до 1717 г., дипломат дополнил и кое-где изменил текст, и, таким образом, предложенный его читателям вариант отразил город по состоянию приблизительно на 1720 г. Кроме того, как показывает сравнение обоих текстов, Ф.-Х. Вебер выбросил из сочинения Геркенса несколько кусков, а также вписал свои собственные (либо полученные через переписку с петербургскими знакомцами после отъезда из России) наблюдения. Поэтому-то мы сочли целесообразным перевести и опубликовать здесь приложение к «Преображенной России», приобретшее самостоятельную ценность.

Стало быть, уместно задаться вопросом о том, как оба обсуждаемых источника соотносятся друг с другом. Мы ведь видели выше, что дипломат полагал одной из своих задач представить дальнейшее развитие города после 1716—1717 гг.

Но прежде несколько слов о пребывании Ф.-Х. Вебера в Петербурге.¹ Он появился на невских берегах 19 февраля (2 марта)

1714 г. с миссией от ганноверского (брауншвейг-люнебургского) курфюрста Георга I (в августе 1714 г. ставшего одновременно английским королем) и оставался здесь до января 1717 г., когда поехал «за царем в Германию и к концу того же года возвратился снова в Петербург».² Титул резидента дипломат получил от короля не позднее февраля 1718 г.³ Несколько раз он совершал сравнительно непродолжительные поездки в другие российские города — в промежутке между августом и сентябрем 1715 г., потом в августе—сентябре 1718 г. посещал Ревель; месяц в феврале—марте 1716 г. и несколько недель с конца февраля до апреля 1718 г. провел в Москве.⁴ 14 сентября 1719 г. Ф.-Х. Веберу и английскому посланнику при петербургском дворе Дж. Джефферису (Джеффрису) пришло предписание Георга I оставить русскую столицу. 30 сентября они получили паспорта (якобы для путешествия в Данциг) и спустя считанные дни отправились в путь.⁵

Как замечает А. Г. Брикнер, «в некоторых сочинениях говорится, что после кончины Петра Великого Вебер провел еще несколько лет в России. Мы, однако, не находим нигде данных, подтверждающих это показание, которое приводится без ссылки на какие-либо источники».⁶ Не обнаружили сведений об этом и другие исследователи.⁷

Хотя у А. Г. Брикнера были «основания думать, что он (Ф.-Х. Вебер. — Ю. Б.) не отличался особенными дипломатическими способностями»,⁸ но очевидно, что резиденту, личности, без сомнения, незаурядной, мы обязаны фундаментальным трудом о нашей стране, вышедшим тремя частями с общим названием «Преображенная Россия». Среди прочих сведений, позволяющих считать это сочинение одним из лучших, созданных современниками-иностранцами о России эпохи Петра I, в нем имеется очень много ценного для истории раннего Петербурга.

Сосредоточив наше внимание на приложенном к первой части «Преображенной России» описании Петербурга, постараемся выяснить, как оно соотносится с тем, что тремя годами ранее опубликовал Геркенс.

Последовательного сопоставления этих текстов до сих пор не проводилось. С. П. Луппов учел некоторые новые факты Ф.-Х. Вебера относительно развития застройки Петербурга,⁹ однако ими не исчерпываются вставки дипломата, неизменно интересовавшегося личной жизнью города и бытом окрестного населения. В этой связи нужно иметь в виду, что русский перевод описания 1718 г. издан с сокращениями — «выпущены места, не имеющие прямого отношения к Петербургу (природа края, обычаи его населения и т. д.)».¹⁰

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Ф.-Х. Вебер от первого лица переписывает за Геркенсом фразы: «Не могу вспомнить. . .»;¹¹ «. . .название которой я забыл»;¹² «теперь я подхожу к знатнейшей слободе. . .»;¹³ «как я убедился из чертежа. . .»¹⁴ и т. п. еще в нескольких местах. Сохранена даже фраза: «В 1713 году я особенно хорошо наблюдал эту резкую перемену. . .»¹⁵ хотя дипломат, как мы знаем, впервые приехал в Петербург только в начале 1714 г.

Ф.-Х. Вебер может не забыть скорректировать временную привязку: если, по Геркенсу, гавань в Ревеле была заложена «три года тому назад»,¹⁶ то у Ф.-Х. Вебера — «шесть лет тому назад»;¹⁷ но может и забыть: «Однако теперь вот уже три года. . .».¹⁸ В другом месте и у того и у другого автора читаем о сооружении дамбы «год назад».¹⁹ Словом, очень похоже, что дипломат готовил приложение к своему труду в спешке и едва ли не в самом конце 1721 г.: однажды он сообщает о петербургском наводнении, случившемся в ноябре 1721 г.: «Особенно же он (Петербург. — Ю. Б.) в истекшем 1721 году потерпел ущерб во много миллионов рублей».²⁰ Имеются и иные весьма существенные для нас упоминания, из которых следует, что не все вставки дипломата в текст описания Геркенса могут быть основаны на собственных впечатлениях. В одном месте встречаем фразу, начинающуюся со слов: «Теперь из Петербурга пишут. . .»²¹ — ясно, что Ф.-Х. Вебер получал из России свежие новости.

К описанию строившегося Петропавловского собора дипломат добавляет: «На башне (колокольне. — Ю. Б.) висят дорогие куранты, изготовленные по заказу царя в Голландии. Церковь по большей части готова».²² В тексте о Петровских воротах Петропавловской крепости, где речь идет об орле, держащем изображения четырех морей, Ф.-Х. Вебер в скобках заметил: «. . . кроме Черного, уступленного русскими по заключенному с турками в 1710 году²³ миру».²⁴ Мост из крепости на берег Петербургской стороны Геркенс называет «хорошим деревянным»,²⁵ а Ф.-Х. Вебер — «значительным».²⁶

Застройка жилыми домами берегов р. Фонтанки у Геркенса отражена глухо: «Дальше вниз на берегу маленькой реки стоят различные господские дворы. Там все еще строят и улучшают, и со временем застройка распространится дальше».²⁷ У Ф.-Х. Вебера: «Дальше вниз по маленькому рукаву на берегу стоят различные господские дворы, которые целыми днями еще строят и улучшают, и с 1717 года в глубь поля возведено свыше шести тысяч домов».²⁸

Получило развитие место перед садом с Летним дворцом Петра. Геркенс об этом говорит: «Перед садом большой свободный луг, о котором пока нельзя сказать, будет ли на нем что-нибудь в будущем или останется лугом».²⁹ От Ф.-Х. Вебера мы узнаем, что «перед садом находится большой луг, на котором теперь заложен плодовый сад».³⁰ Геркенс сообщает, далее, о стоявшем близ Почтового дома Слоновом дворе, в котором держали слона, подаренного царю персидским шахом. «Иногда слона для его развлечения водят по городу».³¹ В «Преображенной России» учтены происшедшие здесь изменения: «Рядом с Почтовым домом. . . посреди луга стоит здание, в котором прежде находился персидский слон, а теперь помещен голштинский глобус».³²

С. П. Луппов, отмечая, что в «финских шхерах» в 1720 г. на месте деревянной католической церкви строили каменную,³³ без сомнения, опирается на Ф.-Х. Вебера, записавшего: «Далее — католическая церковь. . . тоже деревянный дом, но его теперь перестраивают в камне».³⁴

Зимний дворец Петра, стоявший несколько в глубине от Невы и так, по Геркенсу, что «из него видна большая часть города, крепость, дом князя (А. Д. Меншикова. — Ю. Б.) и, в особенности через рукав реки, открытое море»,³⁵ терял это удобство местоположения, ибо Ф.-Х. Вебер добавляет: «Однако когда устроенная у берега деревянная набережная, как будет сказано ниже, совершенно застроилась домами, то с улицы, где теперь имеет резиденцию царь, новсе нет вида, и поэтому царю на набережной построили другой дом».³⁶

Дипломат далее перерабатывает и дополняет рассказ Геркенса о постройках по левому берегу Невы и Большой Невы, не ограничиваясь сведениями о собственно Петербурге: «На этой набережной теперь уже действительно построено более тридцати больших каменных палат».³⁷

Геркенс, например, сообщает, что неподалеку от Адмиралтейства «три больших каменных дома уже построены, для других заготовлен материал».³⁸ Дипломат говорит уже о возведенных пяти каменных зданиях.³⁹ А на Петербургской стороне, где Геркенс отметил единственный каменный дом (М. П. Гагарина),⁴⁰ Ф.-Х. Вебер обратил внимание на такие дома, принадлежавшие П. П. Шафирову, Г. И. Головкину и «другим господам».⁴¹

В новой типографии, по Геркенсу, книги «будут печататься»,⁴² а по Ф.-Х. Веберу — «печатаются».⁴³ Правда, и здесь автор «Подлинного описания. . .» не вполне точен: первым изданием, отпечатанным в петербургской типографии, стала «Книга Марсова, или воинских дел. . .» (в 1716 г.,⁴⁴ т. е. во время его пребывания в городе).

Более последовательное и полное сопоставление текстов произвести нетрудно, мы здесь от этого отвлечемся. Не станем отмечать и пространные вставки и изменения, осуществленные дипломатом.

Итак, ганноверский дипломат развил описание, созданное Геркенсом. Вставки, непосредственно посвященные росту города, при всей их важности, сравнительно немногочисленны; это и понятно: ведь прошло всего 2—3 года. Но существенными и ценными для ранней истории Петербурга кажутся также дополнения Ф.-Х. Вебера о городском быте, флоре окрестностей города, другие сведения. Сказанное не означает, впрочем, что правомерно было бы вслед за С. П. Лупповым считать предложенный Ф.-Х. Вебером текст самостоятельным оригинальным сочинением. С нашей точки зрения, нет достаточных причин называть его «описанием 1720 г.».¹⁵

Вместе с тем очевидным является факт, что в целом первая часть «Преображенной России» исключительно важна для петербурговедения. Ведь приводимые в ней Ф.-Х. Вебером сведения о городе на Неве далеко не исчерпываются дополнениями к сочинению Геркенса. Первая часть «Преображенной России» насыщена сообщениями о застройке Петербурга, его населении, светской и деловой жизни, быте и т. д., и т. п. Труд ганноверского резидента, лишенный композиционного стержня, представляющий собой свод разрозненных сюжетов и впечатлений, затруднительно отнести к какому-либо определенному жанру. Однако его содержание настолько богато и разнообразно

но, что «Преображенная Россия» по праву оценивается как важнейшее сочинение современника-очевидца о петровской России. Она стала и одним из основных источников знаний о Петербурге для общественности Западной Европы. Издатели быстро это осознали, потому-то первая часть после 1721 г. неоднократно переиздавалась на немецком языке и в переводах на английский и французский. Труд Ф.-Х. Вебера был, без сомнения, гораздо более доступен широкому читателю (при всей условности данного понятия применительно к той эпохе), нежели описание Геркенса. Стало быть, первой части «Преображенной России» не могла не принадлежать важнейшая роль в распространении за рубежом знаний о юной российской столице.

Значительно меньшее внимание общественности привлекли вторая и третья части «Преображенной России». Написанные уже после отъезда автора из России, они посвящены более позднему времени царствования Петра I, Екатерины I и Петра II. Обычно полагают, что эти части основаны не на личных наблюдениях и потому не представляют существенного интереса.⁴⁶

Однако подобное мнение если справедливо, то лишь отчасти. Исследователи как-то прошли мимо обоснованного суждения А. Г. Брикнера: «Нельзя сказать, чтобы второй том сочинения вследствие того обстоятельства, что Вебер после 1719 года не был уже в Петербурге, утратил тот интерес, который имеет первый том. Подробность фактов, характер изложения, достоверность рассказа совершенно одинаковы как в первом, так и во втором томах».⁴⁷

Ф.-Х. Вебер, как видно из текста, работая над продолжением своего труда, явно пользовался записями, сделанными в России и не вошедшими в первую часть. Исследование второй и третьей частей труда — дело будущего. Мы же, имея в виду подступы к «реабилитации» их в глазах историков, приведем только превосходное описание зимнего катания с гор в окрестностях Петербурга с участием ганноверского дипломата. Это описание, помещенное во второй части «Преображенной России», — едва ли не единственный рассказ о популярном развлечении эпохи.

«Находили высокую крутую гору и зимой один ее склон сверху до низу поливали водой, затем забрасывали соломой и до тех пор повторяли это поочередно, пока не образовывался толстый лед. На вершине горы стоял стол, уставленный водкой, с которого катавшиеся получали сначала выпить на дорожку. Вместо санок для спуска использовался тонкий соломенный коврик примерно два локтя длиной и один локоть шириной. На коврик один за другим садились три человека. Первый захватывал ногами передний край коврика, чтобы он не выскользнул. Второй обнимал первого под руками и охватывал ногами его туловище. Третий и последний проделывал то же самое по отношению к сидящему в середине. Когда эти трое были готовы к отъезду, подавался знак подтолкнуть их, и уж тогда от всех троих меркуриев требовалось быть особенно осторожными и все время держать ноги поднятыми вверх, если они не хотели подвергнуться риску споткнуться и искалечиться, ибо, скользя, стрелой летели вниз,

и брюки, если не были прочными, рвались на куски. Как только их толкали сверху, начинали играть литавры и трубы, звук которых сопровождался криками зрителей и самих спускавшихся. И я могу на собственном опыте подтвердить, что когда был всеми остальными принужден также проделать этот спуск и счастливо завершил гонку, я от головокружения почти ничего не слышал и не видел.⁴⁸

4

Между двумя немецкими описаниями, рассмотренными нами вместе по причине их явной взаимосвязи, хронологически располагается одно шведское. Его автор — финляндский швед Ларс Юхан Эренмальм (до возведения в дворянство в 1719 г. — Мальм, 1688—1774).¹

Приехав из родного Выборга в главный город Финляндии Або (финское название — Турку), по всей вероятности, в 1702 г. и поступив весной 1703 г. в Абоскую академию (университет), скорее всего, на юридический факультет, он учился там до 1707 г. По окончании курса Л. Ю. Эренмальм определился на гражданскую службу, а 8 января 1708 г. стал аудитором при артиллерии финляндской армии, которой командовал тогда генерал Г. Любеккер (Либеккер). В том же году Л. Ю. Эренмальм участвовал в крайне неудачном походе на Петербург, затем служил в выборгском гарнизоне и в июне 1710 г., со сдачей шведами крепости, оказался в русском плену. Будучи отправлен осенью в Петербург, он пробыл там до начала 1711 г., после чего его увезли в Москву. В июне 1712 г. швед, выкупившись, по его словам, из плена, вновь прибыл на берега Невы.² С этого момента его следы теряются на довольно продолжительное время; он объявляется в Стокгольме только в 1714 г.³ (вероятно, где-то в России или на территории, ею контролируемой, ожидал возможности выехать в Швецию).

По приезду в шведскую столицу Л. Ю. Эренмальм передал в королевскую Кансли-коллегию объемистую рукопись, посвященную России и составленную в 1712—1714 гг.⁴ Судьба этого автографа неизвестна, но существует еще один авторский экземпляр, который Л. Ю. Эренмальм переслал спустя десятилетия своему другу. Этот экземпляр хранится теперь в Государственном архиве Швеции (Стокгольм); полный список, выполненный рукой Й. Седерельма, есть в Библиотеке Упсальского университета (Швеция).⁵ Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР располагает микрофильмом данного списка;⁶ мы работали с таким же микрофильмом, снятым много позже (в 1980 г.), и на его титульном листе современным нам почерком проставлено название: «Ларс Юхан Эренмальм. Состояние России при Петре I». Как сообщил нам сотрудник Государственного архива Швеции К. Таркиайнен, сверивший стокгольмский и упсальский тексты, расхождения между ними — лишь орфографического характера.⁷

Большая (около 300 убористых страниц) рукопись, писанная готическими буквами на шведском языке, озаглавлена была самим

автором так: «Заметки о нынешней силе и мощи Русского государства — численности населения, плодородии земли, устроенных мануфактурах, торговле, государственных доходах, имеющейся теперь сухопутной и морской милиции и некоторых иных основаниях, указанных в седьмой книге, — составлены в плену в 1710—1713 годах Л. Ю. Мальмом».⁸

Автор принялся за труд о России из сугубо патриотических побуждений: его намерением было занять годы плена с их неизбежным вынужденным бездельем сбором информации об экономике и военных силах России, чтобы впоследствии предоставить шведскому правительству комплекс столь необходимой информации о стране, с которой Швеция находилась в состоянии затяжной войны.⁹

Сочинение состоит из Предисловия и семи глав, названных автором книгами, посвященных разным сторонам российской действительности. Оно является единственным подробным описанием страны на начало 1710-х годов, вышедшим из-под пера современника-западно-европейца. Насыщенная важнейшей и, как показывает сплошная проверка достоверности, почти всегда точной информацией, эта рукопись должна стоять в ряду самых ценных иностранных сочинений о Русском государстве эпохи Петра I. Здесь не место для развернутой характеристики всего обсуждаемого сочинения; мы посвятили ему несколько работ.¹⁰ Кроме того, оно изучено нами в подготовленной к печати специальной монографии.

За последней, седьмой, книгой помещено в качестве приложения «Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями», публикуемое здесь.¹¹

Л. Ю. Эренмальм, готовя рукопись для шведского правительства, уже был знаком с «Точным известием...» и отозвался о нем следующими словами: «Напечатанное в 1713 году описание города Петербурга может быть названо довольно точным, но приведенные там суждения о министрах представляют весьма незначительную ценность».¹²

Это подтверждение надежности важно само по себе как единственное свидетельство заинтересованного современника, тоже побывавшего на берегах Невы в те самые годы. Мнение о невысоких достоинствах характеристик, данных немцем российским деятелям, здесь звучит глухо, но Л. Ю. Эренмальм в основном тексте трактата сам предложил гораздо более развернутые характеристики, которые с большим основанием могут быть названы уникальными, не имеющими себе равных среди прочих подобных современных эпохе изображений (таковы созданные шведом характеристики Петра I, А. Д. Меншикова, Б. П. Шереметева, Ф. М. Апраксина, М. М. Голицына, К. И. Крюйса, Я. В. Брюса и др.). Без сомнения, весьма сдержанная оценка характеристик, помещенных в издании 1713 г., имеет свой резон: ведь мы уже знаем, что анонимный немецкий автор составлял свой труд по заданию русских властей.

Первоначальным намерением шведа было рассказать на страницах трактата о нескольких главных городах России, однако позднее он отказался от такой мысли, и Петербург стал единственным городом,

получившим под пером Л. Ю. Эренмальма систематическое изображение: «Я решил полностью во всех частях описать только Петербург, поскольку местоположение этого города многим неизвестно, а рассказы о нем столь различны, и поэтому он заслуживает быть отмеченным, ибо здесь со временем будет, вероятно, стапель и склад для крупнейшей в России торговли; само описание находится в конце этого трактата».¹³ И еще: «Это место заслуживает . . . наибольшего размышления из-за происшедших там больших изменений, а также тех последствий, которые может повлечь за собой переход его к России».¹⁴

Особо отметим замечательное совпадение: шведский военнопленный первый раз находился в Петербурге одновременно с автором «Точного известия. . .» — тоже с осени 1710 по начало 1711 г. Похоже, что, будучи знаком с «Точным известием. . .», Л. Ю. Эренмальм намеренно избежал многих повторов, но привнес дополнительно ряд деталей и наблюдений, опущенных или упущенных предшественником.

Относительно первого немецкого описания С. П. Луппов справедливо заключил: особенное его значение состоит в том, что оно знакомит с городом в момент завершения первого этапа его строительства (по определению И. Э. Грабаря — «деревянного»);¹⁵ второй этап начался именно в 1710—1711 гг., когда после Полтавского триумфа, позволившего уверенно рассчитывать на благоприятный исход Северной войны и сохранение отвоеванной Ингерманландии (Ижорской земли), приступили к проведению мероприятий по регламентации застройки города.¹⁶ Эта оценка может быть отчасти распространена и на составленное Л. Ю. Эренмальмом описание.

Вполне естественно, что впечатления шведа от юного города на Неве оказались шире рамок собственно описания, приложенного к трактату. На его страницах мы встречаем многочисленные сведения о Петербурге, о находившихся там деятелях, об общественной, культурной жизни и многом другом. Точно так же дело обстоит с «Преображенной Россией» Ф.-Х. Вебера, где сведения о Петербурге далеко не исчерпываются приведенными в заимствованном (в основных частях) у Геркенса описании. Однако при всей бесспорной ценности таких сведений, там и сям рассыпанных по немецкому и шведскому сочинениям, ознакомление с ними не предусмотрено задачей настоящей книги.

В Швеции Л. Ю. Эренмальм едва ли не сразу поступил на гражданскую службу — стал личным секретарем президента Кансликоллегии Арвида Горна (Хорна, Хурна). Биографы Л. Ю. Эренмальма не без основания полагают, что предоставлению этой должности совсем еще молодому человеку немало способствовала посвященная России рукопись — ведь шведские правящие круги остро нуждались в достоверной систематической информации о Русском государстве, а добыть ее было весьма затруднительно. В конце 1719 г. наш автор был возведен в дворянское достоинство, с которым и получил фамилию Эренмальм (можно думать, что эта высокая честь была оказана тоже не без связи с огромным и небезопасным тру-

дом, вложенным в трактат о России). Род Л. Ю. Эренмальма стал № 1759 в «доме дворянского сословия» Шведского королевства.

Затем Л. Ю. Эренмальм длительное время энергично занимался общественной и государственной деятельностью, постепенно поднимаясь по служебной лестнице, пока наконец 22 января 1747 г. не был назначен на очень высокий пост ландсхёвдинга (губернатора) лена (губернии) Або—Бьернеборг. Правда, спустя считанные месяцы он по политическим мотивам подал в отставку, затем прожил на покое еще почти три десятка лет и скончался в Або 21 сентября 1774 г. Это был разносторонне образованный человек, обладавший незаурядными способностями, к тому же истинный патриот, не жалевший сил для блага родной страны. По мнению М. Г. Шюбергсона, Л. Ю. Эренмальма «следует расценивать как одного из наиболее достойных памяти людей [в Финляндии] прошлого столетия».¹⁷

5

Широко известно польское сочинение о Петербурге и пригородах, составленное в 1720 г. и не подписанное автором. Хранящаяся в Польше, в Библиотеке Оссолинских, рукопись имеет заголовок: «Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем [польского посольства] в 1720 г.». Эти сведения привел В. Кентшинский (Кентржинский), издавший документ на языке оригинала.¹ Вскоре С. Л. Пташицкий опубликовал русский перевод.²

Петербурговеды на протяжении столетия широко пользуются фактами, приводимыми в этом ценном документе, однако до сих пор в литературе не предпринималось попыток изучения его в целом как источника начиная с истории возникновения.

Вместе с тем ощущается настоятельная необходимость коротко осветить сложившуюся историографическую ситуацию в связи с вопросами о его происхождении и авторстве.

О целях посольства мазовецкого воеводы Станислава Хоментовского (1673—1728)³ и его деятельности в Петербурге сообщают В. Кентшинский,⁴ С. Л. Пташицкий⁵ и гораздо более подробно — А. Прохаска,⁶ поместивший в выдержках, извлечениях и переложении целый ряд содержательных дипломатических донесений посла королю;⁷ они тоже пока не привлекали внимания советских петроведов. Сведения о посольстве имеются, кроме того, в работах М. Вилька⁸ и Л. Базылова.⁹

Посольство, отправленное в Петербург для переговоров по вопросу о Курляндии и некоторым другим, находилось в русской столице с 5 марта¹⁰ до конца июля 1720 г. (по григорианскому календарю).

Как неопровержимо следует из текста, «Краткое описание...» было составлено человеком, находившимся в составе посольства. Единодушно осознавая значимость описания Петербурга 1720 г., названные польские историки задавались вопросом о его авторстве.

Уже В. Кентшинский предположил, что, возможно, автором является секретарь посольства Михал Пузына (ум. в 1723 г.), придворный писатель великого князя литовского.¹¹ Основанием явилось

письмо М. Пузыны королю из Петербурга от 8 марта 1720 г. о приеме и первых днях пребывания посольства в российской столице. Этот документ был обнаружен и опубликован С. Барончем.¹² Правда, В. Кентшинскому не удалось найти ни этого документа, ни другого автографа М. Пузыны, поскольку в то время обследование интересующего его корпуса документов далеко не было завершено.¹³ Поэтому справедливо звучит возражение С. Л. Пташицкого: «Из рассмотрения записок нельзя ничего заключить об имени автора их и едва ли можно делать какие бы то ни было предположения, как это делает г. Кентржинский».¹⁴

Тем не менее и позднейшие польские исследователи упоминают в этой связи М. Пузыну. Так, А. Прохаска повторяет: «Возможно, автором этого „Описания“ ... был писатель вел. кн. Литовского Пузына».¹⁵ Это предположение как уже вполне устоявшееся перекочевало затем в работы М. Вилька¹⁶ и Л. Базылова.¹⁷ Только в самое последнее время прозвучало твердое мнение польской исследовательницы о недостаточной обоснованности предположения, поддержанного несколькими историками и с течением времени приобретшего популярность. Э. Шклярска написала: «В исторической литературе именно Пузыне приписывается анонимное описание Петербурга от 1720 г., однако из некоторых формулировок текста ясно следует, что секретарь посольства не мог быть его автором».¹⁸

В самом деле, текст содержит прямые указания на то, что автором описания был не секретарь посольства: «Его царская милость, взяв в свою шляпку господина посла и господина секретаря, отправился в другое место, где выстроен Кронштадт»¹⁹ (имеется в виду крепость Кроншлот. — Ю. Б.), в то время как рассказ автор ведет от первого лица и все остальные участники посольства последовали за царем, послом и секретарем гораздо позже: «Назавтра мы отправились с приданными нам офицерами к зданию, где живет комендант, а оттуда по плотинам — кругом в Кронштадт».²⁰ В другом месте: «...его милость господин посол двинулся с бригадир-майором, а наш господин секретарь сам держал в руке царскую грамоту».²¹

Правда, в рассказе о прощальной аудиенции посла у царя встречаем фразу, из которой можно было бы заключить, что секретарь в посольстве был не один: «Таким образом, посол, затем секретари и все целовали его (Петра. — Ю. Б.) руку»,²² но это опечатка, допущенная в русском переводе, ибо в оригинале слово «секретарь» стоит в единственном числе.²³

Итак, вопрос об авторстве описания Петербурга 1720 г. остается открытым.

Отметим также, что и на польском, и на русском языках документ опубликован не полностью. Сокращено описание экспонатов Кунсткамеры,²⁴ опущены «Царский укор союзным войскам, или известная сказочка о журавле, который вывел своих детей в жизнь»²⁵ и фрагмент о Черном море, по словам В. Кентшинского, «написанный столь неясно, что его пришлось опустить».²⁶

Автограф рукописи может заметно отличаться от опубликованного текста. Как сообщил В. Кентшинский, «сам дневник писан очень

небрежно; видно, что автор использовал для своих заметок краткие свободные минуты. И поэтому мы не могли привести его здесь в первоначальном виде, но, стремясь сделать сколько-нибудь удобочитаемым, должны были переработать едва ли не каждую фразу».²⁷ Однако В. Кентшинский не был специалистом по истории раннего Петербурга и нет полной уверенности в том, что рукопись, написанную тяжелым, невнятным языком, ему удалось подготовить к печати без ущерба для ее смысла, передать все нюансы впечатлений наблюдателя. Отсюда со всей очевидностью следует, что изучение этого ценного источника при первой возможности нужно продолжить по автографу, сопоставляя его с опубликованным на польском языке текстом и затем с русским переводом. Здесь нельзя ограничиться микрофильмом автографа; его исследование предполагает тщательное ознакомление с фондом посольства Ст. Хоментовского. Кстати, на этом пути лежит и решение вопроса об авторстве описания. Документация посольства хранится в варшавском Главном архиве древних актов.²⁸

В связи с посольством Ст. Хоментовского в поле зрения попадает еще одна фигура — копаницкий староста Франчишек Пониньский, посетивший Петербург по решению сейма 1718 г. для урегулирования политических вопросов с Петром и оставивший письма из российской столицы в Польшу; они также хранятся в «Собрании бумаг, относящихся к посольству Станислава Хоментовского».²⁹

Наконец, задержим внимание на выполненном С. Л. Пташицким по польскому изданию переводе. Один из ценнейших, наиболее содержательных документов по ранней истории Петербурга уже свыше столетия используется решительно всеми исследователями эпохи. Заключение в нем уникальные сведения проливают свет на многие детали, отсутствующие в других документах. Между тем, насколько нам известно, никто не сличал перевода с оригиналом, хотя знакомство с обоими текстами убеждает в желательности такой работы. Перевод содержит некоторые несоответствия польскому тексту, прежде всего пропуски и смысловые неточности, способные ввести в заблуждение исследователей. Однако подчеркнем, что С. Л. Пташицкий не пытался преодолеть шероховатости, языковые неловкости анонимного автора. Мы поступаем так же, ибо только так можно приблизиться к оптимально точной передаче смысла.

6

Следующим помещаем рассказ о петербургской жизни, принадлежащий шотландцу Питеру Генри Брюсу (1692—1757).¹ Родственник видных деятелей петровской эпохи Я. В. и Р. В. Брюсов и профессиональный военный, он был принят на русскую службу в 1710 г. и со следующего по 1724 г. находился здесь в чине артиллерийского капитана.

Свою долгую и богатую событиями жизнь П. Г. Брюс описал в воспоминаниях, охватывающих время с 1704 по 1745 г.; в 1782 г. их опубликовала его вдова на английском языке под названием

«Мемуары Питера Генри Брюса, эск[вайра], офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащие известие о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии...».² Спустя два года увидел свет немецкий перевод с этого издания.³ Интересно, что П. Г. Брюс, родившийся в Вестфалии и служивший в прусской армии, считал родным языком немецкий, на нем вел свои записки и только в 1755 г., на склоне лет, перевел их на английский.⁴

Российскую часть мемуаров использовал для «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялов, нашедший в них ряд неточностей. Однако вместе с тем исследователь относил шотландца к «наиболее замечательным» «иноземцам, служившим в России и писавшим о Петре Великом по возвращении в отечество».⁵ Скорее всего, прав автор восьмого выпуска «Библиографических отрывков», так объяснивший природу допущенных П. Г. Брюсом промахов: «... первоначальные его заметки были описываемы, вероятно, вкратце, а впоследствии, при переводе их, сведённые в одно целое и изложении событий в большей подробности, легко могла ему изменить память».⁶ Добавим, что стремление к «большей подробности» побудило шотландца и произвести некоторые заимствования из труда современника Ф.-Х. Вебера; мы учтем это в комментарии.

П. Г. Брюс, оставивший пространные и содержательные воспоминания о своем пребывании в России, много места уделил описаниям городов, быта и нравов населения, перипетиям службы, в том числе Персидского (1722—1723 гг.) похода, предложил развернутые характеристики видных российских деятелей, сцены из придворной жизни и многое другое.

На невских берегах он впервые появился весной 1714 г. и прожил здесь, по-видимому, два года: 25 марта 1716 г. он, по собственным словам, отправился с армией в Западную Европу.⁷ Пробыв за пределами России полтора года, в октябре 1717 г. шотландец вернулся в Петербург⁸ и, насколько можно судить, надолго не отлучался из города до самого конца 1721 г., когда был вызван в Москву.⁹ Оттуда совершил путешествие на юг — в Персидский поход и вернулся в старую российскую столицу в феврале 1724 г.¹⁰ Спустя три месяца П. Г. Брюс выехал из Москвы вслед за царем, направлявшимся в Петербург,¹¹ однако из Новгорода повернул на Ригу, а там сел на судно и 17 августа 1724 г. достиг Шотландии.¹²

Публикуемая в настоящем издании часть мемуаров датирована автором 1714—1716 гг., но текст содержит и сведения, заставляющие внимательно разобраться в хронологических рамках запечатленной шотландцем информации о Петербурге и его жизни. Наблюдения, необходимые для временных привязок, мы сделали в комментарии к переводу. Устанавливается между прочим, что самые поздние сведения о городе на Неве у П. Г. Брюса относятся ко времени не ранее осени 1723 г. Значит, кое-какие (единичные) факты были получены из вторых рук.

Указанное обстоятельство побудило нас поместить текст шотландского офицера между двумя польскими — 1720 и 1726 гг.

Основное содержание рассматриваемого текста не относится к топографии и общему облику города. Гораздо более в нем привлекают живые и явно оригинальные картины петербургского быта, взаимоотношений между людьми, оказавшимися в поле зрения и интересов любознательного иноземца. Наш вывод относительно достоинств этого источника состоит в том, что П. Г. Брюс оставил интересный и содержательный документ, имеющий значение для дальнейшего изучения истории раннего Петербурга. Помещенные в «Мемуарах» сведения вполне достоверны. Труд был опубликован спустя почти 60 лет, и следовало считаться с возможностью более поздних вставок, основанных на вторичных источниках. Однако таких мы не обнаружили вовсе (исключая, разумеется, упоминания о некоторых событиях, случившихся в России после отъезда из нее автора; они свидетельствуют о неутраченном интересе шотландца к стране, где он провел 13 лет жизни). При условии внимательного отношения к датировке того или иного наблюдения мемуариста в пределах десятилетия изложенные им сведения вполне надежны и могут быть полезны исследователям.¹³

7

Два последних публикуемых здесь текста относятся к 1726 г. Малоизвестным остается сочинение анонимного польского автора из свиты старосты Бобруйского Яна-Казимира Сапеги, в самом начале весны прибывшего в российскую столицу. Брошюра под названием «Диариуш пути из Вильно в Петербург и пребывания в нем с[го] с[ветлейшей] милости господина Сапеги, старосты Бобруйского, а теперь фельдмаршала российских войск» издана без указания места и года.¹ «Диариуш» (журнал, дневник) написан на польском языке: стиль безымянного сочинителя чрезвычайно тяжел и неловок. Текст, кроме того, пестрит латинскими словами и оборотами. (Мы не сочли целесообразным оставлять их в русском переводе, ибо они употребляются вполне случайно, скорее как дань традиции).

Я.-К. Сапега был приверженцем Станислава Лещинского, посаженного в ходе Северной войны на польский трон вместо Августа II Сильного шведским королем Карлом XII. После Полтавской битвы 27 июня 1709 г. Я.-К. Сапега был прощен вновь обретшим корону Августом и перешел на его сторону. Однако в скором времени политические ветры как будто стали меняться и обладавший чутким нюхом Я.-К. Сапега вновь затеял масштабные интриги против Августа. Предполагают, что староста Бобруйский имел собственные виды на польский престол. Уже в 1720 г. он отправил надежного человека в Петербург к А. Д. Меншикову с письмом, в котором речь шла о возможном браке старшей дочери светлейшего князя Марии с сыном Я.-К. Сапеги Петром. А. Д. Меншиков, претендовавший в ту пору на титул герцога Курляндского, оценил перспективы такого альянса и положительно отнесся к предложению поляка (Курляндия была в ленной зависимости от Польши). Главной целью визита 1726 г. и стала помолвка Петра Сапеги с Марией.²

«Диариуш», подробно повествующий о путешествии поляков в Петербург и времяпрепровождении в нем, не содержит систематического описания города. Этот документ захватывающе интересен сценами из жизни высшего петербургского общества. На протяжении месяца — со 2 марта по 3 апреля (по григорианскому календарю)³ — сплошной чередой шли обеды, приемы, празднества. В промежутках между ними высокие польские гости осматривали достопримечательности Петербурга и окрестностей, и оставшийся безымянным автор подарил нам записи своих впечатлений, порой уникальных. Несмотря на редкостную языковую небрежность автора и явную спешку издателей, публикуемый текст — превосходный источник по истории раннего Петербурга, изобилующий ценными подробностями.

Заметим еще, что свадьба П. Сапеги с Марией Меншиковой была отложена, да так и не состоялась; светлейший князь с кончиной императрицы Екатерины (6 мая 1727 г.) задумал породниться с юным Петром II, увенчанным короной Российской империи. Однако этот брак тоже не осуществился.⁴

К 1726 г., когда француз Обри де ла Мотрэ (де Ламотрэ, 1674—1743)⁵ приехал в Петербург, за плечами у него были тридцатилетние странствия. Покинув Париж в 1696 г., он значительную часть своей жизни провел в пути, посетив большинство европейских государств и некоторые страны Северной Африки и Азии.

В 1723 г. в Лондоне на английском языке были изданы два его фолианта «Путешествий по Европе, Азии и части Африки».⁶ Спустя 4 года труд увидел свет на французском, напечатанный книгоиздателями Гааги.⁷

Между тем О. де ла Мотрэ продолжал свои странствия. Новая книга, написанная сразу на двух языках и опубликованная в 1732 г. с параллельными текстами в две колонки, получила название: «Путешествие на английском и французском О. де ла Мотрэ по различным провинциям и местностям герцогской и королевской Пруссии, России, Польши и т. д. . .».⁸ России посвящена третья глава: «Путешествие из Риги к Ладожскому озеру, оттуда в Петербург; с географическими, историческими и политическими сведениями о стране и городах и т. д., о главных деяниях и жизни императора Петра I и покойной императрицы Екатерины, с известием о возвышении и падении Александра Меншикова и т. д.».⁹

Француз проехал через Пруссию, Ригу, Псков, Новгород и далее вниз по Волхову в Ладогу. Осмотрев строившийся Ладожский канал и крепость Шлиссельбург в истоке Невы, он по ней направился в Петербург, куда прибыл в конце сентября 1726 г., чтобы посвятить месяц знакомству с новой российской столицей.

Рассказ о Петербурге в труде О. де ла Мотрэ занимает полсотни чрезвычайно содержательных страниц.¹⁰ Путешественник предложил систематический обзор города и окрестностей, причем существенной особенностью этого описания стало пристальное внимание к деталям. Автор то и дело выходил из кареты, чтобы скрупулезно измерить шагами длину и ширину улиц, прикинуть размеры каналов и мостов. Он не пожалел места на изложение сведений о застрой-

ке улиц и площадей, о назначении тех или иных примечательных зданий. Превосходны записи француза о городском обществе, быте и нравах петербуржцев — от придворной знати до монахов. Изложены и события, очевидцем которых автор быть не мог, а узнал о них из бесед со своими петербургскими знакомыми — дипломатами, учеными, моряками, купцами.

Тридцатилетний опыт наблюдений позволил автору сравнивать петербургские реалии с виденным в других странах и городах (он то и дело ссылается на свой первый труд, уже опубликованный на английском, затем на французском). Немаловажно также, что и покинув Россию, француз продолжал живо ею интересоваться — это следует из некоторых замечаний на страницах книги, изданной спустя 6 лет после посещения Петербурга.

Еще в 1858 г. журнал «Отечественные записки» обращал на этот труд внимание читающей публики.¹¹ Кое-что использовали из него С. П. Луппов,¹² изучавший историю книжных собраний в России, и знаток «Россики» А. Л. Гольдберг.¹³ Однако до сих пор знакомство с уникальным описанием Петербурга почти ограничивается несколькими цитатами в работах названных исследователей.¹⁴

Наш перевод выполнен с английского; однако английский и французский тексты в книге не вполне идентичны; автор, в сущности, создал две версии. Разбор расхождений потребовал бы много места, и мы здесь отвлекаемся от этого вопроса.

О. де ла Мотрэ путешествовал до 1729 г., затем долго жил в Англии и, вернувшись в Париж, в марте 1743 г. скончался в возрасте 69 лет. Упомянем еще одно небольшое, но весьма любопытное его сочинение — «Исторические и критические замечания к „Истории Карла XII“ г-на де Вольтера»,¹⁵ в котором ученый путешественник указал на допущенные великим писателем и философом неточности в изображении событий, связанных с противоборством России и Швеции.

8

Представляется необходимым сообщить здесь также о сочинениях, имеющих прямое отношение к раннему Петербургу, но не вошедших в настоящее издание.

Гораздо более известной фигурой, нежели О. де ла Мотрэ, в нашей научной литературе является другой француз — доктор медицины и ботаник Пьер Дешизо (1687—1730).¹ Наслышанный о «благоклонности, которую оказывал образованным людям» император Петр I, он в 1724 г. предпринял путешествие в Петербург, заручившись позволением короля Людовика XV покинуть Францию на 3 года для изучения флоры России и Персии. Сведения об обстоятельствах пребывания П. Дешизо в России разноречивы; мы будем придерживаться его собственной версии и трактовки событий.

П. Дешизо намеревался в качестве ботаника сопровождать посольство А. И. Румянцева в Персию и Турцию. Однако врачом посольства назначили другого ботаника — будущего академика Петер-

бургской академии наук немца И.-Х. Буксбаума. Француз же лейб-медик Петра I Л. Л. Блументрост предложил разработать проект задуманного для столицы Ботанического сада. Пробыв на берегах Невы 8 месяцев, французский ученый должен был по семейным делам срочно вернуться в Париж. Результатом посещения и одновременно отчетом о деятельности в российской столице явился «Мемуар в пользу изучения естественной истории растений России и основания Ботанического сада в Санкт-Петербурге».² В первой части этого небольшого сочинения, написанной на французском, дана характеристика петербургской научной жизни и обзор экспонатов Кунсткамеры. Вторая часть (на французском и латыни) представляет собой обоснование проекта сада. Его территорию, по замыслу автора, надлежало разделить каналом на два участка, один из которых предназначался бы для демонстрации лекарственных растений в учебных целях, а другой был бы собственно садом. Распределение соответствующих видов по разработанной П. Дешизо схеме и составляет основное содержание «Мемуара», выдержавшего два издания.³

В 1726 г. П. Дешизо повторил попытку определиться на русскую службу: осенью он, опять-таки с позволения короля, появился в Петербурге. Француз обратился к президенту уже созданной и действовавшей Академии наук Л. Л. Блументросту с просьбой принять его на службу ботаником или же — альтернативный вариант — разрешить путешествие по России и Персии с целью ботанических исследований. Однако Академия отказала и в том и в другом. Единственное, на что мог рассчитывать П. Дешизо, — это на ученое путешествие за собственные средства. Такие условия оказались для француза неприемлемыми, и, проведя на этот раз в Петербурге всего пять недель (октябрь—начало ноября), он отправился в обратный путь на родину. Хотя и эта вторая попытка не увенчалась успехом, она не оказалась все же безрезультатной, во всяком случае для читающей публики во Франции. Ибо по приезде в Париж доктор медицины и ботаник не замедлил с изданием (в 1727 г.) второго сочинения, не имеющего уже отношения к его профессиональным интересам, но очень любопытного для современников и теперь для нас. «Отчет» П. Дешизо, озаглавленный «Путешествие в Московию...»,⁴ содержит заметки о дорожных происшествиях и перипетиях, а также описание Петербурга с окрестностями. Автор выступает в этом сочинении внимательным, зорким путешественником, пожелавшим поделиться с соотечественниками впечатлениями от российской столицы, «изложить точно и во всех подробностях» то, что он «там заметил обращающего на себя внимание».⁵

Это сочинение на следующий год было переиздано под измененным (а лучше сказать — уточненным) заголовком: «Описание путешествия в С.-Петербург»,⁶ ибо традиционное, привычное для западноевропейцев название Русского государства автору показалось, вероятно, все же не соответствующим увиденному на невских берегах; облик Петербурга не вязался с укоренившимися представлениями о патриархальной, полуазиатской Московии.

Мы не помещаем здесь текстов П. Дешизо о Петербурге: подготовленные к печати нами совместно с Н. Л. Сухачевым, они будут опубликованы отдельно.

Итак, О. де ла Мотрэ и П. Дешизо стали первыми французами, познакомившими своих соотечественников с молодой российской столицей, выросшей в дельте Невы. На этом можно было бы завершить наше Введение, однако кажется уместным сообщить о петербургских впечатлениях еще одного путешественника, неизданная рукопись которого пока остается для нас недоступной.

18 февраля 1725 г., спустя считанные дни после кончины императора Петра I, в Петербурге появился швед Юхан Йерне (1696—1737). Ему принадлежит дневник (1720—1735 гг.) на французском языке, обнаруженный шведским историком Т. Ю. Арне, который привел несколько характерных извлечений из него в шведском переводе на страницах статьи «Юхан Йерне и москвиты».⁷

При всей сравнительной немногочисленности цитат, посвященных Петербургу, вообще России и русским, они могут представлять для нас некоторый интерес, поскольку отражают довольно необычное, отличное от иных авторов восприятие. Сведения о самом Ю. Йерне мы также заимствуем из упомянутой статьи.

Сын знаменитого врача и ученого Урбана Йерне, Ю. Йерне получил превосходное домашнее воспитание и в 1712 г. поступил в Упсальский университет. По желанию отца занимался горными науками, однако его более привлекала военная служба, и в 1718 г. Ю. Йерне, ставший фенриком гренадеров-гвардейцев, принял участие в походе шведской армии в Норвегию. Там во время осады крепости Фредриксхалл при загадочных обстоятельствах погиб король Карл XII.

Ю. Йерне в феврале следующего года вернулся домой, а с осени 1719 по август 1721 г. совершил длительное путешествие по Германии, Голландии, Англии, Франции, Дании. Его интересовали в особенности архитектура, науки, библиотеки, собрания редкостей. В Лондоне швед был доброжелательно принят президентом Королевского общества Исааком Ньютоном.

Второе путешествие Ю. Йерне, предпринятое с позволения короля Фредрика I и начатое в марте 1724 г., было морским — к берегам Германии, затем через Пиллау, Кенигсберг, Мемель, Поланген, Митаву, Ригу, Дерпт и Нарву в Петербург.

Начатый еще в Париже и охвативший полтора десятилетия дневник Ю. Йерне содержит рассуждения об особенностях национальных характеров немцев, голландцев, французов и др.; Т. Ю. Арне нашел эти заметки «порой довольно забавными». Описаны также города, через которые ехал путешественник, и их жители.⁸

В Петербург романтически настроенный швед направился, по его словам, «чтобы искать там общества и одновременно получить более точные сведения о силе и слабости нашего опасного соседа».⁹

Как пишет о Ю. Йерне шведский исследователь, «в дневнике он предстает вздыхающим, сентиментальным рыцарем, который бродит по разным странам, чтобы заглушить неизлечимую меланхолию и тоску по божественной Шарлотте».¹⁰

Судя по приведенным цитатам, петербургские и вообще российские впечатления Ю. Йерне были окрашены в темные тона. Существенным видится замечание Т. Ю. Арне: «Надо признать, что в своем описании Йерне относился к предмету без особенной симпатии. Он смотрел на русских глазами каролинского офицера, и в нем многое еще жило от презрения Карла XII к восточному соседу, несмотря на собственное предостережение Йерне от недооценки России. Ненависть к врагу, все предающему огню и мечу, лишившему Швецию ее великодержавия, была жива и свежа, и в дневнике Йерне то и дело находят выражение реваншистские настроения. Ему, что совершенно естественно, было трудно понять политические цели Петра Великого; он также не вполне осознал слабость Швеции в отношении как численности населения, природных ресурсов, так и организации. Из односторонних, мягко говоря, представлений Йерне о России и русских впоследствии выросла война 1741 года».¹¹ Поскольку мы пока знаем о Ю. Йерне и его сочинении только от шведского историка, нам нечего добавить к приведенной характеристике.

Вообще, замечает далее Т. Ю. Арне, Петербург «довольно-таки понравился Йерне своими роскошными частными и общественными зданиями и каналами на голландский манер».¹²

Поместим здесь несколько посвященных Петербургу выдержек из дневника Ю. Йерне как образец впечатлений недоброжелательно настроенного очевидца, для которого в Петербурге многое плохо.

О постройках: «... поскольку спешка обычно не приносит успеха, имеются большие ошибки и недостатки, допущенные при слишком поспешном основании города: кирпичи и раствор, из которых построены дома, непригодны, так как постоянно разрушались и размывались дождем; стены скоро треснут и развалятся; сами дома, поставленные на болоте, год от года опускаются все ниже, так что постоянно требуются значительные суммы на их ремонт».¹³ Даже дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове «обширен, но лишен архитектурной красоты, что можно сказать о большинстве домов в Петербурге».¹⁴

Посетив дворец князя, швед оставил нам красочную деталь: «Первого марта герцог Меншиков дал великолепный обед; сам он был блестяще одет: три его ордена и все пуговицы представляли собой бесценные крупные бриллианты, но его мундир из серебряной ткани в это сырое и холодное время года свидетельствует о том, что московские господа при всей своей роскоши еще не научились одеваться лучше, чем при взятии Риги, когда они в волосах и париках укрепили шитые золотом синие и бархатные сумки, какие женщины носят сбоку, и заказали себе жилеты из позолоченной кожи».¹⁵

Ю. Йерне привел краткий перечень достопримечательностей города: «Здесь есть академия, в которой работают немецкие профессора. На улицах имеются фонари, зажигаемые зимой, и даже устроены хорошие караулы, что весьма необходимо ввиду значительной склонности этого народа к воровству. Здесь показывают анатомический кабинет с редкостями, очень большой глобус, слона, льва, черного волка и несколько обезьян».¹⁶

Наконец еще один отрывок: «Крепость посреди города на Заячьем острове, который позднее был назван Петербургским островом, была первым, что предпринял здесь император. Там есть красивая Петропавловская церковь, строительство которой еще не завершено, она украшена высокой колокольной, покрытой позолоченными медными листами. Там погребены дети императора, и его тело лежит на роскошной парадной постели, окруженное китайскими восковыми свечами длиной 12—15 футов и 4—5 футов в окружности. Церковь убрана во флаги, на которых вышиты гербы королевств и провинций, входящих в империю. Там день и ночь читают молитвы за упокой его души; офицеры и солдаты, стоящие там в карауле, одеты в черные плащи и мундиры».¹⁷ Обратим внимание на ошибку в названии острова, на котором стоит крепость, — он по-прежнему назывался и называется Заячьим, в то время как Петербургский — соседний большой остров, где поначалу был центр города.

Неизвестно, был ли Ю. Йерне где-либо еще в России, помимо столицы. Так или иначе он, верный своему правилу, дает пространную обобщенную характеристику русских людей, не жалея при этом черных красок.

Хотя москвиты и исповедуют греческую религию, утверждает Ю. Йерне, но остаются едва ли не варварами; их священники и монахи глупы. Несмотря на все усилия императора Петра гуманизировать подданных и реформировать церковь на лютеранский манер, «а одежду и образ жизни — на французский», «его добрые намерения исполнились лишь в малой степени; все его полезные указы были похоронены вместе с ним».¹⁸ «Хотя до сих пор удача мне сопутствовала достаточно, чтобы не пришлось слишком долго находиться в России, я тем не менее делал все возможное для основательного знакомства с природными наклонностями русских».¹⁹ Далее следует подробное и красочное перечисление всевозможных пороков, которым одинаково подвержены князья и простолюдины, мужчины и женщины. Отсюда однозначный вывод: «Я действительно должен одобрить в этом царстве бесчеловечное самодержавие, обычно столь ненавистное, поскольку этими людьми нельзя управлять иначе, как с крайней суровостью и хуже, чем собаками; свобода и мягкость там — смертельный яд, который мог бы разрушить государство; поэтому, несомненно, сама природа даровала им низменный и рабский нрав».²⁰

Затем автор рассуждает о том, насколько опасным соседом Россия является для Швеции (нечто подобное есть и в рукописи Л. Ю. Эренмальма). «Ибо если русские когда-нибудь станут более человечными и обходительными, достигнут большей разумности и больших знаний, осознают собственную силу и преимущества своей обширной страны, то они, руководимые добрыми офицерами, могут совершить неслыханные деяния, поскольку у них нет недостатка ни в людях, ни в деньгах».²¹ В России неисчислимые богатства, множество крепких и сильных людей, способных переносить любые лишения; солдаты умеют храбро обороняться. «Поэтому, — заключает автор дневника, — имеются чрезвычайно большие основания опасаться, что этот ненавистный и варварский народ однажды достигнет почетного

положения и славы, которых он совершенно недостоин, и заставит сотрясаться прочнейшие троны, если соседние державы сейчас не попытаются извлечь преимущества из его глупости, с тем чтобы сделать его рабом, как и определила природа. Прежде всего следует впредь остерегаться относиться к нему по-прежнему — либо с высокомерным презрением, либо с паническим страхом».²²

Ознакомившись, таким образом, за полтора года с Петербургом и Россией и вполне, как ему представлялось, поняв русский народ, Ю. Йерне в июне 1726 г. вернулся в Стокгольм.²³ В последующие годы он участвовал в заседаниях риксдага как представитель своего рода, занимался его генеалогией, «уходившей в седую древность».²⁴ Летом 1731 г. он был произведен в капитаны Абоского полка, уехал в Финляндию и служил там на протяжении нескольких лет.²⁵

* * *

Необходимо сделать несколько археографических замечаний. В переводах в квадратные скобки заключены слова, отсутствующие в оригиналах, но необходимые для правильного понимания смысла. Тексты сопровождаются более или менее краткими комментариями, их номера обозначены арабскими цифрами. Повторяющиеся в последующих текстах упоминания о тех же событиях, фактах, городской топографии, персоналиях и т. д. не комментируются либо снабжаются кратким пояснением. Подстрочные примечания в переводах, обозначенные звездочкой, принадлежат авторам трудов или издателям на языке оригинала, что в каждом случае особо оговаривается.

Мы глубоко признательны главному библиотекарю Иностранного фонда Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина И. Г. Яковлевой, превосходному знатоку «Россики», на протяжении всех лет работы над этой книгой оказывавшей нам неоценимую помощь и поддержку. Благодарим также за полезные советы и разъяснения доктора Халину Ходурску (Краков), профессора Владислава А. Серчика (Белосток), доктора Петера Гофмана (Берлин), канд. филол. наук А. К. Гаврилова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юль Ю. Записки. — Здесь и далее мы указываем только последние и наиболее полные русские издания иностранных сочинений о России.

² [Weber F.-Ch.]. 1) Das veränderte Russland... [Th. I]. Frankfurt, 1721; 2) Des veränderten Russlandes Zweyter Theil... Hannover, 1739; 3) Des veränderten Russlandes Dritter Theil... Hannover, 1740. — Первые две части посвящены времени правления Петра I, третья — Екатерины I Алексеевны и Петра II. Читательский успех пришелся на первую часть, ее немецкие переиздания вышли во Франкфурте и Лейпциге в 1729, 1739 и 1744 гг. Она вскоре была переведена на английский под названием «Нынешнее состояние России» ([Weber F.-Ch.]. The present state of Russia. London, 1722—1723. Vol. I—2); был также репринт с этого издания (Лондон, 1968). На французском первая часть вышла под названием: «Мемуары, служащие к истории Российской империи в царствование Петра Великого, написанные одним иностранным министром, находившимся при этом дворе» ([Weber F.-Ch.]. Mémoires pour servir à l'histoire de l'empire russe, sous le règne de Pierre le Grand. Par un ministre étranger résident en cette cour. La Haye, 1725). — Там же были еще издания 1729 и 1737 гг. Позднее книга

публиковалась под измененным названием «Новые мемуары о нынешнем состоянии Великой России, или Московии, одного немецкого резидента при этом дворе» (*Weber F.-Ch.*]. *Nouveaux mémoires sur l'état present de la Grande Russie ou Moscovie.* Par un Allemand résident en cette cour. Amsterdam, 1725. Vol. 1—2. То же: Париж, 1725). Неполный русский перевод П. П. Барсова вышел в 1872 г. (*Вебер Ф.-Х.* Записки). Примерно половина дипломатических донесений Ф.-Х. Вебера из России издана немецким историком Э. Германом на языке оригинала (*Peter der Grosse und der Zarewitz Alexei. Vornehmlich nach und aus gesandtschaftlicher Correspondenz Friedr. Christian Weber's / Hrsg. von E. Herrmann.* Leipzig, 1880).

³ *Басевич Г. Ф.* Записки.

⁴ *Берхгольц Ф. В.* Дневник.

⁵ См.: Сб. РИО. Т. 3, 34, 39, 40, 49, 50, 52, 58, 61.

⁶ *Рааб Г.* Вклад Грайфсвальда в изучение России немцами в петровскую эпоху // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 325—326.

1

¹ *Exacte Relation von der von Sr. Czaarschen Majestät Petro Alexiowitz, an dem grossen Newa Strohm und der Ost-See neu erbaueten Vestung und Stadt St. Petersburg, wie auch von dem Castel Cron Schloss und derselben umliegenden Gegend, Ferner Relation von den uhralten russischen Gebrauch der Wasser Weyh und Heiligung, Nebst einigen besondern Anmerkungen auffgezeichnet von H. G. Leipzig, 1713.* [6], 112 S. Русский перевод А. Ф. Бычкова: Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м годах. СПб., 1860; перепечатано (без «Предисловия русских издателей») в журнале «Русская старина» (1882. Т. 36. Октябрь. С. 33—60; ноябрь. С. 293—312). В дальнейшем мы ссылаемся на вторую публикацию как на более доступную (за исключением ссылок на «Предисловие русских издателей»). Перевод неполон, опущена глава: «О некоторых редкостях, собранных в Польше, Москве и Ингерманландии» (с. 55—66), содержащая «Перечень московитских монет» (с. 56—61) и «Римские, парфянские, арабские и другие монеты» (с. 61—66). Кроме того, немецкое издание содержит иллюстрации: изображение верстовых столбов между Нарвой и Петербургом (с. 77, 78); схемы размещения гостей на свадьбе герцога Курляндского и царевны Анны (с. 96) и на известной свадьбе карликов (с. 106).

² *Eigentliche Beschreibung der an der Spitze der Ost-See neuerbaueten russischen Residentz-Stadt St. Petersburg, wo in deren Situation, Anwachs und Auffkommen, und wie so wohl die Stadt, als auch die Vestung, gegenwärtig beschaffen. Imgleichen der neue See-Haven, das Castel Crohn-Schlott, und die gegen über liegenden neu-erbaueten Palatia, nebst einigen besondern und curieuses Anmerkungen auff's genaueste vorgestellt. Hiebey à parte ein specialer und accurater Grund-Riss, woraus ein curieuseer Liebhaber die rechte Idee dieses neuen und importanten Orths sich eigentlich vorstellen kann etc. Franckfurt und Leipzig, 1718.* 104 S., 1 Karte. — Русский перевод (неполный): «Описание... столичного города С.-Петербурга...» / Пер. Е. Э. Либталь; предисл., науч. ред. и комм. С. П. Лупова // *Белые ночи.* Л., 1975. С. 197—247.

³ *Anhang von der Stadt Petersburg und denen dahin gehörigen Anmerkungen // [Weber F.-Ch.]. Das veränderte Russland... [Th. 1]. S. 445—490.*

⁴ Библиографические отрывки: Несколько редких и малоизвестных иноязычных сочинений, относящихся до Петра Великого и его века // *Отеч. записки.* 1856. № 2. Отд. V. С. 371—372; то же: Предисловие русских издателей // *Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м годах.* СПб., 1860. С. VI—VII.

⁵ Библиографические отрывки... С. 373, 374.

⁶ Рассказы иностранца о Петре Великом // *Отеч. записки.* 1844. № 5—6. С. 77.

Примеч.*

⁷ Там же. С. 79. Примеч.*

⁸ *Пекарский П. П.* Петербургская старина. Т. 81. С. 314.

⁹ *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга. С. 2—3.

¹⁰ Там же. Примечания. Паг. 2-я. С. 1.

¹¹ *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга. С. 3—4. — Предположение об авторстве Г. Гюйсена казалось вполне резонным, так как начиная с 1702 г. и длительное время он занимался пропагандой в печати деятельности Петра I, знакомил западноевропейских читателей с достижениями Русского государства, деятельно участвовал в составлении «Истории Свейской войны». Известно довольно много сочинений,

нышедших из-под пера барона, однако исследователи, изучавшие его творчество, не называют хотя бы предположительно среди трудов Г. Гюйсена описания Петербурга. См.: *Пекарский П. П.* 1) Барон Гюйссен, учено-литературный агент русского правительства в начале XVIII столетия // *Отеч. записки.* 1860. № 3. Отд. 1. С. 49—72; 2) Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 90—107; *Шмурло Е. Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1 (XVIII век). СПб., 1912. С. 9, 10—11; наг. 2-я. С. 6—13, 15—16.

¹² *Грабарь И. Э.* Основание и застройка Петербурга. С. 95.

¹³ Там же. С. 96, примеч. 9.

¹⁴ Там же. С. 96, примеч. 8.

¹⁵ *Луннов С. П.* История строительства Петербурга. С. 8—9.

¹⁶ *Вебер Ф.-Х.* Записки. Стб. 1059. — Неясно, что за сочинение имеется здесь в виду. Известные русские сочинения 1720-х годов со сведениями об основании и строительстве Петербурга при Петре I (см. Приложения 1 и 2) не имеют ничего общего с рассматриваемыми описаниями.

¹⁷ «Описание ... столичного города С.-Петербурга...» // *Белые ночи.* Л., 1975. С. 197, 198.

¹⁸ *Marperger P. J.* Moscovitischer Kauffmann, das ist: Ausführliche Beschreibung der Commerciën, welche in Moscau und andern Seiner Czaarischen Majestät Bothmässigkeit unterworfenen Reichen und Provincien... getrieben werden... Lübeck, 1723. — Это издание весьма значительно переработано и дополнено в сравнении с первым, вышедшим там же в 1705 г.; по существу можно говорить о двух разных сочинениях.

¹⁹ *Marperger P. J.* Moscovitischer Kauffmann... S. 33—37.

²⁰ *Eigentliche Beschreibung...* S. 99—104; «Описание ... столичного города...». С. 243—245.

²¹ *Marperger P. J.* Moscovitischer Kauffmann... S. 155—161; ср.: *Eigentliche Beschreibung...* S. 8—14; «Описание ... столичного города...». С. 202—204.

²² *Marperger P. J.* Moscovitischer Kauffmann... S. 120—126.

²³ См. перевод из книги Ф.-Х. Вебера в наст. изд.

²⁴ *Вебер Ф.-Х.* Записки. Стб. 1693, примечание переводчика.

²⁵ См. перевод «Точного известия...» в наст. изд.

²⁶ См. там же.

²⁷ См. там же.

²⁸ См. там же.

²⁹ См. там же.

³⁰ См. там же.

³¹ *Юль Ю.* Записки. С. 135, 258, 192.

³² Походный журнал 1711 года. СПб., 1854. С. 102; см. то же на с. 111.

³³ Там же. С. 4.

³⁴ Походный журнал 1712 года. СПб., 1854. С. 1—7, 53.

³⁵ См. разбор мнений в кн.: П и Б. Т. 12. Вып. 1. Примеч. к № 5093. С. 360—361; *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 67—69.

³⁶ «Описание ... столичного города...». С. 212.

³⁷ Там же. С. 229.

³⁸ *Marperger P. J.* Moscovitischer Kauffmann... S. 142—143.

³⁹ «Описание ... столичного города...». С. 232. — А. Шарымов, опираясь на это упоминание, справедливо отказывает Ф.-Х. Веберу, впервые появившемуся на берегах Невы в феврале 1714 г., в авторстве описания 1718 г. (*Шарымов А.* 1703 год: Историческая повесть с комментариями // *Аврора.* 1983. № 12. С. 106, примеч.**).

⁴⁰ «Описание ... столичного города...». С. 207.

⁴¹ Там же. С. 234.

⁴² Там же. С. 204.

⁴³ *Eigentliche Beschreibung...* S. 67. — Уточнение о старом стиле — *St[i]lo V[eteri]* в переводе Е. Э. Либталь пропущено, см.: «Описание ... столичного города...». С. 232.

⁴⁴ *Deutscher Biographischer Index / Hrsg. von W. Gorzny. — München etc.* 1986. Bd 2, G—K.

⁴⁵ [*Geerkens S. D.*] *Narva literata, sive Catalogus eruditorum Narvensium; Citra Dignitatis aut Honoris praejudicium Alphabetica Cognominum serie enumeratum.* Narvae, 1703, 18 p. — На экземпляре ГПБ (шифр 12.55.14.107) под выходными данными

написано от руки: «Auctor Simon Dietericus Geerkens» с краткой ссылкой на указатель А. А. Шернмана (*Stiernman A. A. Anonymorum centuria prima exscriptoribus gentis Sviogothicae quorum auctores. . . Holmiae, 1724. P. 33*). Маленькое сочинение С. Д. Геркенса было перепечатано в кн.: *Bunge F. G. v., hrsg. Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands. Dorpat, 1845. Bd. 4. S. 167—182.*

⁴⁶ *Struve B. G. Supplementa ad Notitiamrei litterarie et usum bibliothecarum accessit oratio. . . Jenae, 1710. P. 105; Gadebusch F. K. Livländische Bibliothek. Riga, 1777. Th. 1. S. 401; Warmholtz. Bibliotheca historica sueo-gothica. Upsala, 1817. D. 14. S. 52—53; Recke J. F., Napiersky K. E. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten Lexikon der Provinzen Livland, Estland und Kurland. Mitau, 1829. Bd 2. S. 17.*

⁴⁷ «Es wird der curieusen Welt hier ein klein Tractätgen. . . vorgelegt» (*Exacte Relation. . . S. [3]*); «Es wird der curieusen Welt hier ein Tractätgen. . . vorgelegt» (*Eigentliche Beschreibung. . . S. 3—4*).

⁴⁸ «Описание . . . столичного города. . .» С. 202.

⁴⁹ См. перевод «Точного известия. . .» в наст. изд.

⁵⁰ См. там же.

⁵¹ См. там же.

⁵² См.: Георг Иоганн фон-Кейзерлинг, представитель короля прусского при дворе Петра Великого. 1707 // *Рус. старина. 1872. № 6. С. 804.*

⁵³ См. перевод «Точного известия. . .» в наст. изд.

⁵⁴ См. там же.

⁵⁵ *Le Prince Kouchimen, histoire tartare, et Dom Alvar del Sol, histoire napolitane. Paris, 1710; Amsterdam, 1710.*

⁵⁶ «Описание . . . столичного города. . .» С. 232.

⁵⁷ См. перевод «Точного известия. . .» в наст. изд.

⁵⁸ См. там же.

⁵⁹ *Exacte Relation. . . S. 102; Описание Санктпетербурга и Кроншлота. . . С. 308.*

⁶⁰ *Kurze Beschreibung der grossen Kaiserstadt St.-Petersburg. S. I. et a. 14 S.*

⁶¹ См. Приложение 3.

⁶² См. там же.

⁶³ См. там же. — Издалека могли быть видны высокий шпиль колокольни Петропавловского собора, покрытого золочеными листами в 1723 г. (*Канн П. Я. Петропавловская крепость. Л., 1957. С. 56*), и Адмиралтейства, шпиль которого был обит ими в 1735 г. (*Сашонко В. Н. Адмиралтейство. Л., 1982. С. 25*).

⁶⁴ См. Приложение 3.

⁶⁵ См. там же.

⁶⁶ См. там же.

⁶⁷ *Бунин М. С. Мосты Ленинграда. Л., 1986. С. 46, 51.*

⁶⁸ Там же. С. 47.

⁶⁹ А. Ф. Зубов и А. И. Ростовцев «приукрашали натуру и в ряде случаев использовали проекты зданий, не только еще не достроенных, но даже и не начатых» (*Грaбарь И. Э. Основание и застройка Петербурга. С. 101; см. также с. 116*).

⁷⁰ *Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 172—173.*

⁷¹ *Бунин М. С. Мосты Ленинграда. С. 46.*

⁷² См. Приложение 3.

2

¹ В русских публикациях описания А. Ф. Бычков не указан как переводчик и автор примечаний. Сведения об этом имеются в работах: Библиографический список сочинений, переводов и изданий ординарного академика имп. Академии наук А. Ф. Быčkoва (1838—1899) // *Сборник отделения русского языка и словесности. 1901. Т. 68. С. 37; Майков Л. Н. Об ученой деятельности А. Ф. Быčkoва // ЖМНП. 1900. Ч. 327. Январь. С. 28.*

² Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м годах. СПб., 1860. С. V.

³ См. перевод «Точного известия. . .» в наст. изд.

⁴ Описание Санктпетербурга и Кроншлота. . . // *Рус. старина. С. 60.*

⁵ См. перевод «Точного известия. . .» в наст. изд.

⁶ Описание Санктпетербурга и Кроншлота. . . С. 60.

⁷ См. перевод «Точного известия. . .» в наст. изд.

- ⁸ Exacte Relation... S. 13, 14; Описание Санктпетербурга и Кроншлота... С. 41, 42.
- ⁹ Exacte Relation... S. 15; Описание Санктпетербурга и Кроншлота... С. 42.
- ¹⁰ Exacte Relation... S. 36, 73; Описание Санктпетербурга и Кроншлота... С. 52, 295.
- ¹¹ Exacte Relation... S. 46; Описание Санктпетербурга и Кроншлота... С. 56.
- ¹² Рассказы иностранца о Петре Великом // Отеч. записки. 1844. № 5—6. С. 77—78.
- ¹³ Рассказы иностранца о Петре Великом // ЖМНП. 1844. Ч. 44. Отд. VI. С. 12—18.
- ¹⁴ Рассказы иностранца... // Отеч. записки. С. 77, примеч.*
- ¹⁵ Там же. С. 77
- ¹⁶ Там же. С. 78; ср.: «Описание ... столичного города С.-Петербурга...» // Белье ночи. Л., 1975. С. 237.
- ¹⁷ В «Записках...» Ф.-Х. Вебера: «...дочери бывшего тогда первого министра Кирилы Полуехтовича Нарышкина...» (стб. 1694). Дату рождения Петра I дипломат указал верно: 30 мая (10 июня по н. ст.).
- ¹⁸ «Описание ... столичного города...». С. 237.
- ¹⁹ Рассказы иностранца... // Отеч. записки. С. 78; ср.: «Описание ... столичного города...» С. 238.
- ²⁰ Рассказы иностранца... // Отеч. записки. С. 78; ср.: «Описание ... столичного города...». С. 238.
- ²¹ Рассказы иностранца... // Отеч. записки. С. 86—87.
- ²² См. по последнему русскому изданию: *Берхгольц Ф. В.* Дневник. Ч. 4. С. 13—14: «Умерший карло был тот самый, для которого в 1710 году устроена была большая и знаменитая свадьба сорока пар карл и карлиц, собранных по приказанию императора со всего государства», со ссылкой на первую часть «Преображенной России».
- ²³ [Weber F.-Ch.]. Das veränderte Russland... [Th. 1]. S. 385—388, 388—393.
- ²⁴ Вебер Ф.-Х. Записки. Стб. 1682—1690, 1678—1682. — По-русски описание свадьбы карликов в переводе А. Ф. Бычкова публиковалось еще раз — на страницах отклика об отдельном издании перевода (Отеч. записки. 1860. Т. 130. Отд. 3. С. 68—71), а несколько других фрагментов — в «Морском сборнике», также обратившем внимание своих читателей на это издание (1860. № 6. Библиография. С. 8—15).
- ²⁵ Н. В. Калачов и А. Ф. Бычков были добрыми друзьями со студенческих лет (однокурсниками в Московском университете, только учились на разных факультетах) и затем на протяжении десятилетий переписывались, сообщая друг другу о своей научной деятельности. Однако в изданных письмах Н. В. Калачова к А. Ф. Бычкову мы не нашли упоминаний об их работе над переводами немецкого описания Петербурга (Письма Н. В. Калачова к А. Ф. Бычкову за 1840—1882 гг. Пг., 1923). Мы работали с корректурным экземпляром, хранящимся в библиотеке Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (шифр Л-329).
- ²⁶ См.: *Юль Ю.* Записки. С. 261—264, 256—260.
- ²⁷ *Пекарский П. П.* Петербургская старина. Т. 81. С. 313—314, 316—318, 320—330; т. 82. С. 145—147, 154, 158—160, 163, 167, 181.
- ²⁸ *Грабарь И. Э.* Основание и застройка Петербурга. С. 95—96.
- ²⁹ Там же. С. 99 (о Летнем и Зимнем дворцах), 108 (о Летнем саде), 108—109 (о Немецкой слободе и питейном доме).
- ³⁰ *Moscovia gloriosa. Das unter dem ... Käyser und Selbsthalter aller Reussen, Petro I. oder Grossen höchst-glücklichst blühende Moscau... Erfurt, 1741. S. 270—274; 2. Aufl.: Erfurt, 1742.*

3

¹ Деятельность Ф.-Х. Вебера в России изучена по его запискам и донесениям в статье: *Брикнер А. Г.* Хр.-Фр. Вебер: Материалы для источниковедения истории Петра Великого // ЖМНП. 1881. Ч. 213. Январь. Отд. II. С. 46—78.

² Вебер Ф.-Х. Записки. Стб. 1427.

³ Брикнер А. Г. Хр.-Фр. Вебер... С. 68.

⁴ Там же. С. 58, 72, 60—63, 68—69.

⁵ *Никифоров Л. А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959. С. 169.

⁶ Брикнер А. Г. Хр.-Фр. Вебер... С. 77.

⁷ *Russia under Western eyes 1517—1825 / Edited with an introduction by A. G. Cross. London, 1971. P. 384; Butler W. E. P. P. Shafirov and the Law of Nations // Safirov P. P. A discourse concerning the just causes of the war between Sweden and Russia: 1700—1721.*

New York, 1973. P. 34—37; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII—первая четверть XVIII века. М., 1976. С. 374—375.

⁸ *Брикнер А. Г.* Хр.-Фр. Вебер... С. 78.

⁹ См. примечания С. П. Луппова к «Описанию ... столичного города С.-Петербурга...» // *Белые ночи*. Л., 1975. С. 246—247, № 7, 12, 20, 24, 26, 28, 33, 36, 40; см. также: *Луппов С. П.* История строительства Петербурга. С. 68, примеч. 35; с. 107, примеч. 49; с. 131, примеч. 114.

¹⁰ «Описание ... столичного города...». С. 198.

¹¹ См. перевод из книги Ф.-Х. Вебера в наст. изд.; «Описание ... столичного города...». С. 206.

¹² См. перевод из книги Ф.-Х. Вебера в наст. изд.; «Описание ... столичного города...». С. 208.

¹³ См. перевод из книги Ф.-Х. Вебера в наст. изд.; «Описание ... столичного города...». С. 212.

¹⁴ См. перевод из книги Ф.-Х. Вебера в наст. изд.; «Описание ... столичного города...». С. 223.

¹⁵ См. перевод из книги Ф.-Х. Вебера в наст. изд.; «Описание ... столичного города...». С. 232.

¹⁶ «Описание ... столичного города...». С. 241.

¹⁷ См. перевод из книги Ф.-Х. Вебера в наст. изд.

¹⁸ «Описание ... столичного города...». С. 245.

¹⁹ «Описание ... столичного города...». С. 228.

²⁰ См. перевод из книги Ф.-Х. Вебера в наст. изд.

²¹ См. там же.

²² См. там же; ср.: «Описание ... столичного города...». С. 206—207. — Эта вставка отмечена С. П. Лупповым: там же. С. 246, примеч. 12.

²³ Неточность. Речь идет о Прутском мирном договоре 1711 г.

²⁴ См. перевод в наст. изд.

²⁵ «Описание ... столичного города...». С. 206.

²⁶ См. перевод в наст. изд.

²⁷ «Описание ... столичного города...». С. 208—209.

²⁸ См. перевод в наст. изд. — Учтено С. П. Лупповым: «Описание ... столичного города...». С. 246, примеч. 20.

²⁹ Там же. С. 212.

³⁰ См. перевод в наст. изд.

³¹ «Описание ... столичного города...». С. 212.

³² См. перевод в наст. изд. — Учтено С. П. Лупповым: «Описание ... столичного города...». С. 246, примеч. 24.

³³ «Описание ... столичного города...». С. 246, примеч. 26.

³⁴ См. перевод в наст. изд.

³⁵ «Описание ... столичного города...». С. 213.

³⁶ См. перевод в наст. изд. — С. П. Луппов учел это сообщение, отметив, что речь идет о Втором Зимнем дворце Петра I // «Описание ... столичного города...». С. 246, примеч. 28.

³⁷ См. перевод в наст. изд.

³⁸ «Описание ... столичного города...». С. 213—214.

³⁹ См. перевод в наст. изд.

⁴⁰ «Описание ... столичного города...». С. 217. — Первым каменным домом на Петербургском острове был дом Г. И. Головкина, построенный еще в 1710 г.

⁴¹ См. перевод в наст. изд.

⁴² «Описание ... столичного города...». С. 220.

⁴³ См. перевод в наст. изд.

⁴⁴ См.: *Петров А. Н., Царг И. Д.* Первая академическая. Л., 1978. С. 9.

⁴⁵ «Описание ... столичного города...». С. 198.

⁴⁶ См., напр.: *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль... С. 393.

⁴⁷ *Брикнер А. Г.* Хр.-Фр. Вебер... // ЖМНП. Ч. 213. Февраль. Отд. II. С. 188; см. также о третьей части на с. 190—191.

⁴⁸ [*Weber F.-Ch.*]. Des verändertes Russlandses Zwyeter Theil... Hannover, 1739. S. 162—163.

¹ Биографические сведения о Л. Ю. Эренмальме почерпнуты из работ: *Lagus W. G. Åbo hofrätts historia intill den 12 Nov. 1823, då Hofrätten firade sin andra Secular-fest. Helsingfors, 1834. D. I. S. 285—292, 556—558; Schybergson M. G. Lars Johan Ehrenmalm. Biografisk teckning // Skrifter utgifna af Svenska litteratursällskapet i Finland. T. 9 (Förhandlingar och uppsatser, 3). 1887—1888. Helsingfors, 1888. S. 120—160; Anthoni E. Lars Johan Ehrenmalm // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm, 1949. Bd 12. S. 290—295.*

² *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd under Peter I. S. 14, 60, 148—149, 107, 264.*

³ Это следует из приложенного к рукописи письма Л. Ю. Эренмальма к другу (с. 278). К. Таркиайнен считает, что Л. Ю. Эренмальм приехал в шведскую столицу в 1713 г. (*Tarkiainen K. Se vanha vainooja: Käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen. Helsinki, 1986. S. 261, 267.*)

⁴ См. письмо Л. Ю. Эренмальма: *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd... S. 278.*

⁵ Sveriges Riksarkivet. Manuskriptsamlingen, 79; Uppsala universitetsbibliotek. H-195.

⁶ Архив ЛОИИ СССР АН СССР. Западноевропейская секция, А-32.

⁷ Письмо К. Таркиайнена к автору от 30 июля 1987 г.

⁸ «Några anmärkingar angående det Ryska Rijketz nuvarande macht och styrkio, i anseende till myckenheten af manskap, landetz frychtbarhet, de inrättade manufacturer, handelen, rijketz inkomster, den nu befindtelige land- och siöö-milicen och några andra skiäl, som i den siunde boken finnes. Upsatte under desz fångenskap åhr 1710—1713 af L. J. Malm». — В письме к другу Л. Ю. Эренмальм годами составления рукописи называется 1712—1714 (*Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd... S. 278.*)

⁹ *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd... S. 2.*

¹⁰ *Беспятых Ю. Н.* 1) Сочинение Л. Ю. Эренмальма «Состояние России при Петре I» (1714 г.) // История СССР. 1984. № 5. С. 141—150; 2) Экономическая география в сочинении Л. Ю. Эренмальма «Состояние России при Петре I» (1714 г.) // География XV—XVIII вв. (по сведениям иностранцев): Сборник научных трудов. Л., 1984. С. 66—102; 3) *Venäjään oloista Pietari I aikana: Munan julkaisematon teos 1700-luvulta // Punalippu. 1983. N 6. S. 98—101;* 4) *Venääläiset ruotsalainen silmin // Punalippu. 1987. N 3. S. 184—187.*

¹¹ Сокращенный русский перевод описания опубликован нами в статье: *Беспятых Ю. Н.* Страницы старинной рукописи // Нева. 1982. № 5. С. 186—189.

¹² *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd... S. 6.*

¹³ *Ibid. S. 107—108.*

¹⁴ *Ibid. S. 7.*

¹⁵ *Грабарь И. Э.* Основание и застройка Петербурга. С. 98.

¹⁶ *Луннов С. П.* История строительства Петербурга. С. 20.

¹⁷ *Schybergson M. G. Lars Johan Ehrenmalm... S. 160.*

5

¹ Petersburg w roku 1720 według opisu Polaka / [Opubl.] W. Kętrzyński // *Przewodnik naukowy i literacki. Dodatek do «Gazety Lwowskiej».* Lwów, 1887. T. 5. S. 520—532, 603—616. — Перепечатано в петербургском календаре «Gwiazda». 1882. S. 91—102.

² Краткое описание города Петербурга и совершившегося в нем в 1720 году. — Под общим заголовком: Петербург в 1720 году: Записки поляка-очевидца // *Рус. старина.* 1879. Т. 25. Июнь. С. 263—290.

³ См. о нем: *Konopczyński W. Chomętowski Stanisław // Polski słownik biograficzny.* Kraków, 1937. T. 3. S. 412—414.

⁴ Petersburg w roku 1720... S. 520—522.

⁵ Петербург в 1720 году... С. 263—265.

⁶ *Prochaska A. Poselstwo polskie w Petersburgu (1720 r.) // «Charitas». Księga zbiorowa, wydana na rzecz r[zymsko-] k[atolickiego] Towarzystwa Dobroczynności przy kościele Świętej Katarzyny w Petersburgu.* SPb., 1894. S. 368—399.

⁷ *Ibid. S. 382—399.* — 7 документов, освещающих деятельность посольства в Петербурге, опубликованы в итальянском переводе в кн.: *Theiner A. Monuments historiques relatifs aux regnes d'Alexis Michaélowitch, Feodor III et Pierre le Grand czars de Russie extraits des archives du Vatican et de Naples.* Rome, 1859. N CCCLVI. *Negotiations du palatin de Masovie a St. Pétersbourg sur l'évacuation de la Courlande et la restitution de la Livonie.* P. 521—531.

- ⁸ *Wilk M.* Polacy o Piotrze I (1700—1768) // *Slavia orientalis*. Warszawa. 1966. Roczn. 15. N 3. S. 365—375.
- ⁹ *Bazyłow L.* Polacy w Petersburgu. Wrocław etc., 1984. S. 26—32.
- ¹⁰ Petersburg w roku 1720... S. 521.
- ¹¹ Ibid. S. 522.
- ¹² Pamiętnik dziejów polskich: Z aktów urzędowych lwowskich i z rękopisów zebrał X. Sadok Barącz. Lwów, 1855. S. 266.
- ¹³ Petersburg w roku 1720... S. 522.
- ¹⁴ Петербург в 1720 году... С. 264.
- ¹⁵ *Prochaska A.* Poselstwo polskie w Petersburgu... S. 368.
- ¹⁶ *Wilk M.* Polacy o Piotrze I... S. 366, ods. 6.
- ¹⁷ *Bazyłow L.* Polacy w Petersburgu. S. 27. — Л. Базылов говорит почему-то не о Михале, а о Франчишке Пузыне.
- ¹⁸ *Szklarska E.* Puzyna Michał h. Oginiec // *Polski słownik biograficzny*. Wrocław etc., 1986. T. 29/3. Zesz. 122. S. 497.
- ¹⁹ См. перевод в наст. изд.
- ²⁰ См. там же.
- ²¹ См. там же.
- ²² Петербург в 1720 году... С. 288.
- ²³ Petersburg w roku 1720... S. 615.
- ²⁴ Ibid. S. 528, ods. 1.
- ²⁵ Ibid. S. 609, ods. 1.
- ²⁶ Ibid. S. 610, ods. 1.
- ²⁷ Ibid. S. 522.
- ²⁸ Об этом нам известно из статьи: *Wilk M.* Polacy o Piotrze I... S. 365—366.
- ²⁹ Ibid. S. 365, ods. 3; s. 366.

6

¹ См. о нем: *Steuart A. F.* Scottish influences in Russian history: From the end of the 16th century to the beginning of the 19th century. Glasgow, 1913. P. 95—104; Dictionary of National Biography / Ed. by L. Stephen. London, 1886. Vol. 7. P. 113—114; A memoir of the life of Peter the Great. London, 1832. P. IX—X.

² *Bruce P. H.* Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West-Indies... London, 1782. — Мы встречали также указания на дублинское издание 1783 г. и перепечатку репринтом в Лондоне (1970).

³ *Bruce P. H.* Des Herrn Peter Heinrich Bruce, eines ehemaligen Officers in Preussischen, Russischen und Grossbritannischen Diensten, Nachrichten von seinen Reisen in Deutschland, Russland, die Tartarey, Türrkey, Westindien... Leipzig, 1784.

⁴ *Bruce P. H.* Memoirs... P. 1.

⁵ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. LXVIII—LXXI; цитированные слова — на с. LXV.

⁶ Библиографические отрывки. VIII: Несколько библиографических заметок по поводу сочинения г. академика Устрялова «История царствования Петра Великого» // Отец. записки. 1858. Т. 68. № 6. Отд. 1. С. 541.

⁷ *Bruce P. H.* Memoirs... P. 155.

⁸ Ibid. P. 175.

⁹ Ibid. P. 224—225.

¹⁰ Ibid. P. 345.

¹¹ Ibid. P. 365.

¹² Ibid. P. 373.

¹³ О предложенном П. Г. Брюсом кратком описании Петербурга упоминал И. Э. Гр барь, назвавший приводимые сведения «менее значительными» по сравнению с первым немецким описанием (*Грбарь И. Э.* Основание и застройка Петербурга. С. 96). Место, где шотландец рассказывает о Домике Петра I, цитируют в вольном переводе и с глухой ссылкой на источник О. Н. Кузнецова, А. К. Сементовская и Ш. И. Штейман (в кн.: Летний сад. Летний дворец. Домик Петра I. Л., 1968. С. 87). Краткую характеристику посвященных Петербургу страниц см. в нашей статье: *Беспярых Ю. Н.* Иностранские описания Петербурга первой четверти XVIII в. // Вспомог. ист. дисциплин. Л., 1987. Т. 18. С. 134—136. — О новгородских впечатлениях

¹ *Dyaryusz drogi z Wilna do Peterburga* J. W. JMCI Pana Sapiehi, starosty Bobruyskiego, a teraz felt-marszalka woysk rossyjskich y kontynuacyi, rezydencyi w Peterburgu. S. I. et a. [17] S. — В экземпляре ГПБ (шифр 13.8.1.94) после слова «фельдмаршала» одно слово заклеено, но на свет читается: *napierwieszego* («наипервейшего», «самого первого»). Брошюра не имеет выходных данных, однако В. Грицкевич, знакомый, вероятно, с другим экземпляром, утверждает, что она издана в Вильно в 1726 г. (*Грицкевич В.* В летопись Петербурга // *Нева*. 1983. № 7. С. 206).

² Об отце и сыне Сапегих подробно см. в «Историко-генеалогических и имущественных материалах...» рода: *Sapiehowie materiały historyczno-genealogiczne i majątkowe*, wydane nakładem Rodziny. SPb., 1894. Т. 3. С. 126—137, 327—338. — О Я.-К. Сапеге см. также: РБС. 1904. Том «Сабанеев—Смыслов». С. 201; *Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 1. С. 142 сл. — Характеристика Я.-К. Сапег оставил испанский дипломат при российском дворе: *Записки дока Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского 1727—1730 годов*. СПб., 1845. С. 121—122.

³ По В. Грицкевичу, польские гости находились в Петербурге с 19 декабря 1725 по 23 марта 1726 г. (*Грицкевич В.* В летопись Петербурга. С. 206). Однако содержание этой очень краткой заметки не раскрывает оснований такого мнения.

⁴ Подробно см. об этом: *Михневич В. О.* Две невесты Петра II: 1. Княжна М. А. Меншикова // *Исторический вестник*. 1898. Т. 71. С. 177—195; *Павленко Н. И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 135—142.

⁵ См. о нем: *Biographie universelle ancienne et moderne...* Nouvelle edition. Paris; Leipzig, s. a. Vol. 29. P. 434—435.

⁶ *Motraye A.* de la. *Travels through Europe, Asia, and into part of Africa...* London, 1723. Vol. 1—2.

⁷ *Motraye A.* de la. *Voyages en Europe, Asie et Afrique...* La Haye, 1727. Vol. 1—2.

⁸ *Motraye A.* de la. *Voyages en Anglois et en François en diverses provinces et places de la Prusse ducale et royale, de la Russie, de la Pologne etc...* La Haye; Londres; Dublin, 1732.

⁹ *Ibid.*, P. 145—279.

¹⁰ *Ibid.* P. 226—279.

¹¹ Библиографические отрывки. VIII: Несколько библиографических заметок по поводу сочинения г. академика Устрялова «История царствования Петра Великого» // *Отеч. записки*. 1858. Т. 63. № 6. Отд. 1. С. 544—545.

¹² История Библиотеки Академии наук СССР: 1714—1964. М.; Л., 1964. С. 12, 28, 31, 39; *Дупнов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 325, 347—348, 351.

¹³ *Гольдберг А. Л.* Первая поэма о Петербурге // *Памятники культуры: Новые открытия*. 1979. Л., 1980. С. 19, 20.

¹⁴ Русский перевод (сокращенный) части сочинения О. де ла Мотрэ, посвященной городу на Неве, опубликован нами: О. де ла Мотрэ. Описание Петербурга в 1726 году // *Белые ночи*. Л., 1989. С. 175—221. О французском путешественнике и его труде см. также: *Беспятых Ю. Н.* 1) Иностранцы описания Петербурга первой четверти XVIII в. // *Вспомог. ист. дисциплин*. Л., 1987. Т. 18. С. 137—142; 2) Новгород в описаниях иностранных путешественников XVII в. // *Новгородский край: материалы научной конференции «Новгород древний — Новгород социалистический*. Археология, история, искусство». 13—15 октября 1982 г. Л., 1984. С. 86; 3) Новгород в «Россике» XVIII в. // *Новгородский исторический сборник*. Л., 1989. Т. 3(13). С. 139.

¹⁵ *Motraye A.* de la. *Remarques historiques et critiques sur l'Histoire de Charles XII*, par m. de Voltaire. Londres, 1732.

¹ О П. Дешизо и его деятельности в России см.: *Biographie universelle ancienne et moderne...* Nouvelle edition. Paris; Leipzig, 1855. Vol. 10. P. 476—477; *Рунрехт Ф.* Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1865. Т. 7. С. 2—3; *Миллер Г. Ф.*

История Академии наук (1725—1743). СПб., 1890. С. 80—83; РБС. 1905. Том «Дабелов—Дядьковский». С. 341; Литвинов Д. И. Библиография флоры Сибири // Труды Ботанического музея АН СССР. 1909. Вып. 5. № 264. С. 73—74; Некрасова В. Л. К истории Ботанического сада Академии наук (на Васильевском острове, 1735—1812) // Сов. ботаника. 1945. Т. 13. № 2. С. 13—14. — Приводимые в указанных работах сведения содержат, однако, неточности, порой значительные. Лучше всего пользоваться статьей: Княжецкая Е. А. У истоков русской ботаники: (К 300-летию со дня рождения Петра I) // Бот. журнал. 1972. Т. 57. № 1. С. 144—146.

² Deschisaux P. Mémoire pour servir à l'instruction de l'histoire naturelle des plantes de Russie et à l'établissement d'un jardin botanique à Saint-Petersbourg. S. l., 1725.

³ Второе издание вышло под тем же названием (с незначительными изменениями в наборе) также без указания места в 1728 г.

⁴ Deschisaux P. Voyage de Moscovie, présenté à monsieur Herault, Lieutenant General de Police de la Ville, Prevosté et Vocomté de Paris, 1727.

⁵ Ibid. P. 15.

⁶ Deschisaux P. Description d'un voyage fait à St. Petersbourg. Paris, 1728. — Это издание отсутствует в ленинградских книгохранилищах. Оно имеется в Библиотеке Хельсинкского университета (шифр 45.VI.12².) Отличается небольшими изменениями в наборе, обусловленными сменой заставок и буквиц, и мелкими поправками в тексте.

⁷ Arne T. J. Johan Hiärne och moskoviterna // Arne T. J. Det stora svitjod: Essayer om gängna tidens svensk-ryska kulturförbindelser. Stockholm. 1917. S. 152—173.

⁸ Ibid. S. 157—164.

⁹ Ibid. S. 165.

¹⁰ Ibid. S. 155.

¹¹ Ibid. S. 172.

¹² Ibid. S. 165.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. S. 166.

¹⁵ Ibid. S. 166—167.

¹⁶ Ibid. S. 166.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. S. 167—168.

¹⁹ Ibid. S. 168.

²⁰ Ibid. S. 168—170.

²¹ Ibid. S. 171.

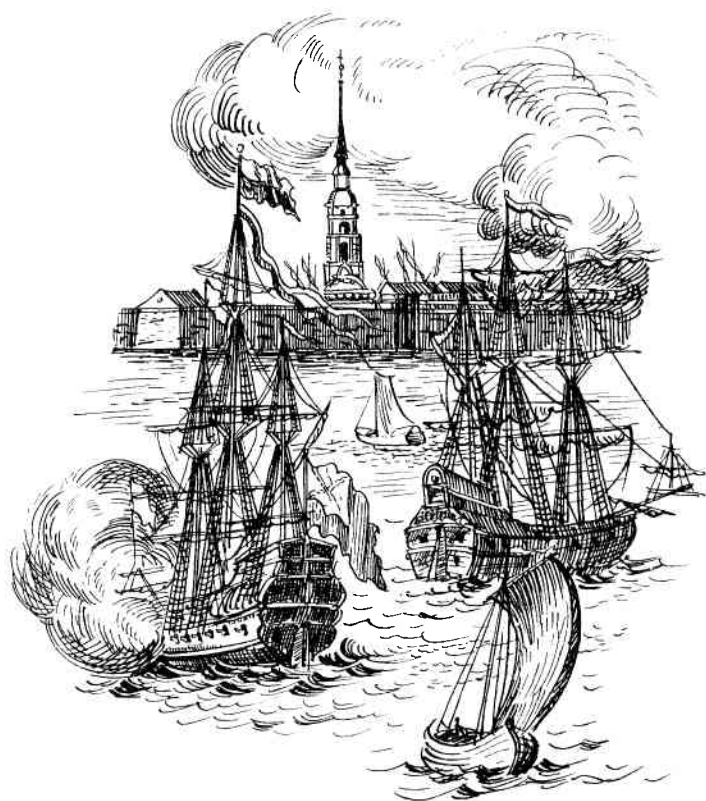
²² Ibid. S. 171—172.

²³ Ibid. S. 172.

²⁴ Ibid. S. 172—173.

²⁵ Ibid. S. 173.

ТЕКСТЫ

ТОЧНОЕ ИЗВЕСТИЕ О... КРЕПОСТИ И ГОРОДЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, О КРЕПОСТЦЕ КРОНШЛОТ И ИХ ОКРЕСТНОСТЯХ...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Высокочитимый и досточтимый читатель!

Любознательным читателям предлагается здесь маленький трактат: «Точное известие о новопостроенном его царским величеством на большой Неве, или Ние-реке, городе и крепости С.-Петербург, а также о крепостце, называемой Кроншлот, наряду с некоторыми частными замечаниями». Он содержит то достопримечательное новое, о чем, особенно в наших местах, не так скоро будет известно. Сочинение не нуждается ни в большом, пространным предисловии, ни в строгом разборе, ни в одобрении какого-либо авторитетного лица или критика, ибо его содержание уже само по себе заслуживает достаточного доверия. И каждый, кто сам недавно побывал в С.-Петербурге и познакомится с этим сочинением, не найдет в нем, будем надеяться, ничего заслуживающего порицания — все описано легко, кратко и правдивым пером. А точность и правдивость автора заслуживают тем большей похвалы, что он все описал беспристрастно, с подобающей умеренностью и скромностью.

Для лучшего понимания известия и чтобы знать, в какой местности мира, собственно, находится этот новый С.-Петербург, досточтимый читатель может прибегнуть к помощи лучших наиновейших географических карт, ибо на старых картах С.-Петербурга не отыскать. Но я должен при этом заметить, что этот важный город до сих пор верно, в соответствии с действительным его местоположением, не отмечен ни одним из новейших географов и картографов. Поэтому публика имеет основания благодарить автора за сообщаемые им сведения.

Кроме того, автор по зрелом размышлении не употребляет слова «московит», а пользуется словом «русский». Ведь в этой стране более принято говорить «русский» от России, равно как говорят: «испанец» от Испании, а не «мадридец»; «англичанин» от Англии, а не «лондонец»; «немец» от Германии, а не «венец», «гамбуржец» и т. д.

Сказанного достаточно для предисловия, в остальном же каждый на деле убедится, что экземпляр [этой книжки] стоило приобрести и с удовольствием прочесть.

1. Предупреждение о крепости и городе С.-Петербург и его окрестностях.
  2. Описание самой крепости.
  3. Описание города на Финской стороне.
  4. Описание города на Ингерманландской стороне.
  5. Описание острова Ретусари.
  6. О крепостце Кроншлот.
  7. О флоте.
  8. О состоянии почвы и воздуха; о религии, языке и образе жизни населения; о плодах, дичи и т. д.
- Эта глава содержит много любопытного.
9. Несколько замечаний о высокой особе его царского величества.
  10. Дальнейшие замечания о некоторых министрах.
  11. Подлинное описание бракосочетания покойного [ныне] герцога Курляндского с ее высочеством русской принцессой.
  12. Достопамятная свадьба карликов.
  13. Известие о древнем русском обряде водосвятия.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ О КРЕПОСТИ И ГОРОДЕ С.-ПЕТЕРБУРГ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

Поскольку о С.-Петербурге на протяжении нескольких лет говорят и пишут часто, многие люди обращаются и ко мне с просьбой сообщить, не то же ли самое С.-Петербург, что называли Шанцер Ние, или Ниеншанц, так как на более старых географических картах С.-Петербург не обозначен. [В ответ] на это пусть послужит к сведению любознательных читателей, что его царское величество, в 1702 году 12 октября овладев расположенной на Ладожском озере крепостью Нотебург, ныне называемой Шлиссельбург,¹ в следующем, 1703, году со своей армией двинулся далее вниз по большой реке, называемой Нева, или Ние, и после незначительного сопротивления завоевал шведскую крепость под названием Ниеншанц.² Затем он продвинулся еще далее вниз по упомянутой реке и в местности, где ныне расположен С.-Петербург, разбил свой большой лагерь — пехота [встала] на Финской, а кавалерия на Ингерманландской³ стороне. А поскольку его царское величество имел сильную страсть к мореплаванию и весьма желал закрепиться на Восточном море,⁴ то он повелел тогда на месте, где ныне расположен С.-Петербург, возвести поначалу маленький шанец; затем он большую реку Неву, или Ние, разведывал на шлюпках как собственной высокой персоной, так и другим приказывал проводить точную разведку до открытого Восточного моря. Поскольку же там было замечено несколько крейсеровавших кораблей, то его царское величество откомандировал приблизительно тысячу солдат на самый дальний остров под названием Ретусари,⁵ чтобы там засесть. Узнав об этом, господа шведы вознамерились уничтожить и изгнать отряд, с каковой целью сильно стреляли из пушек с одного корабля. Тогда господа русские совершенно тихо стянулись и так укрылись за лежа-

цами на морском берегу камнями, что шведам были поначалу не видны. Решив, что все русские уже убиты, шведы приблизились к острову с намерением высадить свой десант и посмотреть на лежащих мертвыми русских. Тут прятавшиеся за камнями русские открыли огонь и отбросили всех шведов, нанеся им большие потери; остальные отступили на своих кораблях и ушли в море.⁶

После такой удачи его величество постарался утвердиться на острове, что действительно и было сделано. И поскольку его величество очень полюбилась эта местность, то он при этой благоприятной возможности решил заложить на большой реке Неве крепость. Правда, поначалу его величество весьма удивлялся, почему шведы укрепленный Шанцер Ние не поставили ближе к Восточному морю, и первоначально свою задуманную новую крепость хотел заложить в самом устье реки. Однако же возникли серьезные соображения, согласно которым и это было бы не слишком хорошо. Поэтому он наконец избрал среднее, и в силу различных причин определив для этого место, где ныне расположен С.-Петербург, заложил там крепость. И вот сразу же из его обширного государства и земель было направлено огромное множество людей — русских, татар, казаков, калмыков и т. д., а также финских и ингерманландских крестьян; часть людей пришла за несколько сотен миль; они 3 мая 1703 года⁷ приступили к строительству крепости. И действительно, она была возведена невероятно скоро. При этом достойно удивления, что несмотря на столь великое множество людей, землю для крепости (как мне достоверно сообщили) подносили лишь в полах одежды, или же на плечах в маленьких рогожных мешках. Такое я еще и сам видел и наблюдал в бытность мою там. Но поскольку люди не были привычны к такой работе, жили в скверных условиях и на худом содержании, то многие, — говорят, даже свыше ста тысяч человек — при этом погибли и умерли.⁸

Таким образом, за какие-нибудь четыре летние месяца 1703 года эта крепость была возведена; впоследствии постепенно год за годом над нею продолжали работать, пока она не достигла такого состояния, что ей удивляются.⁹ Кронверк на Финской стороне, относящийся к ней, как я слышал, был начат постройкой спустя два года и тоже в короткое время закончен.¹⁰

САМА КРЕПОСТЬ

Если описывать самое крепость, то она построена на упомянутой большой реке Неве, несколько ближе к Финской стороне, на острове под названием Хазенхольм, или по-фински Еннессари.¹¹ Ее положение и форма продолговатые. Сама крепость имеет 6 бастионов, на Финской стороне — кронверк с его наружными укреплениями, а у входа выше по реке — маленькое наружное укрепление, или рavelин.

Внутри крепости стоят 4 ряда невысоких деревянных домов, о которых нужно заметить, что большинство их крыто пластами земли, или дерном; сначала [настлана] финская кровельная дрань или же, что еще лучше, береста (березы в этих местах очень большие), а затем куски дерна, плотно [уложенные] друг к другу.

Посреди крепости проходит выведенный из реки канал, с тем чтобы люди в крепости никогда не ощущали недостатка в воде. Посреди крепости у самого канала стоит маленькая, но красивая русская церковь из дерева, с красивой остроконечной башней в голландском стиле.¹² Наверху в башне висит несколько колоколов, приводимых в движение вручную одним человеком; каждый час они на голландский манер благозвучно звонят, возвещая начало очередного часа. Затем этот человек, за неимением часового механизма, ударами в определенный колокол оповещает, который час. Неподалеку оттуда в ряду домов, стоящих у канала, находятся лютеранская церковь,¹³ а также простой деревянный дом коменданта и другие дома гарнизонных офицеров.

В валах вокруг [крепости] устроены казематы и другие проходы. Магазин и аптека возведены из камня, со сводами. На средней большой площади близ ворот (в крепости только одни ворота, но кроме них есть также коммуникационный вход напротив кронверка) сложено много бомб, ядер и гранат. В 1710 году начали также вновь срывать насыпанные прежде земляные бастионы и вместо них возводить весьма крепкие массивные стены из красного кирпича,¹⁴ они изнутри порядочно высоки, со сводчатыми казематами и крытыми батареями. С них можно обстреливать не только окружающую местность и большую реку, но также кронверк, и в указанном году были завершены два бастиона со стороны, обращенной к Васильевскому острову; в этих работах пришлось участвовать шведскому выборгскому гарнизону в качестве военнопленных.

Наверху на валах и крепостных верках стоит порядочное число бронзовых и чугунных пушек, выдвигаемых на валу без выемок или амбразур; обычно пушек, как говорят, стоит там около 300.¹⁵

Через реку из крепости на Финскую сторону ведет длинный красивый деревянный мост приблизительно в 300 шагов. Он в двух местах разводится.¹⁶ Крепостные ворота украшены изящной деревянной резьбой, которая выполнена одним немецким мастером.

Наверху на воротах с наружной стороны находится хорошо выполненная из дерева скульптура св. Петра в человеческий рост, с двумя большими ключами в руке. Внизу дата — 1703 год, и справа от ворот на портале на жестяном листе можно прочесть надпись по-русски об основании этой крепости.

Внутри крепости над воротами находится большой черный русский орел, искусно вырезанный из дерева; на его головах короны, в когтях правой лапы он держит скипетр, левой — державу.¹⁷

Несколько ниже нарисован св. Николай, которому русские воздают почести, многократно кланяясь и крестясь по своему обычаю, особенно утром. Если стоять внутри крепости лицом к воротам, то по правую руку, к югу, наверху на одном бастионе находится, на голландский манер, большой разноцветный крепостной флаг на высоком длинном шесте в высокой крестовине. Этот флаг по праздникам (Prasnick) спускают, вместо него поднимая большой желтый флаг с русским орлом, в когтях и на крыльях которого — изображения четырех больших морей, а именно: 1) Белого, 2) Черного, 3) Каспийского и 4) Восточного.¹⁸

Без сомнения, тем самым указывается, что его царское величество желает владеть этими четырьмя морями на востоке и западе, юге и севере.

Еще следует отметить, что обыкновенно с этого бастиона ежедневно и зимой, и летом трижды стреляют из пушки: утром на рассвете, днем в 11 часов и еще на закате, и, как принято, бьют при этом утреннюю и вечернюю зорю. То же самое соблюдается на флоте на адмиральском корабле.

Между крепостью и кронверком протекает рукав большой реки, куда зимой как в безопасную гавань вводят в должном порядке флот.¹⁹

Поскольку же его царское величество оказался весьма доволен этой новопостроенной крепостью, то он также основал при ней по обе стороны большой реки порядочно обширный город.

ОПИСАНИЕ ГОРОДА НА ФИНСКОЙ СТОРОНЕ

На Финской стороне вверх по реке [от крепости] стоит несколько значительных домов (выстроенных в русском стиле), там живет вдовствующая супруга царя Ивана со своими принцессами;²⁰ также один из домов князя Меншикова²¹ — деревянный, похожий на кирху, в котором жил покойный герцог Курляндский.²² Далее несколько домов с просторными дворами, где в мое время жили знатнейшие министры, в частности великий канцлер,²³ подканцлер,²⁴ а также некоторые русские бояре, генералы и разные другие офицеры и немцы.²⁵

На этой стороне, где вниз от Ладоги от реки отходит правый рукав,²⁶ стоит еще много русских домов, среди которых [дом] князя Черкасского,²⁷ а несколько выше — два длинных лазарета для больных солдат,²⁸ евангелическое кладбище²⁹ и так далее.

По другую сторону этого рукава находится большое русское кладбище,³⁰ а несколько ниже — русский монастырь³¹ и т. д.

У берега большой реки видишь порой сотни, даже тысячи барок или русских судов, приходящих из Ладоги, Новгорода и других мест России с купеческими товарами и продовольствием.

Близ крепости прежде стоял большой русский рынок в несколько сотен лавок, построенных на русский лад исключительно из бревен, но в июле 1710 года он вдруг ночью сгорел дотла едва ли не за час;³² при этом многое было разграблено, и купцы, по их состоянию, конечно, понесли большие убытки. Вскоре на этом месте по углам бывшей торговой площади были крестообразно поставлены 4 виселицы, на них при приезде покойного [ныне] герцога Курляндского по жребию повесили четверых из 12 русских за воровство и грабеж во время пожара; часть их была из гарнизона, и когда вешали одного, другие должны были бить в барабан. Позднее несколько далее в сторону Финляндии был вновь основан другой рынок.³³ Вдоль кронверка идет несколько улочек с маленькими скверными хижинами, или лавками, в которых пирожники и маркитанты выкладывают для продажи свои пироги и всевозможное старое жалкое тряпье, одежду и иные худые вещи и предлагают свои товары.

Немного ниже по течению реки находится слобода русского простонародья, или предместье, где живет преимущественно чернь.³⁴ За кронверком у самой реки стоит несколько длинных строений, в которых на зиму поселяют галерных арестантов.³⁵ Затем следует Татарская слобода, где живут сплошь татары, калмыки, казаки, турки и другие подобные народы в соответствии со своими обычаями. Там можно увидеть весьма изысканное домашнее хозяйство.

ОПИСАНИЕ ГОРОДА НА ИНГЕРМАНЛАНДСКОЙ СТОРОНЕ

По другую от крепости сторону реки, южнее, находится Немецкая слобода, называемая иначе Адмиралтейским островом, где в мое время жили по большей части только немцы и голландцы, занимающиеся флотом, а также иностранные послы и многие русские.

На этом берегу, если смотреть вниз от Ладоги, стоит большой длинный ряд домов, выстроенных, за малым исключением, на русский лад, на протяжении приблизительно половины немецкой мили.³⁶ Выше по реке стоят несколько печей для обжига кирпича и русские дома, а за ними в летнее время, особенно когда там находится его царское величество, обычно располагается лагерь войска; далее в реку впадает маленькая речка или рукав. У самой реки его царское величество имеет теперь резиденцию.

Она представляет собой маленький дом в саду на самом берегу реки, выстроенный в голландском стиле и пестро раскрашенный, с позолоченным оконным переплетом и свинцом [на стеклах].³⁷

Рядом расположен маленький птичник, в котором щебечут всевозможные птицы. Далее в саду изящная беседка, устроенная из невысокого штакетника; около нее стоит большой дом для придворных служителей и корабельная кухня его величества. Сзади в саду стоит большой дом, в котором находится водоподъемная машина для фонтанов, приводящая в движение большое колесо. Рядом маленький зверинец с цаплями, аистами, розовыми пеликанами и тому подобными птицами. За водоподъемной машиной есть, далее, дом для некоторых служителей и караульня, личный состав которой, однако, весьма немногочислен. Наконец, имеется круглая оранжерея с относящимися к ней несколькими маленькими домами.

Сам сад довольно велик и хорошо разбит, однако я не увидел в нем чего-либо особенно достопримечательного, помимо нескольких статуй и бюстов из белого мрамора, особенно изображающих короля Польши Иоанна Собеского и его супругу;³⁸ также хорошо выполнены бюсты шведской королевы Кристины³⁹ и еще некоторых других.

В середине сада находится большой водоем, выложенный тесаным камнем, а посреди него — искусственный грот, из которого бьет фонтан. А в оранжерее растет несколько апельсиновых, лимонных, лавровых деревьев, гвоздичных кустов и т. д. Говорят, они доставлены из Польши.

Садовником большого сада был немец, а оранжереи — голландец.

За этим садом находится большой дом и двор, это зверинец [с домашней живностью] и магазин, или кладовая со всевозможными съестными припасами для кухни его величества.

Рядом большой огород; огородником был швед по происхождению. Он благодаря усердному труду хорошо устроил этот огород и привел его в доброе состояние.

Вокруг еще видны укрепления, возведенные в 1708 году при приближении шведского генерала Любеккера, и мне неоднократно рассказывали за надежное и достоверное, что если бы этот генерал тогда действовал своевременно и должным образом, то не только весь город мог бы быть обращен в пепел, но и крепость была бы завоевана, а то и совершенно разрушена.⁴⁰

Затем следуешь к настоящей слободе у воды, находящейся в нескольких сотнях шагов от резиденции в саду его величества, и все это пространство занимает совершенно ровный луг.⁴¹

Прежде всего напротив крепости стоит так называемый большой питейный дом — деревянный, двухэтажный и окруженный двумя галереями, так что издалека он смотрится красиво.⁴² Однако во время моего пребывания в С.-Петербурге вина там меньше всего можно было найти. Правда, его царское величество порой устраивал в этом доме ассамблеи или угощения. Так, летом 1710 года он праздновал там свои именины и устроил большое торжественное празднество по случаю [годовщины] Полтавской баталии.

На верхней галерее дома иногда в полдень оркестр из 12 музыкантов играет на рожках и тромбонах, как это принято в немецких имперских и иных городах.

Несколько ниже этого дома стоят исключительно деревянные дома на русский лад; в этом ряду есть еще и маленький дом в голландском стиле, в котором его величество живет зимой.⁴³

Немного ниже по течению в том же ряду живет его превосходительство господин вице-адмирал Корнелиус Крюйс,⁴⁴ голландец или же во всяком случае выросший среди голландцев. У него просторный двор и здание; во дворе поставлена лютеранская реформистская церковь, которую посещают преимущественно занятые при флоте и некоторые другие живущие там и временно пребывающие немцы.⁴⁵

За неимением колокола перед началом богослужения на самом крайнем углу двора со стороны воды, или берега, поднимают обычный флаг господина вице-адмирала с голубым крестом в белом поле, с тем чтобы живущие вокруг немцы и голландцы направлялись туда.

Первым пастором в этой церкви был немец из Геттингена, уроженец курфюршества Ганновер, он скончался осенью 1710 года к величайшему прискорбию всей довольно многочисленной общины. Его звали Вильгельм Толле,⁴⁶ он был благочестивым и ученым мужем, знавшим 14 языков и обычно читавшим проповеди на немецком, голландском или финском — для живущих там финнов.

Вместо него следующей зимой были назначены двое других, они прибыли из немецкого города Галле морем через Гамбург и Архангельск. Один должен был отправиться с господином вице-адмиралом и иными флотскими в Азов, а другой остаться в С.-Петербурге.⁴⁷

Рядом с вице-адмиралом живет греческий или итальянский купец и богач, у него красивый, однако деревянный дом, выстроенный в итальянском стиле.⁴⁸

Рядом с ним живет великий адмирал его превосходительство граф Апраксин⁴⁹ — русский. У него добрый и большой хорошо построенный дом и двор, хотя целиком деревянный, в немецком стиле. По соседству живет адмиралтейств-советник по фамилии фон Кикин⁵⁰ — русский. У него также просторный двор. Затем подходишь к морскому арсеналу, называемому Адмиралтейским двором.⁵¹ Это обширный четырехугольник с валом и рвом, с установленными наверху на валу тяжелыми орудиями; имеется четверо ворот, расположенных крестообразно. Именно здесь теперь строят и оснащают большие корабли. Кроме того, на Адмиралтейском дворе имеется большой запас необходимого для строительства и оснащения флота.

Близ Адмиралтейского двора стоит маленькая русская церковь, или часовня,⁵² и совсем рядом с нею — кабаки (кабаки — это царские трактиры). Рядом — большая канатная мастерская длиной в несколько сот шагов, где под надежной крышей можно изготавливать большие якорные и мачтовые канаты и прочую корабельную оснастку. Еще дальше вниз есть только деревянные русские дома, где живут корабельные и шлюпочные матросы. На оконечности этого острова находится разрушенный маленький шанец.

Позади вышеупомянутых прибрежных домов есть еще многочисленные дома и очень обширное пространство (защищенные и отделенные маленькой речкой), но вся застройка на русский лад.

Немцы и голландцы живут по правую руку, а русские, имеющие там еще один рынок,⁵³ по левую. Кроме того, при каждом доме по ту и по другую сторону большой реки есть двор, сад и многочисленные маленькие пристройки, поскольку места здесь предостаточно.

Напротив этого острова позади крепости вниз по течению реки расположен остров, называемый Васильевским, где устроил свой двор князь Меншиков.

Это приятный дом в итальянском стиле в два этажа с крыльями, построенный с немалыми расходами, однако жаль, что он не каменный, а целиком бревенчатый.⁵⁴ У дома до сада прорыт канал, выведенный из большой реки, чтобы его светлость мог прямо из дверей входить на судно. Впереди у реки недавно начато строительство каменного дома,⁵⁵ и рядом еще несколько домов, а также кухня для придворного штата его светлости.

За вышеупомянутыми палатами расположен очень большой и хорошо разбитый увеселительный сад с огородом, однако он еще далеко не в должном состоянии.⁵⁶ Садовником был один немец.

На стрелке этого острова напротив крепости стоят несколько маленьких домов и три красивые новопостроенные голландские ветряные мельницы, на которых пилят преимущественно бревна и доски.

В остальном же весь остров — весьма широкий и не менее двух миль в длину — сплошь порос кустарником, главным образом ольхой, где пасутся коровы, лошади и прочий домашний скот; там бегают также несколько северных оленей.

Рядом с этим островом расположен Петровский остров, на нем нет ничего, помимо кустарника, скота и нескольких северных оленей, которых разводит несколько самоедов из Лапландии.

Говорят, его царское величество там прежде иногда развлекался, поэтому остров и был назван его именем.

За этим островом лежит еще один, называемый Рессель,⁵⁷ на нем живет несколько финских крестьян; остров повсюду пустынен, в кустарниках и болотах.

Миновав вниз по течению в направлении моря этот и несколько других островов, определенно не маленьких и все еще расположенных на большой реке Неве, наконец приближаешься к острову Ретусари, иначе называемому по-немецки Крысьим.

ОПИСАНИЕ ОСТРОВА РЕТУСАРИ

Он довольно большой, продолговатый и расположен уже в самом Восточном море, или, как его еще называют, Финском заливе. Это тот самый остров, о котором выше уже сообщалось, что там русские сначала поставили отряд. На южной стороне и на берегу есть различные дома, в том числе царя, кладовая съестных припасов для него и кабак; [дома] адмирала, вице-адмирала и еще нескольких флотских офицеров. Далее на этой стороне на берегу стоят две батареи — из 10 и 12 пушек. На северо-западной оконечности имеется шанец, названный по имени князя Меншикова Александровским; шанец защищает остров от нападения с северной стороны.

Еще на морском побережье привлекают внимание два старых больших дуба, вообще-то очень редкие в этих краях. Его царское величество с самого начала очень дорожит ими и приказал обнести их забором, а между ними построить маленькую открытую редкую беседку, где он может отдыхать в летнее время, когда оттуда открывается превосходный вид на море. С этой целью его величество также приказал вырубить в одном дубе поставец, обить его клеенкой и снабдить дверцей, чтобы туда можно было ставить, например, стаканы либо что-то иное; со временем это, если не будет уничтожено, могло бы стать достопримечательной редкостью.⁵⁸

О КРЕПОСТЦЕ КРОНШЛОТ

В этом месте, как выше упоминалось, уже само Восточное море, или Финский залив. Поэтому его царское величество решил устроить там укрепление, или крепостцу на воде, что и было сделано, если не ошибаюсь, в 1704 году, и ей было дано название Кроншлот. Кроншлот стоит в море между Ингерманландской стороной и упомянутым островом Ретусари на неглубоком месте или песчаной отмели, для более надежного прикрытия и обстрела входа в большую реку Неву. Он имеет вид круглой башни в три яруса, снизу доверху хорошо обеспеченной пушками; в нем и зимой, и летом находится также постоянный гарнизон. Как мне рассказывали, Кроншлот был соору-

жен одним русским. Зимой его заполнили ящиками с камнями, и, погрузившись в воду, они образовали фундамент.⁵⁹ Все сооружение из дерева и земли, наверху на шпиге этой башни развевается большой флаг. Крепостца задумана неплохо, однако умные головы заметили, что если неприятельский корабль вознамерится под всеми парусами пройти вверх по реке, сама крепостца вряд ли окажется в состоянии особенно этому воспрепятствовать, так как с круглой башни можно [одновременно] стрелять едва из 2—3 пушек. А будь она построена в виде треугольника, имела бы то преимущество, что можно было бы давать залпы одновременно из 10—20 и более пушек по проходящим кораблям, и если не совершенно их уничтожить, то во всяком случае вернее задерживать.⁶⁰

Таким образом его царское величество прочно встал и на большой реке Неве (ширина которой только у крепости С.-Петербург по меньшей мере тысячу шагов, не говоря уж о местах ниже), и при впадении ее в само море; тогда он приказал скрыть до основания завоеванный в 1703 году шведский Шанцер Ние, или Ниешанц, с тем чтобы тамошние прежние жители шведского края не могли оказывать какого-либо сопротивления. И он, желая наблюдать это, самолично находился там на расстоянии примерно версты.⁶¹ Когда же все было взорвано, разрушено и сровнено с землей, он приказал в память об этом поставить четыре самых высоких из найденных в этих местах мачтовых дерева, стоящие там по сей день. Затем он приступил к строительству корабельного флота, двигая это дело с почти невероятным усердием и быстротой.⁶²

О ФЛОТЕ

Этот флот летом обыкновенно стоит у Кроншлота, и его царское величество, адмирал и вице-адмирал, когда там находятся, большую часть времени присутствуют на нем лично. Я и сам в сентябре 1710 года однажды видел, как, желая доставить удовольствие покойному [ныне] герцогу Курляндскому, весь флот провел настоящую морскую баталию, только стреляли холостыми зарядами. Его величество пустил несколько бомб с бомбардирских кораблей, а в заключение два брандера были принесены в жертву Вулкану. На кораблях флота находились, помимо блаженной памяти герцога Курляндского, весь двор, дамы, голландские министры и все посланники. Эта морская баталия продолжалась несколько часов.⁶³

Еще я должен сообщить о слышанных мною часто разговорах о том, что поскольку С.-Петербург расположен столь удобно для судоходства и коммерции, то его царское величество имеет особенное намерение привлечь к нему всю торговлю через Восточное море, прежде же всего персидскую торговлю шелком. Его царское величество, как говорят, также намерен и в Кроншлоте, и в С.-Петербурге (они находятся на расстоянии 8 миль друг от друга) построить много каменных подвальных складов и специальных домов и пакгаузов для купеческих товаров и, поскольку эта местность состоит из большого числа островов, создать из нее со временем вторую Венецию. Говорят, он также намерен повсюду по улицам С.-Петербурга проло-

жить каналы, как в Амстердаме.⁶⁴ Кроме того, он будто бы уже добывается от иностранных держав, чтобы [торговые] суда впредь плавали не обходным путем к Архангельску, а через Восточное море к С.-Петербургу, поскольку он гораздо ближе, и чтобы в будущем там поселились первейшие и богатейшие купцы из Архангельска, Москвы и иных городов с целью учреждения с.-петербургской торговли.⁶⁵

Осенью 1710 года туда отважился зайти с товарами один-единственный корабль — английский из Лондона; он тотчас же разгрузился и отправился обратно в Англию.⁶⁶

О СОСТОЯНИИ ПОЧВЫ И ВОЗДУХА;
О РЕЛИГИИ, ЯЗЫКЕ И ОБРАЗЕ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ;
О ПЛОДАХ, ДИЧИ И Т. Д.

Что же касается почвы этого места и окрестностей, то земля в этом краю везде холодная из-за обилия воды, болот, пустошей, а также и потому, что лежит на очень высокой северной широте. Однако на Ингерманландской стороне я нашел лучшие угодья, нежели на Финской.

Говорят, что до основания С.-Петербурга в этой местности жил некий шведский дворянин, а также всего несколько финских крестьян и рыбаков, которые, как видно, своим способом порядочно возделывали землю, поскольку повсюду, где теперь стоит город, и в его окрестностях еще и сейчас явственно заметны борозды от сохи.

Помимо этого, в крае нет почти ничего, разве немного репы, белокочанной капусты и травы для скота.

Домашний скот — крупный рогатый, овец, свиней и т. д. — прежде можно было приобрести задешево, но теперь из-за множества народа в С.-Петербурге все съедено, и очень бедным людям стало даже нечем жить, и можно заметить, что они ныне кормятся одними кореньями, капустой, репой и т. д., а хлеба уже почти вовсе не видят. Поэтому легко себе представить, насколько убогое и жалкое существование влечат эти бедные люди, и если бы туда не доставляли продовольствие из Москвы, Ладоги, Новгорода, Пскова и других мест, то все живущие там в короткое время поумирали бы с голоду. А поскольку продовольствие туда доставляется почти исключительно из названных мест, то порой все стоит весьма дорого, ибо по большей части и съестные припасы, и иное привозят лишь в зимнее время на многих тысячах саней миль за 200—300.

В тамошних садах, несмотря на прилагаемое доброе усердие, особенно голландцами, также из-за холодной почвы вырастает немногое, тем более что зима продолжительнее лета. Поэтому то, что способна произвести природа, должно поспеть в продолжение едва ли не двух месяцев — июня, июля да еще, пожалуй, августа, а на незрелое и не выросшее за этот срок рассчитывать уже не приходится.

Фрукты там не растут вовсе, а осенью приходят вниз по реке суда с полным грузом яблок, тоже, однако, не очень хороших. По спра-

ведливости могу сказать, что при всех приложенных усилиях ни груши, ни сливы, ни вишни или тому подобного там не встретишь.

Дичи, особенно перистой, множество; зайцев мало ввиду нераспространенности земледелия, а встречающиеся зайцы — совершенно белые. Диких свиней, косуль, оленей нет вовсе, но много медведей, волков, лис, рысей и тому подобного.

Перистая дичь — это преимущественно глухари, тетерева, тетерки, нежные рябчики, бекасы, дикие утки и т. п., [водящиеся] в большом изобилии. Их крестьяне умеют ловить силками и часто продают за бесценок.

Есть разновидности тетеревов и рябчиков размером с курицу. У большинства их, однако, оперенье совершенно белое, и на вкус их мясо очень нежное. Они разыскивают себе корм на земле и в снегу, и поэтому природа обула их в своего рода шершавые сапоги, тем самым хорошо защитив от холода. Мне никогда в жизни ни в одной местности Германии, Голландии, Брабанта и других стран не доводилось наблюдать подобные разновидности.

Хотя воды изобилуют всевозможной рыбой, однако, поскольку у русских нет подходящих снастей для рыбной ловли и они из-за многочисленных постов с большой жадностью раскупают всю [ее] нарасхват, то рыба тоже довольно дорога. Но в большом избытке есть дурно пахнущая соленая рыба, ее русские полными бочками и целыми судами привозят из Ладоги и других мест, и хотя от нее уже издали распространяется столь сильный запах, что приходится зажимать нос, русские, особенно простолюдины, едят ее с почти невероятной жадностью и так же охотно, как свежую.

Дрова еще как-то можно раздобывать, тонкие и мелкие со временем доставляют хотя бы издали водой. Тем более что его царское величество под страхом смертной казни запретил срубить в С.-Петербурге и особенно на острове Ретусари хотя бы ветку, не говоря уж о дереве.

На островах и особенно в лесах растет также превосходная зелень всяких разновидностей — я сам однажды читал каталог, в котором их было перечислено свыше 300, найденных и собранных в этой местности покойным [ныне] господином Вильгельмом Толле, евангелическим пастором на флоте. Наиболее распространенными породами деревьев являются ель, пихта, сосна, ольха, береза, орешник, и крестьяне приносят на продажу лесные орехи огромными количествами в полных мешках.

Дуб и бук я в тех местах встречал мало, а вернее сказать, не встречал вовсе, кроме двух дубов на побережье на острове Ретусари, как выше уже было упомянуто. Потому также и все корабли строятся русскими там из пихты или ели, и они способны находиться в воде всего лишь считанные годы.

Климат в этой местности и зимой, и летом очень суров, холоден, с ветрами, туманами, дождем или снегом и вследствие многочисленных болот весьма нездоров. Обыкновенно свыше полугода длится постоянная морозная зима (обычную для Германии зиму в сравнении с нею можно было бы счесть настоящим летом), а в остальное

время, помимо июня и июля, по большей части стоит сплошь апрельская и осенняя погода. Поэтому жителям приходится одеваться в теплые одежды или шубы и сапоги. Ведь если один только день идет дождь, то пешком уже нигде не пройдешь, повсюду застреваешь в грязи. Летом прошедшего 1710 года его царское величество начал под руководством немецких мостовщиков мостить камнем город на Финской стороне, но если это делать повсюду, из-за обширности города потребует много лет и огромное количество камня, которого в округе вовсе не много.

Самым любопытным из виденного мною был путь и обращение солнца. Ибо я наряду со многими другими иностранцами и приезжими наблюдал, как солнце в июне и июле не заходило, разве только в продолжение получаса бывали сумерки, так что я и ночью, и днем совершенно свободно и ясно мог читать и писать все, что угодно. И часто совершенно доподлинно видел, как солнце удивительным образом в полуночное время между 11, 12, 1 часом лишь ненадолго заходило на востоке у горизонта, или края земного шара, так что мне казалось, будто для человеческого глаза от момента его захода ненадолго и до момента нового полного восхода оно проходило только шагов 200. Именно потому русские при осаде Выборга потеряли очень много людей, ведь они были видны [неприятелю], когда в ночное время, как обычно, шли на приступ.⁶⁷

Напротив, в другую пору [года], особенно в самые короткие дни, солнечного света мало или почти совсем не заметишь, и едва 2 часа или чуть долее длится день, а в остальное время одни лишь ночь и сумерки.

Еще нужно отметить, что из-за низменности территории С.-Петербургга люди подвержены большим лишениям и опасности наводнения, особенно когда с Восточного моря поднимается буря.

В мое время подобное случилось дважды, и покойный [ныне] герцог Курляндский, живший у самой реки, едва спасся со своими людьми, так как все острова были настолько затоплены водой, что приходилось всерьез ретироваться, и в такое время порой приходится спасаться в шлюпках. Опасность довольно-таки велика, когда буря приходит ночью, как это однажды произошло, и люди не успевают очнуться ото сна; можно себе представить, каково им, если их уносит вместе с домом, скотом, домочадцами, и каков будет ущерб.⁶⁸

Что касается местного населения, то это здоровый и от природы крепкий народ, говорящий на своеобразном языке, называемом финским; это очень трудный язык, не состоящий в близком родстве ни с каким другим. Они очень быстро говорят на нем между собой, так что чужому его не понять. Одеваются они по большей части подобно лифляндцам, носят лыковую обувь, а на голове плоскую шапочку; сзади за поясом — маленький топор. Живущие же в городах одеваются в немецкое платье.

Те, кто живет в Финляндии, почти все евангелическо-лютеранского вероисповедания, в богослужении, церковном пении и молитвах следуют шведским обрядам. Правда, мне все же частенько не казалось невероятным, что они еще повсеместно весьма привержены древним

северным языческим обрядам и запрещенному колдовству. Из жителей Ингерманландии часть исповедует еще евангелическую веру, а часть уже русскую.

Хозяйство у них очень скудное и скверное и не идет ни в какое сравнение с хозяйством самого бедного крестьянина в Германии. Дома в деревнях построены исключительно на русский лад, из одних бревен, уложенных крест-накрест друг на друга; обыкновенно в них только одна комната, в которой стоит большая печь, в ней они все варят и жарят. Вместо окна у них не что иное, как маленькое четырехугольное отверстие, снабженное маленькой дощечкой, которую на него надвигают и сдвигают. У тех, кто живет получше, есть маленькое оконце размером в две ладони из русской так называемой слюды (она, бывает, служит [вместо стекла] также в окнах [домов] бояр и других господ) либо же с лоскутом бумаги или прокопченного холста.

Постелей в деревнях не знают вовсе, жители укрываются тряпьем и одеждой, но обычно, предварительно очень тепло натопив комнату, укладываются, как и простые русские, совершенно нагими на большой печи, похожей на хлебопечарную, или на других положенных под потолком или подвешенных досках и брусках. И нимало не смущаются тем, что муж и жена, работник и девка, дети, собаки, кошки, свиньи, куры и так далее лежат вповалку в одной комнате, которая может быть названа не чем иным, как курной избой. Легко себе представить, какое отвращение и омерзение должен вызывать этот смрад у непривычного путешественника, особенно если учесть, что комнаты обычно настолько заполнены дымом, что когда человек стоит выпрямившись, невозможно разглядеть верхнюю половину его тела. Ночью путешественникам доставляют страдания также многочисленные насекомые, особенно, с позволения сказать, клопы, в неопишуемых количествах сидящие в бревнах и деревянных стенах, и под причиняемой ими пыткой почти невозможно сомкнуть глаза. В этих местах также необыкновенно много комаров, и я, переправляясь через большую реку, бывало, зачерпывал полную шляпу их мертвых, плывших по течению из Ладожского озера.

Вместо свечей они используют тонко наколотые еловые лучины, вставляя их одну за другой в железное приспособление, а под него в некоторых местностях ставят посудину с водой; либо же вставляют эту лучину прямо в бревенчатую стену, не смущаясь тем, что дом может загореться.

Их детские люльки тоже очень заняты. К шести, закрепленному, как у токарей, под потолком, куском тесьмы или веревки привязывают продолговатый короб и кладут ребенка в тряпье, перья или солому; затем этот короб качают ногой или рукой вверх-вниз, а когда мать хочет дать ребенку грудь, она склоняется над коробом и так кормит лежащего в ней ребенка.

Для строительства домов им не требуется никакой иной плотницкий инструмент, кроме маленького топора да еще, пожалуй, угольника, а вместо скобеля — кривой крюк, каким в Германии мясники обыкновенно чистят и скребут колоды, на которых рубят мясо или делают колбасы. Этими инструментами тамошние жители,

как и русские, обычно выполняют все и очень быстро завершают постройку дома. Двери в их домах тоже обычно настолько низкие, что входящему приходится очень сильно наклоняться, а когда открываешь дверь, то навстречу валит такой дым и чад, что немудрено тут же упасть в обморок или задохнуться, но они не обращают на это ни малейшего внимания; вообще повсюду отвратительно грязно.

Поэтому легко себе представить бедствия этих жалких бедняг, когда Господь карает их голодом, войной, а особенно чумой.

Проезжая эти места по пути в С.-Петербург, я еще то и дело встречал в деревнях и домах живых людей, но на обратном пути на протяжении 30 — 40 — 60 и более миль уже не видал почти ни одного человека — все перемерли.⁶⁹ И если бы его царское величество, завладев всей Лифляндией, не приказал от Нарвы через Дерпт (теперь представляющий собой груду камней) до Риги, то есть на протяжении около ста немецких миль, построить для собственного удобства через каждые 3—6 миль несколько домов (поставив у них охрану), которыми иногда могут воспользоваться порядочные путешественники, то в пути, особенно в суровое зимнее время и ужасные морозы, запросто можно было бы и погибнуть. Ибо война, голод, а прежде всего чума совершенно ужасно разорили плодородные добрые Лифляндию и Курляндию. Можно подумать, что в деревнях не осталось почти никого, хлеб остался стоять в поле, домашний скот разбежался и, вероятно, стал добычей волков, все деревни и дома пусты и необитаемы. Дворянские имения и большие округа, насчитывавшие по 2—3—4 и более тысяч крестьян и крепостных, настолько опустели, что в них осталось едва по 3—4 или 6 человек.

Во всем городе Рига, всегда очень многолюдном, голод и чума свирепствовали так, что, например, из бывших там добрых нескольких сотен сапожников и портных я на обратном пути зимой 1711 года нашел не больше трех, и за пару простых башмаков брали 3 рейхсталера серебром. В церквах во время богослужения я видел одних женщин, и все они были в трауре, а мужчин встречал крайне редко. Некоторые люди даже определенно утверждали, что в одной только Риге за время осады, сопровождавшейся голодом и чумой, погибло свыше 60 тыс. человек.⁷⁰ Можно прикинуть, как погостила чума в Польше, Пруссии, Литве, Курляндии и Лифляндии, если наверняка известно, что в одной только Пруссии она унесла более 300 тыс. жизней. Об этой эпидемии чумы в Данциге знаменитый господин доктор Вихманн, тамошний евангелический пастор, написал любопытное сочинение, [изданное] в восьмую долю листа под названием «Богословско-исторический трактат о чуме». Эту книгу сто́ит прочесть, она, в частности, показывает, что в Данциге только на этот раз умерло от чумы свыше 36 тыс. человек.

Припоминаю еще, что, поскольку в Курляндии и Лифляндии, как известно, волков столь много, что они ходят целыми стаями и порой совершенно свободно забегают в дома селян, однажды пара волков зашла во двор [дома], жители которого лежали больные чумой. Волки хотя и приблизились к скоту, бродившему по двору, но, обнюхав, не тронули, а тотчас же повернулись и убежали оттуда.

Этот факт, безусловно, любопытен в отношении падежа домашнего скота.

Упомяну еще, что хотя чума была уже в Нарве и, как говорили, также в Копорье,⁷¹ однако в С.-Петербурге ее не было, но там очень много простых людей умерло от недостатка продовольствия. Поэтому могли предположить, не проникла ли она и туда, и были приняты всевозможные меры предосторожности.

Со смертью бедных простолудинов не соблюдают особых церемоний. Завернув тело в рогузу, привязывают двумя веревками к жерди, и затем два человека его уносят или увозят в санях, как я видел собственными глазами, совершенно нагим, и хоронят без песнопений, колокольного звона и провожающих.

В заключение этой главы я должен сообщить любознательным читателям еще нечто интересное. Будучи при осаде Риги в лагере под нею, я сидел за обеденным столом в палатке у одного генерала под пальбу и бомбардировку. Нам подали, в частности, жаркое из лосины, и возник вопрос, водятся ли лоси еще где-нибудь, кроме Пруссии? Говорили, что будто бы янтарь и лоси есть только там. На это генерал сообщил, что упомянутое животное водится как в Литве и Курляндии, так и в Лифляндии, а лося, из которого приготовлено это жаркое, его охотники убили неподалеку от Риги. В дальнейшей беседе о лосе, в частности о падучей болезни, которой, говорят, он подвержен, упомянутый генерал подробно рассказал, что некоторое время тому назад незадолго до весны был убит лось, и после его разделки в голове нашли несколько больших мух или оводов, а мозг внутри был почти изъеден. Вообще многократно замечено, что насекомые, прежде всего крупные оводы, сильно досаждают этому бедному животному в больших лесах и пустошах, особенно перед наступлением зимы, и стремятся, проникнув через уши, занять в голове зимние квартиры. И отсюда легко заключить, что когда насекомые так жужжали и гудели в голове, да еще для своего пропитания принимались за мозг и старались там укрываться всю зиму, как в теплых краях, едва ли возможен был иной исход, как наконец свалиться от изнеможения и слабости и терпеть такую муку и пытку, лежа будто в падучей или в тяжелой немощи. Предоставляю это как достойное размышлений дальнейшему обсуждению глубокомысленных естествоиспытателей для поисков истины.

Еще я должен здесь сказать о выше упоминавшемся евангелическом пасторе, покойном Вильгельме Толле, что, будучи человеком любознательным, он однажды с несколькими приданными ему в помощь людьми потрудился [в окрестных местностях] до Шлиссельбурга и Старой Ладogi⁷² и за ними в поисках древних редкостей, с этой целью раскопав несколько языческих могил, курганов, где нашел различные древние редкие сосуды, монеты и всякого рода языческие предметы и составил перечень части найденных в этом путешествии редкостей и прочих достопримечательностей. Но сделал это, как я видел, только карандашом, и прочесть написанное нелегко. После кончины пастора упомянутые и другие имевшиеся у него прежде редкие монеты и иные предметы купил господин магистр

Паули⁷³ из Пруссии, бывший генерал-штабс-пастор русской армии при господине генерал-фельдмаршал-лейтенанте бароне Гольце,⁷⁴ мой очень добрый друг, также находившийся в С.-Петербурге в мое время. Паули приобрел все это, чтобы привести в порядок и вкупе с разъяснениями всеподданнейше преподнести одной высокой особе.

Прилагаю на удовольствие господ антиквариеров и любознательных лиц следующий перечень некоторых редкостей, собранных в Москве, Польше и Ингерманландии.

ПЕРЕЧЕНЬ МОСКОВИТСКИХ МОНЕТ

1. Полный рубль, стоящий в той стране 100 копеек, или штиверов, то есть 40 добрых грошей. На одной стороне изображение его царского величества с легендой: *Zar Petr. Alexievvicz u vysca gosiy Povvielitel*, то есть: Царь Петр Алексеевич, повелитель всей России. На другой стороне — русский двуглавый орел с легендой: *Maneta dobraia Zena Rubl. ПАТД*, что означает: добрая монета достоинством 1 рубль. 1704.

Этот рубль выбит на английском рейхсталере, как показывают слова на гуртике: *Decus et Tutamen anno regni vice simo quinto*.

2. Испанский рейхсталер 1624 года, на котором для хождения в этой стране выбиты русский герб со св. Георгием и дата: 1655.

3. Полурубль достоинством 50 копеек (штиверов), или 20 добрых грошей. На одной стороне, как и № 1, имеет царское изображение и надпись; на другой — двуглавый орел с легендой: *Maneta dobria Zena Poltina ПАТВ*, то есть: добрая монета достоинством в полрубля, 1702.

4. Два полурубля, выбитых на испанских крестовых полталерах 1702 и 1704 годов. На первом явственно видны крест и испанский герб; на втором у изображения читается: *REXH.*, а у орла: *R. CO. TYRO*.

5. Четверть рубля достоинством в 25 копеек (штиверов), или 10 грошей. На одной стороне — то же, что на № 1, а на другой — русский орел со следующей легендой: *Pulupol ПАТВ tinnick*, то есть: половина полурубля, 1702.

6. Русская восьмая часть рубля достоинством в 12 копеек, таких идет 5 за один находящийся в обращении талер. Имеет изображение царя и легенду: *Zar. Y.W.K. PETER. Alexievvicz*, то есть: царь и великий князь Петр Алексеевич. На другой стороне — обычный орел с девизом: *Wscia gosiy Povvielitel* — повелитель всей России, 1708.

7. Два гривенника, или русских гульдена, каждый достоинством в 10 копеек, или 4 гроша. На одной стороне верхнего читается: *Gryvveniasck 1704. M.*, то есть: гульден и т. д.; на другой — русский двуглавый орел. Нижний имеет на одной стороне обычного орла и буквы *Z.Y.K.P.A.W.R.S.*, то есть: царь и князь Петр Алексеевич, самодержец всей России. На другой стороне: *ПАТЕ. Gryvna. B K.*

8. Два русских полугульдена, каждый достоинством по 5 копеек, или 2 гроша. На обоих стоит русский орел и *Deset Deneg. ПАТД* — 10 полукопеек, 1704.

9. Два алтына, или 3 штивера, достоинством по 3 коп., или 1 грош и около 3 пфеннингов. На обоих орел и *ПАТД. Altin B K. 1704 altin*.

10. Старая и редкая копейка. На одной стороне изображение, напоминающее идола; на другой: *Peu Welikogo Kniasa*, то есть должно быть: копейка великого князя.

11. Старая копейка с простым орлом; другая сторона поделена начетверо, а из букв в 1-й и 3-й четвертях еще опознаются только а. и ог.

12. Четыре копеечных монеты Ивана I Васильевича,⁷⁵ на которых вместо нынешнего св. Георгия изображен всадник с обнаженной саблей. На другой стороне только: *Knias Wieliky Iwan*, то есть: великий князь Иван.

13. Монета Василия II,⁷⁶ сына последнего.

14. Три монеты Ивана II Васильевича Тирана,⁷⁷ сына последнего. На одной копеечной монете уже герб со св. Георгием, а также титул: *Zag y. Knias*.

15. Монета Федора,⁷⁸ или Теодора, сына последнего. Имеет титул: царь и князь, но также изображение первого скачущего всадника с обнаженной саблей.

16. Монета Дмитрия Ивановича, выдававшего себя за второго сына Ивана II Васильевича. Вероятно, принадлежит Лжедмитрию I;⁷⁹ что-нибудь около 1613 года. На ней конный св. Георгий с копьем, ниже читается слово *Gyrgi*. На другой стороне написано: *Zag. y. Wieliki Knias Dmitriy iwanowicz*.

17. Монета Владислава, польского принца, избранного после Смуты Лжедмитриев.⁸⁰

18. Четыре монеты Михаила Федоровича,⁸¹ избранного русскими вместо последнего, и дедушки нынешнего царя.

19. Три монеты Алексея Михайловича,⁸² отца ныне правящего великоцарского величества.

20. Три монеты Федора Алексеевича,⁸³ покойного старшего брата нынешнего царя.

21. Три монеты Ивана Алексеевича,⁸⁴ покойного второго брата нынешнего царя.

22. Три монеты Петра Алексеевича, ныне правящего великоцарского величества.

23. Медная копейка 1705 года. *Petri Alexievicz*.

24. Три медных деньги, или полукопейки, 1700, 1704 и 1705 годов.

25. Три медных полушки, или четверти копейки, 1700, 1704 и 1706 годов.

РИМСКИЕ, ПАРФЯНСКИЕ, АРАБСКИЕ И ДРУГИЕ МОНЕТЫ

26. Монета императора Траяна.⁸⁵

27. Две монеты императора Кокцея Нерва III и IV.

28. Монета Криспины Аугусты, супруги императора Коммода.⁸⁶

Эти три вышеуказанные монеты — № 26, 27 и 28 — серебряные.

29. Старая парфянская мелкая монета, на которой еще кое-как читается имя Оман или Омар; это либо дядя знаменитого Тамерлана начала XV века,⁸⁷ либо же Омар X или XI века. Монета выкопана

вместе с разбитым сосудом в Ингерманландии близ Старой Ладogi евангелическим пастором по имени Вильгельм Толле.

30 и 31. Две шведские монеты Густава⁸⁸ с легендой: *Omnis Potestas a DEO*, найденные в котле при раскрытии траншей под Выборгом в Финляндии.

32. Старая медная монета, вероятно, из Испании.

33. Четырехугольная силезская монета с силезским орлом, [датой] 1621 и легендой: *Moneta argentea Silesiae III. Talero*; в верхнем углу проставлено: *In*, внизу: *pro*.

34. Четырехугольная памятная монета, на которой проставлено: *15.74 ten Libert. rest. S.P.Q. Zel. Soli Deo Honor*. В верхнем углу исландский лев.

35. Памятная монета на заключение мира после Тридцатилетней войны.⁸⁹ На одной стороне рука, протянутая из облаков, держит над землей венок из оливковых ветвей, с девизом: *Magnas ferte Deo grates pro grate relata*. На другой — нюрнбергский герб с девизом: *Imp. Ferdinand. III. P. F. Augusto Pacis executio decreta. Noribergae M. D. L. 16 Junii*.

36, 37. Две языческие монеты с отверстиями, найденные вместе с № 29 близ Ладogi.

38, 39, 40, 41. Четыре монеты с отверстиями, из них на № 38 еще видно несколько букв. Вероятно, это лифляндские местные монеты, они вместе с только что упомянутыми найдены близ Ладogi в сосудах.

42. Арабская мелкая монета, найденная близ Киева в Казацкой земле.

43. Погребальная монета Антона Генриха, графа Шварцбургского в Гогенштейнского.

44. Маленькая медная английская монета. На одной стороне видны буквы *S. II. R.* с короной и легендой: *Car. D. G. SCOT. A N. F. R. et Hibern. R.* На другой — чертополох с девизом: *Nemo me impune lacesset*.

45. Монета, отчеканенная по случаю коронации, когда его императорское величество Леопольд, в то время король Венгрии, был коронован как король Богемии 14 сентября 1656 года. Есть девиз: *Consilio et Industria*.

46. Монета, отчеканенная по случаю коронации Яна Казимира, короля Польши. На одной стороне рука, протянутая из облаков, держит увенчанный короной сноп хлеба, как герб шведских королей дома Васа; девиз гласит: *Dominus assumsit me*. На другой стороне — протянутая из облаков рука держит кувшин, на котором написано имя: Ян Казимир, а под рукой слова: *Coronatus Anno 1649. den 17. Jan.*, и рядом читается девиз: *Compactum est desuper*.

47, 48, 49. Три шведские монеты Иоанна III,⁹⁰ также найденные при осаде Выборга.

50. Богемская монета короля Фридриха, курфюрста Пфальцского.

51. Финское обручальное кольцо.

52, 53, 54, 55. Четыре финские застежки от верхнего платья и рубашек.

Здесь еще кое-что сказано о так называемом асбесте и тому подобной несгораемой бумаге.

Также различные сосуды и несколько чашек, выкопанных близ Старой Ладogi вместе с перечисленными под № 29, 36—41 монетами, как сообщалось.

Наиболее достопримечательным из всего этого является:

1. Несколько полных рублей и полурублей — чеканка его царского величества поставлена на серебряных рейхсталерах других монархов, причем так, что видна прежняя, — под № 1, 2, 4.

2. Несколько маленьких старых русских монет под № 10, 14 и др.

3. № 29, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 47, 48.

4. Финское кольцо и застешки от рубашек, несгораемый асбест.

5. Древние готские языческие сосуды, жертвенные и погребальные орудия, раскопанные близ Ладogi.⁹¹

НЕСКОЛЬКО СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ О ВЫСОКОЙ ОСОБЕ ЕГО ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Родословную его царского величества уже можно найти в других книгах, поэтому я не считал необходимым повторять ее здесь. Нынешний его царское величество Петр Алексеевич — высок ростом и хорошо сложен, с правильными и живыми чертами смугловатого лица, выдающего бодрую величественность и неустрашимость. Он [не любит парика], у него кудрявые волосы и маленькие усы, очень ему идущие. Обыкновенно его величество видят в такой простой одежде, что тот, кто его не знает, ни за что бы не признал в нем столь великого монарха.

Он не любит ни пышности, ни чрезмерного числа прислуги, и я часто видал его идущим в сопровождении не более одного-двух слуг, а то и вовсе без них. Помимо русского языка, он также порядочно знает немецкий, но еще лучше голландский. При этом он большой любитель всех занятных умозрительных наук, особенно математических и механических; также часто проводит время за токарной работой по слоновой кости. Однако более всего времени и трудов посвящает он мореплаванию и кораблестроению, в котором замечательно искусен и в котором превосходно разбирается. Я и сам часто видел, как он распоряжался и собственноручно работал на кораблях. Следует, кроме того, признать, что его величество благочестив и от природы добр и милостив. Говорят также, будто его величество весьма желал бы по-доброму реформировать и улучшить русское вероисповедание, как он уже для людей, переходящих в русскую веру, отменил в обряде крещения погружение в воду, прежде требуемое. Кроме того, он разрешил не соблюдать в своей армии принятые у русских долгие и строгие посты, во время которых им совсем нельзя есть мясо. Говорят также, что его величество весьма желал бы по примеру иных более умеренных христианских народов, чтобы повсеместно читались проповеди на русском языке, поскольку русское богослужение состоит в основном в чтении и пении мессы; а так как библия у них имеется только на славянском языке, к тому же

в не слишком хорошем переводе, то перевести ее на обычный общепринятый русский язык, чтобы ее легко могли понимать самые простые и ограниченные люди. Еще говорят, что его величество имеет доброе намерение более чем прежде приобщить русских архимандритов, священников, то есть попов, к учению, и впредь бы не мог легко быть посвящен в духовный сан тот, кто лишь немного умеет читать. Однако поскольку теперь его величество занят большой войной и русский народ, как известно, из-за тех или иных введенных обычаев (хотя многие из них хороши и заслуживают похвалы) и без того легко может взбунтоваться, то его величество до сего времени не мог пока вполне осуществить свои намерения. О его величестве нельзя также сказать, что он высокомерен или надменен, ибо он весьма милостив и дружелюбен с самым последним матросом и охотно с ним беседует. Мне довелось слышать рассказ, как его величество король Швеции⁹² однажды объявил, что намерен свергнуть с престола его царское величество; узнав об этом, его царское величество разумно ответил: «Кичливость предшествует падению». И эти слова, как нельзя лучше, подтвердились спустя недолгое время при Полтаве.⁹³ Известно, что он любит и глубоко уважает достойных людей, генералов, офицеров и специалистов (во всяком случае так было прежде) и подтвердил это, в частности, после кончины генерала Лефорта,⁹⁴ генерал-майора Шлунда⁹⁵ и генерал-майора фон Кирхена.⁹⁶ Надо также признать, что его царское величество наделен от природы добрым острым умом, и если он во всех своих предприятиях и делах скор и неутомим, то, однако же, определенно и то, что при исполнении замыслов, особенно крупных, весьма осторожен и осмотрителен и наперед сам все продумывает. В случае важных государственных дел он неожиданно идет к своим министрам и генералам или же предпочитает, чтобы министры и генералы собрались у него, либо определяет для совещания третье место. Он живет не в праздности, но в прилежных трудах. По утрам обычно встает очень рано — мне неоднократно случалось встречаться с ним на берегу в самую раннюю пору направлявшимся к князю Меншикову, либо к адмиралам, либо же на Адмиралтейский двор и в канатную мастерскую. Около полудня он обедает, и ему безразлично, у кого и где есть, однако наибольшее удовольствие доставляет ему есть у министров, генералов и посланников. Среди других ассамблей и собраний в С.-Петербурге охотно собирались также в третьем месте — у одного шведа, мундкоха его царского величества,⁹⁷ где каждую пятницу при желании сходились знатнейшие господа и офицеры, русские и немцы. Там они угощались, платя за это упомянутому повару по дукату, и порой в день набиралось 30, 40 и более дукатов. После обеда царь, поспав с час по русскому обыкновению, вновь принимается за дела и ночью обычно отдыхает по-настоящему.

Он не любит [карточной] игры, охоты и тому подобного, а развлечения ищет только на воде. Это его единственная страсть, и в этом его некоторое преимущество и отличие от всех монархов.

Вода кажется его истинной стихией, и его часто видят целый день плавающим на яхте, буере или шлюпке и упражняющимся в плавании под парусами. В этом деле едва ли превзойдет кто-либо,

кроме господина вице-адмирала Корнелиуса Крюйса. Эта страсть настолько сильна, что его величество видят на воде и в дождь, и в снег, и в любую погоду, какой бы она ни была. Когда большая река Нева уже настолько замерзла, что лишь в одном месте, перед резиденцией его величества, оставалась еще сотня шагов чистой воды, он тем не менее плавал по ней под парусом на маленьком суденышке взад и вперед с обычным успехом.⁹⁸ А однажды взял на себя труд собственной высокой персоной арестовать все шлюпки (их было немало), нарушившие объявленный запрет плавать без парусов,⁹⁹ а также находившихся на них людей и доставил их к господину адмиралу Апраксину в его дом как подчиненный ему офицер и шаутбенахт; каждому [нарушителю] пришлось заплатить по 20—30 рублей штрафа.¹⁰⁰ Я видел также площадку, подготовленную по приказу его величества вдоль берега на реке, когда она уже полностью и крепко замерзла; площадка была несколько сот шагов, или рут,¹⁰¹ длиной и примерно 30 шагов шириной; ее постоянно подметали, содержа чистой от снега и гладкой. Там он катался взад и вперед под парусом на совсем маленьких изящных шлюпках, или буерах, со специальными полозьями и соответствующим образом окованных снизу железом или сталью. И так он упражнялся в катании под парусом на гладком льду.¹⁰²

В военных делах и упражнениях как на суше, так и на воде (их добрым устройством он, без сомнения, обязан иностранцам, особенно немцам и голландцам) царь весьма сведущ, ибо, подавая хороший пример своему народу, взял на себя труд пройти все ступени, начиная от самой низкой, именно мушкетера и барабанщика, а также от матроса, и в мое время уже носил звание генерал-лейтенанта в армии и шаутбенахта во флоте;¹⁰³ за это он получает на себя из казны обычное жалованье. Я заметил также, что моряки, имеющие до него какое-либо дело, должны были обращаться к нему не «ваше царское величество», а «господин шаутбенахт», после чего он, выслушав жалобы и просьбы, направлял их адмиралам.

Как во внутренних и внешних делах он сам занимается всем, сам предпринимает много важных дел и руководит [осуществлением]; как стремится улучшить государство и цивилизовать свой народ; как почти при всех дворах, во всех уголках и концах света держит теперь своих посланников и людей, как знатные русские теперь отправляются в путешествия и чему они должны учиться, чтобы стать искусными на воде и на суше, — рассказ об этом оказался бы слишком пространном.

Хочу упомянуть лишь о том, что однажды слышал: его величество по собственному побуждению вознамерился проложить новую дорогу из города Москвы до С.-Петербурга протяженностью свыше 200 миль; она не только должна быть очень широкой, но пройти по прямой линии обширными девственными местами через заросли, горы и долины, болота и воду и быть насколько возможно ровной. Кроме того, на ней предполагается поставить от одной почтовой станции до другой трактиры и деревни, с тем чтобы путешественники могли находить гораздо большие удобства и следовать дальше. Если это будет осуществлено, то, конечно, явится великим делом.¹⁰⁴

Еще я должен сказать, что означают так называемые версты.

Одна верста равняется приблизительно четверти мили или несколько меньше, и все [расстояния] в этой стране измеряются верстами. 5 верст составляют немецкую милю,¹⁰⁵ и когда я еду из одного места в другое, из одного города в другой, то на каждой версте вижу установленные столбы, на которых написано или вырезано, на сколько верст один [город] отстоит от другого, поэтому тотчас можно видеть, сколько уже проехал; цифры проставлены с двух сторон, например: от С.-Петербурга до Нарвы ровно 164 версты, или 164 столба. Стало быть, следуя из Нарвы, на определенном расстоянии от нее вижу на одной стороне [столба], скажем, цифру 23, а на другой — 141, и в сумме будет 164. Подобные обозначения есть на каждом столбе.

Итак, я сразу могу узнать, сколько уже проехал и оставил за спиной и далеко ли еще до места, куда направляюсь. Для большей ясности я поместил на предыдущей, 77-й, странице изображение верстового, или дорожного столба, а здесь, на странице 78-й, для примера схематично представил дорогу из Нарвы в С.-Петербург.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О НЕКОТОРЫХ МИНИСТРАХ

Ограничиваясь кратким сообщением об этом, прежде всего скажу о князе Меншикове. Он первейший министр царя и доньше ближайший фаворит. Он высок ростом и статен и может похвалиться необыкновенным редким счастьем, ибо будучи самого низкого происхождения достиг княжеского достоинства. Он содержит порядочный придворный штат на немецкий манер, большинство его слуг — тоже немцы. Он пишется с большим титулом, он — фельдмаршал-аншеф царской армии, также губернатор Псковский, Ингерманландский,¹⁰⁶ Лифляндский, а теперь еще и Курляндский. Кроме того, его украшают различные ордена; в Мариенвердере он удостоен королевского прусского ордена,¹⁰⁷ а в 1710 году его величество король Дании прислал ему голубую орденскую ленту,¹⁰⁸ которую князь носит через плечо, [названный же] первым [орден] — в петлице. Сверх того, фортуна одарила его большими средствами и крупным состоянием, и он может похвалиться тем, что владеет сердцем царя и является вторым после него человеком во всей России; хотя у князя, говорят, и очень много завистников, но все они должны его опасаться. Он содержит самый большой из всех [вельмож] штат и, как я заметил, в случае торжеств князь Меншиков должен их устраивать. Так, например, все устраивалось им при бракосочетании покойного [ныне] герцога Курляндского или по поводу некоторых завоеваний важных местностей и подобные торжественные пиры. Сказать нельзя, сколько [таких празднеств] состоялось за время моего там пребывания, и на них в воздух было расстреляно невероятно много пороха, ибо когда пили за чье-либо здоровье, то, как правило, всякий раз палили из 11 пушек, и это часто продолжалось непрерывно с полудня до позднего вечера, а то и до полуночи. Все проходит через

руки князя, он — доверенное лицо царя, и тем, у кого есть важное дело, приходится делать это через него. Действительно, ныне нам неизвестен другой подобный пример, чтобы кого-то фортуна вознесла с самой низкой ступени, из праха, на столь высокую вершину почестей; однако не знаю, сохранит ли ему фортуна до конца его дней эти высокие почести и благополучие. Я было намеревался кратко описать его жизнь и счастливое возвышение, но случайно прочел напечатанный два года тому назад в Париже маленький труд, в котором под названием «Le Prince Kouchimen» (читай наоборот: Мен-ши-ку, или -ов) и под другими скрытыми именами его жизнь описана уже довольно ясно. Книга эта потом была также вполне сносно переведена на немецкий язык.¹⁰⁹

Государственный, или великий, канцлер его превосходительство граф Головкин — из старого знатного русского рода. Это высокий и видный господин, удостоенный русского ордена Св. Андрея. Он занимается непосредственно государственными и политическими делами, и хотя не знает немецкого языка, однако имеющий к нему какое-либо дело может изложить его через переводчиков, каковых при великом канцлере несколько. Говорят, он искусный политик, и действительно, я должен отозваться о нем одобрительно, назвав его господином разумным и скромным, и за это его хвалят как соотечественники, так и иностранцы. При этом он очень набожен, будто бы настолько, что порой ночью встает с постели, когда его слуги уже спят в передней, и тем не менее истово молится перед своими богами. Кроме того, о нем говорят также, что он справедлив и одновременно великодушен. У него порядочное хозяйство, хотя далеко не такое большое, как у Меншикова, и он пользуется большим доверием и царя, и подданных.

Государственный подканцлер, ныне барон, Шафиров — видный, коренастый и полный господин. Он является, так сказать, помощником великого канцлера и обыкновенно занимается иностранной и немецкой перепиской, поскольку хорошо знает немецкий и польский языки. Поэтому же и немцы, как правило, обращаются сначала к нему. Он — тот самый господин, который одно время находился с сыном фельдмаршала Шереметева в Константинополе.¹¹⁰

Великий адмирал его превосходительство граф Апраксин — из древнего знатного русского рода — коренастый господин, удостоенный ордена Св. Андрея. Он производит впечатление хорошего и честного человека. Ему принадлежит главное управление флотом и морскими делами. Он содержит порядочный штат в соответствии со своим положением и пользуется добрым отношением всех.

Вице-адмирал его превосходительство господин Корнелиус Крюйс — высокий видный человек, под глазом у него багровое родимое пятно. Он чрезвычайно опытный моряк и участвует в управлении морским ведомством, где, пожалуй, основное бремя лежит на нем. Он в высшей степени правдивый и честный человек, великодушный, справедливый и обязательный в делах. При этом он очень вежлив, отзывчив и радушен по отношению ко всякому. Он превосходно владеет своей профессией, за что и находится в особой милости у царя. Помимо того, он еще главный старшина евангелических

и реформистских церквей и школ всей России и по справедливости покровитель и патрон всех немцев и голландцев.

Господин адмиралтейств-советник по фамилии Кикин родом русский, он добрый и видный человек. Он любит специалистов и образованных иностранцев, особенно немцев. Он заведует всем необходимым для вооружения кораблей.

Комендант крепости С.-Петербург — по происхождению из старых московских немцев, его фамилия Брюс,¹¹¹ он брат генерал-фельдцейхмейстера господина Брюса.¹¹² Комендант евангелического вероисповедания, разумный и честный человек, имеет чин генерал-лейтенанта.

Кроме того, во время моего пребывания в С.-Петербурге там находились из других знатных господ, министров и посланников: его княжеская светлость покойный [ныне] герцог Курляндский, безвременная смерть которого вызвала общее сожаление.

Далее [перечисляю] без соблюдения рангов.

Его величества Римского императора чрезвычайный посланник его превосходительство господин граф фон Вильчек¹¹³ и т. д., и т. п.

Его величества короля Польши и его светлости курфюрста Саксонии чрезвычайный посланник его превосходительство господин граф фон Фицтум.¹¹⁴

Его величества короля Дании чрезвычайный посланник его превосходительство господин вице-адмирал фон Юль¹¹⁵ и т. д.

Его величества короля Пруссии чрезвычайный посланник его превосходительство господин маршал фон Биберштейн¹¹⁶ и т. д.

А также господин посланник тайный советник фон Кайзерлинг, ныне уже покойный.¹¹⁷

Господин советник палаты Лау¹¹⁸ из Кенигсберга, поверенный из Курляндии и другие. От князя Ракоци¹¹⁹ тоже кто-то был, но я забыл его имя. Из генералов там были, в частности, генерал Ренн,¹²⁰ Энциберг,¹²¹ Биркгольц,¹²² также многие офицеры более низких званий.

Кроме того, господин фельдмаршал-лейтенант барон фон дер Голыц, находившийся в немилости, и над ним состоялся формальный генеральный военный суд по немецкому образцу.¹²³

Далее, шведские генералы в качестве военнопленных, среди них господин граф Пипер,¹²⁴ господин фельдмаршал Реншельд,¹²⁵ генерал граф Левенгаупт.¹²⁶ [Еще] господин граф Стрёмберг,¹²⁷ как бывший рижский генерал-губернатор, но его обменяли на находившегося в шведскому плену русского генерала Вейде¹²⁸ и он отплыл морем в Стокгольм. Также и статс-секретарь Седерьельм.¹²⁹

Эти господа перед началом войны с Турцией¹³⁰ вновь были отправлены из Петербурга в глубь России. Правда, находился там еще некий кавалер Мальтийского ордена, родом француз, намеревавшийся наняться командиром корабля, но, не достигнув этой цели, должен был ни с чем уехать обратно.

В этой связи я вполне мог бы добавить еще много замечаний о важных вещах, однако имею свои причины ограничиться здесь уже изложенным. Но в заключение хочу еще привести описания трех любопытных празднеств, и первое —

ПОДЛИННОЕ ОПИСАНИЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ
ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКОГО С ЕЕ ВЫСОЧЕСТВОМ
РОССИЙСКОЙ ПРИНЦЕССОЙ

После того как на 11 ноября (31 октября) 1710 года было окончательно назначено совершение в С.-Петербурге бракосочетания герцога Курляндского, за два дня до этой даты 4 камергера ездили в карете, запряженной шестеркой лошадей, — два по эту и два по ту сторону реки Невы — приглашая на празднество иностранных и отечественных министров, а также иных знатных особ.¹³¹ В назначенный день около 9 часов утра его царское величество как обер-маршал отправился в сопровождении 24 подмаршалов и нескольких знатных господ и кавалеров в шляпках через Неву от своего дома к вдовствующей царице,¹³² поскольку ее величество жила по другую сторону реки. Вперед плыл немецкий оркестр из 12 музыкантов с рожками и тромбонами; за ним следовали его царское величество с несколькими шляпками, и царская барка находилась в середине. На гребцах была матросская одежда из красного бархата с золотыми галунами, и на груди [у каждого] — большой серебряный щит с царским гербом. Его царское величество был в алом платье с собольими отворотами, опоясан серебряной бахромчатой портупеей с серебряной шпагой, при ордене Св. Андрея на голубой ленте, в белом парике на голове, однако без шляпы, а в руке он держал большой маршальский жезл с длинной кистью из богатых золотых и серебряных переплетенных лент.

Когда его царское величество прибыл к вдовствующей царице, там уже собрались августейшая невеста с ее высочествами своими сестрами и царской сестрой и знатнейшими русскими дамами в соответствующих случаю немецких одеждах. Его величество приветствовали несколько русских господ и кавалеров и провели к вдовствующей царице. Примерно через полчаса все сошлись к судам.¹³³ Его величество шел с маршальским жезлом впереди, за ним следовала августейшая невеста с двумя ее высочествами сестрами-принцессами и вдовствующей царицей. Они сели в вышеупомянутую барку, а другие дамы, русские господа и кавалеры, севшие в шляпки, последовали за ней. Его царское величество отправился затем к резиденции герцога Курляндского, где уже собрались иностранные министры, многие другие знатные господа и офицеры. Вышеупомянутые музыканты с рожками и тромбонами шли впереди, а за ними царь с маршальским жезлом в руке и многие знатные господа. Его светлость герцог с присутствующими господами пошли навстречу его величеству и провели его в большой зал. Августейшая невеста с другими дамами тем временем оставались на воде в барке и шляпках. Его величество, откушав поданных сластей и холодных блюд, вернулся со всеми к барке и шляпкам, которых было более 50, и все поплыли вниз по реке к дворцу князя Меншикова в следующем порядке:

- 1) вышеупомянутые музыканты с рожками и тромбонами;
- 2) его величество как обер-маршал с подмаршалами и несколькими знатными господами, министрами и кавалерами;

3) августейшая невеста, вдовствующая царица, другие их высочества принцессы и большая свита дам;

4) иностранные и отечественные министры, присутствующие генералы, офицеры и многие русские князья, бояре, а также иные господа.

Прибыв к дворцу князя Меншикова и высадившись, господа и министры пошли вперед. За ними шли по бокам от герцога Курляндского его царское величество, заменявший также отца, и князь Меншиков. Затем августейшая невеста в сопровождении великого адмирала графа Апраксина и великого канцлера графа Головкина. Далее вдовствующая царица с их высочествами принцессами. Наконец прочие русские и другие дамы. Шествие замыкало несколько кавалеров и офицеров, а также множество других лиц и придворных, русских и немцев. Все они были облачены в весьма богатые немецкие одежды. Невеста была в белом бархатном платье с золотыми городками и длинной княжеской мантии красного бархата, подбитой горностаем, которую она, однако, [потом] сняла, садясь за стол; на голове ее была прекрасная, усыпанная алмазами королевская корона. Герцог же был облачен в белое платье с золотым шитьем.

Когда входили во двор, слышались звуки литавр и труб — рота Преображенской гвардии взяла на караул, и ее музыканты заиграли. Затем в том же порядке процессия сразу двинулась в определенную небольшую комнату, где одним русским архимандритом ¹³⁴ был совершен обряд венчания. Посреди комнаты, ближе к одной ее стороне, находился алый бархатный балдахин, на полу лежал турецкий ковер, рядом в углу за шелковой занавесью была устроена маленькая часовня. Спереди у входа [в нее] на этой шелковой занавеси были красиво нарисованы, по русскому обычаю, изображения нескольких святых и [написаны] русские надписи. Внутри стоял маленький столик, или алтарь, на котором были серебряная шкатулка с русским Богом, как они его называют, а также большая книга в серебряном окладе, зажженная свеча и два красных княжеских венца. Обряд венчания архимандрит совершил на русском языке, но потом ему пришлось повторить на латинском. Во время церемонии бракосочетания только что упомянутые княжеские венцы держали: один — над принцессой — князь Меншиков, а другой — над герцогом — морской капитан. Однако при этой церемонии не палили из пушек, что впоследствии было сочтено упущением. Сразу после венчания пошли к столу в оборудованные для пира две большие комнаты. В первой, как главнейшей, у дальней стены находился алый бархатный балдахин, под которым стоял большой овальный стол; к нему как к свадебному его величество повел жениха герцога и августейшую невесту — ее по правую, а герцога по левую руку. Напротив сидели их высочества принцессы — сестры невесты, затем вдовствующая царица, сестра царя и прочие дамы. Над августейшей невестой и их высочествами принцессами висели лавровые венцы, а над герцогом — венок, сплетенный на древнеримский манер. Кроме этого стола, перпендикулярно к нему стояли два больших овальных стола, за одним из них сидели русские княгини, боярыни и иные знатные придворные дамы. За другим — некоторые русские и немецкие кавалеры.

леры и офицеры. У стены близ входа в комнату, напротив свадебного, был еще один большой овальный стол, за которым сидели князь Меншиков, знатнейшие отечественные и иностранные министры и несколько генералов.¹³⁵

В другой же комнате были два длинных узких стола со скамьями, за ними сидели некоторые бояре и другие русские и немецкие господа, офицеры и придворные.

Гостей на этой свадьбе угощали самолично его царское величество как обер-маршал с маршалским жезлом и 24 подмаршала, или шафера, как их называют; все они и сам его величество ходили вокруг столов, имея в знак своего звания на правой руке розу или кокарду из брабантского кружева и красивой дорогой разноцветной ленты. Его величество сам стоя провозглашал тосты за здоровье и находился в добром расположении духа. А подмаршалы (часть их была из морских капитанов), по русскому обычаю, подносили гостям стаканы с вином. За свадебным столом кушанья подавал первый камергер его величества. Всякий раз, когда пили за здоровье, раздавались залпы из 11 пушек либо из 14 пушек с корабля, или яхты, его величества как шаутбенахта, называемой «Лизета».¹³⁶ Для стрельбы перед домом Меншикова были установлены 15 шестифунтовых бронзовых и 15 чугунных пушек, а на реке напротив стояла упомянутая яхта, сверху донизу увешанная развевающимися разноцветными флагами и вымпелами.

Встав из-за стола, до 2 часов ночи танцевали польские и французские танцы. Но около двух светлейшая чета была сопровождена его царским величеством и знатнейшими [гостями] в спальню, где стоял стол со сладостями. Невеста и жених с несколькими кавалерами и дамами, сев за него, выпили [по] несколько стаканов вина. Однако через четверть часа поднялись, и жених с невестой удалились для раздевания в имевшиеся там две комнаты. Остальное же общество разъехалось по домам. Когда невеста и жених разоблачились, сначала невеста была препровождена вдовствующей царицей и принцессами к ложу, а затем жених — его царским величеством. Назавтра князь Меншиков вновь угощал в своем дворце; перед тем как сесть за стол, его царское величество сорвал венок, висевший накануне над герцогом, и когда герцог с герцогиней намеревались сесть, пригласил его светлость самому сорвать, по русскому обычаю, венец, также накануне висевший над невестой. Герцог и вознамерился сделать это тотчас же, но поскольку венец был привязан довольно крепко, он, проворно воспользовавшись ножом, отрезал его. Два же других венца, под которыми сидели еще незамужние принцессы, остались висеть.

Среди прочих угощений на обоих главных столах были поставлены два больших бутафорских пирога, каждый длиной примерно в пять четвертей локтя. Когда прочие блюда убрали, его величество раскрыл эти стоявшие уже некоторое время пироги, и из каждого выскочило по хорошо одетой карлице. Его величество перенес одну со стола князя Меншикова к свадебному столу, где обе карлицы станцевали маленький менуэт. В продолжение обеда провозглашали много тостов за здоровье; и под звуки труб и литавр часто — гораздо чаще, нежели накануне —

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ СТОЛОВ И ОТВЕДЕННЫХ КОМНАТ,
ГДЕ КУШАЛИ НА СВАДЬБЕ ЕГО СВЕТЛОСТИ ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКОГО
И ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ПРИНЦЕССЫ

Виночерпии		Виночерпии
Русские дамы	Стол князя Меншикова, за ним иностранные министры	Передняя, где были музыканты с трубами, литаврами, рожками, тромбонами и другими инструментами
Свадебный ----- Балдахин ----- стол		
Кавалеры		Столы бояр и других господ и придворных
Виночерпии		Виночерпии

по обыкновению, всякий раз делалось 11 выстрелов. После продолжавшихся примерно 2 часа танцев был представлен фейерверк, длившийся полтора часа, однако плохо удавшийся, так как с его величеством, когда он фейерверк зажигал, едва не произошло несчастье. На реке на специально построенных плотках были поставлены три главные части. Среди прочего были видны вензели обоих новобрачных, а над ними их гербы, которые паривший в воздухе купидон держал соединенными цепью. Сверху была надпись, заключающая в себе дату:

p r I n C I p e s a M o r I s f o e D e r e I V n C t I .

Был также купидон, скрывавший на наковальне два сердца, с надписью на русском языке: «Два воедино соединяю». Когда фейерверк сторел и еще с час потанцевали, его светлость герцог с ее светлостью молодой супругой, сопровождаемые несколькими министрами и придворными, отправились в свой дом, где стол уже был накрыт сластями и холодными кушаньями. Намерение же прочих присутствовавших иностранных министров и других, также желавших проводить домой светлейшую чету, его светлость отклонил ввиду весьма позднего времени. На третий день, 13(2) ноября, придворный пастор герцога Курляндского благословил брак проповедью и были прочтены из 12-го псалма стихи 5 и 6.

В следующее воскресенье герцог угощал его царское величество со всем царским семейством, а также знатнейших дам, иностранных министров и других кавалеров. Здесь царь со своими бывшими на свадьбе 24 подмаршалами занял отдельный стол. Дамы также сидели за отдельным столом, а за третьим князь Меншиков, герцог Курляндский, иностранные и другие министры и т. д.

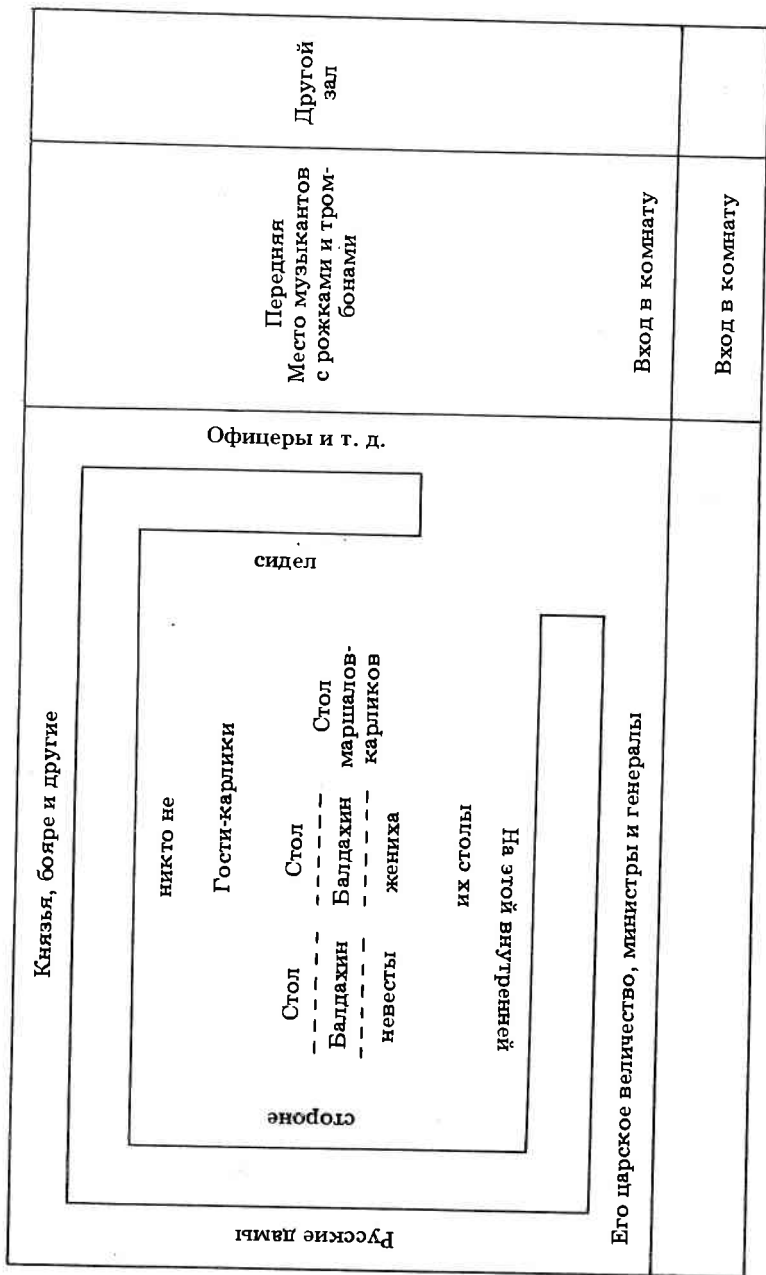
Это — наилучшее и точнейшее описание, удостоенное чести быть разосланным к королевским, курфюршеским и княжеским дворам.

Й. Г.¹³⁸

После того как его величество милостивейше соизволил устроить свадьбу карликов, она была окончательно назначена на 24 (13) ноября 1710 года, то есть вскоре после бракосочетания герцога. Накануне два хорошо сложенных, хорошо одетых карлика ездили по городу в маленьком трехколесном экипаже, запряженном доброй лошастью, украшенной разноцветными лентами, приглашая на свадьбу высоких гостей. Перед экипажем, по русскому обычаю, ехали верхами двое хорошо одетых слуг. Утром назначенного для свадьбы дня невеста и жених были русским обычаем обвенчаны в русской крепостной церкви. Впереди шел хорошо одетый маленький карлик-маршал с маршалским жезлом, на котором висела длинная, соразмерно жезлу, кисть, сплетенная из разноцветных лент. За карликом-маршалом следовали тоже красиво наряженные невеста с женихом, затем его царское величество в сопровождении нескольких своих министров, князей, бояр, офицеров и прочих; за ними карлики мужского и женского пола, всего числом 72; ¹³⁹ одни жили здесь у его величества царя, у вдовствующей царицы, у князя и княгини Меншиковых и других господ; большинство же было специально срочно доставлено сюда из России, и некоторых привезли для этого более чем за 200 миль. ¹⁴⁰ Шествие замыкала толпа зрителей. В церкви эти карликовые особы заняли середину, и когда священник спросил карлика-жениха, желает ли он сочетаться браком со своей невестой, тот звонким голосом ответил по-русски: «С тобой и никакой другой». Невеста же на вопрос, желает ли она иметь мужем своего жениха и не помолвлена ли она с кем другим, ответила: «Вот было бы забавно», однако ее «да» прозвучало едва слышно, над чем присутствующие от всего сердца посмеялись. Его величество в знак своей высокой милости сам по русскому обычаю держал над нею венец. По совершении обряда венчания все отправилось водой вниз по течению во дворец князя Меншикова и сели за стол. Для этого был отведен тот же большой зал, в котором его величество угощал гостей на свадьбе герцога Курляндского. Невеста с женихом и всей компанией карликов, одетых красиво и богато в немецкое платье, расположились посреди комнаты за различными маленькими столами.

Над столами жениха и невесты (они сидели за разными столами) находились два маленьких шелковых балдахина, а там, где сидела невеста, висели и три маленьких лавровых венца — один над нею, другие над ее подружками. Над женихом был сплетенный лавровый венок. Угощали гостей, как и на свадьбе герцога Курляндского, маршал и 8 подмаршалов — все карлики, также в знак своего звания имевшие на правом рукаве кокарды из кружев и разноцветных лент. Они хлопотливо ходили по залу, хорошо потчужа гостей, и проделывали это столь забавно и важно, словно никого, кроме них, в комнате не было. Маленький форшнейдер, сидевший между обеими подружками невесты, также был удостоен ими кокарды и в изъявление признательности и благодарности каждую поцеловал. Вдоль четырех стен тянулся как бы только один-единственный узкий

ОБОЗНАЧЕНИЕ СТОЛОВ, КАК ОНИ СТОЯЛИ НА ПАМЯТНОЙ СВАДЬБЕ КАРЛИКОВ

стол, за ним сидели его величество с герцогом Курляндским, иностранные и российские высокие министры, генералы, герцогиня Курляндская, ее сестры-принцессы и знатнейшие русские дамы, а также, наконец, прочие князья, бояре и другие русские и немецкие офицеры; все расположились вокруг спиной к стене, как показано на чертеже, таким образом, чтобы лучше наблюдать за суетой и действиями карликов. Провозглашать тосты за здоровье начал маленький маршал, подошедший со своим жезлом в сопровождении восьми подмаршалов к столу его величества. Они поклонились до земли и затем осушили свои стаканы до дна, словно самые большие люди, чем всех удивили. При этом находившиеся перед комнатой музыканты заиграли в рожки и тромбоны.

За домом стояло несколько маленьких пушек, однако они не выпалили, так как юный сын князя Меншикова был смертельно болен и скончался еще того же дня.¹⁴¹ Когда поднялись из-за стола, танцевать стали одни только карлики, но русские танцы. Это продолжалось примерно до 11 часов, и они по-своему очень веселились. Легко вообразить, какие тут были удивительные прыжки, ужимки и фигуры как во время танцев, так и у столов, и карлики сильно веселили, заставляя смеяться всех высоких и знатных свадебных гостей, особенно его величество. Ведь среди этих 72 карликов было столько самых разных и дивных фигур, что на них невозможно было глядеть без смеха. У некоторых был высокий горб и коротенькие ножки, у других большой живот, у третьих коротенькие кривые ножки, как у таксы; в свою очередь у них большая толстая голова, или кривой рот и большие уши, или маленькие глазки и толстые щеки и много другого забавного. Вечером жениха и невесту отвезли в царский дом, где в спальне царя им было приготовлено ложе, и они провели ночь в любовных утехах. Остальных же карликов отправили по своим местностям. Так завершилась эта свадьба в миниатюре, ставшая редкостным событием и собравшая вместе более 70 карликов, славно позабавивших свадебных гостей и прочих многочисленных зрителей.¹⁴²

ИЗВЕСТИЕ О ДРЕВНЕМ РУССКОМ ОБРЯДЕ ВОДОСВЯТИЯ

Это водосвятие — древний обычай, восходящий еще к первым греческим христианам, а может быть, и к более раннему времени, поскольку прежде полагали, что проточная вода особенно хорошо смывает грехи. Потому и первые христиане стремились креститься в проточных реках, тем более что обычай первых христиан требовал и детей, и взрослых, обращенных из язычества в христианскую веру, трижды погружать в воду. Он сохраняется и по сей день у русских, чрезвычайно любящих купаться и мыться в реках. А для того чтобы эти реки, по их мнению, воздействовали еще сильнее, русские в один определенный день¹⁴³ освящают такую воду; это, если не ошибаюсь, день трех волхвов. В прошедшем 1711 году в названный день я наблюдал церемонии, сопровождавшие это освящение. Рано утром, в соответствии с русским обычаем, в церквах и часовнях зазвонило

много колоколов, и богослужение отправлялось с особенной торжественностью. Тем временем на большой реке Неве, покрытой очень толстым льдом, выстроился в большое каре пехотный полк, как бы закрыв крест. В середине [этого каре] во льду была проделана большая четырехугольная прорубь, подобно колодцу, площадью примерно 3—4 квадратных фута, и обнесена перилами, покрытыми грубым красным сукном. За нею возвышалась деревянная арка — крестообразная и заостряющаяся кверху; внизу на ленте казался деревянный голубь, без сомнения, представлявший Бога — Святого Духа. У этой проруби был также поставлен стол, или алтарь, у которого попы и священники совершали свои церемонии. Примерно в 10 часов, по завершении в крепостной церкви службы, архимандриты и попы в полном облачении направились процессией из крепости к упомянутому месту на реке. За ними следовали его царское величество, министры и несколько тысяч господ и простолюдинов. По прибытии туда пропели молитвы и затем первенствующий архимандрит совершил обряд водосвятия, после чего обрызгал стоявших вокруг знатных господ и прочих кропилом; также им подали в сосудах для испития воду. При этом выпалили пушки с крепости, и войско в строю также салютовало.

После этого его величество со многими из знатнейших господ отправились по домам. Едва высокопоставленные особы удалились, остальные русские обоюго пола огромной толпой очень поспешно подбежали к проруби и принялись черпать из нее воду, насколько это удавалось в сильной давке. Одни уносили воду домой, чтобы поделиться со своими [домочадцами], а иные, главным образом мужчины, раздевшись донага, с большим нетерпением и пылом бросались в прорубь и некоторое время омывались. Между тем остальные как ни в чем не бывало наполняли водой свои кувшины и [другие] сосуды, невзирая на то, что люди [рядом] весьма усердно смывали с себя грязь. Наконец ушел войсковой караул, и люди постепенно расходились. Но купание и зачерпывание воды продолжалось еще весь день; дома ее отчасти пили, отчасти же женщины мылись в ней.¹⁴⁴ Ибо русские верят, что эта вода на протяжении целого года будет сильным лечебным средством, и не только в этот день, а пока у них остается хоть капля, употребляют ее для смывания грехов и избавления от них. В [описываемый] день стояла сильная стужа, но купавшихся в проруби это ничуть не смущало. Впрочем, я частенько видал, как и мужчины, и женщины, чрезвычайно разгоряченные, выбегали вдруг нагими из очень жаркой бани и с ходу прыгали в холодную воду или какое-то время катались в снегу, остывая, сколь бы ни был силен мороз. После этого они считают себя совершенно здоровыми и бодрыми. Поэтому русские моются очень часто; пожалуй, нет ни одного домишки или хижины, даже самой бедной, при которой бы не стояла баня. Иного лечения они не знают.

Вышесказанным легко можно объяснить, почему русские предпочитают селиться у больших и малых рек. Ведь купание для них — почти незаменимая и необходимая вещь, будь то зимой или летом.

Вообще зимой они моются едва ли не охотнее, нежели летом, так как получают тогда большее удовольствие и радость от большего остывания и взбадривания. Однако другим народам, особенно живущим в умеренном и жарком климате и непривычным к такому охлаждению, пришлось бы худо, последуй они в этом господам русским. И на этом известию конец.

КОММЕНТАРИИ

¹ Нотебург (древняя русская крепость Орешек) на острове в истоке Невы из Ладожского озера был взят штурмом 11 октября 1702 г. и переименован Петром I в Шлиссельбург («Ключ-город» — царь справедливо считал эту крепость ключом к Балтийскому морю). Ныне вновь носит первоначальное название — Орешек.

² Ниеншанц (русское название Канцы) — крупный центр международной торговли у впадения р. Охты в Неву; взят войсками Петра I 1 мая 1703 г. Царь переименовал Ниеншанц в Шлотбург, но вскоре приказал его срыть.

³ Ингерманландия — немецкое и шведское название Ижорской земли (Ижоры), территории по южному побережью Финского залива, левому берегу Невы и юго-западному Приладожью. Встречается также латинское ее название Ингрия.

⁴ Восточное море (Ost-See) — Балтийское. Мы здесь и далее переводим как «Восточное», ибо в публикуемых описаниях наряду с Ost-See встречается и Baltische See.

⁵ Ретусари, Ретусаари — финское название о. Котлин; именовался также островом Ричарда.

⁶ Речь, скорее всего, идет о нападении шведского корпуса (8 тыс. человек) с моря на Котлин 15 июля 1704 г. Подойдя к острову приблизительно на 40 кораблях и судах, противник пытался высадить тысячный десант на 50 лодках, однако, встреченный дружным огнем, отступил, понеся большие потери (Походный журнал 1704 года. СПб., 1854. Дополнение. Поденная записка, или журнал воинского и иного поведения, 1704-го года генваря с 1-го числа. С. 62—63; Крепость Кронштадт при Петре Великом. Кронштадт, 1904. С. 8). Очень похожий эпизод имел место ровно через год — 14 июля 1705 г. (Походный журнал 1705 года. СПб., 1854. С. 23—24; Крепость Кронштадт... С. 10—11). О нападении 1705 г. сообщил в своем дневнике датский посланник (Юль Ю. Записки. С. 179).

⁷ Неточность. Санкт-Петербургская крепость была заложена 16/27 мая 1703 г.; эта дата считается днем основания города.

⁸ Цифра легендарная и проверке не поддается. В иностранных источниках первой четверти XVIII в. нередки подобные сведения о десятках, а то и сотнях тысяч работорных людей, погибших при строительстве Петербурга, Кроншлота и Кронштадта, Таганрогской гавани и крепости, каналов и т. д. Л. Ю. Эренмалм, например, писал, что на строительстве одной только Петербургской крепости за 1703—1704 гг. «было погублено свыше 50—60 тысяч человек» (*Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd under Peter I // Uppsala universitetsbibliotek. H-195. S. 11*). Согласно сведениям Ф.-Х. Вебера, на петербургских и кроншлотских работах погибло более 300 тыс. человек (см.: *Вебер Ф.-Х. Записки. Стб. 1119*). Сошлемся в этой связи на письмо А. М. Черкасского, в 1717 г. доносившего царю: «По примеру прошлых лет беглых и умерших в год 1000 человек, иногда и больше» (цит. по: *Пекарский П. П. Петербургская старина. Т. 81. С. 338*). Однако неясно, какова в этой цифре доля последних.

⁹ Земляная крепость действительно была в основном возведена за вторую половину мая—август 1703 г.

¹⁰ Земляной кронверк был построен в 1705—1708 гг.; состоял из бастиона и двух полубастионов, соединенных куртинами (*Бастарева Л. И., Сидорова В. И. Петропавловская крепость. Л., 1983. С. 10*).

¹¹ Крепость целиком занимает небольшой остров, образованный Невой и Кронверкской протокой; остров имеет около 750 м в длину и около 360 м в ширину. Более известен под названием Заячьего (швед. Хазенхольм, Газенхольм; фин. Енисаари); назывался также Веселым (швед. Люстэланд).

- ¹² Первоначальная церковь во имя св. Петра и Павла, заложенная 29 июня 1703 г.; в 1712 г. вокруг нее стали возводить каменный собор.
- ¹³ Лютеранская церковь во имя св. Анны была построена в 1704 г.
- ¹⁴ Неточность. Каменные стены крепости вместо земляных начали поэтапно возводить с 30 мая 1706 г.; строительство было в основном завершено к 1740 г.
- ¹⁵ 300 пушек стояло на валах крепости уже осенью 1703 г. (*Кани П. Я. Петропавловская крепость. Л., 1957. С. 28.*)
- ¹⁶ Первый мост (плашкоутный) с Заячьего острова на Петербургский был построен в 1703 г. одновременно с земляной крепостью. Вскоре он был перестроен, стал многопролетным мостом балочной системы на свайном основании и просуществовал до 1738 г. (*Бушин М. С. Мосты Ленинграда. М., 1986. С. 34.*)
- ¹⁷ Первоначальные деревянные ворота построил в 1708 г. Д. Трезини. После перестройки в камне (1717—1718 гг.) ворота получили название Петровских (*Кани П. Я. Петропавловская крепость. С. 63.*)
- ¹⁸ То же в описании датского дипломата под 30 апреля 1710 г.: «...царь (завел) себе большой желтый русский штандарт, который при всяком торжестве развевается над Петербургскою крепостью. На (штандарте) изображены царский черного (цвета) герб и четыре моря, по одному в каждом углу, в знак того, что (царь) владыка четырех морей» (*Юль Ю. Записки. С. 188.*)
- ¹⁹ Кронверкская протока, где российский Балтийский флот зимовал в первые годы своего существования.
- ²⁰ Прасковья Федоровна (1664—1723), вдова царя Ивана V Алексеевича (сводного брата Петра I), умершего в 1696 г.; ее дочерей звали Екатерина, Анна и Прасковья.
- ²¹ Меншиков Александр Данилович (1673—1729), фаворит Петра I, виднейший политический и военный деятель эпохи. Имперский князь (1705), российский князь (1707), губернатор Петербурга и Петербургской (до 3 июня 1710 г. — Ингерманландской) губернии, президент Военной коллегии (1718—1724 и 1726—1728), генералиссимус (1727). Речь идет о мазанковом доме А. Д. Меншикова на Петербургском острове, лучшим в ту пору в городе доме. В нем Петр I давал аудиенции иностранным дипломатам. Дом стоял несколько выше Домика Петра I, «сажен 20 вправо» (*Пекарский П. П. Петербургская старина. Т. 82. С. 145.*)
- ²² Герцог Курляндский Фридрих Вильгельм (1693—1711), племянник прусского короля Фридриха, в 1710 г. женился на Анне Ивановне, дочери Ивана V Алексеевича и будущей российской императрице. Брачный договор был заключен в Петербурге 10/21 июня 1710 г. и подписан герцогом 2/13 июля (ПСЗ. Т. 4. № 2272. С. 494—497; П. и Б. Т. 10. Примечание к № 3959. С. 709). Фридрих Вильгельм умер 9 января 1711 г. в Дудергофе близ Петербурга (Походный журнал 1711 года. СПб., 1854. С. 1, 2. 101, 109).
- ²³ Головкин Гаврила Иванович (1660—1734), русский государственный деятель. Постельничий, начальник посольской канцелярии (с 1706), затем Посольского приказа, канцлер (с 1709), граф (с 1710), президент Коллегии иностранных дел (с 1718), сенатор, член Верховного Тайного совета (1726—1730). Его каменный дом, первый в Петербурге, был построен в 1710 г. (*Пекарский П. П. Петербургская старина. Т. 82. С. 146.*)
- ²⁴ Шафиров Петр Павлович (1669—1739), русский государственный деятель. Тайный секретарь при канцелярии Ф. А. Головина (с 1703), вице-канцлер и управляющий почтами (с 1709), барон (с 1710), посланник в Турцию (1711—1714), вице-президент Коллегии иностранных дел (с 1718). В 1723 г. сослан в Нижний Новгород, в 1725 г. возвращен Екатериной I и назначен президентом Коммерц-коллегии. В 1730—1732 гг. — посол в Персии, в 1733—1739 гг. — снова президент Коммерц-коллегии.
- ²⁵ Перечислены дома, стоявшие на стрелке Невы и Большой Невки.
- ²⁶ Большая Невка.
- ²⁷ Черкасский Алексей Михайлович (1680—1742), русский государственный деятель, князь. Помощник тобольского воеводы (с 1702), член Комиссии городских строев в Петербурге (с 1714), обер-комиссар Петербурга (1715—1719), сибирский губернатор (1719—1724), сенатор и тайный советник (с 1726).
- ²⁸ Согласно изученной П. Н. Петровым (теперь утраченной) «Подворной описи Городского острова», которая была составлена в Петербургской губернской канце-

лярии в декабре 1713 г., госпиталь располагался в 11 «отдельных казарменных строениях» (Петров П. Н. История Санкт-Петербурга. С. 98).

²⁹ Лютеранское, или немецкое, кладбище находилось в северо-восточной части Аптекарского острова.

³⁰ На правом берегу Большой Невки, напротив лютеранского кладбища.

³¹ Имеется в виду монастырь св. Александра Невского, основанный в 1710 г. (с 1797 г. — Александро-Невская лавра) на месте, где, как тогда полагали, состоялась знаменитая битва новгородского войска под предводительством князя Александра Ярославича со шведами (1240 г.).

³² Первый гостиний двор на Петербургской стороне (построен в 1705 г.) сгорел 28 июля 1710 г. (Походный журнал 1710 года. СПб., 1854. С. 18). О пожаре сообщил Ю. Оль, находившийся тогда в Петербурге (Юль Ю. Записки. С. 229); датчанин подробно описал и казнь грабителей (там же, с. 229—230).

³³ Новый мазанковый гостиний двор был, по А. И. Богданову, построен взамен сгоревшего только в 1713 г. (Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. С. 109). Ту же дату приводит новейший исследователь (Овсянников Ю. М. Доминико Трезини. Л., 1988. С. 55). Автор описания, напомним, покинул город в начале 1711 г.

³⁴ По С. П. Луппову, это «район нынешнего проспекта Добролюбова и прилегающих улиц» (Луппов С. П. История строительства Петербурга. С. 21).

³⁵ Подробно застройка Петербургского (Городского) острова по состоянию на конец 1713 г. освещена П. Н. Петровым по уже упомянутой подворной описи (Петров П. Н. История Санкт-Петербурга. С. 93—102).

³⁶ Немецкая географическая миля составляет 7420,44 м.

³⁷ У истока р. Фонтанки из Невы стоял первоначальный Летний дворец Петра I, построенный в 1703 г.

³⁸ Собеский Ян (Иоанн), Ян III (1629—1696), король Речи Посполитой с 1674 г., в 1686 г. заключивший с Россией «вечный мир».

³⁹ Кристина Августа (1626—1689), шведская королева (с 1632), в 1654 г. уступила престол своему брату Карлу X Густаву.

⁴⁰ Речь идет о походе финляндской армии под командованием генерала Георга Любеккера (Либекера) на Петербург в 1708 г., закончившемся катастрофически для нападавшей стороны. О ключевом моменте операции см. наш комментарий в кн.: Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворта. М.; Л., 1988. С. 152—153. — См. также специальные работы: Тимченко-Рубан Г. И. Военные действия в Ингерманландии в 1706—1708 гг. // Военный сборник. 1900. № 10. С. 217—227; Uddgren H. E. Den Lybeckerska arméns uppgift i 1708 års anfäll mot Ryssland // Historisk tidskrift (Stockholm). 1906. N 26. S. 107—113.

⁴¹ Большой, или Царицын, луг (ныне Марсово поле).

⁴² Геркенс во втором описании Петербурга, изданном в 1718 г., говорит о Почтовом доме, «который раньше был питейным заведением» и затем перестроен («Описание... столичного города С.-Петербурга...» // Белые ночи. Л., 1975. С. 212). Этот мазанковый Почтовый дом, по А. И. Богданову, существовал уже в 1714 г., и в нем Петр I «многочисленно отправлял некоторым праздникам и викториям торжества» (Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. С. 148—149).

⁴³ По-видимому, самый первый Зимний дом, срубленный в 1703 г.; в 1710—1711 гг. Д. Трезини построил для царя другой.

⁴⁴ Крюйс Корнелий Иванович (1657—1727), российский военно-морской деятель. На русской службе с 1698 г. со званием вице-адмирала. Адмирал с 1721 г. Организатор обороны Петербурга в первые годы его существования. До 1713 г. командовал Балтийским флотом. Вице-президент Адмиралтейств-коллегии (с 1718). О происхождении К. И. Крюйса в литературе имеются разногласия. Одни авторы считают его голландцем, другие — норвежцем. В действительности он родился в норвежском городе Ставангере, но родители его были голландцами. До приезда в Россию К. И. Крюйс долго служил в голландском флоте (см. о нем: Büsching A.-F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen im Russischen Reich. Altona, 1766. Th. 1. S. 115—126; Die St. Petri-Gemeinde: Zwei Jahrhunderte evangelischen Gemeinlebens in St. Petersburg. 1710—1910. SPb., 1910. S. 234—236; Lemmerich C. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St. Petersburg. SPb., 1862. Bd 1. S. 43—44).

⁴⁵ Датский посланник под декабрём 1709 г. продиктовал своему секретарю Р. Эрбо: «Вице-адмирал Крюйс построил в Петербурге лютеранскую церковь в виде креста, из одних бревен, как строятся дома в Норвегии и почти во всей России»

(Юль Ю. Записки. С. 98). Об этой церкви в доме К. И. Крюйса, существовавшей в 1710—1728 гг., см. в кн.: Die St. Petri-Gemeinde. . . S. 2—19.

⁴⁶ Толле Вильгельм (1674—1710), магистр философии, ректор монастырской школы в Илефельде. В Петербурге жил, вероятно, с 1703 г. и умер здесь 26 сентября 1710 г. (Grosses vollständiges Lexikon aller Wissenschaften und Künste. Leipzig; Halle, 1745. Bd. 44. S. 1136—1137; Büsching A.-F. Geschichte. . . Th. I. S. 11, 52—53, 169—173; Die St. Petri-Gemeinde. . . S. 279). Очень хорошие отзывы слышал о нем от общих знакомых Ф. В. Богемелль (*Bogemell F. W. Umständliche Nachricht von der deutschen evangelischen Gemeine in Cronstadt, wie auch von der Erbauung und der den 12. Dec. 1753 geschehenen feierlichen Einweihung ihrer neuen St. Elisabethenkirche. . . Halle, 1758. S. 18—20*).

⁴⁷ В. Толле еще в марте 1710 г. писал в Галле о присылке двух кандидатов богословия в Петербург. 28 декабря того же года на берега Невы приехали Г. Г. Нацциус из Вислебена и И. Г. Зоргер. Первый стал проповедником в Петербурге, а второй отправился с К. И. Крюйсом в Азов (*Jungblut Th. Die Gründung der evangelisch-lutherischen Kirchen in Russland nebst einer Geschichte der Kirchen dieser Confessionen in St. Petersburg. SPb., 1855. S. 29*). Как писал Г. И. Головкин русскому послу в Дании В. Л. Долгорукому 14 января 1711 г., «его царское величество для отвращения так сильного неприятеля (Турции. — Ю. Б.) послал в Азов генерала-адмирала графа Опраксина и вице-адмирала Крейца и большую часть командиров и офицеров морских и тамо флот свой вооружать и в море итти повелел» (П. и Б. Т. 11. Вып. 1. Примечание к № 4202. С. 349).

⁴⁸ Рагузинский-Владиславич Савва Лукич (ок. 1670—1738), российский государственный деятель, дипломат, богатый финансовый агент и купец. По происхождению серб. С 1708 г. жил в Москве, затем в Петербурге. В 1710 г. произведен Петром I в надворные советники. В 1711—1722 г. представлял интересы России в Черногории, Венеции и Риме. В 1725—1728 гг. возглавлял русское посольство в Китае.

⁴⁹ Апраксин Федор Матвеевич (1661—1728), русский государственный и военноморской деятель. Генерал-адмирал (с 1708), первый президент Адмиралтейств-коллегии (с 1718), член Верховного Тайного совета (с 1726).

⁵⁰ Кикин Александр Васильевич (ум. в 1718), русский государственный деятель. Денщик Петра I, участник Великого посольства 1697—1698 гг., учился в Голландии судостроению. Работал в звании мачт-макера (мачтового мастера) на Воронежских и Олонецкой верфях (1703—1704), управлял петербургским Адмиралтейством (с 1707). Адмиралтейств-советник (с 1712). В 1715 г. был арестован за злоупотребления по службе, но прощен царем. 17 марта 1718 г. арестован по делу царевича Алексея Петровича и колесован. В Петербурге имел 5 домов. Один из них — знаменитые «Кикины палаты», сохранившиеся до наших дней.

⁵¹ Адмиралтейство, основанное 5 ноября 1704 г.

⁵² Первоначальная деревянная церковь Исаакия Далматского, построенная в 1710 г. на дугу напротив адмиралтейских ворот, на том месте, где теперь фонтан в сквере (*Ставровский А. С.-Петербургский Адмиралтейский собор во имя святителя Спиридона. . . История и описание собора. СПб., 1906. С. 19*).

⁵³ Вероятно, имеется в виду Шневенский рынок ниже по течению Невы от Адмиралтейства (*Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. С. 122*).

⁵⁴ Речь идет о двухэтажном деревянном доме А. Д. Меншикова, построенном в 1704—1710 гг. и часто называвшемся «Посольским дворцом» или «Посольскими хорами». В ту пору он был, по словам Н. В. Калязиной, «самым представительным дворцом молодого Петербурга» (*Калязина Н. В. Меншиковский дворец-музей. Л., 1982. С. 14—15*).

⁵⁵ Автор говорит теперь о каменном дворце светлейшего князя, строившемся с 1710 г. по проекту Д. М. Фонтана (там же, с. 16).

⁵⁶ Сад с огородом был заложен в 1704 г. (там же, с. 13).

⁵⁷ Речь идет о Крестовском острове (финское название — Ристисаари).

⁵⁸ Как отметил А. Ф. Бычков, скорее всего, к середине XVIII в. эти дубы уже не существовали, поскольку первый историкограф города А. И. Богданов о них ничего не говорит (Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м годах // Рус. старина. 1882. Т. 36. Октябрь. С. 49, примеч. 2).

⁵⁹ Крепость Кроншлот действительно была построена в 1704 г. на основании из ящиков-ряжей, заполненных камнями и опущенных на глубину более 3 м (*Роза-деев Б. А., Сомина Р. А., Клещева Л. С. Кронштадт: Архитектурный очерк. Л., 1977. С. 7*).

⁶⁰ Автор не вполне точно представлял себе форму крепости: она была не круглая, а восьмиугольная, что хорошо видно на планах начала XVIII в. Этой ошибки, как увидим ниже, избежал Л. Ю. Эренмальм.

⁶¹ Под 5/16 декабря 1709 г. датский посланник рассказал о поездке Петра I в этот день к Ниеншанцу, «от которого еще уцелела часть вала»; его взорвали большими ящиками с порохом (*Юль Ю. Записки. С. 104*).

⁶² Эта фраза смотрится здесь случайной. Скорее всего, автор увязал (по рассказам очевидцев) два события: закладку 4 декабря 1709 г. первого линейного корабля в петербургском Адмиралтействе, 54-пушечной «Полтавы», и состоявшуюся на следующий день поездку Петра I для взрыва оставшейся части укреплений Ниеншанца. Сообщения об этих событиях соседствуют и в дневнике Ю. Юля (с. 100—101, 104). Между тем строительство Балтийского флота было начато еще в 1702—1703 гг. на приладожских верфях — сначала Сяской, затем Олонецкой (называвшейся также Свирской и Лодейнопольской) и Новолодожской. К 1710 г. там было построено, в частности, несколько фрегатов и завершалась постройка четырех 50-пушечных линейных кораблей («Рига», «Выборг», «Пернов» и еще один, оставшийся без названия, так как погиб при переходе из Ладоги в Петербург).

⁶³ Эта показательная морская баталия состоялась 26 сентября (7 октября) 1710 г. Любопытные подробности о ней сообщили: очевидец Ю. Юль (*Записки. С. 247—248*), находившийся в Москве английский дипломат Л. Вейсброд — по письмам из Петербурга, см.: *Сб. РИО. 1887. Т. 50. С. 379*, и Л. Ю. Эренмальм, опиравшийся на свидетельства очевидцев (*Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd... S. 228*).

⁶⁴ Около 1709 г. у Петра I возникла идея построить главную часть города на о. Котлин. Проект планировки, обнаруженный С. П. Лупповым, см. в его книге «История строительства Петербурга...» на вклейке между с. 24 и 25.

⁶⁵ Именной указ о переносе русской международной торговли с Белого моря на Балтийское, в Петербург, состоялся 31 октября 1713 г. (см.: Д и П. Т. 3. Кн. 2. № 961. С. 1005—1006; см. также № 1051. С. 1105—1108).

⁶⁶ Это, однако, был не первый иноземный купеческий корабль, пришедший в Петербург. В литературе широко известен факт прибытия еще в ноябре 1703 г. голландского корабля под командой шкипера Выбеса с грузом вина и соли. Петр I щедро наградил капитана и всю команду (см., напр.: *Мавродин В. В. Основание Петербурга. Л., 1978. С. 72*). По сведениям же голландского историка Я. Схелтема, в 1703 г. Петербург посетили три торговых корабля — два голландских и один английский (*Scheltema J. Peter de Groote, Keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam in 1697 en 1717. Amsterdam, 1814. D. I. P. 275—277*).

⁶⁷ Русские войска осаждали Выборг с 22 марта 1710 г.; крепость сдалась 13 июня, и 14-го Петр I вошел в нее. Как видим, это самое светлое время года — разгар белых ночей.

⁶⁸ В 1710 г. наводнения случались действительно дважды. Под 5/16 сентября Ю. Юль отметил: «В Ритусарской гавани и в самом (Петербурге) вода прибыла настолько, что на значительную высоту затопила дома; большие суда (свободно) проходили между зданиями и (уплывали) далеко в поле» (*Юль Ю. Записки. С. 244*). О втором наводнении есть в «журналах»: «Против 10 дня декабря в ночи на реке Неве прибыла великая вода и той же ночи сошла вся; а на другой день, против 11 числа в ночь, также прибывала, против прежней в поля. И в тот день был зело великой ветр с моря» (*Походный журнал 1710 года. СПб., 1854. С. 24*). Л. Вейсброд в январе 1711 г. получил из Петербурга следующее известие: «9-го числа минувшего месяца в полночь в Петербурге с моря, с юго-запада, дул такой сильный ветер, что Нева затопила город и все окрестные острова; наводнение захватило бы многих врасплох, многие бы погибли, если бы жителей не разбудили набатом и они не успели перебраться на крыши домов. Благодаря набату жизнью поплатились немногие, но большинство лошадей и скота погибло» (*Сб. РИО. Т. 50. С. 401*). Это наводнение тоже отмечено Ю. Юлем (*Записки. С. 269*). Автор «Точного известия...» говорит здесь, несомненно, о декабрьском выходе Невы из берегов. Мы остановились на данном вопросе подробнее потому, что о ранних наводнениях сведения чрезвычайно скудны; в специальном исследовании Р. А. Нежиховского под 1710 г. наводнения не отмечены вовсе (*Нежиховский Р. А. Река Нева. Л., 1973. Приложение: Максимальные годовые уровни воды р. Невы у Горного института (1691, 1703—1971 гг.) при подъемах более 150 см над ординаром. С. 188*).

⁶⁹ Речь идет о страшной эпидемии чумы, охватившей в 1709—1710 гг. прибалтийский регион.

⁷⁰ По сведениям Ю. Юля, «за время осады Риги от чумы и голода погибло более 70 тыс. горожан, солдат и тех крестьян, что сбежались (в город) с женами и детьми» (*Юль Ю. Записки. С. 227*). Рижский губернатор Н. Стремберг, как и автор «Точного известия...», говорил о 60 тыс., а И. А. Гельмс, переживший в Риге всю осаду, называл гораздо меньшую цифру — 22 тыс. (*Гельмс И. А. Достоверное описание замечательных событий при осаде города Риги и того, что случилось со дня ее блокады... до сдачи ее в 1710... // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 438*).

⁷¹ Копорье — в начале XVIII в. еще город, ныне село в Ломоносовском районе (Ленинградская обл.). Первое упоминание о нем относится к 1240 г.

⁷² Старая Ладога — село в Волховском районе (Ленинградская обл.), в прошлом — город Ладога, история которого восходит по крайней мере к VIII в. Старой Ладогой именуется после того как в 1704 г. город, получивший название Новая Ладога, был перенесен к устью р. Волхов, впадающей в Ладожское озеро.

⁷³ Паули Иоганн Арнольд (ум. в 1741), теолог. С кончиной В. Толле, последовавшей осенью 1710 г. в Петербурге, заменил его на время, а позднее был отозван из Петербурга в Мемель, где стал доктором богословия и викарием (*Grot J. Bemerkungen über die Religionsfreiheiten der Ausländer im Russischen Reiche... SPb.; Leipzig, 1797. Bd I. S. 55*).

⁷⁴ Гольц Генрих (1648—1725), барон, генерал-фельдмаршал русской службы, в России с 1707 г. В Петербурге тогда находился (с 24 июня 1710 г.) не по своей воле: был привлечен к суду по ложному, как основательно полагали современники, обвинению (*Юль Ю. Записки. С. 214—216; Сб. РИО. Т. 50. С. 369; Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd... S. 204*). Будучи оправдан судом, состоявшимся в середине сентября 1710 г., в следующем году Г. Гольц покинул Россию (П и Б. Т. 10. Примеч. к № 3971. С. 714—715).

⁷⁵ В западноевропейской традиции Иван I Васильевич — это великий князь московский (с 1462) Иван III (1440—1505).

⁷⁶ Т. е. Василий III (1479—1533), великий князь московский с 1505 г., сын Ивана III.

⁷⁷ Т. е. Иван IV Грозный (1530—1584), великий князь «всая Руси» с 1533 г. и первый русский царь (с 1547).

⁷⁸ Федор Иванович (1557—1598), русский царь с 1584 г., сын Ивана IV Грозного.

⁷⁹ Лжедмитрий I, правивший в Москве с июня 1605 г., умер в мае 1606 г., а Лжедмитрий II — в 1610 г.

⁸⁰ Польский королевич Владислав, сын Сигизмунда III, в 1610 г. избранный на московский престол усилиями боярской группировки. В последующем — Владислав IV, король Речи Посполитой. Отказался от претензий на русский престол по условиям договора, завершившего русско-польскую Смоленскую войну 1632—1634 гг.

⁸¹ Михаил Федорович (1596—1645), русский царь с 1613 г., основавший династию Романовых.

⁸² Алексей Михайлович (1629—1676), русский царь с 1645 г., сын Михаила Федоровича и отец Петра I.

⁸³ Федор Алексеевич (1661—1682), русский царь с 1676 г., сводный брат Петра I.

⁸⁴ Иван V Алексеевич (1666—1696), русский царь с 1682 г. (венчан на царство вместе со сводным братом Петром I).

⁸⁵ Траян (53—117), римский император с 98 г.

⁸⁶ Коммод (161—192), римский император с 180 г.

⁸⁷ Тимур (Тамерлан) (1336—1405), среднеазиатский полководец, создавший государство со столицей в Самарканде (эмир с 1370 г.) и разгромивший Золотую Орду.

⁸⁸ До XVIII в. было два шведских монарха с этим именем: Густав I Ваза (Ваза, 1496—1560), король с 1523 г., и Густав II Адольф (1594—1632), король с 1611 г., захвативший русские Корельский уезд и Ижорскую землю.

⁸⁹ Тридцатилетняя война (1618—1648), завершившаяся Вестфальским мирным договором, велась между габсбургским католическим блоком и антигабсбургской протестантской коалицией; явилась первой общеевропейской войной.

⁹⁰ Юхан (Иоанн) III (1537—1592), шведский король с 1569 г.

⁹¹ Коллекция В. Толле — вероятно, первая в истории Петербурга и почти наверняка одна из первых в России. Основную ее часть составляют монеты. Специалисты не знают столь ранних частных нумизматических собраний в России (см.: *Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сборник. М., 1955. Ч. 1.*

С. 36—37 и сл.). «Самыми ранними из дошедших до нас русских нумизматических „росписей“ пока остаются две, поднесенные Петру I в 1720 и 1724 гг. вместе с монетами московским собирателем попом Федором» (*Спасский И. Г.* На заре русской нумизматики // Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977. С. 56). Кроме того, как следует из текста «Точного известия...», В. Толле стал, бесспорно, и первым петербургским археологом, предпринявшим энергичные раскопки. «Роспись» В. Толле свидетельствует о его глубоких и весьма разносторонних исторических познаниях. Мы не нашли в специальной литературе упоминаний о дальнейшей судьбе этой коллекции, перешедшей после кончины В. Толле к магистру И. А. Паули.

⁹² Карл XII (1682—1718), шведский король с 1697 г.

⁹³ Полтавское сражение 27 июня (8 июля) 1709 г., завершившееся полным разгромом армии Карла XII и, в сущности, определившее исход Северной войны.

⁹⁴ Лефорт Франц Яковлевич (1655 или 1656—1699), российский генерал и адмирал (1695), любимец Петра I. Швейцарец, живший в московской Немецкой слободе.

⁹⁵ Генерал-майор артиллерии Шлунд (Шлюнт, Шлюнд) в отличие от других названных здесь деятелей не был на русской службе. В 1710 г. он, будучи приглашен Петром I в Россию, скоропостижно скончался на пути в Петербург в Нарве. 1 июня царь приказал нарвскому обер-коменданту К. А. Нарышкину похоронить генерала соответственно его высокому чину (П и Б. Т. 10. № 3771. С. 159—160), что и было исполнено, как видно из письма К. А. Нарышкина Петру I от 9 июня (там же, примеч. к № 3771, с. 605). О причине смерти Шлунда сведения находим только в рукописи Л. Ю. Эренмалма; согласно шведу, генерал скончался оттого, что, находясь в Нарве проездом в Россию, «из шести проведенных в городе часов четыре пропьянствовал» (*Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd... S. 188*).

⁹⁶ Генерал-майор русской службы М. Б. фон Кирхен утонул в сентябре 1710 г. при неясных обстоятельствах (*Юль Ю.* Записки. С. 245—246; *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd... S. 206—207*).

⁹⁷ Фельтен Иван Иванович (1670-е годы—1736), оберкухенмейстер Петра I с 1704 г., датчанин. Вероятное происхождение ошибки, допущенной автором, таково. По свидетельству Ю. Юля, царь любил дразнить повара: «Ты швед, потому что родился в Бремене, Вердене» (*Юль Ю.* Записки. С. 142). Провинции Бремен и Верден до 1648 г. принадлежали Дании, по Вестфальскому миру были уступлены Швеции. Посланик описывает также случай, когда царь заставлял повара, «великого ненавистника шведов», изображать шведа (там же, с. 250).

⁹⁸ Ю. Юль под 13/24 апреля 1710 г. рассказывает о том, как Петр I во время ледохода плавал по Неве на буере (там же, с. 186). В русском источнике под 20 апреля 1714 г. читаем: «...река Нева прошла; и того ж часу господин контра-адмирал (т. е. царь. — Ю. Б.) ездил по реке в шлюпке» (Походный журнал 1714 года. СПб., 1854. С. 8; см. также с. 18, 101).

⁹⁹ Имеются в виду два царских указа — от 18 июня (см.: МИРФ. Ч. 4. Отд. XII. № 3. С. 728) и 4 июля 1710 г. (П и Б. Т. 10. № 3850. С. 218—219) почти аналогичного содержания. Второй адресован И. С. Потемкину: «...быть тебе фискалом, чтоб всяких чинов люди, которые обретаются в Санкт-Петербурхе, во время ветра ездили Невую рекою на судах парусами. А буде кто сему великого государя указу явитца преслушен, и за то будет взят на них штраф...» — с последующим перечислением размеров штрафа в зависимости от чинов нарушителей, по возрастающей за первое, второе и третье «преслушания»; четвертая часть взысканных денег обещалась самому фискалу (там же). Тем самым Петр I намеревался приучить петербургских жителей к плаванию под парусами, а не на веслах. Мостов через Неву при Петре I не было.

¹⁰⁰ Этот случай, происшедший 8/19 ноября 1710 г., описал также Ю. Юль. Всего было около 30 шлюпок, на них находились великий канцлер Г. И. Головкин, вице-канцлер П. П. Шафиров и еще квартирмейстер датского посланника, отправленный им по делу на другой берег Невы. По словам дипломата, за плавание без помощи парусов полагался штраф 5 руб. с каждого весла. П. П. Шафиров шел на 6-весельной, Г. И. Головкин со свитой — на двух 10-весельных шлюпках; квартирмейстер посланника — на такой же (*Юль Ю.* Записки. С. 260—261).

¹⁰¹ Рута — сажень, а также старинная немецкая мера длины, приблизительно от 3 до 5 м.

¹⁰² См. в «журнале»: «В 1-й день (ноября 1713 г. — Ю. Б.) река Нева стала, и господин контра-адмирал катался по льду на буере» (Походный журнал

1713 года. СПб., 1854. С. 50). И за год до кончины Петр I не расставался с любимым развлечением: «В 4-м часу пополудня (21 января 1724 г. — Ю. Б.) изволил по реке Неве по льду на боту парусом кататься» (Походный журнал 1724 года. СПб., 1855. С. 36).

¹⁰³ Чины генерал-лейтенанта армии и контр-адмирала (шаутбенахта) флота царь получил за Полтаву в июле 1709 г.

¹⁰⁴ Расстояние между Москвой и Петербургом, если речь идет о немецких милях, показано очень большим. Устройство дороги было поручено в 1705 г. шотландским инженерам и математикам А. Д. Фарварсону (Фергарсону) и С. Гвину (Гвину), с 1698 г. находившимся на русской службе. В 1708 г. последний был в сопровождении 10 учеников послан из Москвы «для положения через инструмент прямых дороги» до Петербурга (ОМС. С. 94—95, 392—393). Еще один современник-британец, капитан Дж. Перри, проживший в России с 1698 по 1712 г., вскоре после возвращения на родину писал: «Преимущественно же с целью сделать Петербург более приятным он (Петр. — Ю. Б.) около семи лет тому назад приказал мистру Фергарсону и мистру Гвину обстоятельно осмотреть дорогу между Петербургом и Москвою, отыскать отношение одного места к другому, чтобы на всем протяжении провести дорогу прямою чертой через леса, озера, болота и реки, что и сокращает дорогу на одну пядь против теперешнего протяжения. С тех пор уже начертана была линия этой дороги и в 1710 г. окончательно намечена в прямом направлении через леса, и как только кончится война и царю возможно будет уделить людей и денег на этот предмет, он предполагает провести эту дорогу» (Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 180). Ганноверский резидент спустя несколько лет отметил: «... в 1718 году все работы по проложению нового пути, стоившие громадных издержек, окончены, и путешественники выиграли расстояния более 30-ти миль» (Вебер Ф.-Х. Записки. Стб. 1348). На дороге дипломат насчитал 24 почтовые станции, расстояния между ними — 4—5 миль (там же, стб. 1347). Таким образом, по его прикидке, общее расстояние должно было составить приблизительно 96—120 миль, а он считал по 5 верст в миле.

¹⁰⁵ Выше мы показали размер немецкой мили, однако, как отметил А. Ф. Бычков, версты в разных районах России долгое время были неодинаковой величины (Описание Санктпетербурга и Кроншлота. . . // Рус. старина. 1882. Т. 36. Ноябрь. С. 297, примеч. 1).

¹⁰⁶ Указом Петра I от 3 июня 1710 г. Ингерманландская губерния была переименована в С.-Петербургскую (П и Б. Т. 10. Примеч. к № 3994. С. 719). Однако сам царь и позднее называл ее Ингерманландской — см., например, его письмо к А. Д. Меншикову от 14 сентября того же года (там же, № 3994, с. 338—339).

¹⁰⁷ В 1709 г. А. Д. Меншиков был удостоен прусского ордена Черного Орла.

¹⁰⁸ В 1710 г. он получил от датского короля орден Белого Слона. Автор описания не упомянул еще, что в том же году светлейший князь стал кавалером польского ордена Белого Орла.

¹⁰⁹ Речь идет о книге: Le Prince Kouchimen, histoire tartare, et Dom Alvar del Sol, histoire parolitaire. Paris, 1710. В том же году вышли еще два издания на французском языке — в Париже и Амстердаме. Было также издание под названием: Histoire de l'origine du prince Menzikov, et de Dom Alvar del Sol. Amsterdam, 1728. Упомянутого автором немецкого перевода мы не знаем. А. Ф. Бычков определил, что отдельного немецкого издания не было, сокращенный перевод напечатан в одном сборнике 1711 г. (Описание Санктпетербурга и Кроншлота. . . С. 299, примеч. 1).

¹¹⁰ П. П. Шафиров и генерал-майор М. Б. Шереметев (сын генерал-фельд-маршала Б. П. Шереметева) по требованию турецкой стороны должны были находиться послами (а фактически заложниками) в Константинополе, пока Россия не исполнит условий Фруктского мирного договора, заключенного в июле 1711 г. Вице-канцлер вернулся в 1714 г. на родину, а М. Б. Шереметев в том же году умер в татарской дер. Дженакан на пути между Измаилом и Бендерами.

¹¹¹ Брюс Роман (Роберт) Вилимович (1668—1720), российский военный деятель. Участник Азовских походов 1695—1696 гг. и Северной войны 1700—1721 гг. Обер-командант Петербурга с 19 мая 1704 г. Член Военной коллегии (с 1710).

¹¹² Брюс Яков Вилимович (1670—1735), российский государственный деятель, дипломат, ученый. Глава Пушкарского приказа (с 1704), генерал-фельдцейхмейстер (с 1711), президент Берг- и Мануфактур-коллегии (с 1718), граф (с 1721), сенатор. Вместе с А. И. Остерманом руководил русской делегацией на Аландском (1718—1719)

и Ништадтском (1721) мирных конгрессах; 30 августа 1721 г. подписал мирный договор со Швецией, завершивший Северную войну. В 1726 г. вышел в отставку с чином генерал-фельдмаршала. Брюсы были не немцами, а шотландцами.

¹¹³ Чрезвычайный посланник австрийского императора граф Генрих Вильгельм фон Вильчек приехал в Россию не в марте 1711 г., как в комментарии А. Ф. Бычкова (Описание Санктпетербурга и Кроншлота... С. 301, примеч. 1), а гораздо раньше: он уже присутствовал на свадьбе герцога Курляндского с царевной Анной Ивановной (Походный журнал 1710 года. С. 22). Вероятно, А. Ф. Бычков опирался на те же источники, что и С. А. Белокуров, указавший только, что Г. В. фон Вильчек в марте 1711 г. прибыл в Москву, а около 16 марта оттуда уехал; см.: *Белокуров С. А.* Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе: (С начала сношений по 1800 г.). М., 1892. Вып. 1. С. 29.

¹¹⁴ Польский король Август II Сильный одновременно был курфюрстом саксонским. Его посланник при русском дворе Фридрих фон Экштедт Фингум (Фицедом, Вицедом) прибыл в Петербург 24 марта (4 апреля) 1709 г. (*Юль Ю.* Записки. С. 181).

¹¹⁵ Юст Юль (1664—1715) как чрезвычайный и полномочный посланник короля Дании Фредрика IV находился в России с 1709 по 1711 г., сменив на этом посту Г. Грунда. В Петербурге был (с перерывами) с 23 ноября (4 декабря) 1709 г. по 20 сентября (1 октября) 1711 г. (*Юль Ю.* Записки. С. 96, 279). Однако в бытность свою в нашей стране он имел чин командора; король произвел его в вице-адмиралы уже по возвращении в Копенгаген, в марте 1712 г. (там же, с. 412). Автор описания узнал об этом, уже находясь в Германии. Возможно, он, познакомившись с дипломатом на неских берегах, состоял затем с ним в переписке.

¹¹⁶ Прусский посланник маршал Иоганн-Август фон Биберштейн прибыл в Петербург вместе с герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом 13/24 августа 1710 г. (*Юль Ю.* Записки. С. 233—234).

¹¹⁷ Георг Иоганн фон Кейзерлинг умер 11 декабря 1711 г. на пути из России в Берлин.

¹¹⁸ Теодор-Людвиг фон Лау (Лоу), тайный советник и чрезвычайный посол герцога Курляндского, прибыл в Петербург 1/12 июня 1710 г. вместе с К.-Э. Ренне и Ратловым для заключения брачного договора Фридриха-Вильгельма с царевной Анной Ивановной (*Юль Ю.* Записки. С. 208—209).

¹¹⁹ От Ференца Ракоци (1676—1735), князя Трансильвании (с 1704) и Венгрии (с 1705), в 1709—1711 гг. в России было несколько дипломатов, из них с марта 1708 по 1710 г. — резидент М. Талаба, с июля 1709 и по крайней мере до февраля 1711 г. — чрезвычайный посланник А. Недецкий (*Белокуров С. А.* Списки... С. 75, 76).

¹²⁰ Ренне, Ренн, Рен Карл-Эвальд Магнусович (1663—1716), курляндский барон, генерал русской службы, был первым комендантом С.-Петербурга (с лета 1703 г.)

¹²¹ Энциберг, Энсберг Николай, в 1710 г. принят на русскую службу со званием полного генерала; в августе 1711 г. покинул Россию.

¹²² Биркгольц, Берхгольц Вильгельм, генерал-майор русской службы.

¹²³ Фельдмаршал-лейтенант Г. фон Гольц не был приговорен к смертной казни и затем помилован царем, как полагал А. Ф. Бычков (Описание Санктпетербурга и Кроншлота... С. 301, примеч. 4): суд вынес оправдательный приговор.

¹²⁴ Пипер Карл (1647—1716), шведский государственный деятель и дипломат, граф. Государственный секретарь (с 1689), королевский и государственный советник (с 1697). В 1700—1709 г. руководил полевой канцелярией Карла XII. Взят в плен при Полтаве; умер в плену.

¹²⁵ Реншельд, Реншильд Карл Густав (1651—1722), шведский военачальник и государственный деятель, граф. Фельдмаршал (с 1706). Прославился в нескольких операциях Северной войны. Командовал шведской армией в Полтавском сражении, там был взят в плен, а в 1718 г. обменян и вернулся в Швецию.

¹²⁶ Левенгаупт Адам Людвиг (1659—1719), шведский военачальник, граф. Генерал (с 1706). Командовал войсками в нескольких важных операциях Северной войны. В Полтавском сражении командовал пехотой. Подписал капитуляцию шведской армии под Переволочной 30 июня 1709 г. Умер в русском плену.

¹²⁷ Стремберг, Штремберг Нильс (1646—1723), рижский генерал-губернатор (с 1705), граф (с 1706). Пленен при капитуляции Риги 5 июля 1710 г. Обменен на генерала А. А. Вейде; уехал из России в октябре того же года.

¹²⁸ Вейде Адам Адамович фон дер (ум. в 1720), российский генерал. Попал в шведский плен в сражении под Нарвой 19 ноября 1700 г.; вернулся из Швеции в 1711 г.

¹²⁹ Седергельм, Цедергельм Йюсиас (1673—1729), шведский государственный деятель, дипломат. Тайный секретарь Карла XII, был взят в плен при Полтаве и вернулся в Швецию в 1722 г., после заключения Ништадтского мира. В 1725—1726 гг. был послом в Петербурге. Перечисленные шведские пленные находились в Петербурге, согласно И. И. Голикову, с 4 октября 1710 г. по 3 января 1711 г. (Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1792. Т. 8. С. 443—444). По Ю. Юлю, они прибыли в Петербург 2/13 октября 1710 г. (Юль Ю. Записки. С. 248). О переговорах Петра I со шведской стороны подробно сообщает датский посланник (там же, с. 242—244). Интересно, что в «Журнале» Г. Гюйсена перечислены именно те самые люди, в той же последовательности и почти теми же словами. Нет только упоминания о кончине И.-Г. Кейзерлинга и не названы. Т.-Л. Лау и дипломат от Ференца Ракоци. См., например, текстуальные совпадения: «...фельд-маршал лейтенант барон Гольц, которой в государевой немилости был, и для того генеральной и воинской суд на него по иноземскому обычаю держать велено...» и далее (Журнал государя Петра I с 1709 по 1710. Сочиненный бароном Гизеном. Половина вторая // *Туманский Ф. О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1788. Ч. 8. С. 330—331).

¹³⁰ Осенью 1710 г. Турция объявила России войну. Прусский поход армии Петра I (весна—лето 1711 г.) завершился подписанием 12 июля Прутского мирного договора на весьма выгодных для Турции условиях.

¹³¹ У Ю. Юля под 29 октября (9 ноября), т. е. именно за два дня до торжества, записано: «Вечером один морской капитан и один капитан Преображенского (полка) приезжали ко мне в открытом экипаже, запряженном 6-ю лошадьми, с приглашением на бракосочетание герцога Курляндского с племянницею царя царевною Анной, назначенное на вторник» (Юль Ю. Записки. С. 253).

¹³² Вдовствующая царица Прасковья Федоровна.
¹³³ С начала и до этого места описание почти слово в слово соответствует рассказу Г. Гюйсена (Журнал государя Петра I с 1709 по 1710. Сочиненный бароном Гизеном. Половина вторая // *Туманский Ф. О.* Собрание разных записок и сочинений... С. 334—336). На этом Г. Гюйссен оборвал свое повествование о свадьбе, перейдя к иной теме.

¹³⁴ Архимандрит Хутынского монастыря Феодосий Яновский (см.: Походный журнал 1710 года. С. 22—23).

¹³⁵ Расположение гостей за столами указано там же (с. 22).

¹³⁶ 16-пушечная шнява «Лизет», построенная в 1708 г. в Петербурге самим Петром I и Ф. М. Склеяевым. В 1710 г. она действительно несла 14 шестифунтовых пушек (МИРФ. Ч. 1. Отд. I. № 288. С. 200).

¹³⁷ «Государи, соединенные узами любви» (лат.) Как отметил А. Ф. Бычков, «год 1710 римскими цифрами выходит из сложения букв, напечатанных здесь прописью» (Описание Санктпетербурга и Кроншлота... С. 307, примеч. 1).

¹³⁸ Криптоним J. G. указывает, по всей видимости, на автора описания свадьбы. Сочинитель «Точного известия...» почему-то оставил его в своем тексте. Иностранцам были доставлены переводы описания: Л. Вейсброд 23 ноября (4 декабря) 1710 г. писал из Москвы в Лондон: «Я получил церемониял бракосочетания герцога Курляндского, состоявшегося 31 октября ст[арого] ст[иля]» (Сб. РИО. Т. 50. С. 384). А. Ф. Бычков в примечаниях к своему переводу «Точного известия...» указал на немецкую брошюру под названием «Радостное и торжественное совершение высококняжеского курляндского бракосочетания», в заглавии которой, как отметил исследователь, означено, что она «переведена с русского» (Описание Санктпетербурга и Кроншлота... С. 305, сн. 2). Вероятно, эта брошюра и была разослана иностранным министрам при русском дворе и в западноевропейские столицы. Ею же, скорее всего, пользовался Г. Гюйссен, отсюда и текстуальные совпадения. Однако датский посланник дал самостоятельное описание торжества по собственным впечатлениям (ср.: Юль Ю. Записки. С. 256—260; см. об этом также выше, во Введении).

¹³⁹ Свадьба карликов состоялась, согласно «Походному журналу 1710 года» (с. 23), 14/25 ноября. По сведениям, полученным в Москве Л. Вейсбродом, карликов было 70 (Сб. РИО. Т. 50. С. 392), а «журнал» сообщает, что их «числом было всех близко ста» (Походный журнал 1710 года. С. 23).

¹⁴⁰ 7 августа 1710 г. Петр I писал в Москву Ф. Ю. Ромодановскому из Петербурга: «...дабы вы указали против вложенной при сем росписи карл на Москве собрать и выслать оных сюда сентября к двадцатому числу; также, ежели возможно, и сверх

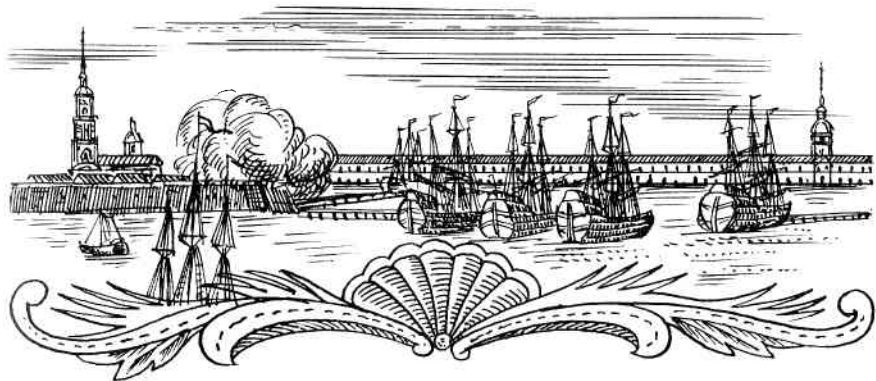
росписи где сыскать, то изволь оных приказать поискать и выслать с ними вместе для свадьбы Екима Волкова» (П и Б. Т. 10. № 3916. С. 271). Далее следует «Роспись карлам, которые на Москве» (с. 271—272), всего в ней учтено 39 карликов. Л. Вейсброд 31 августа (11 сентября) сообщал в Лондон, что из Москвы отправляют в Петербург на свадьбу 70 карликов (Сб. РИО. Т. 50. С. 360). См. об этом также: П и Б. Т. 10. Примеч. к № 3916. С. 691.

¹⁴¹ Датский посланник тоже отметил, что в этот вечер «умер единственный сын князя Меншикова» (*Юль Ю.* Записки. С. 263). Это был Лука-Петр, родившийся в феврале 1709 г. (*Павленко Н. И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1984. С. 49).

¹⁴² Свадьба карликов описана также Ю. Юлем (с. 261—264).

¹⁴³ 6 января по юлианскому календарю, принятому тогда в России.

¹⁴⁴ Церемония водосвятия описана в XVIII в. многими иностранными наблюдателями; см. об этом: *Беспятых Ю. Н., Сухачев Н. Л.* Петербургский быт в Россике XVIII в. // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 62—65.

Л. Ю. ЭРЕНМАЛЬМ

ОПИСАНИЕ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА, ВКУПЕ С НЕСКОЛЬКИМИ ЗАМЕЧАНИЯМИ

Город Петербург, названный так правящим сейчас царем Петром Алексеевичем, расположен в провинции Ингерманландия у реки Невы и на нескольких ее островах, на половину шведской мили ближе к морю, чем бывший в шведское время город Ниеншанц. Петербург делится на три части, а именно: сама крепость, которая собственно и называется С.-Петербург, и немецкая и русская слободы; эти части построены на разных островах.

Крепость, имеющая 6 бастионов, 2 рavelина и кронверк, — четырехугольная и продолговатая, так что три бастиона выходят на реку Неву, а три остальных — обращены к суше. Крепость хорошо спланирована, стоит на основании из вбитых свай, так как почва болотистая и окружена водой. С одной стороны стены крепости омывает река Нева, а с других сторон ее окружает рукав Невы. В 1703 г. при начале строительства были возведены лишь земляные валы, причем с такой быстротой, что за лето построили всю крепость с ее валами. Сколько для этого потребовалось усилий и людей, можно заключить из того, что всю необходимую для возведения крепости землю приходилось носить в мешках через маленькую речку, так как на том месте, где закладывалось основание валов, не было ни крошки земли, а одна только болотистая топь, на которой в мирные времена стояли лишь рыбацкие хижины. Впоследствии этот земляной вал срыли, под крепость заняли большую площадь и теперь вместо него возводят кирпичные стены порядочной высоты и толщины. Здесь много работали в 1711 и 1712 годах плененные в Выборге солдаты, а также

другие шведские пленные, и когда я в 1712 году проезжал здесь, стены были возведены более чем наполовину.

Внутри крепости есть лишь немецкая² и русская церкви, несколько деревянных домов для находящихся там гарнизонных офицеров, пороховой погреб, сделанный сводчатым, красивые двойные казармы для рядового состава, тоже сводчатые и построенные из кирпича, а также аптека. Обер-комендантом крепости был генерал-лейтенант Брюс,³ унтер-комендантом — один русский,⁴ и гарнизон летом 1712 года состоял примерно всего лишь из нескольких тысяч человек, так как остальных отправили с войсками, которые должны были идти в Финляндию.⁵ Подполковник Хеннинг⁶ надзирал за артиллерией и фортификационными работами. Крепостные стены были довольно густо уставлены орудиями, главным образом из числа захваченных во время этой войны. Крепость стоит на другой стороне маленького протока, а на суше, где расположена русская слобода, есть кронверк, окруженный земляным валом; он предназначен как для складских помещений, так и для охраны стоящих зимой в маленькой речке казенных кораблей.⁷ Остров, на котором построена крепость, зовется жителями этого края Енисари. При помощи прилагаемого здесь рисунка читатель лучше познакомится с расположением и свойствами этой крепости.⁸

Прямо против крепости по другую сторону малого рукава и где стоит кронверк, находится русская слобода, окруженная, как и крепость, водой, и попасть в нее нельзя ни с какой стороны без помощи лодок. В этой слободе стоят дома русской императрицы Измайловской⁹ и знатнейших бояр, дворцы канцлера Головкина и Шафирова, а также на этой стороне находится государственная канцелярия.¹⁰ И живут здесь только русские и финны, но не иностранцы, разве что иностранные министры или пленные, которым пришлось перебраться сюда из немецкой слободы вследствие недостатка места. Этот остров зовется жителями Койвасаари¹¹ или Березовый.

Немецкая слобода совершенно отделена от крепости и от русской слободы рекой Невой, которая по скорости своего течения и ширине может быть сравнена с самыми большими реками в России, и она такая быстрая, что не замерзает, если только лед не пойдет с Ладожского озера и не построит искусственного моста. В этой слободе находятся два больших дома царя, в одном из которых царь живет летом,¹² а в другом зимой. При летнем доме есть красивый сад с аллеями, фонтанами, прекрасными деревьями и хорошей оранжереей. Здесь я видел 4 изображения, или статуи, из мрамора, которые были привезены в Петербург из Варшавы в Польше; среди них особенно ценными были изображения короля Яна Собеского и королевы Кристины. Неподалеку от этого летнего дома, дальше в поле, находится так называемый увеселительный сад императрицы.¹³ В этой немецкой слободе живут также генерал-адмирал Апраксин, вице-адмирал Крюйс, надворный советник Савва,¹⁴ адмиралтейств-советник Кикин, все морские офицеры, шлюпочные матросы, маринеры¹⁵ и большинство придворных слу-

жащих царя, иностранные министры, немецкие купцы и ремесленники.

Здесь находится также корабельная верфь, которая окружена земляным валом и пятью маленькими бастионами, а также рвом с водой;¹⁶ там хранятся все корабельные припасы, и снаружи работают на строительстве кораблей. Эта слобода, как и две первые, окружена водой, и прежде этот остров назывался островом Аккерфельта по имени дворянина, имевшего здесь свои земли. Когда в 1708 году генерал Любеккер переправился через Неву и встал на ингерманландской стороне, вокруг этой слободы насыпали земляной бруствер, который еще был виден, когда я там был.¹⁷ Вообще же считается, что этот остров лежит в Ингерманландии, а два первых вследствие разветвления реки Невы находятся на финской земле.

Посреди Невы, ниже самой крепости и немецкой слободы по течению, находится остров, называемый Васильевским; на нем возведены роскошные здания князя Меншикова — одно каменное, другое деревянное. Оба они построены в итальянской манере и украшены красивыми скульптурами.¹⁸ В мое время самого князя Меншикова там не было,¹⁹ а в большом каменном доме жил вице-губернатор Корсаков.²⁰ Неподалеку от домов князя стоят две ветряные лесопильни,²¹ которые снабжают крепость и город пилеными досками.

И поскольку все четыре части города расположены на болотистой земле или на островах, то неудивительно, что они испытывают также большие трудности. Здесьние жители не могут устроить себе хороших подвалов или вырыть помещения в земле и весьма жалуются, что в крепости как боеприпасы, так и провиант и люди терпят от воды большие неудобства, в особенности когда осенью от западного ветра поднимается вода в море, отчего слободы иногда так заливаются водой, что по улицам можно плавать на маленьких судах. Когда осенью 1710 года я впервые приехал в Петербург, западной бурей за несколько часов подняло такое наводнение, что многим пришлось спасаться на втором этаже домов. В тот раз царь плывал на своей шлюпке по всей немецкой слободе.²²

Большое русло и другие малые рукава, разделяющие сушу, делают необходимыми для здешних жителей лодки, без которых тут нельзя жить. Год тому назад царь начал держать здесь гребцов, перевозящих за плату; это нововведение заслуживает добрых слов.²³

Помимо этих четырех различных частей [города], дома теперь строятся везде вокруг, где имеются пустые места, и за 10 лет Петербург, пожалуй, вырастет в один из самых больших городов на Балтийском море. Гавань, где зимой стоят корабли, находится в малом протоке между крепостью и русской слободой, их прикрывает упомянутый выше кронверк.

В пяти милях от Петербурга,²⁴ в оконечности Финского залива находится Кроншлот — на острове, представляющем собой ровную и плодородную, но очень изменчивую землю и в шведские времена

называвшемся Ретусаари. Этот остров имеет приблизительно милю в окружности и со всех сторон окружен морем, так что с финской стороны ширина воды составляет 4 мили, а с ингерманландской 1 милю. На этом острове морские офицеры имеют свои дома, в которых живут летом, когда здесь стоят их корабли; в мое время говорили, что через год они совсем переедут из Петербурга в Кроншлот, после того как корабли или флот будут иметь зимний лагерь не в Петербурге, а в Кроншлоте.²⁵

Кроме того, на этом острове воздвигнуты различные крепостные сооружения, с тем чтобы воспрепятствовать нападениям, которые шведы неоднократно пытались произвести. Особенно укрепляется устроенный с морской стороны шанец Александербург,²⁶ названный так в честь князя Меншикова. Сделанные вдоль берега и густо уставленные пушками батареи также немало способствуют безопасности этого острова. В тех местах берега, где можно ожидать нападения и высадки, вбиты сваи, так что теперь уже не просто подойти на судне.

На этом острове царь намерен построить так называемый Новый Амстердам. Для этой цели уже приготовлено различное снаряжение, и проект должен приобрести такой же вид, что и Амстердам в Голландии, по той причине, что ни один город за границей не понравился царю столь сильно. В 1713 году прибыл выписанный из Берлина строитель по имени Шлутер,²⁷ который должен осуществить этот план. В городе будет семь главных улиц, и в его центре разместится резиденция царя.

В прибрежной гавани ежедневно ведутся работы; ее окружают укреплением, фундаментом для которого служат опущенные весной ящики с камнями. С ингерманландской стороны, недалеко от острова, расположена сама маленькая крепостца, или блокгауз, построенная в 1704 году следующим образом. Зимой были привезены сюда и установлены в должном порядке на льду заполненные камнями ящики — с учетом формы и высоты крепостцы. Весной, когда лед растаял, ящики погрузились и образовали основание, на котором затем была построена эта крепость. Понятно удивление шведов, весной 1704 года подошедших на кораблях и обнаруживших здесь крепость, защищавшую и преграждавшую им проход там, где они осенью прошлого, 1703 года, не могли заметить ни малейших работ, ни намек на них. Сама эта маленькая крепость деревянная, восьмиугольная,²⁸ с орудиями, установленными в три этажа. На нижнем этаже 24-фунтовые, на среднем — 12-фунтовые и на верхнем — 9-фунтовые.

Тамошние морские офицеры мне рассказывали, что этот блокгауз весной сильно страдает от льда и воды, так что они порой весьма опасаются, как бы вода не опрокинула возведенную в море крепость.

Здесь отмечают, что когда царь находится в стране, он живет со всем своим двором преимущественно в Петербурге, и русский сенат, а также другие находящиеся в Москве высокопоставленные господа должны ехать туда, когда проводятся какие-либо важные

консилии, при совершении которых царь считает нужным и их мнение. То, что царь живет и имеет резиденцию здесь, происходит по следующим причинам: из-за местоположения Петербурга; царь особенно любит море и морские увеселения, что и побудило его начать эту войну и препятствует закончить ее. Я с величайшим удивлением наблюдал, как он осенью, когда ветер валит мачты и поднимается буря, целый день плавал по реке Неве, причем без отдыха, хотя погода ему порой довольно сильно препятствовала; насытившись этим развлечением, царь шел на своем буере или в шлюпке в Кронштадт.²⁹

Поскольку сейчас в России нет столь же судоходных рек, как Нева, или они не имеют такого удобного положения, прекрасного устья, а также столь многочисленных веселых островов, царь так привязался своим сердцем и чувствами к Петербургу, что добровольно и без сильнейшего принуждения вряд ли сможет с ним расстаться. Он также неоднократно говорил, целуя крест, что скорее потеряет половину своего государства, нежели Петербург.

Царь питает сильное отвращение к Москве и не может без досады проводить там время; это происходит отчасти потому, что ее местоположение не согласуется с его страстью; отчасти же из-за многих опасностей, которым он подвергался в юности, а также потом, когда в Москве вспыхивали бунты.³⁰ И поэтому во время пребывания в Москве он живет не во дворце, а приказал в поле в нескольких русских четвертях мили от города построить деревянные дома, каковое строение по названию стоящей в округе его гвардии зовется Преображенским.³¹ Там он удобно располагается, когда находится в Москве. Это место окружено русской солдатской слободой, где стоят два полка — Преображенский и Семеновский,³² — если они находятся дома и не командированы в поле.

Царь использует также Петербург в качестве исправительного дома для большей части русского дворянства, которая по природному ли непостоянству или из-за неудовольствия всякими происходящими сейчас в государстве переменами, питает тайную ненависть к своему повелителю. Чтобы лишить дворян всех сил предпринять что-либо, он приказал знатнейшим в стране, не состоящим на военной или другой службе, а живущим свободно в своих имениях, переселяться с хозяйствами в Петербург, и они, отделенные от своей земли, в которой состоит наибольшее богатство России, вынуждены вести дорогую жизнь в Петербурге, где все съестные припасы продаются очень дорого, пока не разорятся и не станут наконец совершенно обессилены. Назначенные ими в имениях управляющие не меньше способствуют их несчастью; они, живя многие годы без своих господ, ищут лишь удовлетворения своему корыстолюбию и расхищают, что могут. И неудивительно, если добавить к этим трудностям тяжелые контрибуции и другие невзгоды, что русский дворянин теперь не имеет и двадцатой доли того, чем владел до начала войны. Но если это не укротит их духа, то князь Меншиков, который может быть назван истинной пиявкой России, положит на них бдительное око.

В 1712 году в Москве говорили, что также прочим людям всяких сословий и званий как русским, так и иностранцам и даже самому русскому сенату было приказано с возвращением царя в Петербург переселяться туда.³³ Многие из них уже купили там дома, чтобы, когда потребуется, гораздо легче там устроиться. Часть прибывающих старается переезжать в завоеванные местности, которые как очень прибыльные для них и их государства они сохраняют и не намерены терять.

Надо еще лишь в нескольких словах упомянуть об ущербе, который несет Швеция вследствие уступки этой местности царю. Швеция должна через это терпеть большой урон в торговле, ибо известно, что в мирные времена, когда Ингерманландия и Лифляндия не были отторгнуты от Швеции, все товары, не вывозимые через Архангельск,³⁴ направлялись в ингерманландские и лифляндские торговые города, где русские должны были их продавать или же везти в самую Швецию.³⁵ Шведские подданные могли торговать этими товарами как в Швеции, так и за ее пределами, благодаря чему увеличивались королевские таможенные сборы и шведские подданные обогащались.

Всему этому приходит конец, и лифляндские города также вынуждены терпеть большой ущерб, поскольку царь запретил возить туда какие-либо товары из своего государства, особенно с Украины и из Пскова. Кроме того, Швеции следует опасаться, что русская торговля благодаря этому преимуществу достигнет немалого процветания и таким образом увеличится ее сила и богатство. Ибо из Петербурга, учитывая текущие сюда судоходные реки и удобства самого местоположения, попадающие в Россию товары могут быть легче, чем из Архангельска, вывезены в другие страны Европы. Кроме того, очевидно, что сюда придет также персидская, китайская и часть индийской торговли, благодаря чему со временем Петербург станет одним из превосходнейших городов на Балтийском море, особенно благодаря произведенным в русском государстве товарам (учитывая плодородность этой страны) и товарам иных упомянутых выше стран. Этим дорогам и ходовым товаров может быть вывезено через Петербург очень много, а также большая часть таких, в которых необходимо нуждаются за границей и не могут получить из других стран. Торговля в Петербурге должна также весьма утвердить свободное отправление религиозных обрядов, которое дозволяется здесь иностранцам.³⁶

Здесь большое количество народа, и оно с каждым днем возрастает вследствие присутствия царя, его резиденции, двора, Сената, знатнейших людей страны, царского флота и всей морской милиции,³⁷ а также большей части ландмилиции. Здесь есть корабли, строится и содержится сильный флот, создается дорогостоящая и очень удобная торговая гавань, которую царь в эти последние годы приказал построить в Кронштадте и так оборудовать, чтобы самые большие корабли с полным грузом могли туда входить без труда и безопасно. Эта гавань устроена здесь прежде всего по той причине, что мели и небольшая глубина в устье Невы

или непосредственно под Петербургом не позволяют войти в Неву тяжелым нагруженным кораблям, если их сначала не разгрузить.

Наибольший же ущерб, если Петербург отойдет к России и останется в руках царя, понесет безопасность Швеции, поскольку она подвержена опасности нападения с моря со всех сторон. Нынешний царь, у которого, помимо прочего, беспокойный нрав, станет для удовлетворения своего честолюбия пытаться чинить Швеции сильнейшие препятствия своими предосудительными и несправедливыми намерениями. Кроме того, и Дания, не упускающая случая навредить Швеции, пожалуй, не преминет по-прежнему сеять неуверенность, беспокойство и страх перед новой враждой и при случае или при какой-либо важной перемене склонить Россию к нападению на Швецию объединенными силами и особенно флотом. Это приведет к жестокому вторжению, если шведский флот не окажется в состоянии доказать свое превосходство на Балтийском море обоим противникам — России и Дании. Однако если сделать этого не удастся, то войска обоих сговорившихся врагов вполне могут высаживать десанты в самой Швеции, захватить лежащие за ее пределами и отделенные морем провинции, перерезать все коммуникации и снабжение, беспрепятственно вторгнуться в саму страну. Более чем ясным доказательством этого их намерения является то, что царь, который еще с недавнего времени имеет Петербург, с самого начала, строя свой флот, всячески стремится войти в Балтийское море для соединения с датским флотом, дерзнуть высадиться в самой Швеции, где произвести неслыханное: уничтожить шведские рудники, разрушить флот, опустошить страну, посеять вредные волнения, вызвать раздор между подданными и их государем и оставить там вечные следы и знаки своего жестокого, враждебного и насильственного оружия.³⁸ Тот, кто знает о проводимых в 1710, 1711 и 1712 годах в Петербурге конференциях и совещаниях с датским министром о том, каким образом и Дании и России напасть с моря на собственно Швецию,³⁹ для чего царь предложил предоставить несколько сот малых судов, помимо находящихся в Петербурге военных кораблей, провианта, боеприпасов и свыше 2000 человек, если и Дания тоже не захочет поберечь свой флот, — тот без труда поймет, какой большой угрозой для безопасности Швеции может стать Петербург в случае начала военных действий. Царь со всей серьезностью стремился выполнить этот свой план, если бы турецкая диверсия,⁴⁰ римское дело, переход графа Стенбока⁴¹ и затем неактивно ведшиеся в Голштинии и Померании военные действия не воспрепятствовали его замыслам.

В продолжение всей этой зимы и нынешней весной в Выборге велись большие приготовления и оснащение значительной армии и бесчисленных судов, а также заготовка больших запасов провианта. Этим летом⁴² наконец надеются перейти шведскую границу, объединиться с датским флотом и с кораблями, закупленными царем в Голландии и Англии, осуществить давнишний план приближения к Стокгольму, завоевать господство на море и в конце концов вынудить Швецию согласиться на условия, которые царь

ей предлагает. Из этого хорошо видно, какой вред может быть Швеции от Петербурга, если он останется в руках царя. Финляндия, по-видимому, также понесла за эти годы от царского флота огромный урон, пока наконец вся не была его армией завоевана и наводнена, как потоком.⁴³ Это, как уже говорилось, показывает ясно, как день, насколько мало Швеция и подвластные ей приморские провинции могут чувствовать себя в безопасности, покуда это разбойничье гнездо находится в пределах границ России и держит в своих руках Выборг.

КОММЕНТАРИИ

¹ Эти более ранние сведения, несколько напоминающие уже приведенные в первом немецком описании, Л. Ю. Эренмалм мог почерпнуть отчасти из него, отчасти из рассказов современников. Собственные впечатления шведа относятся к осени 1710— началу 1711 и июню (может быть, также несколько позднее) 1712 г.

² По П. П. Пекарскому, лютеранскую церковь во имя св. Анны уже в 1710 г. перенесли из Петропавловской крепости на Петербургскую сторону, и она до 1730 г. стояла близ Мытного двора, а потом была перенесена еще раз — в Литейную часть (*Пекарский П. П.* Петербургская старина. Т. 81. С. 331). Однако Л. Ю. Эренмалм еще видел церковь в крепости, надо думать, в 1712 г., если эти наблюдения не относятся к начальному времени его пребывания в городе.

³ Роман Вилимович Брюс.

⁴ Вероятно, имеется в виду плац-майор Михаил Осипович Чемезов (Чемесов), после кончины Р. В. Брюса (1720) произведенный царем в коменданты крепости (ум. в 1723 г.) (*Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. С. 50).

⁵ В 1712 г. русский корпус под командованием Ф. М. Апраксина совершил первый поход в Финляндию.

⁶ В русской традиции: де Геннин Вилим Иванович (Георг-Виллим) (1676—1750), голландец. В России с 1698 г. Артиллерист, инженер, специалист по горному делу и металлургическому производству, генерал-лейтенант. В 1712 г. занимался строительством Литейного двора и пороховых заводов в Петербурге. В 1713—1722 гг. заведовал Олонецкими металлургическими заводами, затем по 1734 г. — начальник казенных горных заводов на Урале. С 1734 г. управлял Главной артиллерийской канцелярией, перестраивал Тульские металлообрабатывающие заводы, заведовал Сестрорецким оружейным заводом. Написал труд: Описание уральских и сибирских заводов... М., 1937.

⁷ Т. е. в Кронверкской протоке.

⁸ В списке, с которым мы работали, рисунок отсутствует; не упоминает о нем и К. Тарккиайнен, изучавший второй оригинальный экземпляр трактата, хранящийся в Государственном архиве Швеции (Стокгольм) (см.: *Tarkiainen K.* Se vanha vainooja: Käsitukset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suuren. Helsinki, 1986. С. 261—284).

⁹ Имеется в виду вдовствующая царица Прасковья Федоровна, с кончиной Ивана V Алексеевича поселившаяся в подмосковном селе Измайлове, а в 1708 г. приехавшая в Петербург (*Семевский М. И.* Царица Прасковья. 1664—1723: Очерк из русской истории XVIII века. М., 1989. С. 17—39). Россия стала империей в 1721 г., однако зарубежные авторы и ранее часто называли царицу императрицами.

¹⁰ Не вполне ясное замечание. Указ Петра I о строительстве мазанкового здания Коллегии и Сената на Троицкой площади последовал 28 апреля 1714 г. («При Санктпетербурхе на Городовом острове построить шесть канцелярий прусским буданктом против чертежа архитектора... Трезина, который он объявил» (цит. по кн.: *Овсянников Ю. М.* Доминико Трезини, Л., 1988. С. 54). К осени 1714 г. уже был деревянный остов этого здания (*Йоансен М. В.* Здание «мазанковых коллегий» на Троицкой площади Петербурга // От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII—первой половины XIX века. М., 1984. С. 75). Под декабрем 1714 г. Ф.-Х. Вебер записал, что над зданием новой канцелярии усердно работают и оно уже готово (*Вебер Ф.-Х.* Записки. Стб. 1107). Однако при Геркенсе Сенат и другие учреждения туда окончательно еще не пере-

ехали из старого здания в крепости («Описание... столичного города С.-Петербурга...» // Белые ночи. Л., 1975. С. 208, 217); первое заседание в новой канцелярии состоялось, по А. И. Богданову, только в 1718 г. (Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. С. 73). Если Л. Ю. Эренмальм застал хотя бы начало строительства здания на восточной стороне Троицкой площади, то, следовательно, он еще весной 1714 г. должен был находиться в Петербурге, а это не вяжется с его однозначным заявлением о том, что в июне 1712 г. он был здесь проездом (*Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd under Peter I. S. 264*). Оставалось бы предположить, что швед ждал возможности выезда в Швецию где-то недалеко от Петербурга и либо еще однажды побывал в нем, либо же получил некоторые сведения о развитии его застройки из вторых рук. Однако из рукописи подобных указаний, хотя бы косвенных, извлечь нельзя. Поэтому мы склонны считать, что под «государственной канцелярией» Л. Ю. Эренмальм разумеет, в отличие от других иностранных авторов, представленных в настоящей книге, скорее всего, Канцелярию городских дел, стоявшую между домами знати на нынешних Петровской и Петроградской набережных (см.: *Луппов С. П. История строительства Петербурга. С. 30*).

¹¹Вернее, Койвусаари — финское название острова, именовавшегося также Городовым и Петербургским (ныне Петроградский).

¹²Летний дворец Л. Ю. Эренмальм в отличие от автора «Точного известия...» называет «большим». Дело тут не в субъективности восприятия: речь идет о другом здании — том самом, что сохранилось до наших дней. В первом немецком описании говорилось о домике, стоявшем на том же месте и по приказу Петра I в 1711 г. перенесенном в другое «место, что близ Калинкина» (*Кузнецова О. Н., Борзин Б. Ф. Летний сад и Летний дворец Петра I. Л., 1988. С. 62*). К строительству же Летнего дворца приступили уже после отъезда немца из Петербурга: царское распоряжение о постройке относится к январю 1711 г.; Петр I поселился в Летнем дворце в апреле 1712 г. (там же, с. 63, 64—65).

¹³Речь идет о Третьем Летнем саде на берегу Мойки, носившем поначалу название «Сада за маленькой речкой», где теперь Михайловский сад и улица Садовая. Там стоял дворец Екатерины Алексеевны (названной автором «императрицей»), построенный, вероятно, в 1710—1711 гг. и именовавшийся «Золотыми хоромами», позднее — «Золотыми палатами» (*Воронихина А. Н. Петербург и его окрестности. С. 15*). В более позднем описании Геркенса: «На противоположной стороне рукава маленькой реки находится царицын сад, летний дом...» («Описание... столичного города...». С. 212).

¹⁴Савва Лукич Рагузинский-Владиславич.

¹⁵Т. е. морская пехота, «морские солдаты».

¹⁶Речь идет об Адмиралтействе.

¹⁷Л. Ю. Эренмальм принимал участие в этом походе финляндского корпуса на Петербург под командованием генерала Г. Любеккера.

¹⁸Если немецкий автор «Точного известия...», покинувший Петербург в начале 1711 г., застал только начало строительства княжеского каменного дворца, то швед, опираясь, безусловно, на впечатление последнего (в 1712 г.) посещения города, видел уже двухэтажное здание. Постройка его под руководством архитектора Д. М. Фонтана началась летом 1710 г.; 1 октября светлейший князь праздновал в нем новоселье, т. е., как считает Н. В. Калязина, во всяком случае первый этаж был готов (*Калязина Н. В. Меншиковский дворец-музей. Л., 1982. С. 16*).

¹⁹1712-й год А. Д. Меншиков провел в Померании.

²⁰Римский-Корсаков Яков Никитич, копорский комендант (с 1706), ландрихтер Ингерманландской губ. (с 1707), заведовал земскими делами Пскова (с 1708), петербургский вице-губернатор (с 1711). В 1715 г. сослан за злоупотребления.

²¹Автор «Точного известия...» видел на стрелке Васильевского острова три ветряка.

²²По-видимому, речь идет о первом из двух уже упоминавшихся наводнений 1710 г. — сентябрьском.

²³Известен «Указ фискалу Потемкину о содержании перевозов через р. Неву» от 20 мая 1713 г.: «Велеть принять у обер-комиссара Ульяна Синявина 30 мелекшуктов и на оных перевозить чрез Неву реку всяких чинов людей. А кормицков и гребцов и всякие принадлежające припасы и для оберегательства солдат взять у вице-губернатора Якова Никитича Римского-Корсакова». Далее указывается «смотреть накрепко», чтобы никто на других судах, «кроме мелекшуктов на перевозах» через Неву не плавал (МИРФ. Ч. 4. Отд. XII. № 19. С. 737). Однако Л. Ю. Эренмальм сам этих перевозов видеть уже не мог. О перевозах через Неву оставил довольно

глухое упоминание датский дипломат, в его дневнике под 28 июля (8 августа) 1710 г. записано: «Так, между прочим в Петербурге перевозки между островами, из посада в посад, царь сдал одному проживающему здесь князю, платящему с них поштины по 400 рублей в год» (*Юль Ю. Записки. С. 230*). Но слова Л. Ю. Эренмальма: «год тому назад», учитывая, что трактат завершался в 1714 г., могли относиться и к перевозам, устроенным по приказу 1713 г.

²⁴ Имеется в виду, надо полагать, шведская миля, равная 10 км.

²⁵ Эти сведения относятся к 1712 г., именно тогда было начато строительство Котлинской гавани (*Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 507*).

²⁶ Речь идет о крепости Александршанц, построенной на косе о. Котлин в 1705—1706 гг. Крепость была четырехбастионной, с валом высотой более 4 м (*Роза-деев В. А., Сомина Р. А., Клещева Л. С. Кронштадт: Архитектурный очерк. Л., 1977. С. 9*).

²⁷ Имеется в виду прусский архитектор Андреас Шлютер, принятый на русскую службу в Берлине Я. В. Брюсом и действительно прибывший в Петербург в 1713 г.; в следующем году он здесь скончался.

²⁸ Швед избегал ошибки автора «Точного известия...» и некоторых других современников, считавших кроншлотскую башню круглой. В крепости, согласно отечественному источнику, были только два ряда «для ставления пушек» (см. об этом: *Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 97*).

²⁹ Это название было официально присвоено городу на Котлине гораздо позже — 7 октября 1723 г. В «юрнале» записано: «Крепость заложили на Котлине острове и имяновали Кронштадт» (*Походный журнал 1723 года. СПб., 1855. С. 38*); подробнее о церемонии закладки см. под этим днем в другом «юрнале» (там же, с. 26). См. также в дневнике голштинского придворного под 7 октября: «...не только новое укрепление, но и самый город получили название Кронштадта, тогда как прежде этот город назывался только по имени форта Кроншлота или по имени острова, на котором находится» (*Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 3. С. 161*). В начале 1724 г. другой западноевропейский дипломат писал из Петербурга: «Кроншлот называют теперь Кронштадтом» (*Сб. РИО. Т. 52. С. 160*). Но в 1720 г. Кронштадтом город называл однажды и анонимный польский автор (см. ниже в наст. изд.). По наблюдениям А. С. Пушкина, Петр I впервые назвал остров Котлин Кронштадтом 22 июня 1718 г. (*Пушкин А. С. История Петра I: Подготовительный текст // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1977. Т. 8. С. 292*). В этой связи, правда, можно высказать осторожное предположение, что топоним «Кронштадт» мог попасть в изучаемый список трактата позже, ведь мы работаем не с автографом, а со списком второй половины XVIII в. Вместе с тем специально отметим, что наиболее поздние сведения во всей тщательно изученной нами рукописи относятся к началу 1714 г.

³⁰ Речь идет о стрелецких восстаниях 1682, 1689 и 1698 гг. В ночь на 8 августа 1689 г. Петру I пришлось спастись бегством из села Преображенского от смертельной опасности, когда его сводная сестра Софья Алексеевна, претендовавшая на русский престол, устроила очередной заговор (*Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1. С. 81*).

³¹ Наоборот: лейб-гвардии Преображенский полк получил свое название от подмосковного села.

³² Семеновский — второй полк царской лейб-гвардии.

³³ Цели этой политики правительства сформулировал С. П. Луппов в работах: 1) История строительства Петербурга. С. 24—25; 2) Основание и строительство Петербурга как часть географической деятельности Петра I // Вопросы географии петровского времени. Л., 1975. С. 65. — Первый указ о принудительном переселении состоялся в 1710 г., однако он касался 4720 семей мастеровых людей, но не дворян. 23 января 1712 г. вышел указ Сенату — об этом документе, вероятно, и стало известно Л. Ю. Эренмальму, находившемуся тогда в Москве. Указ определял: «Объявить шляхетским тысячим домам, купецким лутчим петим стам, средним петим же стам, рукоесленным всяких дел тысячим домам (из которых половина те, которыя заводы имеют, яко кажевники и протчие), что им жить на Котлине-острове по скончании сей войны...» (П и Б. Т. 12. Вып. 1. № 5024. С. 22). 4 августа 1712 г. был утвержден поименный список дворян, подлежащих переселению. 17 марта 1714 г. последовал

указ о переселении — уже не на Котлин (царь к тому времени расстался с замыслом построить на острове столицу), а в Петербург; 3 июня 1714 г. Сенат распорядился о строительстве жилых домов в Петербурге, с тем чтобы зимой 1714/15 г. переселенцы могли приехать и жить в них.

³⁴ Архангельск в XVII в. был единственным (помимо Астрахани на Каспии) морским портом России; через этот важный центр международной торговли страна вела большой товарообмен с западноевропейским купечеством.

³⁵ По условиям русско-шведского Столбовского мирного договора 1617 г. русские купцы имели право свободно вести прямую торговлю через Балтийское море только с самой Швецией, а также с подданными шведской короны в ее Прибалтийских провинциях и в Финляндии, но не могли ездить через шведские владения с торговыми целями в другие страны. Как справедливо отметил исследовавший проблему И. П. Шаскольский, «это условие весьма существенно ограничивало возможности русской торговли на Балтике» (*Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством*. М.; Л., 1964. С. 80—81, 82).

³⁶ Имеется в виду петровский манифест «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания» от 16 апреля 1702 г. (ПСЗ. Т. 4. № 1910. С. 192—193).

³⁷ В Швеции была принята милиционная (поселенная) система строительства армии и флота; автор распространяет привычный ему термин и на русские военные силы.

³⁸ Предсказание Л. Ю. Эренмальма сбылось: в последующие годы русские произвели многочисленные десанты на побережье собственно Швеции через Ботнический залив от берегов Финляндии, посеяв панику среди населения. Эти десанты явились одним из сильных средств принудить шведское правительство к переговорам о мире (см. специально посвященную десантам главу в кн.: *Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны*. М., 1959. Гл. 6. С. 486—512).

³⁹ В 1709 г. «министром» — чрезвычайным и полномочным посланником датского короля Фредрика IV при русском дворе был командор Ю. Юль. Весной 1710 г. между Россией и Данией было достигнуто соглашение, по условиям которого датчане обязались осуществить блокаду шведского флота в Карльскруне (военно-морской базе Швеции), а русские, овладев Финляндией, — совершить десант на территорию самой Швеции через Ботнический залив; см.: *Возгрин В. Е. Русско-датский союз в Великой Северной войне (1697—1716 гг.)*: Канд. дис. Л., 1976. С. 91. В сентябре 1711 г. достигли также договоренности о том, что Россия передает Дании 80 тыс. талеров, флотские материалы и вспомогательное войско численностью в 12—15 тыс. человек, а затем полностью обеспечивает снабжение кампании 1712 г. против Швеции (там же, с. 98, примеч. 1).

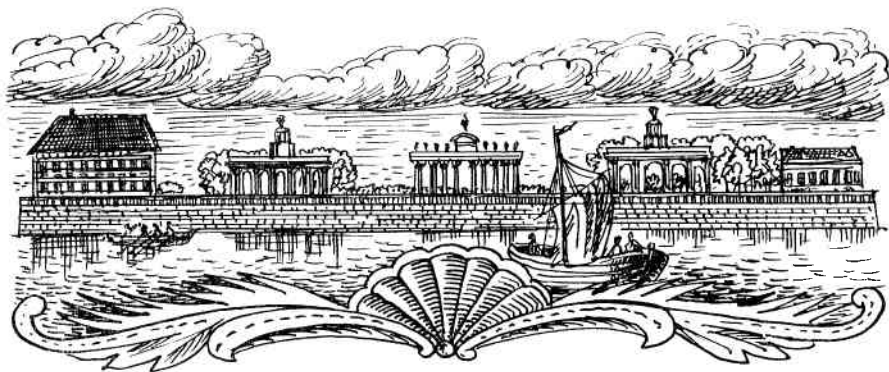
⁴⁰ Турция в начале XVIII в. неоднократно объявляла России войну. После Прутского мирного договора 1711 г. продолжала существовать реальная опасность нового конфликта. Этого очень желал шведский король Карл XII, после Полтавского сражения бежавший в Турцию.

⁴¹ Стенбок, Штенбок Магнус (ок. 1663—1717), шведский государственный деятель и военачальник, граф. Губернатор в Сконе (с 1705), фельдмаршал (с 1710), королевский советник (с 1710). Отличился в сражении под Нарвой (1700) против русской армии и в других операциях Северной войны. Здесь речь идет о том, что после своей крупной победы над датчанами при Гадебуше 9/20 декабря 1712 г. М. Стенбок мог угрожать территории самой Дании. Фельдмаршал, преследуемый саксонскими, русскими и датскими войсками, направился в Гольштейн. В январе 1713 г. он был достигнут и 31 января (11 февраля) разбит под Фридрихштадом (История Северной войны 1700—1721. М., 1987. С. 120—122).

⁴² Явно имеется в виду лето 1714 г.

⁴³ Южная Финляндия была завоевана русскими войсками в 1713—1714 гг.

ИЗ КНИГИ ФРИДРИХА-ХРИСТИАНА ВЕБЕРА «ПРЕОБРАЖЕННАЯ РОССИЯ»

(часть I)

ПРИЛОЖЕНИЕ О ГОРОДЕ ПЕТЕРБУРГЕ И ОТНОСЯЩИХСЯ К ЭТОМУ ЗАМЕЧАНИЯХ

При подготовке изложенного труда не предполагалось составлять систематического описания Петербурга. Но поскольку было сочтено, что опубликованное изображение этого города показывает его состояние лишь по 1716 г., с какого времени до 1720 г. в нем произошли изменения настолько существенные, что, учитывая немногие годы, употребленные на его строительство, он теперь может быть расценен как чудо света, то по настоятельной просьбе было решено присовокупить еще следующее известие, в основу которого положен вышеупомянутый трактат.

Его царское величество с самых юных лет выказал особенную склонность к воде и мореплаванию и в городе Москве, насколько там позволяли возможности, постоянно плавал под парусами по тамошним рекам. Когда же военное счастье так сопутствовало его оружию, что он в 1702 г. завоевал крепость Нотебург, ныне Шлиссельбург, а в следующем году торговый город Ниешанц¹ и, милей ниже [по течению], встретил различные острова, образованные рукавами реки Невы, он нашел эту местность удобнейшей для строительства города и закрепления на Восточном море. И вот там был разбит его большой лагерь, причем инфантерия встала на финской, а кавалерия — на ингрийской стороне. Поскольку же, как было сказано, его царское величество имел великую страсть к мореплаванию и в этом месте были к тому наилучшие возможности, то он сначала приказал там, где теперь Петербург и где тогда стояли лишь две рыбацкие

хижины, возвести маленький шанец. Затем не только собственной персоной в шлюпках производил рекогносцировку реки Невы до большого залива Балтийского моря, но также приказал там точно рекогносцировать все вокруг на других судах. А поскольку было замечено несколько кораблей, крейсеровавших в открытом море, то он откомандировал примерно тысячу солдат на остров Ретусари, или Рутцари (где теперь расположен Кроншлот), с приказом там закрепиться. Хотя шведы старались уничтожить этот отряд сильной пушечной стрельбой с одного корабля, но русские тем временем тихо стянулись за лежащие на берегу многочисленные большие камни и укрылись за ними. Шведы решили, что все русские отступили за росший там небольшой кустарник и, возможно, с другой стороны острова ушли оттуда на судах. Тогда шведы высадили десант с намерением самим овладеть этой выгодной позицией. Однако прятавшиеся за камнями русские худо их встретили, так что шведам пришлось, оставив несколько мертвых, отступить на корабли и уйти на них в открытое море. После этого случая его царское величество прочно утвердился на острове и наконец (как ниже будет подробнее сказано) построил там регулярную гавань и крепостцу, а также уже порядочно большой поселок, ныне известный под названием Кроншлот.

Поскольку его царскому величеству очень полюбилась эта местность, тем более что она действительно является одной из приятнейших в том краю, то он решил основать на реке Неве не только крепость, но и главную верфь для строительства больших военных кораблей. А определив, в частности, что глубина реки в том месте, где теперь крепость, необычайно велика, именно 14—15 маховых саженей, или 90 футов, и, кроме того, окружающая местность состоит из одних болот и от природы является неприступной территорией, он распределил лежащие вокруг острова таким образом, что на одном маленьком островке (на плане лит[ера] А) должна была стоять крепость, а на других островах (на плане лит. С, G, Y, X) и на твердой земле (лит. I, K) — город.

Как только это было решено, тотчас были подготовлены приказы о том, чтобы предстоящей весной на работы явилось множество людей — русских, татар, казаков, калмыков, финских и ингерманландских крестьян; что действительно уже в 1703 году и произошло, ибо в начале мая месяца собралось много тысяч рабочих людей из всех уголков большой России (причем некоторые прибыли сюда даже за 200—300 немецких миль) и приступили к строительству крепости. Хотя тогда для такого множества людей не имелось ни достаточного провианта, ни рабочего инвентаря — лопат, кирок, досок, тачек и тому подобного, не было даже ни хижин, ни домов, однако работа благодаря множеству людей продвигалась необычайно быстро. Особенного же удивления было достойно то, что, поскольку земли в этом низменном месте очень мало и ее приходилось приносить издалека по большей части в полах одежды, в тряпках или мешочках из старых рогож на плечах или в руках, так как тогда русские еще не знали тачек, все же почти за четыре месяца крепость

была возведена. Однако при этом погибло едва ли не сто тысяч человек, поскольку в этих пустынных местах ничего нельзя было получить за деньги; обычный подвоз часто также не поступал вовремя из-за противных ветров на Ладожском озере, и это непоступление тоже причиняло большие беды.

Потом крепость время от времени улучшалась, и на другой год были пристроены еще кронверк и несколько редутов (которые, однако, теперь должны быть скрыты). Всем этим его царское величество сам руководил и распоряжался. Между тем, пока таким образом строилась крепость, постепенно начиналось и строительство города. С каковой целью множеству людей — как дворянам, так и купцам — было приказано переселяться из России в Петербург и строить дома; это тоже произошло с такой быстротой, что скоро все совершенно кишело людьми, ибо: 1) большие бояре и дворяне привезли с собой много людей и прислуги; 2) купцы и лавочники нашли себе доходы в этом новом городе, где все было чрезвычайно дорого; 3) много шведов, финнов и лифляндцев не могли оставаться в своих разрушенных и отчасти сожженных городах, и им ничего не оставалось, как, гонимым нуждой, огромными толпами бежать сюда; 4) для нового мореплавания и кораблестроения были доставлены сюда из всех уголков специалисты, ремесленники и матросы с женами и детьми; 5) также очень многие работные люди из татар, русских и калмыков, отработав установленный срок, не захотели отправиться в дальний обратный путь домой, а получили достаточно работы за деньги у многочисленных бояр, постепенно строивших все больше домов. Кроме того, несколько тысяч из этих работных людей, сами построив себе дома, обосновались [здесь], тем более что каждый волен застраивать любое понравившееся место. Таким образом, иначе и не могло произойти, что местность необычайно быстро заселялась, и по числу домов и людей теперь едва ли уступит какому-либо германскому городу. Сейчас насчитывается тысяч 60 домов, относящихся к городу Петербургу. Правда, надо иметь в виду, что под домами понимаются и совсем крохотные, какие за два часа могут быть разобраны и поставлены в другом месте, [такие есть] особенно в Татарской слободе (лит. у), в Немецкой слободе левее верфи, в Финских шхерах вокруг финской и католической церквей (лит. w, x) и т. д.

Крепость стоит посреди города С.-Петербурга, ее со всех сторон обтекает река Нева, как видно на чертеже (лит. А).² Правда, прежде на этом месте был уже маленький остров, называемый Заячьим, или, по-фински, Эннесцари. Но поскольку при большой воде все на нем заливалось, то остров принесенной туда землей хотя несколько и поднят и увеличен, однако при длительном юго-западном ветре вода еще сильно заливается на внутреннюю площадь, так как это тот ветер, который весьма опасен для всего города, о чем ниже будет сказано более подробно.

Крепость, как видно на чертеже, представляет собой продолговатый нерегулярный шестиугольник. Противоположные бастионы, исключая два средних, одинаковы, так что каждый из четырех бастионов имеет по орильону. Один же средний, выходящий на карель-

скую сторону, — два орильона, а противоположный, со стороны большой реки, — ни одного.

Выше сказано, что крепость поначалу была возведена из одной земли, но в 1710 году его царское величество приступил к замене ее очень прочными и массивными каменными стенами.³ И карельская сторона уже совершенно готова, а со стороны реки еще отчасти работают; сейчас особенно заняты средним бастионом, а также двумя куртинами.

Высота каменных стен до бруствера составляет 30 футов.⁴ Фасы столь густо уставлены бронзовыми и чугунными пушками, стреляющими поверх бруствера, что долгое время слышишь стрельбу, пока она не пройдет по кругу. Во флангах, довольно коротких, находятся прочные сводчатые казематы, два друг над другом, а против внутренних и открытых сторон — с арками; внутри же сводов нет, однако они хорошо защищены от бомб балками, уложенными близко одна к другой. Сейчас их отчасти сдают купцам, хранящим там свои вина и иные подобные товары.

В частности, в куртине, расположенной справа, когдаходишь в ворота (на чертеже № 1), находится главная аптека, она наверняка может быть сочтена одной из лучших как по своим превосходным медикаментам, так и особенно по редким сосудам из тонкого китайского фарфора ценой во много тысяч рублей. Среди медикаментов, производимых Россией, один из лучших — ревеня. Большие количества его выкапывают в Сибири. Русские поначалу не знали о ценности и цене этого лекарства и продавали его по гривне, то есть примерно три гроша фунт. Но этим занялся некий купец из Гамбурга, предложивший царю 30 тысяч рублей в год за монополию на этот товар, заключил контракт на таких условиях, а затем стал доставлять ревеня в Гамбург и продавать и там, и в Голландии по 8 рейхсталеров за фунт. Один русский, находившийся в Гамбурге, проведал об этой выгодной торговле и сообщил двору. Тотчас в Сибирь был послан приказ; выкопав там ревеня всеми силами, отправили в Голландию целый корабль. Однако гамбургский купец вовремя об этом пронюхал и продал свой ревеня по 8 добрых грошей фунт, вследствие чего прибывший из России ревеня остался лежать в Амстердаме и сгнил,⁵ тем более что голландцы со временем раздобыли это лекарство из Ост-Индии и уже могли обойтись без русского.

В крепости двое ворот, но нижние не вполне готовы. Верхние ворота теперь совершенно окончены, они украшены дорогой скульптурой. Снаружи наверху очень хорошо установлен Св. Петр размером более чем в человеческий рост, с двумя ключами в руке. На плите можно по-русски прочесть об основании крепости, с датой: 1703. Внутри над воротами стоит большой черный русский орел с коронами на головах, держащий в правой лапе скипетр, а в левой державу. Несколькониже стоит святой Николай — самый большой покровитель и т. д. русских. Не могу припомнить, дано ли уже этим воротам название, но в будущем они вполне могли бы быть именованы Петровскими.⁶

Перед этими воротами расположен маленький рavelин, от которого через рукав реки ведет значительный мост с двумя подъемными частями. Следует заметить, что в этом рукаве реки между кронверком и крепостью галеры и другие малые суда имеют безопасную зимнюю гавань, стоя там по порядку.

Видно также по причальным камням в стенах и по начатой раскопке (на чертеже № 2), что там должен быть проведен еще один коммуникационный канал из большой реки в уже готовый канал, идущий через крепость и обозначенный на чертеже. На бастионе (на чертеже № 3) всегда развевается на голландский манер большой разноцветный крепостной флаг, он на высоком шесте, установленном в крестовидной подставке. В праздник же или большой святой день, каковой русские называют «праздником» (Prasnick), вместо этого поднимают большой желтый флаг, на котором русский орел держит между лапами и крыльями четыре больших моря: 1) Белое, 2) Черное, 3) Каспийское и 4) Восточное, так как его царское величество — господин этих четырех морей (кроме Черного, уступленного им по заключенному в 1710 году миру с турками) и имеет на них владения.

Таково вкратце описание самой крепости и относящегося к ней. Уместно было бы также сообщить о зданиях внутри нее. Однако то немногое, что [там] начато, постоянно изменяют и улучшают, и невозможно пока достоверно сказать, что из этого будет. Кроме того, площадь сама по себе очень мала, настолько, что там может разместиться мало больших зданий или палат.

Башня главной церкви — порядочной высоты, она возведена из камня, с весьма пропорциональными пилястрами в четыре ряда один над другим и с большими сводчатыми арками. Это сделал архитектор Трезини, итальянец.⁸ На башне висят дорогие куранты, изготовленные по заказу царя в Голландии.⁹

Церковь по большей части готова. Более в крепости пока нет ничего примечательного, помимо нескольких деревянных домов на скверных фундаментах. В крепости также не живет никто, кроме коменданта, нескольких офицеров и аптекарей, да еще нескольких сот солдат.

Главная канцелярия — деревянный дом, в котором собирается Сенат и заседает Тайный совет, — тоже, правда, находится в крепости, но так как готова новая канцелярия (на плане лит. С), то недавно все бумаги были перенесены туда, и теперь в крепости Сенат больше не заседает.¹⁰

Вокруг крепости — на островах и на части твердой земли (которая из-за окружающего болота тоже могла бы быть названа островом) расположен город. Он занимает такое обширное пространство, что его скорее можно сравнить с ландшафтом из многих поселков, чем с городом, так как в длину составляет добрую немецкую милю, а в ширину немногим меньше. Все застроено очень тесно друг к другу, особенно мало свободного места осталось на хороших сухих участках, так что тем, кто еще ежедневно прибывает туда жить, прихо-

дится подыскивать места для домов на болоте, и там осенью и весной гулять очень грязно.

Выше по течению реки (на плане лит. Н) прежде стоял Шанцер-Ниен, или Нева-Шанц, — между большой рекой Невой и другой порядочной рекой (ее название выпало у меня из памяти).¹¹ Но теперь от него уже не осталось ни единого камня.

Часть города несколько ниже (на плане под лит. i и k) хотя и находится на твердой земле, однако со стороны суши есть весьма глубокое болото, так что минуя очень плохую дорогу, показанную на чертеже, ни туда, ни оттуда не пройти, и поэтому она скорее могла бы быть сочтена полуостровом. Правда, вверх по реке от цейхгауза (лит. k) еще есть порядочно высокий берег, который, как и противоположная сторона у большой пивоварни (лит. g), является единственным сухим и высоким участком во всей местности, не подверженным опасности наводнения.

В этой части города живет царь; там держали свои дворы также царевич со своей супругой¹² и принцесса Наталья.¹³

Далее здесь литейня, в которой ежегодно отливают множество бронзовых пушек.¹⁴ Вплотную к ней возвел каменный дом фельдцейхмейстер Брюс;¹⁵ дом хотя и невелик, но построен хорошо. В других домах живут частью бояре и русские господа, особенно у воды и в первой параллельной улице, а далее — самые разные русские. Отсюда [эту часть города] и называют преимущественно Русской слободой.

Дальше вниз, у маленького рукава, стоят на берегу различные господские дворы, там целыми днями строят и улучшают и с 1717 года в поле возведено свыше 6 тысяч домов.

Дома целиком деревянные, из уложенных друг на друга бревен, изнутри более или менее ровно обтесанных топором, а снаружи нет. Крыши — из тонкой еловой щепы или дранки длиной 10—12 футов, выложенных в ряд и закрепленных несколькими поперечными рейками. Те же, кто хочет вернее уберечься от дождя, кладут под дранку большие куски бересты, они очень тонкие, никогда не гниют, плотно укладываются друг к другу и хорошо задерживают воду. Однако береста легко загорается и потому опасна.

Иные поверх щепы покрывают крыши большими четырехугольными кусками дерна, и пока он свеж, на доме словно бы зеленеет луг, хорошо уберегая от воды.

В этой части города есть также много домов из фахверка: такие, как дома прежнего царевича и его супруги; принцессы Натальи — самой старшей сестры его царского величества. Эти дома покрыты обожженной черепицей. А поскольку его царское величество повелел всем знатным, живущим в этой местности, строить каменные дома на Васильевском острове, как на Княжеском, расположенном по другую сторону реки, к чему многие уже и приступили, то, возможно, в будущем в этой части города уже не будет возникать много ценного, а останется в теперешнем состоянии; разве что просто-народе станет [там] строить по-прежнему.

За рукавом реки (лит. q) находится возведенный в камне летний дом его царского величества, в котором он летом имеет резиденцию. Дом хотя и мал, но сделан хорошо. Он стоит в саду, который для этой местности и учитывая краткость срока, устроен вполне хорошо и никаких недостатков не имеет. В 1716 году вокруг этого сада провели канал и в саду всюду устроили приятные решетки вдоль дорожек, где выставлено несколько красивых беломраморных статуй.

Особенно примечательно, что хотя во всем краю, да и во всей северной России нет дубов, все же деревья этой породы, посаженные здесь в саду, хорошо приживаются и превосходно растут; это достаточно свидетельствует о том, что прилежанием можно достичь всего.

Еще рядом с садом находится оранжерея, а также фонтан и особенно грот, который, когда будет завершен, не уступит никакому другому.

Перед садом расположен большой луг (лит. s), на нем теперь разбит плодовый сад.

За рукавом маленькой реки (лит. P) находятся сад и летний дом царицы, а рядом, ниже у воды, жилье ее придворных и ее конюшня. Хотя летний дом только деревянный, в нем красивые покои и картины. В саду нет также недостатка ни в зелени, ни во всем том, что может как-то способствовать его украшению. А поскольку прямо под ним еще есть большая свободная площадь, то не приходится сомневаться, что со временем это станет лучшим местом в городе, особенно потому, что здесь необходимо будет провести дорогу на твердую землю.

Теперь я подхожу к самой лучшей слободе на реке, она, собственно, называется Адмиралтейским островом, но обычно ее именуют Немецкой слободой, так как в этой части города живет большинство немцев. Рядом с Почтовым домом, обозначенным выше лит. T, посреди луга стоит здание, в котором прежде находился персидский слон, а теперь помещен голштинский глобус.¹⁶ Напротив стоят различные красивые дома и среди них дом, построенный маршалком Соловьевым,¹⁷ он обошелся в 12 тысяч рублей.

Этот уголок города называют Финскими шхерами, так как здесь вокруг живут по большей части финские и шведские изгнанники. Здесь также есть финская лютеранская церковь, она размещается в одном деревянном доме (лит. X).

Далее — католическая церковь (лит. W), тоже деревянный дом, но теперь ее перестраивают в камне; кроме того, должно быть построено еще много других католических церквей и монастырей, так как его царское величество вновь позволил иезуитам прибыть в страну и пообещал им щедрую помощь в необходимом строительстве. Если я исключу 300—400 домов в этом месте, то прочие скверны и построены, подобно ловушкам для синиц, вплотную друг к другу.

Однако удивительно, что ни одна улица в Петербурге не имеет названия, а один другому описывает место, о котором спрашивают, называя того или иного, живущего в этой местности, пока не назовут

такого человека, которого знают, а затем приходится продолжать расспросы.¹⁸

От Почтового дома вниз по течению идет у воды длинный ряд домов, из них один (лит. Y) — Зимний дом его царского величества, его обычная резиденция, возведенная из кирпича в два этажа. Прежде дом стоял так, что из него видны были большая часть города, крепость, княжеский дом и особенно, по рукаву реки, — открытое море. Но после того как устроенная у берега деревянная набережная, как будет упомянуто ниже, совершенно застроилась домами, то с улицы, на которой царь теперь имеет резиденцию, вовсе нет вида, и поэтому царю на набережной построили другой дом.¹⁹

По правую руку живут самые разные люди, русские и немцы, и особо следует отметить, что вокруг его царского величества, а именно на соседних улицах, живут больше немцы, а не русские, и в частности лютеранская церковь (лит. Q) (деревянное здание в виде креста) стоит к нему ближе всего, на расстоянии от его заднего дома не более 300 шагов.

Далее по левую руку от лютеранской церкви стоят жилища крупных адмиралтейских офицеров, откуда и название острова. Пять больших каменных домов из них уже возведены, а для других приготовлены материалы, с тем чтобы их также возможно скорее перестроить в камне.

Улица, позади идущая сверху до места, где большая площадь (лит. C) кончается по левую руку, заселена вперемежку русскими и немцами, однако больше немцев, а еще левее большей площади — одними русскими, и это преимущественно маленькие домики, награжденные беспорядочно.

В середине Адмиралтейского острова расположен большой адмиралтейский двор, или так называемая верфь (лит. b), где строят большие военные корабли, и обычно на стапелях стоит 7—8 корпусов, над которыми работают.

Эту верфь в 1716 году окружили вром с водой, а за ним возвели вал с бруствером, стало быть, можно сказать, что теперь в городе Петербурге две крепости.²⁰ Также внутри верфи в том же 1716 году выстроили два больших фахверковых магазина для корабельных припасов, где имеется большош запас всего [потребного].

Прочие материалы — строительный лес и тому подобное — лежат вокруг верфи на площади, как и запас больших корабельных якорей. Однако чугунные пушки, которыми по большей части вооружают корабли, лежат внутри верфи. При этом следует заметить, что его царское величество в Олонце — местности, расположенной левее озера Онега, приказал отливать столь превосходные чугунные пушки 24-фунтового калибра, каких нет нигде.²¹ Ибо они гладкие, а некоторые выделаны так чисто, что могут поспорить с бронзовыми. Особенно удивительно, что они по весу чугуна и по величине почти равны бронзовым пушкам и тем не менее выдерживают такие же испытания и срок их службы не меньше, чем у бронзовых. В 1715 году несколько чугунных пушек было доставлено из Сибири, гам отлитых. На вид они были еще лучше, будучи изнутри и снаружи

настолько гладкими, точно отполированные. Однако при двойном испытании они разорвались. Потому, вероятно, что в Сибири чугуны не такой хорошей, как производимый в Олонце; последний содержит, говорят, серебро и золото. По левую руку от верфи находится адмиралтейская церковь, куда ходит на богослужение двор. Она лишь деревянная и маленькая, поэтому ее должны отсюда убрать и вместо нее на большой площади построить другую. По соседству (лит. f) — постоянный двор князя Меншикова, очень длинное здание из фахверка, покрытое черепицей, или плитками. Однако хозяйство еще не налажено, а теперь в нем живут некоторые мануфактуристы и мастера из немцев и французов, в частности ремесленники, в 1716 году присланные туда из Данцига; за их проживание его царское величество князю платит.

За этим зданием находится (лит. e) канатная мастерская, где изготавливаются большие корабельные канаты и прочие относящиеся к флоту вещи. Рядом живут медники, а несколько ниже у воды стоит адмиралтейская кузница, в которой примерно 30 горнов.

Вообще весь берег вниз от Почтового дома до места, где кончаются дома, укреплен деревянной набережной из нескольких тысяч шпунтовых свай, за которыми все будет засыпано,²² и дома на набережной будут строить близко к воде и на более высоких фундаментах, так как место здесь довольно низменное и весьма небезопасное от большой воды.

На этой набережной теперь уже действительно построено более тридцати больших каменных палат, и среди них принадлежащие великому адмиралу Апраксину — самые значительные, в них свыше шестидесяти покоев. Другие принадлежат вице-адмиралу Крюксу, генералу Ягужинскому,²³ генералу Чернышеву²⁴ и иным знатным придворным и придают городу на реке превосходный вид. Несколько дальше вниз под № 5 — бойня, где находящемуся по эту сторону городу в изобилии предлагается купить нужное. А ниже по левую руку (лит. f) стоит большой амбар, или магазин, в том месте ежегодно строится 20—30 галер. Число их теперь увеличилось до 300, и оно постоянно поддерживается его царским величеством, по крайней мере в военное время. Галеры различной величины; самые тяжелые несут 300 человек и 5 пушек, а наименьшие — 150 человек и 3 пушки,²⁵ так что этот галерный флот способен без помощи большого доставить в нужное место армию в 60 тысяч человек и тысячу пушек. Причем надо еще отметить, что царь по количеству всякого рода тяжелых орудий и малого огнестрельного оружия если и не превосходит другие державы, то по крайней мере ничуть им не уступает.

По ту сторону малого рукава реки находятся летние дома и сады (лит. g) некоторых бояр; в частности, у воды [расположены] принадлежащие адмиралу, бывшему адмиралтейскому советнику Кикину,²⁶ бывшему послу Петру Матвееву²⁷ и другим.

Все эти слободы, или предместья, теперь сплошь вымощены камнем; кроме того, на добрую четверть мили за город проложена широкая мощеная дорога, где прежде мало кому удавалось пройти из-за бездонных болот. Да и вся окружающая местность здесь —

сплошное болото, отчасти еще в зарослях и кустарнике, с которых, однако, никому не дозволяется срубить хотя бы самую малость. Только на одной большой площади (лит. с) не растут кусты, и она еще как-то высыхает при хорошей погоде.

На рубку лесов вокруг Петербурга наложен столь строгий запрет, что два года тому назад некий полковник прошел через наказание кнутом, а человек двадцать крестьян — через также ставшие известными у русских шпицрутены, так как полковник, невзирая на приказ его царского величества, употреблял для своих нужд лес и за определенную сумму денег позволил это также крестьянам. Этот запрет является причиной большой дороговизны дров в Петербурге и необходимости привозить их издалека. Так что имеющему сколько-нибудь большое хозяйство и не могущему своевременно привезти дрова из Финляндии вполне запросто приходится выплачивать за 24 часа по 2—3 талера²⁸ на топливо.

Упомянутые мостовые готовы теперь почти по всему Петербургу, и начатые с 1717 года каналы уже в таком состоянии, что можно плыть от дома в Неву и дальше в открытое море. По большим праздникам очень красиво смотрятся сотня и более малых судов, идущих наперегонки на веслах или под парусами; при этом кавалькаде придают импозантность и хорошо одетые гребцы.

Часть города, расположенная на финской стороне, очень велика и обширна, правда на севере за Татарской слободой еще отчасти не заселена, но и не совсем пуста, так как там кругом стоят большие дворы и мызы, место при которых теперь занято садами, пока оно полностью не застроено домами. Поэтому на плане эта местность не снабжена никаким обозначением.

Знатнейшая [часть] этого города расположена у воды; прежде всего в верхнем углу (у лит. D) — дома сенаторов и знатнейших бояр, хотя и построенные из дерева, но большие, со многими покоями. Однако великий канцлер граф Головкин, вице-канцлер барон Шафиров, бывший сибирский губернатор князь Гагарин²⁹ и другие господа уже приказали поставить у воды значительные каменные дворцы.

Рядом с этими боярскими домами стоит новая канцелярия (лит. С) — длинное здание из фахверка. Оно уже совершенно готово, и в нем имеют собрания девять вновь учрежденных коллегий, а также получают аудиенцию послы.

Хотя весь город — деревянный, а крыши покрыты, в частности, легко загорающимися тонкой дранкой и щепой, тем не менее редко сгорает больше двух домов, даже если они стоят вплотную друг к другу. Ибо от огня приняты столь хорошие меры, что можно не опасаться большого ущерба. Эти меры в основном таковы. Во-первых, на башнях денно и нощно стоят сторожа, которые, заметив огонь, тотчас начинают бить в колокола особым звоном. Этому звону вторят на других колокольнях, и сразу же по всему городу бьют в барабаны пожарную тревогу. Как только это случилось, отовсюду сбегаются несколько сот и даже тысяч плотников (каких полно во всех местах города) с топорами в руках [так спешно], будто у них горят волосы на голове. Дело в том, что все плотники, как и солдаты, под

страхом сурового наказания обяваны мгновенно явиться на место. Его царское величество, если находится в городе, обычно первым оказывается на пожаре, или же князь Меншиков, или комендант крепости, или некоторые генералы и высокие офицеры.

Поскольку же в таких случаях больше зависит от хорошего командира, чем от сотни работников, то происходит следующее. Соседние дома по обе стороны от уже горящих мигом организовано сносят. А так как тем временем прибывают и большие пожарные насосы, то не только огонь с необыкновенной быстротой полностью гасится, но часто наполовину спасают и уже загоревшиеся дома. Его царское величество обычно находится среди рабочих, в самом нужном месте с топором в руке забирается на полусгоревшие дома и действует так, что у смотрящих на это порой мороз по коже. Благодаря этим мерам и доброму порядку все же редко обращается в пепел больше одного, в крайнем случае нескольких домов (хотя пожары возникают чуть не каждую неделю), сколь бы опасным это ни казалось.

Совсем рядом с канцелярией стоит русская церковь,³⁰ она после главной церкви и церкви князя Меншикова пока самая большая и красивая. На ней нечто вроде плохих курантов, на которых каждый час вручную исполняют некую мелодию.

Затем идут так называемые лавки (лит. В). Это большой рынок, где продаются все купеческие товары и ведется всякая торговля, помимо него никому не дозволено заниматься какой-либо торговлей или продавать. Это очень большое фахверковое здание в два этажа, крытое черепицей, с большим пустым двором внутри. В длину здание посередине разделено стеной, так что лавки двойные: половина выходит на внешнюю площадь, а другая — на внутренний двор; по каждой стороне есть галерея, позволяющая проходить перед лавками посуху. Так все лавки и в верхнем, и в нижнем этаже хорошо заняты. Дом принадлежит его царскому величеству, и купцы должны порядочно платить за его наем. Но жить в нем никому нельзя, а для безопасности на всех четырех углах и в четырех воротах стоит солдатский караул.³¹

В домах никому не позволено продавать какие-либо товары, а все и каждый из купцов двадцати и более наций должны либо сами днем быть в этих лавках, либо же держать в них своих служителей. Поэтому туда беспрерывно едут и плывут со всех островов и из всех уголков города, и часто на рынке такая теснота, что невозможно посторониться и дать пройти другому.

Прежде этот рынок был в нескольких сотнях шагов дальше и состоял тогда лишь из одних деревянных и дощатых домишек. Он едва ли не за час сгорел дотла июльской ночью 1710 года, а большинство товаров или погибло в огне, или же было разграблено. Теперь на его месте пирожники составили ряд лачуг для своей убогой торговли.

У самого моста в крепость, слева от входа, расположен наилучший кабак, или пивная,³² где на счет его царского величества продают вино, карты, пиво, водку и табак, поскольку торговля этим по всей

стране принадлежит ему одному. По правую руку стоит новая топография,³³ что для этой страны редкость, так как почти никаких русских книг за деньги не достать. А поскольку старые русские литеры очень трудночитаемы, с их многочисленными сокращениями и диковинными знаками, то великими заботами его царского величества это теперь значительно изменено: вместо прежнего плохого введен чистый и легко читаемый шрифт, которым напечатаны Библия и очень многие другие полезные книги.³⁴

Пройдя дальше мимо крепости, подойдешь к татарской барахолке, расположенной напротив кронверка. Здесь или прямо у дороги, или в двух рядах отмеченных лавок (на плане лит. t)³⁵ можно дешево приобрести всевозможные товары — старую одежду различных наций, лапти, всякие старые железные предметы, бечевку, старую веревку, деревянные седла вместе с принадлежащими к ним потниками и иные тому подобные изысканные вещи. Обычно у этих лавок находится большинство торговцев, и кругом такая толпа, что попавшему туда надобно хорошенько присматривать за своим кошельком, шапкой и даже шляпой и париком, или же весьма предусмотрительно держать в руках. Будь некий гренадерский полковник гвардии (немец) и некая дама осмотрительнее, то первому не пришлось бы идти домой без шляпы и парика, а второй — без кружевного головного убора, как в один и тот же день случилось с этими двоими, но в разное время и в разных местах [рынка]. Человек, проезжавший мимо на скверной татарской кляче, без разрешения сорвал эти головные украшения, каждое особым приемом. Затем под общий смех поблагодарил ограбленных, повернувшись к ним спиной, и тут же, кратко похвалив товары, предложил их всем стоявшим вокруг и потом уехал своей дорогой.

За этим рынком по левую руку расположена собственно Татарская слобода, где кругом живут татары, турки, калмыки и всевозможные нации сообразно своим обычаям, причем там такое изысканное домашнее хозяйство, какое навряд ли встретишь в Риме или Париже. Ниже крепости на реке находится продовольственный и хозяйственный рынок (лит. q), называемый Мытный двор.³⁶ Это большое четырехугольное строение, однако несколько меньше другого рынка. Здесь с двух сторон напротив улиц найдешь все потребное для домашнего хозяйства: горох, чечевицу, бобы, крупу, муку, сало, деревянную посуду, горшки и прочие тому подобные нужные вещи. На двух же других сторонах, выходящих к воде, расположены мучные магазины. Само здание деревянное, на русский лад крыто дранкой или щепой, и поэтому находящиеся в нем купцы немало опасаются убытков от пожара.

Неподалеку оттуда новая бойня (лит. r), устроенная над водой на свайном фундаменте, но так низко над ним, что приходится опасаться, что однажды ее снесет большой водой. Ведь так в сентябре 1715 года,³⁷ когда море высоко поднялось от сильного юго-западного ветра,³⁸ волнами был посажен на этот фундамент и остался на нем карбас (а это довольно большое двухмачтовое судно). Значит, при подобной высокой воде такой деревянный дом тоже свободно может оттуда уплыть.

То, что расположено левее бойни и продовольственного рынка, называется Русской слободой по ту сторону реки. Там живет одно простонародье; только у воды есть несколько приятных деревянных домов — вице-губернатора, ландрихтера (так же называемого и по-русски) и нескольких других служащих канцелярии. Здесь же вновь построена губернская канцелярия (важнейшая в крае),³⁹ после того как прежняя на Княжеском острове зимой 1716 года сторела до основания.

Еще на этом острове есть Аптекарский сад⁴⁰ (лит. Е) — очень большая площадь, но без особенных редкостей. Поскольку же в этом месте берег довольно высок, да к тому же в саду есть маленький песчаный холм, то вода никогда туда не заливается, и поэтому немцы выбрали это место для своего кладбища. Однако там мертвые далеко не в безопасности, так как часто их снова выкапывают из-за савана, грабят и так бросают, пока кого-то опять будут хоронить или же (возможно, спустя долгое время) родственники об этом не узнают и им придется еще раз погребать тело.

По этой причине некоторые немцы хоронят своих мертвых на своих дворах, особенно детей, а тот, кто располагает средствами, выставляет на некоторое время собственную охрану в Аптекарском саду до тех пор, пока не сочтет, что о покойнике с его саваном забыли.

В 1715 году воры через два дня после похорон хотели выкопать тело немецкого придворного музыканта и уже разломали заступами и другими орудиями в земле гроб, но поскольку они неправильно ухватились за тело, намереваясь вытащить его за ноги, то не успели управиться с работой и удалились. Утром люди увидели торчавшие из могилы ноги, и некоторые старые русские женщины определенно подумали, что мертвые хотят воскреснуть.

Большой и красивый Васильевский остров его царское величество подарил князю Меншикову,⁴¹ который его заселил и занял со своею челядью. После того как его величество впоследствии почувствовал к этому месту большую склонность, какой поначалу, возможно, не имел, он решил, что здесь должен быть в строгом порядке построен регулярный город Петербург. С каковой целью он повелел составить различные чертежи нового города соответственно местности этого острова, пока один из них не оказался отвечающим его замыслу. Он его одобрил и утвердил своей подписью, с тем чтобы в будущем придерживаться его, а новому городу строиться по этому проекту.⁴²

На нем обозначены улицы и каналы, а также места для домов, и в 1716 году повесили кольями. Кроме того, был подготовлен также приказ о немедленном строительстве на этом острове домов в соответствии с чертежом и о поселении там на жительство.

Следуя этому приказу, многие уже начали строить и застроили целую улицу (на плане лит. м, М)⁴³ по обе стороны и заложили другие улицы, однако из одних деревянных домов, в большинстве своем крытых черепицей и лучшего качества, чем прежние. Каменные дворцы одних уже действительно готовы, а другие знатные господа тем временем завезли, согласно высочайшему приказу, материалы и

камень для своих зданий. Знатные господа особенно предпочли самый верхний угол острова и там приказали выделить себе места для застройки в соответствии с чертежом. Для этого несколько из стоявших там ветряных мельниц, пиливших доски, уже разобрано и перенесено в другие места.

Судя по виденному мною чертежу, со временем определенно может вырасти значительный город, равного которому по величине не будет в Европе, тем более что, по слухам, от ныне уже существующего города ничего не отойдет, он по-прежнему будет существовать. И хотя пока лишь малая часть этого острова пуста и безлесна, и, напротив, основную его территорию занимает дикий густой лес, это все же не воспрепятствует воле и намерению его царского величества, ибо при таком множестве народа он и одним-единственным приказом быстро может осуществить свои замыслы. И кажется мне, будто уже предвижу, как через считанные годы весь этот большой остров (без разрушения остального города) будет совершенно заселен, а большой лес превращен в свободную территорию.

Этот остров должен быть окружен линией, или бруствером, для прикрытия и защиты. Первым и наилучшим на острове является дом князя (лит. I).⁴⁴

Примечание. Под названием князь (Fürst) в России подразумевается один только князь Меншиков, так как в России и среди немцев, и среди русских, и даже при дворе не принято называть кого-либо фюрстом, а все остальные и по-русски, и по-немецки именуются «князьями» (Kneesen). Но поскольку князь Меншиков по-русски может именоваться тоже не иначе, как Кнес, то для отличия от других всякий раз присовокупляется слово «светлейший князь» (Swetliesche Knés), ибо он является князем Священной Римской империи.⁴⁵ Следовательно, слово «светлость» указывает, что за князь имеется в виду. Для других князей (Knésen) употребляют титул «ваше сиятельство» (Waiche Siatelstwo). Но если, например, в среде немцев и [других] иностранцев говорят «фюрст», то само собой разумеется, что речь идет об одном только князе Меншикове.

Прежде всего, как уже было сказано, дом князя (лит. i); он возведен из кирпича в три этажа в итальянском стиле и крыт большими железными листами, окрашенными в розовый цвет. Спереди и сзади дом имеет флигеля, внизу есть сводчатый подвал, и в остальном дом обеспечен всем, что надлежит доброму дому. В частности, в нем много покоев, все с дорогой обстановкой и прежде всего украшены множеством серебряной посуды. В среднем этаже находится большой зал, в котором обычно устраиваются большие праздники и изысканные свадьбы князей или бояр.

Около этого дома за маленьким каналом — церковь князя, возведенная из кирпича, с красивой башней, на которой своего рода куранты, однако плохие. В городе Москва князь примерно 22 года тому назад построил дорогую церковь с башней, когда о Петербурге еще и мысли не было, и приказал изготовить для нее хорошие куранты, которые действуют и теперь.⁴⁶

Его упомянутая петербургская церковь сделана достаточно хорошо и обнесена галереей. Внутри есть несколько вырезанных из дерева скульптур и род алтаря на возвышении, хотя и то и другое у русских не очень принято. В этой церкви имеется также кафедра, с которой иногда читаются проповеди на русском языке.⁴⁷ Это действительно нечто совершенно необычное и новое, так как вообще-то у русских проповедей никогда не читали, а лишь проводили богослужения. Однако в будущем, вероятно, и далее будут следовать этому доброму примеру и больше не станут брать в духовное сословие таких ограниченных людей, умеющих лишь читать, а личностей, несколько лучше образованных и по крайней мере способных произнести перед приходом наставление о слове Божьем.

Ближайший к церкви большой дом возведен в камне княжеским маршалком Федором Соловьевым, он крыт железными листами и наряду с дворцами князя и адмирала является наилучшим в Петербурге.

Два близстоящих передних ряда домов будут снесены, чтобы освободить место для тех больших господ и бояр, которые здесь, как выше говорилось, получили участки под застройку. Два же задних ряда, построенные хотя и из дерева, но единообразно в голландском стиле, предполагается оставить, и по улице будет проведен канал, к чему располагает уже сама низменная и болотистая территория.

Затем следует княжеский сад и летний дом⁴⁸ (лит k). Дом хотя только деревянный двухэтажный, однако очень хорошо выстроен в итальянском стиле и с красивыми покоем. Сад, как видно по чертежу, очень обширен, но лишь немного в нем пока устроено как следует, разве только по обеим сторонам готовы дорожки с решетниками, и зеленые растения будут по ним подниматься.

В стороне от сада князь велел прорубить аллею до моря (русские называют ее перспективой), и в конце этой аллеи у моря стоит деревянный дом с башней,⁴⁹ очень издали видимой и с суши, и с моря и заменяющей морякам хороший маяк. Он указывает, где им искать вход, так как водный путь проходит совсем близко от этой башни. А поскольку русло реки в этом месте залива очень извилисто и глубина по сторонам недостаточна для судов, то здесь следует быть очень осторожным, пока мимо бакенов не выйдешь в открытое море. По этой причине иностранные торговые суда не могут войти в сам Петербург, а всегда до тех пор остаются перед бакенами в море на якоре в полумиле от этой перспективы, пока их не погрузят при помощи других судов. Большие же военные корабли выводят в море на камелях, еще совершенно порожними, без мачт и иной тяжести.

Вход и поворот реки, где она глубока, приблизительно отмечен лит. р.

За садом у воды ниже по течению пока по-прежнему живут княжеские архитекторы, садовники и мастера. Но неизвестно, сохранятся ли за ними эти хорошие места.

Еще левее находится княжеская усадьба (лит. n) с множеством домашней птицы — гусей, уток, кур и тому подобного. Напротив этой усадьбы блаженной памяти кронпринцесса⁵⁰ имела усадьбу на

собственном острове, при которой начали разбивать сад и уже был готов красивый деревянный дом. Однако поскольку этот остров при большой воде сильно затопляется, то в будущем, пожалуй, едва ли там удастся многое сделать, разве только если обнесут плотиной для защиты от наводнений. В остальном этот большой остров, как уже отмечалось, весь покрыт лесом и кустарником — елью, березой и ольхой; кроме того, он очень болотист, как видно на плане. Но тем не менее все это можно исправить при помощи земли, которую в будущем вынут при прокладке многочисленных каналов.

О реке Неве я должен добавить, что она постоянно имеет большую глубину до самого залива, потом же становится несколько мельче, с большими изгибами и многочисленными песчаными мельями по обеим сторонам, делающими поток все уже, и только через полмили в море вновь начинается настоящая глубина. По этой причине большие груженные корабли не могут войти [в реку], им приходится оставаться на якоре в заливе и там разгружаться.

Течение реки чрезвычайно быстрое, как в Рейне, поэтому оно еще хорошо видно в заливе на расстоянии доброй полумили. И потом, хотя внешне это незаметно, сохраняет свой истинный курс в глубине через весь большой залив с извилинами, пока наконец в теснине у Кроншлота (особенно с южной стороны) вновь не становится более заметным; поток там настолько мощен и силен, что заметен еще потом довольно далеко в начале настоящего Восточного моря.

Ширина реки у города Петербурга колеблется от 7—8—9—12 до 16 сотен шагов, а поскольку река между островами, как уже было сказано, очень глубока, то, пожалуй, невозможно построить через нее мост, и все сообщение должно осуществляться на судах; поэтому не обходится без несчастий, и почти ежедневно тонут люди.

Правда, объявился один русский инженер, представивший на модели, как можно было бы построить через реку шириной 1500 шагов каменный мост с одной-единственной аркой. Однако его царское величество, лучше сведущий в подобных делах, шутливо уговорил этого специалиста повременить с его изобретением до другой поры. Иностранные же архитекторы, находящиеся там, были в высшей степени удивлены этим, а иным вскоре пришло в голову, что если можно перекинуть арку в 1500 шагов через такую быструю и глубокую реку, то, вероятно, можно посредством подобной арки соответствующих пропорций сделать и мост с Земли на Луну, по которому можно было бы отсюда ходить и по своему желанию устанавливать иногда столь сильно перемешивающиеся воздушные потоки, а также погоду и ветер. Теперь из Петербурга пишут, что всем и каждому, живущим на ингерманландской стороне в слободе, где находится царский дворец, было приказано строиться на Княжеском острове и самим там селиться. Но это из-за уже понесенных строительных расходов вызовет у многих недовольство, и дело пойдет трудно.

На упомянутой ингрийской стороне есть большая свободная поросшая травой площадь, которая весьма могла бы быть пригодна под рынок. Здесь по воскресеньям и праздничным дням собираются крестьяне, ремесленники и другие простолюдины, особенно молодежь;

напиваются допьяна в соседних кабаках, затем делятся на две партии и ради забавы бьются ужасным образом, так что на земле остаются кровь и волосы и многих уносят домой бездыханными. Во время потасовки они так страшно и дико вопят, что слышно с расстояния в четверть мили. Этот беспорядок не пресекается никакой полицией, поскольку люди таким образом в юные годы приучаются к бою и ударам и из них потом выходят хорошие солдаты.⁵¹

Тот, кто сколько-нибудь умеет читать чертеж, по плану легко определит, да и выше об этом уже несколько говорилось, что грунт и почва в Петербурге представляют собой сплошное болото, поэтом начиная от места, где река разветвляется на две, и до самого моря весь город подвержен большой опасности от воды. Ведь со времени его основания город уже трижды переживал большие бедствия, когда людям и скоту причинялся немалый ущерб. В 1715 году были снесены почти все мосты и укрепления, тогда можно было плавать на судах по улицам и между домами. Особенно же большой ущерб во много миллионов рублей был причинен городу в истекающем 1721 году.⁵²

Не только сам город, но и окрестности настолько болотисты и низменны, что сюда ведет одна-единственная дорога, которая затем неподалеку от города разветвляется, и эти две дороги к тому же так скверны, что осенью и весной можно дюжинами считать мертвых лошадей, которые будучи в упряжке задохнулись в болоте.

Правда, год назад с целью улучшения до самого крайнего рукава реки соорудили наконец плотину, но поскольку она была плохо сделана, то вскоре рухнула. Напротив, дорога, идущая добрую четверть мили до Ямщицкой слободы, вся вымощена.

Выше, в сообщении об ингерманландской стороне, забыто о саде и увеселительном доме царицы — Екатерингофе⁵³ (лит. Н), тоже относящемся к городу. Правда, в саду пока ничего особенного не устроено, так как вода, время от времени набегаая, все разрушает. Тем не менее местность эта — одна из красивейших в Петербурге, и поэтому жаль, что этим садом не занимаются и не защищают его от затопления. В саду только деревянный дом, комнаты в нем очень низкие и все выглядят скромно.

Что же, наконец, до почвы в этой местности и вообще в краю, то она из-за обилия воды, болот, больших топей и пустошей настолько холодна, что трудно надеяться на хорошие урожаи, особенно в дождливые годы, когда вовсе ничего не созревает. Самые основные растения — это, пожалуй, репа, плохая белокочанная капуста, огурцы и трава для скота. Хотя надо заметить, что скота — овец, свиней и т. д. — осталось немного, он погиб из-за войны и тяжелых времен, а теперь вследствие множества людей в Петербурге [его поголовье] не может увеличиться. Если бы продовольствие, особенно муку, сюда не привозили из Новгорода, Пскова, Москвы и даже из Казанского царства⁵⁴ — это все зимой доставляют на многих тысячах саней за 200—300 миль, а летом водой по реке Волхов и Ладожскому озеру, также по озеру Онега и реке Свирь (тоже через Ладожское озеро) — то не только Петербург, но и часть края вымерла бы от голода.

Это часто видно по удорожанию продовольствия при случающихся небольших задержках с его подвозом, так как в отличие от других местностей страны здесь обычно не город ищет пропитания в сельской местности, а наоборот.

Для того чтобы еще яснее постичь особенности края, не следует его представлять себе подобным Германии. Ибо в ней есть леса, большие поля, и в некоторых местностях можно видеть вдаль на одну-две мили; села и деревни лежат одно за другим, а между ними проселочные и столбовые дороги. Если мне не годится одна, я направляюсь по другой или же просто через поле, по лесу и пустоши. Хотя в окрестностях Петербурга тоже есть леса и хотя они гораздо обширнее и их гораздо больше, чем здесь, в Германии, однако через них нет ни дорог, ни тропинок; на весь край — всего одна или две дороги, и если с нее сойти (что, впрочем, при отсутствии боковых дорог едва ли возможно), придется хватить лиха в болоте. Куда ни глянь, повсюду кустарник и болото, и совсем не встретишь больших, обширных полей, а тем более многочисленных деревень. Между деревнями там и сям стоят, правда, дворы и маленькие мызы, однако туда не ведут порядочные столбовые и проселочные дороги, и крестьянин пробирается сегодня в одном, завтра в другом месте. Обширная Лифляндия — в длину около 100, а в ширину 60 немецких миль и, бесспорно, значительно превосходящая по имениям расположенные дальше страны, может служить примером редкости городов и сел, а следовательно и деревень. Ведь во всей Лифляндии не более пяти городов и что-нибудь 15—20 сел, не считая деревень, и можно, пожалуй, сказать, что маленький Брабант десятикратно превосходит всю Лифляндию (имея в виду величину) по городам и селам.

Итак, если учесть, что почва вокруг Петербурга из-за отсутствия больших и открытых полей лишена настоящего воздуха, также теплых южных и западных ветров, которые бы достаточно продували и согревали край, то неудивительно, что продукты полеводства погибают на холодной почве среди многочисленных кустарников и редко дозревают. Тем более что и так край сплошь покрыт болотами, даже на высоких холмах (все это из-за изобилия кустарников), и, наконец, эти холодные почвы должны наступать постепенно на немногие хорошие и тем самым делать [их] бесплодными. В местностях, где пока все же есть открытые поля, явно видно, что в неплодородии края повинны не столько грунт и почва, сколько отсутствие прилежащих хозяев (которые должны содержать поля чистыми и постоянно удалять [заросли]).

Если дать себе труд прочесть древнюю историю нашей Германии, то обнаружили бы, что прежде она, когда еще отчасти была покрыта дикими лесами, была такой же неплодородной. Но после того как ее обработали топорами и мотыгами, то, благодарение Богу, в ней не бедствуют, исключая лишь те местности, где не были приложены усердие и труд.

Правда, голландцы и немцы, живущие в Петербурге, часто прилагают усилия к выращиванию садовых растений, но так как почва,

особенно по эту сторону реки, слишком болотиста, то пока ничего стоящего из этого не вышло, тем более что один за другим следовали холодные и дождливые годы. Но если Господь однажды опять дарует теплое лето, то, без сомнения, со временем дело пойдет лучше, так как земля между жилищами все больше высыхает и становится более пригодной для плодоношения. Это можно видеть по ту сторону реки в княжеском саду, где почва теплей и несколько песчаная, к тому же получает больше воздуха от полуденного солнца; следовательно, все [там] хорошо произрастает и даже прекраснейшие дыни, а на привезенных низкоствольных французских фруктовых деревьях растут наилучшие плоды.

Однако, кроме этого, во всем краю нет даже самого плохонького фрукта. Но и этот недостаток нужно приписать не неплодородности почвы, а нерадивости ленивых жителей. Если бы не стародавнее обыкновение высевать рожь перед холодной зимой, многие бы не осмеливались разбрасывать свое превосходное зерно в скверную землю, чтобы потом столь долго ждать и еще беспокоиться, получишь ли что-либо обратно. Правда, нельзя отрицать, что зима здесь очень суровая и продолжительная, так что на протяжении полугода можно постоянно разезжать на санях. Но, напротив, и жара потом сильнейшая, и хотя она длится не так долго, однако добрая природа за короткий двухмесячный срок, а именно с середины июня до середины августа, позволяет всему вырасти и созреть. А на то, что за это время не поспело, надежды уже напрасны.

Между тем я все же в трех милях от Петербурга в сентябре месяце нашел спелые вишни, хотя и очень кислые, к тому же мало. А о сливах, грушах, абрикосах и морелях навряд ли кто-то может похвалиться, что видел их в этом краю, и еще того менее относительно иных видов добрых фруктов. Все, что [там] имеют, — это земляника, черника, клюква (красные ягоды, растущие в борах во мху) и очень редко смородина и крыжовник. Из Москвы же доставляют превосходнейшие садовые плоды и фрукты, среди которых особенно так называемый налив (Nalevi),⁵⁵ или прозрачное яблоко, которое часто весит лотов 20 и настолько прозрачно, что в нем видны семечки, а по вкусу оно ничуть не уступит борсдорфскому яблоку.

Зато в Петербурге много видов различнейших грибов, и они, имеясь любого желаемого сорта, почитаются за изысканный деликатес. Их поедают многими тысячами (только посыпав солью или полив уксусом). Простонародью грибы зимой и летом служат ежедневной пищей. Но поскольку зимой грибов нет, их осенью собирают в великом множестве, неочищенными засаливают в бочонках и затем зимой в рассоле привозят на рынок, продают и съедают так без какого бы то ни было дальнейшего приготовления.

Это очень грубая и неудобоваримая еда, однако, поскольку строгие посты запрещают наиболее здоровую и приятную пищу, то русским приходится удовлетворяться такой, помогая пищеварению водкой в качестве обычной для них желудочной эссенции.

Когда 4 года тому назад вдова царя Ивана умерла в Петербурге в пост ⁵⁶ и была вскрыта, то обнаружили, что упомянутые маринованные грибы, которыми она благочестиво питалась на протяжении всего поста, явились главной причиной ее болезни.

Воздух, как уже выше говорилось, зимой очень холодный, а в два летних месяца — июне и июле — чрезвычайно теплый. По этой причине, особенно в изменности близ Петербурга, где много болотных испарений, в эту пору почти ежедневно бывают грозы, однако едва гроза пройдет, как наступает прекраснейшая погода.

Но в августе вновь начинает холодать, и с этого времени до мая месяца никто не стесняется ходить в шубе и добрых сапогах.

Примечательно, что в два летних месяца солнце почти не заходит, а бывают только, так сказать, вечерние сумерки, когда люди хотя и лишены на три часа настоящего солнечного света, но все же небо остается светлым достаточно, чтобы всю ночь можно было совершенно свободно читать и писать. Я часто с удивлением замечал, что по утрам через час или два после восхода солнца на улицах еще не было ни единого человека и даже не открывалась ни одна дверь или окно, а все люди еще были погружены в сон. Зимой же, напротив, дни так коротки, что от них мало радости; солнце видишь не больше трех часов, да и то очень редко из-за тумана и испарений, которыми воздух над землей так насыщен, что зиму с полным основанием можно назвать долгой ночью, а зимние дни — постоянными сумерками.

Зимой также настолько сильный мороз, что бревна деревянных домов издают такой треск, словно стреляют из малого оружия. Реки и вода покрываются льдом толщиной в полтора локтя. Довольно примечательно, что весной, когда уже с земли сошел снег и появилась трава, толстый лед (особенно на реках) все еще держится и уходит не прежде, чем его расплавит солнечный жар подобно металлу в тигле.

Но ночные морозы его вновь укрепляют настолько, что некоторое время до полудня по нему можно ездить в запряженной лошадьей карете, после же полудня от этого следует воздерживаться. А если на исходе апреля выдается настоящий и более теплый, чем обычно, день, то лед за 2—3 часа вдруг словно бы исчезает, и становится совершенно чистой река, по которой двумя часами раньше еще можно было ездить на лошадях и в каретах.

В 1713 году я наблюдал эту внезапную перемену, причем со всяческим вниманием, когда 1 мая по старому стилю в 10 часов утра еще переехал верхом через оба рукава реки Невы, а в 2 часа пополудни мог уже плыть в лодке через совершенно чистую воду. Замерзает вода осенью хотя и несколько медленнее, однако, как правило, всего за считанные дни. Едва лишь река встанет, что обычно происходит за одну ночь, то на следующий день по ней уже переезжают. После этого можно не беспокоиться, что лед вскроется, в продолжение всей зимы и до 12 мая.

Прежде жителями края по ту сторону реки были карелы, а по эту — ингерманландцы; те и другие принадлежали королю Швеции. Однако

после того как чума и война истребили большинство прежних людей, а имения и владения были между тем розданы и раздарены русским, которые заселили деревни и дворы отчасти своими людьми, отчасти же немногими оставшимися финнами, то теперь все изрядно перемешалось, и нельзя назвать какую-либо определенную нацию, помимо того, что русские имеют привилегии перед финнами и последние должны им во всем уступать и оставлять право.

Из дворян и господ, которым прежде принадлежал этот край, никого не осталось — они либо умерли, либо уехали в другие страны или еще куда-нибудь, так что они не стоят на дороге у преемников своих имений. Ингерманландцы и карелы — крепкий и от природы суровый народ, способный вынести все на свете и неутомимый. Они одеваются, как лифляндцы, [ходят] в лаптях, скверном верхнем платье (для чего сами делают из грубой шерсти сукно), широкий кожаный пояс (украшенный жестяными застежками) на талии, за него обычно сзади засовывают топор, и на голове носят плоскую шапочку без полей (все одного и того же типа). Волосы у них совсем белые или желтоватые, а остроконечные бородки — рыжеватые.

Незамужние женщины зимой и летом ходят с непокрытой головой с короткими, как у парней, волосами, так что их не отличить от мужчин, когда одна носит полотняные штаны, а другая две накидки крест-накрест вместо кафтана. По воскресеньям же они могут опрятно украсить себя ракушками или змеиными головами (как гусары конскую сбрую), а также разнообразными железными и латунными цепочками, большими пряжками и мишурой. Ибо если на них что-то блестит, будь то медь или латунь, то народ в порядке.

Их язык — финский, он не состоит ни в малейшем родстве ни с каким другим языком, вообще же так совершенен, богат словами и выражениями, как вообще может быть богат язык. Об этом можно судить по их сборникам псалмов и духовным песням, которые по их правилам стихосложения составлены весьма красиво и ни в чем не уступают немецким стихам благозвучностью и формой. Хозяйство страны очень скудное, самые зажиточные у них живут хуже самых бедных крестьян в Германии. Скверный черный хлеб, мучная похлебка и клецки — вот их пища, а вода — питье; весьма редко доводится им видеть кусочек мяса.

Все их дома построены из одних бревен, крест-накрест уложенных друг на друга. В доме обычно только одна комната, в которой стоит большая четырехугольная, а сверху плоская печь; в ней они и зимой, и летом варят, пекут и жарят, а также спят в ней и наверху на ней. Вместо окон у них не что иное, как несколько отверстий, прорубленных в стене, перед ними сделаны доски, которые можно надвигать и сдвигать, тем самым делая [внутри] светло или темно. У тех, кто претендует на некоторую зажиточность, бывает маленькое, шириной в пару ладоней, окошечко из слюды. У других [жителей] вставленные в окна рамы заклеены кусками бумаги или старыми прокопченными холщовыми тряпками, либо свинными пузырями, чтобы зимой какой-то свет проникал в комнату. Постелей они не знают, а укрываясь, обходятся тряпьем и своей обычной одеждой.

Обычно же они укладываются (как и русские простолюдины), натопив как следует комнату, на упомянутую большую печь или на лавки вокруг нее, а чаще всего — на доски. Несколько досок (причем каждая отдельно) у них закреплены наверху под потолком или за оба конца подвешены на веревке. Несмотря на то что эти доски не шире одного фута или самое большее 15—16 дюймов, и следовало бы полагать, что люди во сне должны падать и ломать себе шеи, одна таких примеров нет, а они лежат там так спокойно, словно в широкой французской кровати с балдахином.

Я часто с удивлением замечал, что хотя на этих досках, находившихся выше моей головы, забираться на которые надо было по приставным лесенкам, лежало вокруг 16—20 человек, ни один из них не свалился вниз и даже ни разу не перевернулся, а улегшись, они сладко спали на одном месте.

Вместо свечей они жгут тонкие еловые лучины, которые вставляют в щель в стене или в печи, а также очень часто просто берут в рот; поскольку же их дела не особенно сложны, то они вполне могут заниматься ими [при таком свете].

Детей они качают любопытным способом. Под потолком, подобно токарям, закрепляют шест, подвешивают к нему продолговатый короб и кладут туда в тряпье, сено или солому ребенка и время от времени затем приводят короб в движение, так что благодаря движению шеста ребенок довольно долго качается, словно в колыбели. Когда же мать хочет накормить ребенка, она лишь склоняется над коробом и дает ему грудь.

О домах жителей выше уже сообщалось, и я должен добавить еще кое-что относительно их постройки. Тамошние плотники — и финны, и русские — кладут четырехугольником одно на другое круглые бревна и связывают их углы вырубленными углублениями, благодаря которым бревна держатся вместе; при этом одно бревно выступает больше, другое меньше. Когда этот четырехугольный сруб достигнет желаемой высоты, они по приставной лестнице поднимаются в него и топором прорубают насквозь в том месте, где должна быть дверь (до того же в нем нет никаких отверстий). Подобным образом поступают с окнами, прорубая для них отверстия в уже готовом срубе, где нравится. Желаящий иметь стены своей комнаты гладкими и ровными, стесывает топором закругления бревен, а снаружи оставляет бревна как есть. Затем кладут стропила, покрывают их щепой или дранкой, и дом готов. Пол и потолок комнаты настилают толстыми трехдюймовыми досками, укладывая их одна к другой и не прибывая и не привинчивая; потолок для тепла засыпают песком, а пол оставляют как есть, хотя половицы при ходьбе по ним качаются вверх-вниз, как педаль органа. Такому строителю для постройки всего дома не нужен никакой иной инструмент или орудие, кроме одного только топора, которым он может плотничать столь искусно и чисто, что в этом с ним не сравнится ни один немецкий плотник.

Двери же в их домах и комнатах настолько низки, что входить внутрь приходится с истинным уважением, то есть сильно наклонившись, если не хочешь разбить голову. Для этого необходимо принять

особую позу, как у выходящего на сцену арлекина, ведь порог двери по крайней мере на два фута (Fuss) выше земли, а дверь редко выше трех футов (Schuh), и поэтому приходится сначала высоко поднимать ногу и одновременно протискивать сильно наклоненную голову. Не только получается странная поза, но, бывает, и вваливаются кувыркком через голову. Точно так же в здешнем краю у русских, никакой разницы в этом нет.

О плодах края выше уже было сказано, что они плохи и немногочисленны, а то, что есть, из-за топей и болот созревает лишь в сухие годы. Поэтому если в плохие времена в городах нет запаса, то часто дело худо.

В древесине и лесах по всему краю недостатка нет, так как он покрыт почти весь деревьями, кустарником, болотом и лесом; однако пользы от этого мало или вовсе никакой, ибо древесина не имеет настоящего сока или качества и значительно уступает немецкой. Через 10—12 лет она обычно уже сгнивает, и дома скоро начинают наклоняться; их ненадолго укрепляют подпорками и починкой.

Породы древесины — ель, пихта, ольха, береза, осина и вяз, но все это непригодный, кривой и малоразмерный материал, так что деревья скорее можно счесть кустарником, чем лесом. Все они, кроме того, насыщены болотными испарениями, и что-либо путное не может ни вырасти, ни быть вывезено в летнее время. Разве кое-что можно еще найти где-нибудь на краю болота.

Дуба и бука в стране имеется вовсе не так мало, как во всей северной части обширной России. И поэтому его царскому величеству приходится ценой больших усилий и трудов доставлять дуб, потребный для его военных кораблей, из Казанского царства за 300 немецких миль вверх по Волге, по различным рекам и Ладожскому озеру. В некоторых лесах есть еще, правда, липы, но не особенно большие, они уступают растущим на Волге, в Астраханском и Казанском царствах. Ведь тамошние, пожалуй, — самые красивые и большие из растущих где-либо в мире, так как есть вырубленные челны шириной свыше маховой сажени, по чему вполне можно определить величину и красоту такого дерева и тем менее удивляться, что те места дают так много лыка, из которого делается множество рогож, вывозимых почти во все страны. Даже и в России большинство судовых парусов из такого материала, особенно на Ладожском и Онежском озерах, на Волге и в иных местах.

Из четвероногих диких зверей в Ингерманландии нет никого, кроме волков и медведей, правда, первые в таком множестве, что едва ли проедешь две мили (будь то зимой или летом), не встретив их. Особенно зимой попадаются целые стаи в 30—40 и больше волков. В эту пору голод толкает их на большую дерзость, и совсем не ново, что они часто нападают на людей и на запряженных в сани лошадей. Особенно же тогда не чувствует себя в безопасности ни одна собака; собак увлакивают от дверей домов и со дворов. В 1714 году в городе Петербурге волки, напав на часового перед Литейным двором, свалили его на землю. Другой солдат прибежал

на помощь, но его тут же разорвали и сожрали. Первый хотя и уполз оттуда, но от полученных ран умер. Вскоре после этого волки также утром средь бела дня неподалеку от княжеского дома сожрали женщину.

Один пастор в Ладогe хотел той же зимой застрелить волка. Для этого он запряг в сани лошадь и шагах в десяти сзади привязал веревкой другие маленькие санки, а на них поросенка, который должен был кричать. И вот когда пастор в таком снаряжении к вечеру выехал в поле, держа перед собой наготове ружье, на крик свиньи тотчас появилась волчья стая. Лошадь, испугавшись, понесла, так что у пастора сразу пропала охота стрелять, ему хватало забот с лошадью.

Между тем, достигнув дороги к деревне, лошадь продолжала гонку с волками до деревни. Там она, круто повернув к своему двору, вывалила пастора из саней. Едва он оказался на земле, как волки уже держали его в зубах и через считанные минуты от него не осталось ничего, кроме нескольких лоскутков шубы. Медведи также встречаются то и дело, но они причиняют вреда меньше, чем волки, поскольку летом им и без того хватает пропитания, а зимой они спят. Бывает, правда, что они в крайнем случае утащат лошадь или корову, если сумеют схватить.

Зайцев в краю довольно, но не таких хороших, как голландские или богемские, — они меньше, сухие и худые, жесткие и невкусные. Летом они выгledят подобно зайцам в Европе, серого цвета; к зиме же белые и остаются такими, пока не появится трава, и тогда снова становятся серыми.

Лис очень мало. Зато много рысей с красивой окраской и мехом, но уступающих сибирским.

Оленей, косуль, диких свиней и северных оленей во всем краю нет совсем, однако порой еще встречается лось.

Напротив, перистой дичи великое множество, особенно глухарей, тетерок, рябчиков, вальдшнепов всевозможных видов, диких гусей и уток, и всякий день (кроме лета) можно договориться о покупке тетерок и рябчиков в любом желаемом количестве, даже если кому-то к столу надобно в день 400—500 штук. Зимней порой в Петербурге можно купить большого глухаря за 8 копеек, или две гривны,⁵⁷ пару тетерок или тетеревов тоже за две гривны, а пару рябчиков — даже за 4—5 копеек, и ежедневно покупать сколько угодно. На дворе у одного полковника я почти всегда видел зимой 200—300 тетерок, отлавливаемых его людьми и то и дело присылаемых ему в город как домашняя провизия. Их употребляла преимущественно челядь, а на господском столе (поскольку из-за большого количества птица надоедала) ее почти не ели.

Красных или обычных серых куропаток мало, а белых довольно; журавлей нет вовсе. Куропатки несколько больше немецких, но обычно худы и не так вкусны, несмотря на то что мясо у них наполовину красное и наполовину белое и по вкусу настоящая дичь. А поскольку, как уже было сказано, в этой местности мало открытых полей, то мало и жаворонков.

Все водоемы полны разнообразной вкусной рыбой, например есть речная рыба, называемая русскими хариусом, он очень вкусен.

Примечательно, что в реках, текущих на север или запад и впадающих в Восточное или в Белое море, ловится множество лосося, или семги. А в реках, текущих на юг и впадающих в Каспийское море, нет ни единой рыбы этого вида, нет и форели. Зато там в изобилии прекрасная стерлядь, которой по изысканности можно отдать предпочтение перед всякой другой рыбой. Но в больших и малых реках, текущих на север, она не водится совсем. Несмотря на множество рыбы, свежая и живая все же очень редка и дорога, так как ее, в отличие от других местностей, не сохраняют в садках, а привозят на рынок уснувшей и издающей такой запах, что его можно почувствовать с отдаления в несколько сот шагов. И этим засоленным товаром рынок заполнен из года в год. Но как бы сильно рыба ни пахла, русские, особенно простолюдины, едят ее с невероятной жадностью и даже гораздо охотнее, чем свежую. Ее съедают также преимущественно в сыром виде из бочки или же варят в порядочном количестве воды, и тогда получается похлебка, крошив в которую хлеба, съедают как суп.

Причина этого заключается в многочисленных постах, насчитывающих свыше 30 недель в году, когда русским нельзя есть мясо, а также ничего такого, что от него происходит, — яиц, масла, сыра, молока и тому подобного. В это время они должны довольствоваться рыбой, которую смогут достать, и льняным или конопляным маслом вместо животного. Те, кто находится за пределами страны, начали довольно [решительно] отступать от этих жестоких постов, но простонародье в стране и те, которые стремятся к большому благочестию, соблюдают их весьма точно; нарушение поста считается у них тяжелейшим грехом. В монастырях же мяса не едят никогда, соблюдая постоянный пост.

* * *

Его царское величество Петр Алексеевич, сын великого князя Михаила Алексеевича⁵⁸ и Натальи Кирилловны,⁵⁹ дочери бывшего премьер-министра Кирилла Полуехтовича Нарышкина,⁶⁰ родился 11 июля 1672 года.⁶¹ Поскольку он побывал в Германии и многих других странах, то его нрав и внешность известны каждому. Но можно, впрочем, напомнить, что обычно он ходит в простом платье, не любит ни нарядов, ни чрезмерного числа слуг, большой противник бесполезной роскоши и праздности; напротив, благоволил к усердному в труде. Сам он не теряет понапрасну времени, а [всегда] занимается тем или иным делом. Обычно же (когда находится в своей новой резиденции Петербурге) он в три-четыре часа утра присутствует в Тайном совете. Затем посещает кораблестроительную верфь, распоряжается там работой и прикладывает собственную руку, так как знает это дело в тонкостях от малейшей мелочи до самого главного. В 9 или 10 часов он развлекается работой на токарном станке, изготавливая красивейшие вещи. За-

тем в 11 часов у него короткая трапеза, а послеполуденное время после краткого, по русскому обычаю, сна проводит также за осмотром строительства и иными подобными делами. Вечером же он делает визит или ужинает и, рано с этим покончив, ночью поживает.⁶²

Он большой любитель умозрительных, математических и механических наук и в этом не уступает никакому специалисту. Он не любит ни охоты, ни игры, ни иных подобных развлечений, а лишь серьезные дела и особенно людей, имеющих отношение к воде. В этой стихии он настолько неустрашим, что и тогда, когда в сильный шторм все остальные уже прощаются с жизнью, он один полностью сохраняет мужество, обычно сам берет за руль, отдает необходимые распоряжения и тем посрамляет самых лучших моряков.⁶³

Из иностранных языков он хорошо знает немецкий, но лучше всего, кроме родного русского, говорит на голландском. При исполнении своих дел он проявляет очень острый ум, и если хорошо обдумал дело, быстро претворяет его в жизнь. В военных делах и упражнениях и на суше, и на воде он весьма искушен, так как взял на себя труд пройти и действительно заслужить все ступени от мушкетера и барабанщика, а также от матроса, приказав даже за это выплачивать себе жалованье наравне с другими. Поэтому несомненно, что он как государь, и без того наделенный от Бога значительными качествами, должен быть сведущ во всех делах и понимать самую их суть. Тем, кто в такой деятельности имеет до него какое-либо дело, не дозволено обращаться к нему «ваше царское величество», а только по званию, и писать к нему: «господин вице-адмирал» или «господин генерал-лейтенант». Кроме того, он обладает большими познаниями о Боге и его сущности, весьма желает реформировать и улучшить многие пустые обряды, имеющиеся в греческой религии. Некоторые он уже упразднил, и в частности относительно обряда крещения предписал, чтобы принимающего их вероисповедание уже не погружали действительно троекратно в воду. Из-за строгости постов он также сделал [в этом] значительные послабления, особенно в армии, каковому доброму примеру изо дня в день следуют те, кто повидал не одну только Россию. Равным образом он приучает духовенство к тому, чтобы оно по примеру других христианских народов тоже читало в русских церквях проповеди, чего в России до сих пор не было, а богослужение состояло только из пения псалмов и обедни. А поскольку это делается на славянском языке, то и читающие, и слушающие мало что понимают. С этой целью царь приказал Библию, которая хотя и имелась на славянском языке, но очень неясная, перевести на обычный русский и издать во вновь учрежденной типографии, а также распорядился, чтобы в будущем попы, да и все духовенство взялось за учебу и чему-то научилось, так как редкое духовное лицо умеет что-либо большее, помимо чтения на славянском.

Каким образом его царское величество старается сам сделать и устроить много важных дел и с каким великим усердием он

стремится цивилизовать свою нацию, как он теперь держит своих посланников и доверенных лиц при всех европейских и азиатских дворах и почти во всех уголках и концах мира, и в не меньшей мере о том, как русские с положением пускаются теперь в путешествия и чему они должны научиться, чтобы быть умелыми на воде и на суше, — об этом достаточно сообщено в предшествующем трактате.

Об острове Ретусари следует еще сказать, что он расположен в оконечности или в начале Восточного моря или, собственно, в устье Финского залива. Хотя выше острова к востоку лежит еще большое море, однако это не настоящее Восточное море, а лишь предморье, или внутреннее море, из чего видно, что Петербург расположен не на самом Восточном море, а в отдалении от него.

Сам по себе остров неплодороден, на нем не растет ни хлеб, ни что-либо другое. По южную сторону острова проходит настоящее течение, но имеющее лишь узкий проход, достаточно глубокий для больших военных кораблей. По северную же сторону из-за мелководья суда проходить не могут. Поэтому это место тем более удобно для надежной гавани царского флота, так как он может быть атакован только через этот узкий путь, и отсюда Кроншлот справедливо может быть назван оплотом города Петербурга. Прежде остров был необитаем или же по крайней мере его населяло несколько бедных рыбаков. Но после того как его царское величество нашел его весьма удобным, он не только действительно заложил там настоящую гавань для своего флота, но и укрепил его крепостцой и даже построил на нем большой город, называемый обычно Кроншлотом (несмотря на то, что это имя носит только крепость), а русскими — Котлином-островом.

Гавань порядочно велика и глубока, она расположена по южную сторону острова в открытом море, поскольку к берегу глубина так уменьшается, что к нему не подойти ни на каком судне, а если хочешь сойти, надо приставать к большому морскому мосту. Здесь царский флот обычно стоял и зиму, и лето, но потом он значительно увеличился, уже примерно до 40 ранговых кораблей;⁶⁴ к тому же шесть лет тому назад была заложена гавань в Ревеле,⁶⁵ и теперь большинство кораблей стоит там. Однако здесь есть и остается настоящая петербургская гавань, хотя этот город отстоит от Кроншлота почти на 4 немецких мили. Крепость, которая, собственно, и носит название Кроншлот, стоит против ингерманландской, или южной, стороны на расстоянии пушечного выстрела от острова посреди моря на песчаной отмели, которую большое течение, протекающее там в теснине, день ото дня все увеличивает. Крепость выглядит как круглая башня с тремя галереями, расположенными друг над другом, и снизу доверху уставлена пушками. Основание [крепости] устроили зимой на льду из ящиков с камнями, на них потом было поставлено все сооружение из дерева и земли. Поскольку на острове напротив крепости стоят две батареи в 10—12 пушек, да и большой морской мост, или голова гавани, также обеспечен 40—50,⁶⁶ а при необходимости и бóльшим количест-

вом пушек, то вход в течение, ведущее к петербургскому предморью, хорошо простреливается и прикрывается. Да и сами корабли в расположенной позади гавани могут при этом внести свою лепту.

Что же, наконец, до города Ретусари, или Кроншлота, то он, учитывая краткость времени, минувшего с начала его строительства, уже довольно велик, и в частности насчитывает очень много домов. Он, однако, разбросан и со всех сторон открыт, не будучи обнесен ни рвом, ни палисадом, а дома деревянные. Телько князь Меншиков возвел большое каменное здание с двумя флигелями, его самый нижний этаж приспособлен для купцов, а два верхних занимают палаты.⁶⁷ Царь также приказал возвести четыре больших каменных здания, которые должны сдаваться в наем купцам с их товарами.

В 1718 году было завершено строительство тамошной русской церкви, это красивое здание.⁶⁸ Евангелисты совершают богослужения в одном из домов.

Поскольку теперь, как уже было сказано, флот по большей части имеет здесь свою стоянку, а кроме того, здесь находятся главнейшие морские магазины, то легко предположить, что это место должно быть уже многолюдным. И хотя за продукты питания приходится платить немилосердно дорого, так как на острове не сеют и не жнут, не держат ни коров, ни телят, а всё должны доставлять из Петербурга, и часто с продовольствием бывает туго, тем не менее день ото дня туда прибывает все больше людей, стремящихся там обосноваться.

В остальном образ жизни на острове Ретусари таков же, что и в Петербурге. Поскольку он заселен самыми разными нациями и людьми, то и ведется самое различное хозяйство, каждый живет по-своему, как может. В частности, всякой нации, как и в других городах и краях его царского величества, дозволено свободное отправление религиозных обрядов. Лютеранская община прежде имела на острове собственного проповедника, но поскольку его жалование было слишком малым, то в 1714 году он уволился. Вскоре после этого объявился один шведский пленный, по рождению кенигсбергец, плененный в Польше в чине лейтенанта и просидевший несколько лет в Москве, а затем получивший свободу жить, как сможет, где угодно в стране. Наконец он прибыл на остров Ретусари, и поскольку в то время там не было ни одного духовного лица, то он не только читал проповеди общинам трех вероисповеданий, но также совершал все таинства и крестил детей по вере каждого, как просили. Однако в конце концов, по прошествии пары лет, его от этого занятия освободили. Но тем не менее, поскольку ему некуда было ехать и он не имел средств к существованию, его вновь устроили, назначив лейтенантом.⁶⁹ Расстояние от Кроншлота до ингерманландской стороны составляет добрую четверть немецкой мили. Хотя большая река Нева как раз на этом участке имеет действительное устье в Восточное море, настоящая глубина есть лишь у самого острова и не шире двух тысяч шагов, в остальном же — песчаные отмели и мелководье. Также очень мелководна и северная сторона у острова, и течение там едва заметно. Но по эту сторону, где настоя-

щее устье и глубина, течение очень сильное, настолько, что трудно пройти в судне, особенно против ветра.

На всем пути по морскому берегу (с южной стороны) от Кроншлота до Петербурга один за другим сплошь стоят увеселительные дома и дворы. Ибо, заняв Ингерманландию, его царское величество хотя и раздарил разным своим большим и малым придворным имения края, но эту полосу у моря он приказал разделить на определенные части по 500 рут в ширину и 2000 рут в глубину и раздал отчасти сенаторам и боярам, отчасти своим менее важным придворным, а также некоторым офицерам, после чего каждый в меру своего воображения или достатка построил либо увеселительный дом, либо двор и жилье, так что на четырех милях побережья дворы стоят один за другим.

Поскольку же местность такова, что примерно на тысячу шагов от моря берег, на котором один за другим располагаются дворы и увеселительные дома, имеет почти одинаковую высоту от 60 до 70 футов, то легко заметить, что вид должен быть приятным как от дворов на самой возвышенности, так и для тех, кто плывет по морю, ибо оттуда можно все наблюдать как бы в полуокружности. Эта полоса земли является наилучшей, она в изобилии обладает всем необходимым, а именно хорошими полями, лугами, пастбищами, лесом, рыбой и множеством перистой дичи.

Для описания всех дворов и увеселительных домов понадобилось бы слишком много места, поэтому расскажу кое-что лишь о трех из них.

Первый — Ораниенбаум, сад и дворец князя Меншикова,⁷⁰ расположенный как раз напротив Кроншлота. Здесь чрезвычайно приятная местность, и для большего удобства, чтобы суда могли подходить по обычно мелкому морю, князь распорядился построить выступающий в море мост длиной 300 шагов, потребовавший больших расходов.

Дворец выложен из камня, он трехэтажный, с двумя длинными крыльями в форме полуовала. Но сад, расположенный перед зданием у моря, еще не в должном состоянии.

В полутора милях оттуда находится Петергоф — сады и увеселительные дома царя. Один сад расположен на высоком берегу, а другой в 600 шагах от него внизу у моря, и оба уже в основном завершены. Это место царь любит особенно, больше всех других, и прилагает всяческие старания сделать из него нечто хорошее. Для этого под горой перед домом устроен большой грот с двойными каскадами, от них проведен весьма глубокий канал к морю, по которому можно подплывать к гроту и дому, стоящему на горе на высоте 60 футов.⁷¹

Домá, как верхний на горе,⁷² так и нижний у моря,⁷³ возведены в камне и оба закончены; они хотя и невелики, но построены очень хорошо и могут считаться самыми лучшими во всем этом краю, за исключением зданий князя Меншикова.

Да и сама местность — красивейшая на всем побережье предморья. Тем более что из увеселительного дома на возвышенности

видны и Петербург, и Кроншлот, и можно обозреть все происходящее на море.

В миле оттуда находится мыза Стрельна, вновь заложенные сад и дворец царя. Прежде его царское величество имел там только деревянный дом, но после того как он на впадающей в море маленькой речке, называемой Стрельна, получил большое удовольствие, то решил, построив там совершенное царское увеселительное здание и разбив сад, сделать из этого второй Версаль.

Прежде из-за мелководья там нельзя было подойти к суше даже на самых маленьких лодках. Но после того как некий генерал-майор, немец, возвел в открытом море из фашии и земли главную плотину шириной 20 и длиной 700 шагов, теперь можно за нею удобно подходить на всевозможных судах. Правда, поначалу считали, что эта плотина ни за что не устоит. Однако теперь, по прошествии трех лет, убедились, что даже сильнейшие бури, разрушающие почти все мосты, плотины и водоподъемные устройства, не причиняют ей никакого вреда. Так что эта работа — одна из лучших, выполненных на воде, и является наиболее долговечным и дешевым способом строительства даже морской гавани. Особенно же если учесть, что плотину можно чинить без труда и с малыми затратами, время от времени легко повышать и, таким образом, невзирая на все буйство моря, при наличии фундамента надежно осуществить строительство.

Сад разбит весьма большой, и со временем, пожалуй, из этого могло бы получиться нечто особенное, если он будет доводиться до совершенства согласно подготовленным чертежам. Ведь его царское величество не жалеет на него никаких расходов. До сего времени несколько тысяч человек занималось планировкой грунта, и начало было положено посадкой нескольких тысяч лип; особенно же усердно трудятся над приданием формы амфитеатра стоящей рядом горе, на которой предполагается построить дорогой и красивый дворец.⁷⁴

Таким образом, поскольку у царя нет недостатка ни в хороших архитекторах, рабочих и подсобных работниках, ни во всех потребных для строительства материалах, то не приходится сомневаться, что как работа в этой местности, так и все прочие предприятия в Петербурге в считанные годы будут успешно завершены и в дикой прежде Ингерманландии возникнет восьмое чудо света.

Объяснение букв на плане Петербурга

A. Крепость С.-Петербург на маленьком острове.	I. Дом кронпринца, и там Русская слобода.
B. Кронверк.	K. Литейня.
B. Большой торговый дом, в котором вся торговля и товары.	L. Фельдмаршал Шереметев.
C. Новая государственная канцелярия.	M. Единственная проезжая дорога из Лифляндии и Ингерманландии.
D. Дома сенаторов и бояр.	N. Генерал-майор Дюпре.
E. Аптекарский сад, там же немецкое кладбище.	O. Конюшня царицы и дома ее людей.
F. Магазины.	P. Сад и летний дом царицы.
G. Большая царская пивоварня. Госпиталь.	Q. Сад и летний дом царя.
H. Нева-Шанц, теперь разрушенный	R. Фонтан.
	S. Русская церковь во имя св. Троицы.
	T. Почтовый дом.

- V. Генерал Вейде.
  - W. Католическая церковь.
  - X. Финская лютеранская церковь.
  - Y. Зимний дом царя.
  - Z. Крупные адмиралтейские офицеры.
  - a. Немецкая лютеранская церковь.
  - b. Верфь, где строят большие военные корабли.
  - c. Весь этот остров называется Адмиралтейским, также отчасти Немецкой слободой.
  - d. Большой кабак, или пивной дом.
  - e. Канатная мастерская.
  - f. Постойный двор князя Меншикова.
  - g. Боярские дома в этом ряду.
  - h. Монастырь св. Александра на реке Неве.
  - i. Дворец князя Меншикова.
  - k. Сад и летний дом князя Меншикова.
  - l. Сгоревшая губернская канцелярия.
  - m. Новая улица механиков, художников и архитекторов.
- Примечание. На этом острове, называемом Васильевским, должен возникнуть настоящий город; улицы

- уже размечены, и приступили к строительству.
- nn. Увеселительный плодовый сад для развлечения всех людей.
- p. Усадьба князя Меншикова.
- pp. Московская сторона.
- o. Усадьба и сад блаженной памяти кронпринцессы.
- p. Этим путем должны выходить все суда, так как только он глубок, а вообще из-за поворотов реки, к тому же имеющей очень быстрое течение, путь весьма сложен, особенно при входе.
- q. Торговый дом с мукой, крупой, горохом и [другими] съестными припасами.
- g. Новая бойня.
- s. Пустой луг.
- t. Татарские торговые лавки и барахолка.
- tt. Типография.
- u. Финляндская сторона.
- v. С.-Петербургский остров.
- w. Места на Васильевском острове.
- y. Березовый остров.

Примечание. План из книги Ф.-Х. Вебера воспроизведен на переднем форзаце наст. изд.

КОММЕНТАРИИ

¹Т. е. Ниеншанц.

²Ф.-Х. Вебер здесь и далее ссылается на план (Abriss) города, вклеенный в том «Преображенной России» и сопровождаемый пояснениями буквенных обозначений. Однако он отсылает читателя также к чертежу (Plan), которого в книге нет.

³Сроительство каменной Петропавловской крепости было начато в 1706 г.

⁴Верно: высота крепостных стен — 10—12 м.

⁵Речь здесь идет, без сомнения, о гамбургском купце М. Поппе, которому в 1695 г. сроком на 5 лет была отдана на откуп торговля ревенем. Однако утверждение о сказочной дешевизне его едва ли соответствует действительности: еще в середине XVII в. ремень продавали по 50 руб. за пуд, т. е. по 1.25 руб. за фунт. Тем не менее прослеживается прозрачная связь между сведениями ганноверского дипломата о неудачной попытке русских самостоятельно торговать ревенем в Западной Европе и данными Р. И. Козинцевой, согласно которым, с 1704 г. этой торговлей ведала Семеновская канцелярия, а закупкой — Сибирский приказ. Единственная попытка экспорта ревеня была предпринята, вероятно, в 1705 г., когда партию в 426 пудов Д. А. Соловьев отправил в Лондон, Амстердам и Гамбург, но удалось продать только 312 пудов, остальной товар погиб — часть в лондонской таможне, часть потонула (*Козинцева Р. И.* Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Ист. записки. М., 1973. Т. 91. С. 320).

⁶Ворота действительно носят название Петровских; построены взамен первоначальных деревянных в 1717—1718 гг. Статуя апостола Петра теперь утрачена. Предполагают, что свинцовая скульптура двуглавого орла (весом 1069 кг) повторяет более раннюю деревянную (*Канн П. Я.* Петропавловская крепость. Л., 1957. С. 64).

⁷Неточность. Речь идет о заключенном 12 июля 1711 г. на р. Прут русско-турецком мирном договоре, по условиям которого Россия вновь уступила Турции выход в Азовское море.

⁸ Трезини Доменико (Доминико) (ок. 1670—1734), архитектор, родом из итальянской Швейцарии, с 1703 г. работавший в России. Ему принадлежит выдающаяся роль в формировании облика раннего Петербурга (*Лисавиц И. И.* Доменико Трезини. Л., 1986; *Овсянников Ю. М.* Доминико Трезини. Л., 1988).

⁹ Петропавловский собор возводили вокруг первоначальной церкви с 1712 по 1733 г. Голландские куранты в 35 колоколов на законченной в основном колокольне установили в 1720 г., т. е. уже после отъезда Ф.-Х. Вебера из России (*Лисавиц И. И.* Доменико Трезини. С. 86—87; *Овсянников Ю. М.* Доминико Трезини. С. 97). Шпиль с курантами сгорел в 1756 г.; новый был установлен в конце 1772 г. (*Кани П. Я.* Петропавловская крепость. С. 56). Деревянная церковь, оказавшаяся внутри каменного собора, была разобрана только в 1719 г. и в том же или в начале следующего года перенесена на Петербургскую сторону в солдатскую слободу; 31 января 1720 г. она была освящена во имя апостола Матфея и простояла до 1806 г. (*Пекарский П. П.* Петербургская старина. Т. 81. С. 331; *Флоринский Д.* Историко-статистическое описание Санктпетербургского Петропавловского кафедрального собора. СПб., 1857. С. 2).

¹⁰ По А. И. Богданову, в новом здании коллегии начали заседать с конца 1718 г. (*Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. С. 73).

¹¹ Ниеншанц стоял у впадения в Неву р. Охты.

¹² Царевич Алексей Петрович (1690—1718), старший сын Петра I и Евдокии (Авдотьи) Федоровны Лопухиной. Был женат на принцессе Брауншвейг-Вольфенбюттельской Шарлотте-Христине-Софье. Дворец царевича на Московской стороне был мазанковый, с черепичной кровлей (построен в 1712 г.); с августа 1713 г. Алексей Петрович с супругой в нем жили (*Пекарский П. П.* Петербургская старина. Т. 82. С. 173).

¹³ Наталья Алексеевна (1673—1716), царевна, любимая сестра Петра I. Приехала в Петербург в 1708 г. Ее дворец, выстроенный в 1711 г., тоже был мазанковый и покрыт черепицей, стоял рядом с дворцом Алексея Петровича (там же).

¹⁴ Литейный двор, основанный в 1711 г.

¹⁵ Дом генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса был построен рядом со служебным корпусом Литейного двора в 1713 г.

¹⁶ Речь идет о Готторпском глобусе, выполненном в 1654—1664 гг. А. Бушем по проекту знаменитого датского астронома Тихо Браге. В конце 1713 г. глобус был подарен Петру I герцогом Гольштейн-Готторпским, после того как русские войска отбили у шведов Готторпский замок. Глобус поначалу стоял в бывшем словенике, построенном для слона, приведенного в Петербург персидским послом летом 1713 г.: «В 27-й день [июля] прибыл посол персидской и при нем слон и иные вещи» (Походный журнал 1713 года. СПб., 1854. С. 58). Слон потом погиб. Другой слон из Персии был приведен в город очередным посольством 30 октября 1723 г. (Походный журнал 1723 года. СПб., 1855. С. 40). Его поместили в то же здание (*Пекарский П. П.* Петербургская старина. Т. 82. С. 164). А глобус в июле 1726 г. установили на площадке третьего этажа в башне почти достроенной Кунсткамеры, после чего «замуровали» стенами. Сгорел при пожаре этого здания в ночь на 5 декабря 1747 г. и воссоздан в 1752 г. мастером Ф. Н. Тирютиным (*Ченакал В. Л.* Русские приборостроители первой половины XVIII века. Л., 1953. С. 117—124; *Итс Р. Ф.* Кунсткамера. Л., 1980. С. 13—15, 22—23, 25—27).

¹⁷ Соловьев Федор Алексеевич, гофмаршал А. Д. Меншикова.

¹⁸ Действительно, до 1730-х годов улицы в Петербурге названий не имели.

¹⁹ Второй Зимний дворец, у пересечения Невы и Зимней канавки; его постройка началась в 1715—1716 гг. по проекту архитектора Г.-И. Маттарнови; в 1718 г. строительство было завершено, а внутренняя отделка продолжалась до 1722 г. (*Воронихина А. Н.* Петербург и его окрестности. С. 11).

²⁰ Адмиралтейство построили, окружили валом и сухим рвом, обложенным фашинами, в 1704—1705 гг., затем продолжались работы по дальнейшему развитию Адмиралтейского двора (*Ставровский А. С.* Петербургский Адмиралтейский собор во имя святителя Спиридона. . . : История и описание собора. СПб., 1906. С. 10—12). В 1716 г. вокруг всего Адмиралтейства прорыли каналы, насыпали земляные валы с парапетом, возвели 6 бастионов. Получилось довольно значительное укрепление, которое на протяжении долгого времени называли Адмиралтейской крепостью (*Лансере Н. Е.* Главное Адмиралтейство и краткий очерк его создания. Л., 1926. С. 6).

²¹ Речь идет о казенных Олонекских железных заводах на Онежском озере в Карелии, одном из крупнейших центров металлургического и металлообрабатывающего производства того времени. О продукции заводов см.: *Глаголева А. П.* Олонекские заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. Гл. 3.

²² Набережная с деревянной стеной строилась в 1715—1716 гг. во исполнение специальных царских указов. По В. И. Кочедамову, «в результате проведенных работ у реки была отвоевана полоса шириной до 80 метров» (*Кочедамов В. И.* Набережные Невы. Л.; М., 1954. С. 11; см. об этом также: *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга. С. 129, 132—133).

²³ Ягужинский Павел Иванович (1683—1736), русский государственный деятель и дипломат. Родился в Польше. С 1701 г. служил в петровской гвардии. Участвовал в работе Аландского конгресса 1718—1719 гг., посланник в Австрии (1720—1721), генерал-прокурор Сената (с 1722), посол в Польше (1726—1727), генерал-аншеф (с 1727), граф (с 1731), посол в Пруссии (1731—1734), кабинет-министр (с 1735).

²⁴ Чернышев Григорий Петрович (1672—1745), русский государственный и военный деятель. Стольник (с 1689), участвовал во многих событиях Северной войны. Генерал-майор (с 1713), обер-штер-кригскомиссар при Адмиралтействе (1714—1722), камер-советник Адмиралтейств-коллегии (с 1720), генерал-кригскомиссар в ранге генерал-поручика (с 1725), азовский губернатор (с 1725), генерал-аншеф и сенатор (с 1730), московский губернатор (1731—1732), граф (с 1742). Оставил мемуары: Записки графа Г. П. Чернышева. 1672—1745/Сообщ. Ф. К. Опочинин // Рус. старина. 1872. Т. 5. Июнь. С. 791—802.

²⁵ Речь, строго говоря, должна идти о галерах, полугалерах и скампавеях. Галер в Балтийском флоте к 1720 г. было не более 38 (все построены в 1719—1720 гг.); больших и малых полугалер — около 50, скампавей — свыше 120 (*Веселаго Ф. Ф.* Списание. С. 346—349). Однако точные цифры назвать невозможно, так как данные Ф. Ф. Веселаго неполны; кроме того, нет сведений о продолжительности службы большинства гребных судов. Ф.-Х. Вебер мог включить в приведенную цифру и гребные суда другого типа — бригантинцы, их для Балтийского флота уже к 1715 г. было построено около 150 (там же, с. 340—341).

²⁶ А. В. Кикин был казнен в 1718 г.

²⁷ Точнее, Матвеев Андрей Артамонович (1666—1728), русский дипломат и государственный деятель. Посол в Голландии (1699—1712) и Австрии (1712—1715); находился также с дипломатическими миссиями в Париже (1705—1706) и Лондоне (1707—1708). Граф (с 1715), сенатор, президент Юстиц-коллегии (с 1718), московский губернатор (1724—1725). В 1727 вышел в отставку. Оставил описание стрелецкого бунта 1682 г. (Записки Андрея Артамоновича Матвеева // Записки русских людей. СПб., 1841. С. I—VIII, 1—94) и дневник поездки в Париж (Русский дипломат во Франции: (Записки Андрея Матвеева). Л., 1972).

²⁸ Талер (иоахимсталер) — серебряная монета, в русской традиции называлась ефимком. К 1720 г. номинальная стоимость талера приблизительно равнялась рублю.

²⁹ Гагарин Матвей Петрович, князь, стольник (с 1686), воевода в Нерчинске (1693—1695), глава Сибирского приказа (с 1706), московский комендант (с 1707), сибирский губернатор (1708—1719). 16 марта 1721 г. казнен за злоупотребления.

³⁰ Троицкий собор на Троицкой площади, возведен в 1710—1711 гг. вместо первоначальной церкви, построенной уже в 1703 г. (*Немиров Г. А.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703—1903 гг.: Историческая справка. СПб., 1905. С. 65—70). Собор неоднократно горел и каждый раз отстраивался. В 1927 г. был снесен (*Канн П. Я.* Петропавловская крепость. С. 40).

³¹ Мазанковский гостиный двор на Троицкой площади.

³² А. И. Богданов отметил: «Австерия была на Санктпетербургской стороне на Троицкой пристани у Петровского мосту» (*Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. С. 153).

³³ Типография располагалась в образцовом мазанковом доме, построенном в 1713 г.

³⁴ Речь идет о проведенной Петром I реформе шрифта: вместо старого кирилловского был создан новый гражданский шрифт, первые книги на нем были напечатаны в 1708 г. Кирилловский стал употребляться (в соответствии с царским указом 1710 г.) только для церковных изданий (*Краснобаев Б. И.* Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1987. С. 269—273).

³⁵ В оригинале опечатка: лит. 5.

³⁶ А. И. Богданов писал о нем: «На Санктпетербургском же острове старый

деревянный мытный двор, построен в 1715 году, который ныне весьма ветх и весь развалился, посреди которого была таможня мазанковая состроена и важна деревянная, где и по ныне торг съестных припасов, наипаче зимою привозимых, продолжаетея» (*Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. С. 112).

³⁷ Р. А. Нежиховский показал под 1715 г. сильное (более 200 см выше ординара) единственное наводнение, случившееся 5/16 ноября; см.: *Нежиховский Р. А.* Река Невы. Л., 1973. Приложение: Максимальные годовые уровни воды р. Невы у Горного института (1691, 1703—1971 гг.) при подъемах более 150 см над ординаром. С. 188. «Юрнали» дают иные сведения. Согласно одному из «юрналов», в указанный день «его величество был в мыльне, и кушал дома, и был во весь день дома» (Походный журнал 1715 года. СПб., 1854. С. 74), т. е. ничего особенного не происходило. А вот под 22 сентября записано: «В ноци была великая вода, и многие дома залило» (там же, с. 27). В другом «юрнале»: «...была великая погода и великая вода, что многие дома потопило» (там же, с. 41). Но в ночь на 5 октября наводнение случилось вновь: «...была великая вода, больше первой фута на три» (там же, с. 27); «...по утру была великая погода с моря и великая вода, больше прежняя» (там же, с. 41). Таким образом, осенью 1715 г. город пережил два наводнения, причем второе — 5/16 октября — едва ли не на метр выше сентябрьского.

³⁸ Автор описания разделял общепринятую тогда точку зрения на природу наводнений: полагали, что ветер с моря нагонял в устье реки воду, одновременно затрудняя течение Невы. См. об этом: *Беспялых Ю. Н., Сухачев Н. Л.* Первые в истории города // *Нева*. 1985. № 3. С. 191.

³⁹ Здание Петербургской губернской канцелярии, сгорело в 1720 г. (*Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. С. 86), о чем ганноверский дипломат уже не узнал.

⁴⁰ Огород назывался Аптекарским, от него такое название получил и весь остров. Огород был основан в 1713 или 1714 г.; см.: *Баранов П. А.* Ботаника в Аптекарском огороде и в Академии наук (XVIII в.) // От Аптекарского огорода до Ботанического института Академии наук СССР. М.; Л., 1957. С. 8—10.

⁴¹ С основанием Петербурга Петр I действительно подарил Васильевский остров своему фавориту, но потом передумал.

⁴² Чертеж застройки Васильевского острова, представленный архитектором Д. Трезини, Петр I утвердил не позднее января 1716 г., и в этом году по чертежу уже велись работы. Места под застройку на острове отводились, по С. П. Луппову, с апреля (*Луппов С. П.* История строительства Петербурга. С. 36). Правда, известно, что уже 4 января А. Д. Меншиков привез царевне Наталье Алексеевне чертеж примерной планировки острова и предлагал ей выбрать место для своего дворца. Царевна, отправившись со светлейшим князем на остров, место выбрала (РБС. 1914. Том «Нааке-Накенский — Николай Николаевич Старший». С. 114). Позднее (в 1718 или 1719 г.) Д. Трезини внес некоторые изменения в свой проект. К началу 1717 г. был готов и проект генерального плана города, исполненный французом Ж.-Б.-А. Леблонном, поступившим на русскую службу и назначенным генерал-архитектором (*Иогансен М. В.* Работы Доменико Трезини по планировке и застройке Стрелки Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования. М., 1973. С. 46—52; *Калязина Н. В.* Архитектор Леблон в России (1716—1719) // От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII—первой половины XIX века. М., 1984. С. 114—116). Ни один из проектов не был осуществлен.

⁴³ Опечатка: должно быть малое п.

⁴⁴ Опечатка: должно быть і. Каменный дворец А. Д. Меншикова на нынешней Университетской набережной к 1720 г. был почти закончен; включая цокольный, он насчитывал 4 этажа, имел боковые двухэтажные флигели и здания со стороны сада (*Калязина Н. В.* Меншиковский дворец-музей. Л., 1982. С. 24).

⁴⁵ Княжеский титул А. Д. Меншиков получил от австрийского императора в 1705 г., а в 1707 г. стал и российским князем.

⁴⁶ Дата неточна. Речь идет о так называемой Меншиковой башне (церкви св. Архангела Гавриила) в Москве на Чистых Прудах, построенной в 1701—1707 гг., вероятно, архитектором И. П. Зарудным. Башня имела, как записано в церковном синодике, «высокий шпиль с великолепными украшениями, а в верхнем этаже поставлены были часы с курантами из Англии». 14 июня 1723 г. башня очень пострадала от удара молнии; куранты из 50 колоколов рухнули (*Вздорнов Г. И.* Заметки о памятни-

ках русской архитектуры конца XVII—начала XVIII в.: 2. Забытое известие о Меншиковой башне // Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования. М., 1973. С. 25—29).

⁴⁷ Мазанковая церковь Воскресения при дворце, построенная на берегу Невы в 1714 г. В 1730 г. была разобрана «за ветхостью», а новую церковь устроили в Большом зале дворца (*Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В.* Дворец Меншикова: Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1986. С. 75).

⁴⁸ Под «летним домом» надо понимать деревянный дворец А. Д. Меншикова («Посольские хоромы»), стоявший несколько в глубине, дальше от Невы.

⁴⁹ Речь идет о деревянном доме с башней, перенесенном с Петербургской стороны. В 1729 г., придя в ветхость, он развалился (*Пекарский П. П.* Петербургская старина. Т. 82. С. 180).

⁵⁰ Супруга Алексея Петровича Шарлотта-Христина-Софья скончалась после родов 23 октября 1715 г. (Походный журнал 1715 года. С. 41, 72).

⁵¹ О кулачных боях на Морском рынке Ф.-Х. Вебер потом писал во второй части «Преображенной России» (*[Weber F.-Ch.]*. Des veränderten Russlands Zweyter Theil... Hannover, 1739. S. 163). Императрица Екатерина I Алексеевна 21 июля 1726 г. издала указ «о запрещении кулачных боев в Петербурге без разрешения полицеймейстерской канцелярии» (ПСЗ. Т. VII. № 4939. С. 682). После этого бои стали устраиваться в Ямской московской слободе, которая находилась за пределами тогдашнего города и, таким образом, под действие указа не подпадала (*Петрова П. Н.* История Санкт-Петербурга. С. 237). Эту популярную на Руси забаву иноземные путешественники описывали еще в XVI в. (см.: *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 170—171).

⁵² Осенью 1721 г. Петербург пережил два сильных наводнения. 5 ноября Нева поднялась на 254 см выше ординара, а спустя пять дней также более чем на 200 см. Описания этих бедствий и причиненного жителям ущерба приведены несколькими очевидцами (см.: *Беспятых Ю. Н., Сухачев Н. Л.* Первые в истории города. С. 189—190).

⁵³ Екатерингоф — усадьба близ впадения Невы в Финский залив (у деревни Калининкой), подаренная Петром I Екатерине Алексеевне. В 1711 г. здесь начали строить дворец, в 1716 г. по проекту переустройства усадьбы, составленному Ж.-Б.-А. Леблоном, велась работы, в том числе над садом (*Воронихина А. Н.* Петербург и его окрестности. С. 24).

⁵⁴ Казанским царством по традиции называли область ханства, ликвидированного после взятия Казани войском Ивана IV Грозного осенью 1552 г.

⁵⁵ Речь идет о белом наливке, он привлекал внимание многих иностранцев, см., например, отзыв чешского иезуита И. Давида (1680-е годы): «Наливное — это прозрачное яблоко, как бы полное сока. Положенное на солнце, оно сочится, и все через него видно. Они настолько нежны, что их нельзя далеко перевозить» (*Давид И.* Современное состояние Великой России, или Московии // Вопр. истории. 1968. № 4. С. 140). Л. Ю. Эренмалм писал о наливке, что «если летом посмотреть через него на солнце, можно увидеть самую сердцевину; эти яблоки, однако, из-за слишком большой сочности не могут сохраняться зимой так же долго, как иностранные» (*Ehrenmalm L. J.* Rysslands tillstånd under Peter I // Uppsala universitetsbibliotek. Н—195. S. 52).

⁵⁶ Неточность. Автор имеет в виду смерть Марфы Матвеевны, вдовы царя Федора Алексеевича, последовавшую в рождественский пост 31 декабря 1715 г. (Походный журнал 1715 года. С. 80).

⁵⁷ Несомненная описка: 2 гривны=20 копеек. У Геркенса верно: «2 гроша» («Описание... столичного города С.-Петербурга» // Белые ночи. Л., 1975. С. 236). Имеются в виду немецкие гроши.

⁵⁸ Ошибка, перекочевавшая из описания Геркенса. Отцом Петра I был царь Алексей Михайлович.

⁵⁹ Наталья Кирилловна Нарышкина (1652—1694), вторая жена Алексея Михайловича, мать Петра I.

⁶⁰ Нарышкин Кирилл Полуэктович (1623—1696), боярин (с 1672), отец Натальи Кирилловны. Был казанским воеводой; во время стрелецкого восстания 1682 г. насильственно пострижен в монахи и в иночестве принял имя Киприан.

⁶¹ Неточность: Петр I родился 30 мая (10 июня) 1672 г.

⁶² Современники неоднократно описывали обычный распорядок дня, которого придерживался царь. Сошлемся здесь на два русских свидетельства. Наиболее надежными видятся сведения, зафиксированные денщиком Петра I А. К. Нартовым (Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 93; переиздано Н. И. Павленко под названием: *Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Россию поднял на дыбы...* М., 1987. Т. 2. С. 579—580). Другим соотечественником, неумоимо собиравшим факты о Петре I, был Н. И. Кашин (см.: [Кашин Н. И.] Поступки и забавы императора Петра Великого: (Запись современника). [СПб.], 1895. С. 15). Ср. приведенные в этих сочинениях сведения с впечатлениями шотландца П. Г. Брюса (см. ниже).

⁶³ Сам Ф.-Х. Вебер в первой части «Преображенной России» рассказал о подобном эпизоде. Дипломат находился на одном судне с царем в плавании из Петербурга к Котлину. «...мы застигнуты были такою страшною бурей, что царь, забыв все шутки, сам принялся за руль и в этой опасности обнаружил не только большое знание в маневрах, но и необыкновенную физическую силу и непоколебимость; Петр все-таки ввел судно в Котлинскую гавань (Вебер Ф.-Х. Записки. Стб. 1160—1161).

⁶⁴ «Реестр ... кораблям и другим военным судам, которые будут в кампании, 1719 года мая 22» учитывает 23 линейных корабля и 16 меньших парусных боевых судов (МИРФ. Ч. 2. Отд. I. № 1933. С. 365—367). «Реестр кораблям и другим военным судам, которые будут в кампании 1721 года» состоит из 43 боевых парусных сдниц (там же, № 2276, с. 548—549).

⁶⁵ В Ревеле, крупном торговом порту, существовала гавань для купеческих судов. Новая гавань в открытой бухте была построена в 1714—1716 гг., однако уже в 1716 г. сильно пострадала от штормов, поэтому Петр I принял решение устроить военную гавань в другом месте на южном побережье Финского залива — в Рогервикской бухте, километрах в 50 западнее Ревеля. Работы велись с 1719 г. и к 1725 г. не были завершены (Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 516—519).

⁶⁶ По данным Ф. Ф. Веселаго, в 1719—1720 гг. в гавани стояли 72 пушки 18- и 24-фунтового калибра. Уже весной 1717 г. всего на укреплениях Котлина и Кроншлота стояло 275 пушек и 19 мортир; в одном только Кроншлоте — 42 пушки и 7 мортир (там же, с. 510, 511).

⁶⁷ Так называемый Итальянский дворец А. Д. Меншикова, выходявший на набережную. По своим размерам значительно превосходил дворец на Васильевском острове. Описание Итальянского дворца по сравнительно недавно обнаруженной гравиуре О. Эллигера (1727 г.) см. в кн.: Розадева Б. А., Сомина Р. А., Клещева Л. С. Кронштадт: Архитектурный очерк. Л., 1977. С. 19, 21.

⁶⁸ Деревянная церковь во имя св. Андрея Первозванного, освящена 13 июля 1718 г. (Веселаго Ф. Ф. Очерк... С. 515).

⁶⁹ Ф. В. Богемелль, изучивший начальную историю немецкой евангелической общины в Кронштадте и знакомый с этим сообщением, полагает, что оно не лишено какой-то фактической основы, однако требует уточнений. Как установил исследователь, в 1712 г. на Котлине появился проповедник из шведских пленных по фамилии В. Саккелиус, но уже летом следующего года его увезли в Петербург. Преемник шведа немец Ф. Л. Энгель умер осенью 1714 г. В начале или середине 1715 г. на Котлин прибыл пастор Круук (*Bogemell F. W. Umständliche Nachricht von der deutschen evangelischen Gemeinde in Cronstadt, wie auch von der Erbauung und der den 12. Dec. 1753 geschehenen feierlichen Einweihung ihrer neuen St. Elisabethenkirche. Halle, 1758. S. 22—26*).

⁷⁰ Дворец А. Д. Меншикова в Ораниенбауме с парком, впоследствии получившим название Нижнего, построен в 1710—1725 гг. архитекторами Д. М. Фонтана и И. Г. Шеделем.

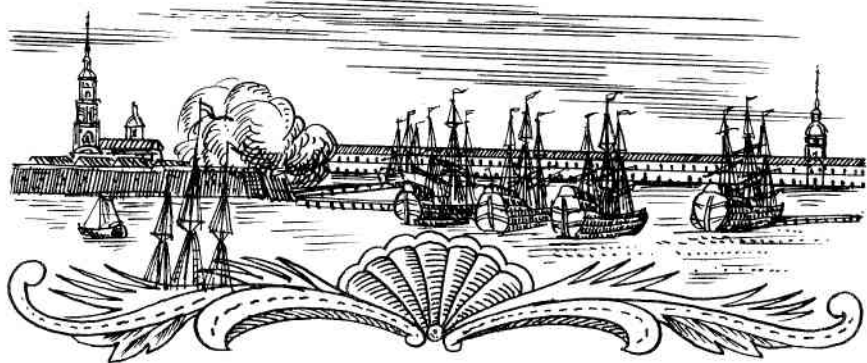
⁷¹ Работы в Петергофе начались в 1714 г. (над Нижним парком — в 1710 г.). Морской канал делит Нижний парк на Западную и Восточную части.

⁷² Строительство и отделка первого Большого дворца продолжались с 1715 по 1724 г. архитекторами И.-Ф. Браунштейном и Ж.-Б.-А. Леблоном. В 1745—1754 гг. В. В. Растрелли перестроил Большой дворец. Знаменитые петергофские фонтаны, созданные главным образом под руководством Н. Микетти, были впервые пущены в 1721 г. (Федорова Н. Н., Раскин А. Г. Петродворец. Л.; М., 1954. С. 20, 28—30).

⁷³ Дворец Монплезир, построенный в 1714—1724 гг. В 1719—1721 гг. строились его служебный и правый флигели (Архитектурная графика России: Первая половина XVIII века. Собрание Эрмитажа. Л., 1981. С. 107).

⁷⁴По первоначальному замыслу Петра, именно в Стрельне предполагалось устроить парадную резиденцию. В 1710 г. там начали разбивать парк, с 1716 г. этими работами руководил К. Б. Растрелли. С того же года дворец и парк проектировали Ж.-Б.-А. Леблон и С. Чиприани. С кончиной генерал-архитектора, последовавшей в феврале 1719 г., проект дворца разрабатывал Н. Микетти (*Воронихина А. Н. Петербург и его окрестности. С. 25*).

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА И ПРЕБЫВАНИЯ В НЕМ ПОЛЬСКОГО ПОСОЛЬСТВА В 1720 ГОДУ

Тому, кто хотел бы должным образом описать город Петербург, следовало бы побывать там до его основания и увидеть, что было на этом месте, где теперь выстроен большой каменный город. Через него протекают большая, широкая и глубокая река Нева, а также ее рукава и просторные каналы, над которыми поднялся регулярный город. На этом самом месте, как я узнал, некогда было 15 хижин, населенных шведскими рыбаками. После занятия этой местности русскими деревню сожгли, а его величество царь повелел поставить для себя тут маленький домик из двух комнаток, где и жил.¹ Домик этот еще стоит, крытый черепицей, однако без окон, но для лучшего сохранения обнесен забором. Стоит он неподалеку от реки между Сенатской коллегией² и дворцом Гагарина.³ Живя здесь, царь чертил план города и измерял берега реки, ее рукава и каналы. Теперь город уже большой, и его всё застраивают, и если царь еще сколько-то проживет, то сделает город громадным. Также на другой стороне реки по направлению к монастырю была небольшая крепость, где укрывали суда, шедшие из Москвы через озеро Ладога в море. Эта крепостца теперь скрыта, там построили невзрачные хижины и ветряки, и на том месте много людей строит себе жилища.

Нам говорили, что Ингрия принадлежала Москве, а когда Москва вела войну с поляками, то, не будучи в состоянии их одолеть, пригласила на помощь шведов. Они же, вступив на московскую землю и не оказав никакой помощи, овладели всеми занятыми уездами,

поставили в крепостях свои гарнизоны и принудили жителей к податям и иным повинностям. Таким образом заняли огромную страну до самого моря.⁴

А поскольку московские суда, шедшие рекой Волгой до Ладожского озера и оттуда рекой Невой в море и дальше, на озере часто терпели и по-прежнему терпят крушения из-за больших подводных скал, то нынешний царь теперь копает канал от реки Волги до реки Невы, на нем постоянно работают 40 000 человек.⁵ Если это дело будет завершено — а осталось прокопать еще всего лишь несколько миль — краю от этого будет большая выгода, так как сейчас из-за скверного сообщения все дорого.

Около Петербурга⁶ царь укрепил берег реки, насыпал дамбы и укрепил плотинами, также прорыл каналы, чтобы излишней воде, стремительно приходящей с моря, было где разойтись; ибо не будь этого, волны залили бы постройки. Плотины сверху покрыты досками, так что по ним можно ездить на лошадях. С приближением к морю река Нева расширяется и разделяется на несколько русел, расходящихся в разные стороны. Берега этих русел теперь густо обивают сваями, а в иных местах равняют, расширяют, поднимают и углубляют [дно] по надобности, чтобы подходили суда.

Этот город поделен на очень большие участки, на которых каждый сенатор, министр и боярин должен иметь дворцы, иным пришлось поставить и три, если было приказано. Счастлив был тот, кому отвели землю на сухом месте, но тот, кому достались болота и топи, изрядно попотел, пока укрепил фундамент и выкорчевал лес, так как по мере приближения к морю грунт низменнее и болотистее. Еще и теперь, хотя дворцы уже закончены, они трясутся, когда мимо них проезжает коляска; это из-за слабого фундамента. Эта сторона уже выглядит как город, там есть дворцы, плотины и большие здания с флигелями и всякими удобствами, а еще дальше к Кронштадту⁷ имеется немало места, где уже начинают строить, в том числе из кирпича, и где уже до самого моря поселилось несколько тысяч мещан.

Здесь есть церкви, коллегии, дворцы и так называемые лавки, в которых всего вдоволь. Это четырехугольная постройка, занимающая большую площадь,⁸ в ней и по ту, и по другую сторону живут купцы.

Дворцы просторны и выстроены из кирпича с флигелями, кухнями и удобствами, но поскольку строились в спешке, то тес отваливается уже при небольшом ветре; наверное, плох материал, или же делали зимой, ведь лето здесь непродолжительное. Еще и половина этого города не возведена.

По сию сторону Невы дворцы тянутся один за другим вдоль реки до самых царских дворцов, которых всего три — два летних и один зимний.⁹ Сады прекрасны. Я слышал от самого царя, сказавшего нам: «Если проживу три года, буду иметь сад лучший, чем французский король в Версале».¹⁰ И действительно, сюда морем из Венеции, Италии, Англии и Голландии привезено много мраморных изваяний, статуй, даже беседки, сделанная целиком из алебастра и мрамора и доставленная из Венеции в сад, расположенный над самой рекой и между каналами. Там много редкостей, беседок, галерей, насосов и удиви-

тельно красивых деревьев. Со стороны реки сад укреплен кирпичной кладкой,¹¹ до нее из сада ведут галереи (ganki), где можно сесть в бот или в барку, то есть яхту, буер, чтобы плыть в море либо прогуляться по каналам и большой широкой реке. На ней есть остров, на котором строят здания, куда перенесут Анатомию;¹² ее опишу ниже.

На другом острове находится пороховой завод;¹³ на третьем, называемом Васильевским островом, — летний и зимний дворцы князя Меншикова,¹⁴ а также другие дворцы до самого моря. Есть и иные места, где делают корабли, особенно в адмиралтействе; при них башни с пушками.¹⁵ Есть также дома, где живут англичане и голландцы, строящие эти корабли. Дальше — место, где делают галеры.¹⁶ Я слышал слова царя: «У меня много кораблей, но я уменьшу их число; будет их только 30 и на каждом по 100 пушек; галер [будет] 200 и на каждой по 40 пушек». Действительно, этого у него уже на удивление много. Есть большие квадратные суда, на которых корабли перевозят в море,¹⁷ потому что на этой реке, да и на здешнем море из-за мелководья корабли могут ходить не во всяком месте, так как море во время бурь засыпает эти реки песком. С этой целью милях в семи отсюда поставили фортецию, где ставят военные корабли.¹⁸

Галеры мне нравятся, так как на них можно безопасно плавать и у берега, и в самом глубоком море, их можно направлять как угодно, в любой момент в любую сторону, а также стрелять по неприятелю, вернуться на месте.

На другом берегу реки напротив царских дворцов возводят в камне большую оборонительную крепость. Посреди нее стоит церковь с башней, часы на которой играют французскую музыку. Здесь вообще на дворцах и коллегиях много таких часов, играющих псалмы. В упомянутой крепости много пушек, а со стороны моря всегда висит красно-белый флаг. Здесь есть такой обычай: когда адмиральский буер под особым флагом выйдет на воду, то под страхом штрафа должны выйти все буеры. Адмиральский буер идет впереди, и все следуют за ним, не опережая. На буерах обычно находятся сенаторы, министры и другие господа, они весело развлекаются под звуки труб и музыки. Минуту одного, пьют за здоровье и стреляют из пушек, и должны плавать до тех пор, пока адмирал не подойдет к берегу.¹⁹

В этом самом месте живет много мастеровых французов, англичан, голландцев и мануфактуристов других наций. Их царь выписал для обучения русских людей. Для своих работ они имеют здания.

Много также имеется строений для корабельного провианта, соленой рыбы, копченостей и муки; есть постройки с конюшнями, где располагаются конные полки, а другие постройки — для пехоты, и все со всякими удобствами. Есть строения, где располагаются гости, и трактиры для их удобства. На своих местах на берегу стоят амбары, и когда провиант или хлеб привозят на судах, его с них без промедления туда переносят. Есть также каменные солодовни, [где варят] пиво для кораблей;²⁰ пока оно молодое, его не пьют, потому что горькое, а горькое для того, чтобы могло дольше стоять, не прокисая.

Неподалеку от царских дворцов и канала стоят здания, выстроенные квадратом, для тех мастеровых, которые строят буеры и яхты.²¹ Посредине есть канал, куда эти суда отводят на зиму, чтобы их не повредил лед. В других постройках делают пушки, колокола, бронзовые и железные мортиры; в иных же колесники изготавливают ложи и колеса для пушек. Есть также большие длинные постройки с кузницами, где кузнецы выковывают все необходимое для пушек.

На другой стороне реки за дворцом князя Меншикова находится французская улица, на которой живут одни мастера — резчики, столяры и те, что делают фонтаны, а также те, что из олова и иных металлов выделывают разные вещи, но все это — для царя. В лавках есть такса, согласно которой продают все вещи. Имеются здесь и меха, и товары из меди и железа. Полотна тут много, но оно узкое. Его требуется много, так как стены и потолки везде обиты полотном, иногда даже вощеным; также полотном обивают галереи и башни в итальянских садах и даже заборы вокруг садов. Пряжу, причем очень красивую, привозят из Москвы.

Есть там другое каменное здание в два этажа, длинное, с шестью комнатами внизу и столькими же наверху. Оно стоит у рукава, [называемого] Невка. В месте высадки находится мост, на нем у берега строение и галерея (galerie) столярной работы, а мост тянется до самого здания. В каждой из этих нижних комнат по 5 станков для выделки полотна, а в угловых комнатах работают столяры и токари, делающие станки, намоточные катушки, валки, веретена, прялки, мотовила, шпульки, челноки и иные принадлежности. В верхних же комнатах много женщин под присмотром воспитательницы-англичанки, надзирающей за их работой. В одних комнатах прядут, в других мотают, а в третьих навивают; там полно людей, есть и управляющий, который всем руководит.²²

На противоположном берегу того же рукава стоит другое строение, где выделывают крахмал;²³ есть там мочильные чаны в чанах для отливания, а также несколько затычек, и когда их вынимают, вода отходит. Вода, причем превосходная, поступает по желобам и по ним же отходит. На другой стороне реки есть большая и широкая белильня, а также выкопаны каналы, служащие для замачивания и поливания полотна.

Есть также два стрельбища, одно за рекой Невой, за кирпичными солодовнями, а другое за двором господина Головкина; там учат стрелять из пушек, которых на каждом [стрельбище] по десять.

Река Нева укреплена плотинами, особенно один берег миль на 12 до самого Шлиссельбурга, так что суда везде могут подойти к берегу и сразу выгрузить все, что угодно. По этой реке сплавляют огромное количество деревьев до города и в море до многочисленных укреплений. Ибо близ города не дозволяется срывать и ветки, хотя там на пространстве нескольких миль растет много

березы, ели и сосны, но лес этот мелкий. Дуб, нужный для строительства кораблей, яхт, фрегатов, барок, буеров, шлюпок и гондол, доставляют рекой отчасти от самой Москвы.²⁴ Всем этим владеет царь, так что он может обойтись без других стран и если еще найдет минералы, для чего выписал в этом году рудокопов из Саксонии, то его справедливо можно будет назвать владыкой суши и моря.

За городом по направлению к монастырю у реки Невы стоит небольшой каменный дворец,²⁵ в котором его царская милость показал нам свою Анатомию.²⁶ Он ее купил где-то за Голландией у какого-то знаменитого заморского доктора. Этот доктор собирал свои редкости на протяжении 50 лет, и ему было 72 года, когда его царская милость купил эти собрания за 12 000 червонцев.²⁷ Имея единственного сына-пьяницу, не способного оценить столь больших редкостей, [анатом] предпочел продать их тому, кто сумеет их и использовать, и сохранить. Этого доктора царь содержит за немалые деньги, а при нем трех учеников и нескольких слуг. Дворец — двухэтажный, из него далеко видно, стоит он на красивой равнине. Через сени с крыльцом входят в комнату, где в шкафах расставлено множество склянок. В них сохраняются головки маленьких детей — от годовалого и лет до трех, и они в этом спирте настолько свежи, что совсем как живые. Некоторые смотрят такими живыми глазами, словно ничто не нарушило их взгляда, хотя стоят уже несколько лет. У других едва не брызжет живая кровь; где отнята голова, там кожа с телом кажется только вчера отрезанной. В других склянках хранят руки и ноги, на которых еще видны вены через кожу, словно бы живую. В следующей комнате склянки с образцами представляют все развитие человеческого плода от первого зародыша до самого момента появления его на свет.* Есть там еще различные монстры, как человеческие, так и звериные, и иные редкости, а также различные звери — чучела слонов, василиски, чучела рыб и высушенные рыбы с дивными мордочками. Немало здесь также морского тростника разных видов; еще великое множество слоновьих костей, привезенных из самого греческого государства, где некогда воевал Александр Великий²⁹ и, защищая людей, выставил слонов, которых там немало погибло. Потом на этом месте построили город, называемый теперь по тем костям Костынка.

В трех других комнатах выставлена превосходная библиотека, в ней есть старые книги, возрастом в полторы тысячи лет, как высчитали отцы иезуиты. Больше всего греческих, есть также много книг, напечатанных на славянском языке. Другие труды относятся к военному искусству и содержат [описание] новых способов, как атаковать города, замки и иные крепости. Много таких [книг] его величество царь повелел напечатать для молодежи. Кроме того, здесь находятся старые немецкие библии

* Довольно большой фрагмент рукописи об этом предмете мы могли дать только в сокращении. — Здесь и далее примечания польского издателя.

и много книг латинских, немецких, французских и русских больше чем на десять тысяч [рублей].³⁰

Собрание образцов зверей, сохраняемых в бутылках, столь же богато, как и человеческих. Немало также птиц всяких видов и расцветок. Здесь есть страусы, красные аисты, сипы, индийские вороны, попугаи трех видов и много иных птиц, названия которых неизвестны. Нам показывали разных птичек — белых, красных, синих, желтых, так красиво окрашенных, что сам царь их целовал. Среди них были птички маленькие, как сверчки; другие же с хвостами длиной в два локтя, а сама птица — гладкая, как палка, и когда летит, то лишь слегка распускает хвост; сама синяя, а хвост черный и клюв белый. Другие были красные с белыми хвостами, а перья у них мелкие и густые, как у kota; эта птица летает небыстро. Были там также дивные мыши с песьими мордами и бабочки удивительного вида. Когда такая бабочка раскроется, то будет величиной с оловянную тарелку. Цвета она синего с красными, белыми и черными каплями на крыльях. Мы видели также саранчу, о которой говорят, что св. Иоанн Креститель кормился ею в пустыне. Показывали нам также янтарь и рассказывали, как он рождается; а именно, есть деревья, с веток которых, когда их хорошо нагреет солнце, в морскую воду стекает смола и там дистиллируется. В янтаре были мухи, пауки и прочая нечисть, так как он, образуясь, не упускает захваченного и так растет от взаимодействия солнца и соленой воды и действительно обладает той особенностью, что прилипает, если его нагреть. Было там также чучело дикаря, найденного мертвым с двумя лодками; в одной лодке были рыба, копье и колчан со стрелами из морского тростника; тростинки были сучковатые, а копье железное и широкое; где ему это сделали? Лука не было — наверно, выпал или же сбросило ветром. В другой лодке сидел сам этот дикарь и сидя умер. Одежда его — из удивительной пестро-желтоватой шкуры, шапка с торчащими вверх рожками из еще более удивительной кожи. Сам он был маленького роста. Здесь трудно описать все виденное, так как и при писании уже забылись особенно морские предметы, чешуя рыб, раки и т. п.

Здесь держат мальчика, которому теперь лет пятнадцать и который лицом и головой очень похож на обезьяну; на руках и ногах у него всего по два одинаковых пальца, но не такие, какие должны быть у человека. Этот мальчик своими пальцами пожимал руку его царской милости.³¹

Анатомию должны перенести во дворец, строящийся за большой крепостью на острове;³² в теперешнем здании уже слишком тесно, так как редкости все прибывают.

Имеются также большие дворцы, называемые коллегиями.³³ В одном дают аудиенции заграничным послам; другой — сенат; третий служит для конференций по внешним делам; четвертый — коллегия юстиции; пятый — военная судебная коллегия и коллегия сельская. При каждой коллегии есть еще отдельные канцелярии.

За царскими дворцами стоит здание, где останавливается почта.³⁴ Там же расположены здания для птиц, где продают тетеревов, рябчиков, белых глухарей, больших и маленьких уток, цирков, а про названия других и не дознаешься. Еще там в клетках держат певчих щеглов и дроздов.

На одном поле, намеренно оставленном посреди города, стоит единственное здание, предназначенное для некоторых упражнений молодых людей. В первые дни июня по русскому календарю там собралось тысяч семь парней; их угощали водкой и пивом, потом там же они бились на кулаках. Бьются за государево здоровье, а случается, кого и убьют.³⁵ В том же здании находится пара львов, отдельно самец и самка; есть там еще пантера, рысь, леопард, морские коты, белые и сивые обезьяны, а в другом месте находятся белые и черные медведи и чучело слона.³⁶

Мы справили день рождения царя.³⁷ После церковной службы царь привел своих гостей и послов в сад и угощал в галерее. Там на воде стоял фрегат, от верха до самой воды украшенный флагами. На нем было 26 пушек, из которых палили, когда пили за царское здоровье; играли трубы и валторны, и с крепости стреляли из пушек. После обеда мы отправились в итальянский сад, где видели разные украшения, фонтаны и клумбы, между которыми стояли большие фарфоровые сосуды. Здесь в разных местах давали много вина, а именно шампанское, бургундское, pontak i ochlańskie sekty. Также наставили столов, где только было удобно. Этот сад от своей закладки насчитывает всего 5 лет,³⁸ но каждый может признать, что такого, как тут, не увидит и через 20 лет у самого большого господина. В этом саду были выложенные камнем пруды, в которых плавали индийские гуси, морские утки и много [иных] птиц. Построена там и голубятня, в которой помещается 16 видов голубей; есть при них и смотритель. Имеется также несколько белых аистов (ведь аистов в здешних краях не увидишь), несколько журавлей, кабан и большой еж с колючками длиною в четверть.³⁹ Другой сад засажен плодовыми деревьями, и в нем только открытые галереи (ganki) и шпалеры.⁴⁰

Так мы гуляли в этом саду до 11 часов вечера, пока не зажгли фейерверк. Пускали разные огни, били из пушек и пускали ракеты до двух часов ночи. Были здесь также два человека — мужчина из Франции и женщина из Лифляндии. Мужчина был ростом 4 аршина, а в ширину два локтя и ходил в полусапожках. Жена его,⁴¹ ростом еще на четверть выше, была одета в дамское платье, на которое пошло 82 аршина.

Дня 14 июня мы были приглашены в адмиралтейство, где его царская милость ждал нас. Перейдя по мосту, ведущему через каналы и пройдя воротами, мы через сени вышли на большое место, где строят корабли. Мы осматривали новопостроенный корабль, красивый и большой, который в будущем воскресение должны спускать [на воду]. Затем мы пошли в кузницу, построенную на углу из кирпича. В этой кузнице было 15 горнов, и у каждого

работало 15 кузнецов с мастером. Пятеро делали болты для кораблей. Помимо обычных кузнечных мехов, имелись и такие, в которые дуют жестяными и медными трубами. Оттуда мы перешли через другой канал к большому трехэтажному зданию, построенному треугольником на прусский манер. Его царская милость ходил с нами по складам, находящимся в этом здании. Мы осматривали здесь всякие корабельные припасы; там были вошенные, смоленые, покрытые различными жирами канаты, некоторые толщиной в полчеловека. И всего этого в более чем десяти помещениях было столько, что не увезти и на 500 возах. Гвозди для приколачивания досок лежали в углах большими кучами, а кроме того, putable, якоря, багры с длинными черенками для удержания корабля и притягивания одного к другому. Еще топоры для работы, заступы, молоты, сверла, различные большие и малые долота, несколько тысяч фонарей, и было свыше десяти таких, что в них свободно может сидеть человек, вот какие были большие. Кожи для гашения заброшенных бомб, юфти, беленое и небеленое полотно; полотно, выделанное специально для парусов. Жиры были в больших кадках, бочках и чанах. Столь же полны и забиты были другие помещения, в которых полки были заложены ружьями, карабинами, пищалями, пистолетами, штыками, охотничьими ножами, шпагами, перевязями, зимними и летними рукавицами. Были большие кучки бацмаков, сапог, туфель, бессчетное количество шерстяных и полотняных штанов для матросов. В нескольких помещениях находилось привезенное из Вест-Индии дерево — тяжелое, как свинец, и всего этого было много. Его царская милость сказал послу: если бы боярин имел так много дерева, ему хватило бы на два года. Это дерево на кораблях используют только на колеса, наматывающие канаты, поскольку канат на этом дереве наматывается ровно, как на латунных или бронзовых. Если же такие колеса изготовлять из железа, то только закаленного, потому что иначе оно разлетится вдребезги подобно точилу или камню, с каким работают токари. Кроме того, там лежало несколько сот оловянных корабельных подсвечников, бидонов, рогож еще больше, решет, сит для муки, деревянных кривулей, мисок, каждой из которых хватает на семь солдат; щипцов, сальных и восковых свечей.

Несколько помещений было заполнено уложенными в сундуки и висевшими в связках на стенах корзинами, железом, железными кольцами, разными ядрами в больших кадках. Эти кадки имеют форму длинных ящиков из листовой латуни, раздвоенных по бокам. Желоба по бокам короткие, но с уклоном. Ядро, запущенное в желоб, катится само собой, пока, оказавшись на своем месте, через щель не попадет сразу на судно. Все ядра взвешены, и вес обозначен на них точнейшим образом, в чем убедили проведенные проверки. Два других помещения были заполнены медью, отнятой у шведов, и царь сказал послу, что шведы к нему пожаловали.

Перед этими строениями стоят большие лари, заполненные картечью, гранатами, чугунными ядрами. В иных же местах много разного цвета тканей на знамена, вымпелы, корабельные флаги и т. п. Краски хранились в многочисленных бочках — голубая, красная и разные другие, добываемые здесь в Ингрии из земли. На третьем этаже было на восемьдесят тысяч рублей готовых парусов; не всякий в это поверит, однако мы видели это собственными глазами.

Затем мы пошли в галерею, находящуюся на среднем этаже, где адмирал Апраксин — а было это в пятницу — потчевал нас одними корабельными блюдами: копченым мясом, зельцами, ветчинами, языками, морской рыбой, а также маслом, сыром, сельдями, повидлом, солеными устрицами, лимонами, сладкими апельсинами, сухарями, осетрами. Было также несколько блюд раков, но мелких. Подавали пиво и холодное полупиво, так как здесь повсюду сколько угодно льда. А на башне тем временем играла музыка.

Немного посидев, мы пошли в коллегии, где было полно молодежи. Столы были обтянуты зеленым сукном, а на стенах висели зеркала, чертежи и различные гравюры. Магистр преподавал военное искусство — как стрелять на кораблях, как управлять парусом, когда вода качает корабль, и другие искусства этого рода. О них трудно было спрашивать, тем более что [мы были] только мимоходом, я едва услышал, чем тут заняты.

Отсюда мы спустились к каналу, на котором стояло несколько судов с насосами, закачивающими воду в кожаную кишку длиной больше десяти сажен и снабженную на конце латунным шприцем, из которого вода брызжет в ту сторону, куда ее направляют. Эти суда служат для гашения огня, если бы он где-либо — Боже сохрани — возник. В одной комнате находится библиотека, книги которой относятся только к искусству мореплавания под парусами. Там были большие стопы белой, серой, черной и *regałowej* бумаги для черчения. Несколько комнат были заняты постелями, предназначенными для кораблей; готового платья разного цвета было на 24 000 человек, а также другой одежды на 4000 матросов.

Потом мы пошли через канал в другое здание, такое же длинное, как первое, но одноэтажное. Там живут только мастеровые, изготавливающие необходимое для кораблей; котельщики, например, делают котлы, котелки, чугуны, противни, медную утварь. Я видел там такие большие медные посудины, посредине разделенные жестью, в которых можно приготовить лапшу и кашу сразу на 200 человек. Ведь на корабле кухни не очень просторны, и дров в море тоже немного.

Были там также резчики, столяры, токари, жестянщики, стекольщики, делающие фонари, слесари, чертежники, бондари, делающие бочки, бадьи, то есть ведра, и прочую посуду по потребности. Цирюльники же приготавливают мази и пластыри для ран. Швецов было с восьмьсот только тех, что работают с парусами. Свои иглы длиной в четверть они проталкивали наперстками, чтобы лучше шли; нитки у них для этой работы вошьенные и толстые, как

дратва. Искусство их шитья заключается в том, чтобы ни канат, пришиваемый к парусу, не был длиннее паруса, ни парус — каната, иначе ветер бы крутил и сильно портил.

В другом углу столько же кузниц и кузнецов; эти строения одинаковы по числу людей и по площади. Там было большое и широкое строение на сваях, покрытое тесом и укрепленное связями, в нем готовят чертежи кораблей и определяют размеры, и не начинают строить ни одного корабля, пока в этом зале не выйдет удачно его модель. Внизу между сваями корабельные шлюпки строят, смолят и красят, и тут довольно мастеровых. А поскольку это строение стоит над самой рекой, то шлюпки, как только закончат, сразу спускают на воду.

Уже под вечер, когда пошел дождь, мы отправились в комнаты, где было вдоволь вина и пива и где нас потчевал корабельный мастер господин Головин.⁴² В знак своей профессии он всегда ходит с золотым циркулем, усыпанным драгоценными камнями; однако это только для церемоний, ибо не Головин, а сам царь — знаток этих дел; Головин лишь иногда присутствует при работах. Царь назначил его мастером, и его сажают рядом с царем на каждом угощении, пьют за его здоровье и от его имени вырезают гравюры. Господин мастер подарил такие [гравюры] нам, полякам, находившимся с нашим послом. При этом его царская милость встал из-за стола и, кланяясь, разлил вино, ходил и подавал нам всем рюмки, исполняя свою обязанность, ибо если бы он этого не сделал, ему пришлось бы уплатить штраф, так же как если бы не вышел на воду по выезде адмирала, о чем мы выше уже писали.

16 июня спускали корабль под названием «Сибирский Орел».⁴³ За ее милостью супругой посла ее царская милость прислала очень богатую лодку (*kuszlatkę*), украшенную и снаружи, и внутри зеленым бархатом. Сиденье было тоже бархатное, с золотым позументом. На ней было 12 гребцов, тринадцатый — шкипер; они были одеты в черный бархат и такие же шапки. Но на время гребли они снимают это платье, несмотря на мороз или холодный ветер. Такой здесь обычай.

После спуска корабля на нем угощали много гостей и господ послов и, по здешнему обычаю, играла музыка и палили из пушек.

20 июня нам приказали ехать в Кронштадт. Выслушав обедню, мы отправились на корабле средних размеров, присланном к нам за его милостью господином послом. Этот корабль был очень красивым и дорогим, его построили в Англии для прусского короля, и он обошелся, по словам прусского посла, в 40 000 рублей. Король Пруссии подарил его царю⁴⁴ вместе с 22 малыми бронзовыми трехфунтовыми пушками. Наверху, где находились господин посол с супругой, имелась каюта, украшенная резьбой и вся вызолоченная; [в ней] было девять больших венецианских окон, а ставни обиты ярко-красным дамастом с шелковыми полосами; потолок и внутренние стены также были обиты ярко-красным дамастом и расшиты позументом и золотом. Было много превосходных зеркал; камин — мраморный; каминные

принадлежности: щипцы, мехи, лопатка, клещи и щетки — латунные; весь пол застлан ковром; двуспальная кровать, тоже дамастная, с позументом и бахромой; вся постель — белая с шитьем.

В первой каюте этажом ниже было восемь постелей на широких скамьях, на них днем сидят, а ночью спят. Устройство такое же, как в описанной каюте, с той, однако, разницей, что все было из голубого дамаста и на стенах висело столько зеркал, сколько могло поместиться. Матрацы из голубого дамаста на ночь укладывают в сундуки, а вместо них выдают полушелковые, а также одеяла и белое шерстяное *weretko* и валики под голову.

В другой каюте на этом этаже — четыре кровати, обтянутых лимонным дамастом, а также матрацы, шторы и зеркала. На полу в этих каютах лежали ковры, однако мы велели их свернуть, чтобы не испортить подковками [каблуков]. В третьей каюте — для шкипера — было 4 кровати, обтянутых полушелковой тканью, зеркала в удобных местах, тайник, сундуки, выдвижные ящики и т. п. В общем, порядок такой же, как у виднейшего сенатора.

Были на этом корабле также столы, стулья, шашки, шахматы и прочие игры; была и кухня с погребом и подсобными помещениями (*schowaniem*), в которой готовили на всех, а нас было больше ста человек.

Склад пороха и ядер находился в цейхгаузе; также для матросов имелось удобное помещение. Внизу на этом корабле хранилось 1375 пудов свинца, а в каждом пуде 42 фунта.

Мы плыли целый день. Небо было безоблачным и ясным, только вот не было ветра. Во время плавания стреляли из пушек, а при лавировании звучали трубы и музыка на флоте, шедшем вместе с нами. Я насчитал около двухсот буеров, яхт, шлюпок и гондол. Когда потом адмирал бросил якорь, выстрелили из пушки, что было сигналом всему флоту остановиться. Мы остановились в двух милях от Кронштадта и ночевали в море.

Наутро в восемь часов — а день был туманный и ветренный — к нам приехал его царская милость, приехали и министры Головкин, Шафилов и некоторые офицеры, сжегшие в Швеции окрестности Або, и кронштадтский комендант. Одним подали водку, а царь выпил рюмку вина с ароматическим маслом. Подали также ветчину, языки и масло. Выпив по несколько бокалов вина, мы отправились к тому месту, где на сваях были поставлены плотины шириной в две сажени из прочного дерева и железа.⁴⁵ Там густо стояли пушки, на расстоянии друг от друга едва в сажень. За плотинами стояли фрегаты, барки, галиоты, а тогда еще и девять больших военных кораблей. Неподалеку же от этого места стояли в охранении еще 7 красивых и больших военных кораблей, на которых было много пушек.

Миновав это место, мы проследовали дальше, пока наконец не остановились у острова Котлин в месте, обнесенном вокруг сваями и просторными плотинами. Весь флот вошел туда же, но это место настолько обширно, что там поместились бы и три таких флота.

Плотины, ведущие к большому Балтийскому морю, густо уставлены пушками и габионами. Его царская милость, взяв в свою шлюпку господина посла и господина секретаря, отправился в другое место, где выстроен Кронштадт.

Назавтра мы отправились с приданными нам офицерами к зданию, где живет комендант, а оттуда по плотинам — кругом в Кронштадт.⁴⁶ Этот Кронштадт возведен круглым на сваях и камнях. Нижний этаж — каменный, второй выстроен на прусский манер, а третий из дерева. Тут много пушек, установленных в таком месте, которое не обойти кораблю, так как в других местах море слишком мелко. Этот проход для большей безопасности иногда перекрывают цепями.

Нам были выделены комнаты на острове Котлин во дворце князя Меншикова. Этот большой трехэтажный дворец стоит на красивом проспекте. Комнаты обиты, в них много зеркал и других украшений, как подобает князю. Мы все разместились в этом дворце, а в его зале совершались богослужения. В субботу нас пригласили в каменный дом, возведенный специально для царя. Царь в нем живет, когда приезжает осматривать флот, так как ему не хочется ехать на остров Котлин. После угощения каждый из нас еще в тот же день вернулся в шлюпке к себе.

Назавтра, в воскресенье, всех гостей, прибывших с этим флотом, пригласили к его милости господину адмиралу Апраксину, который угощал на своем корабле всех послов, министров и много гостей. Этот большой и широкий военный корабль, вооруженный 100 пушками, назывался «Ангот».⁴⁷ При каждой рюмке палили из пушек. Спустя несколько часов вице-адмирал, то есть сам его царская милость, пригласил всех на ужин на свой корабль. Прибыв туда, мы застали накрытые столы. Сначала подавали вино; пить у вице-адмирала надо было много! При этом выпалили из 30 пушек одновременно, так что корабль от этой мощи сильно накренился. При этом случае заряд одной из пушек случайно разбил шлюпку, но людей, к счастью, спасли. Затем господин вице-адмирал показывал нам свой корабль, называемый «Лесное».⁴⁸ Он показал нам цейхгауз; входя туда, мы должны были разуться, чтобы подковками не высечь огня. Там было много пороха, ядер, бомб и каркасов.

Назавтра, в день св. Иоанна,⁴⁹ мы с его царской милостью ходили на острове Котлин по каналу, который копали 4 000 нанятых работников; каждому платили за [выкопанную] сажень вглубь и ширию по пять рублей.⁵⁰ Там было много больших камней; для скорейшего удаления их разбивают кирками и железными клиньями на несколько частей, либо же разрывают порохом. Помимо камней, в этом канале немало хорошей глины, которую используют для изготовления кирпичей и черепицы и таким образом быстро возводят кирпичные дома.

После богослужения флот двинулся, и мы за ним, в Ораниенбаум, расположенный у моря в 4 милях от Кронштадта. Это дворец князя Меншикова. В пути мы обедали на корабле, а встав у бе-

рега, ожидали приказа до пяти часов, когда от его царской милости прибыл генерал-адъютант Преображенского полка Румянцев⁵¹ с донесением, что царь придет шлюпки, но если есть желание прогуляться, то до дворца можно проехать по суше. Итак, его милость господин посол с ее милостью супругой и с нами отправился. Мы остановились у моста, на нем ждали кареты, сев в которые, доехали до самого итальянского сада под дворцом. Выйдя там [из карет], ходили по саду. Его украшают три фонтана и 46 разных скульптур, а также клумбы и галереи, сделанные из травы.

Вышли министры и развлекали его милость господина посла. Ее милость госпожу супругу посла развлекала княгиня Любецкая, государыня валашская. Нас же пригласил к себе гофмаршал князя и угощал холодным вином со льда и полпивом.

Дворец прекрасен; флигели еще кладут; по углам дворца — церкви.⁵² Есть также бани и пруды, воду в которые дает река, протекающая у замка. В этой реке много рыбы, особенно осетров, лососей и форели. Все, что тогда наловили, отдано его милости господину послу.

Из Ораниенбаума мы отправились в императорский дворец в Петергофе, до которого считают две мили. Прибыли туда в 11 часов. Его царская милость поднялся на наш корабль и провел нас от моря каналом, выложенным тесаными камнями и обсаженным деревьями, к самому дворцу, построенному на горé.⁵³ Когда мы высадились, нас ввели во дворец, где были накрыты столы и играла музыка. Подавали отменные кушанья и старые вина.

После обеда к вечеру нас пригласили в другой дворец, расположенный у самого моря и называемый Монплезир. Его царская милость ехал с господином послом в экипаже, сплетенном из морского тростника, а также [ехали] все, кто смог к нему прицепиться. В этот экипаж была запряжена одна лошадь, и вместо колес у него были подложены катки. Царица же ехала с ее милостью госпожой супругой посла и дамами по проспектам и через три сада до самого дворца, где вновь были накрыты столы. Мы много пили аж до 10 часов вечера, после чего его царская милость пошел спать во дворец, а мы на корабль.

Назавтра его царская милость прислал с приглашением в мызу Стрельну, предлагая свои кареты на случай, если бы мы предпочли ехать сушей. Итак, его милость господин посол поехал с нами сушей, а ее милость госпожа супруга посла поплыла морем, поскольку и шлюпка была готова. Мы ехали поверху и над морем до самой мызы Стрельны, куда и прибыли в 10 часов, чтобы пообедать.

После обеда пошли осматривать место, где вводят реку в другое русло, а потом пошли в другое место, где закладывают очень большой дворец. Первый камень положил сам его царская милость, а второй — господин посол, и мы, находившиеся там, положили камни. Его царская милость затем пил за скорое окончание строительства.⁵⁴

По отправлении этой церемонии нам подали 32 верховых лошади, убранные разными китайскими, прусскими и шведскими седлами и различной сбруей, и мы поехали в сад Версаль, довольно большой и обширный и доходящий до морского берега. В нем есть несколько каналов, впадающих в море. Есть и галереи (ganki), обсаженные рядами лип аллеи, много фонтанов, лабиринты и много прекрасных вещей. У самого берега оставлен маленький сосновый бор, окруженный каналом, кажется, для зверей. Там было на что посмотреть, и пока мы верхом объехали сад, минуло несколько часов. Потом губернатор проводил нас из сада в лес и там до места, вырубленного в виде круга, от которого были прорублены в разные стороны 12 просек. Царь сказал нам, что одна из них тянется на 140 верст. На каждой [такой] улице мы должны были выпить по рюмке вина и бокалу пива; этого было вдоволь, так как за нами возили погреб. Оттуда мы проехали полторы польских миль⁵⁵ дальше до другого круглого места, где, однако, были только три просеки, и не такие длинные. Оттуда отправились в другой сад, который только разбивают, а потом вернулись в мызу Стрельню, где, выпив по рюмке вина, попрощались с его царской милостью. Царь отправился ночевать в Петергоф, а мы в море на корабль.⁵⁶

От мызы Стрельны до Петербурга 4 мили. Мы двинулись в обратный путь в Петербург в 4 часа утра. Поначалу ветер был благоприятным, но когда мы вошли в реку, он стих, так что мы едва стронулись с места. Когда подошли к адмиралтейству, с нашего корабля выстрелили 9 раз, и с адмиралтейства нам ответили. Идя же мимо крепости, мы дали 15 выстрелов, а с крепости 31. Так, лишь в 10 часов вечера мы с господином послом прибыли во дворец, а наш галиот, на котором находились наши вещи, пришел только на другой день около 8 часов.

Его милость господин посол приказал наградить шкиперов; посольский казначей заплатил шкиперу на корабле 10 червонцев, а матросам по 3; шкиперу на галиоте — 5, а матросам по одному. За царских же лошадей, которых у нас было 32, он дал конюхам по 3 червонца.*

26 июня. Из Петергофа отправили шведского посланника; ему выдали 300 червонцев и три пары соболей. Царь везде возил с собой шведа по морю и по суше, показывая ему свои крепости, построенные у моря и на море, а также стоящий у Кронштадта флот. Показав все это, царь сказал ему: «Твой государь — бедолага и зря тратится на шпионов. Теперь ты сам видишь, что у меня есть. Моим послам, приезжающим к вам, вы в своих крепостях завязываете глаза; я же открыто показываю, что у меня есть, и не стыжусь ни своих крепостей, ни флота».

Непривычный к морскому плаванию не высидит внизу, особенно когда на море волнение, а разве только наверху на палубе.

* Непосредственно за тем следует «царский намек на союзные войска, то есть известная сказочка о журавле, который съел своих детей в жизнь»; мы опустили ее, так как она не вяжется со всем текстом.

Многие из нас болели, мы лечились водкой и табаком. Его милости господину послу его царская милость прислал ароматическое масло от морской болезни. Воду пить нельзя, так как она очень дурно пахнет, густая и желтоватая. Гогланд⁵⁷ лучше виден из Ораниенбаума, нежели из Кронштадта, хотя до этого острова 16 миль. Корабли запасаются там водой для плавания, так как она здоровая и хорошая. На этом острове его царская милость подарил своему дворянину господину Збожыньскому 20 мужиков, которые в оброк дают ему рыбу, сельдь и кожи морских собак.

Его царская милость имеет 22 миллиона рублей дохода, из них платит армии, флоту и мастерам. Экстраординарных же доходов он имеет столько, сколько хочет и у кого хочет взять насильно. Перевоз в Петербурге дает в месяц 9000 рублей.*

Дня 6 июля. Умер князь Долгорукий⁵⁸ в возрасте 64 лет, он был родным братом посла, уже несколько лет пребывающего в Польше.⁵⁹ 6-го его милость господин посол был приглашен на похороны, поэтому в 4 часа пополудни мы отправились в резиденцию покойного. Там две комнаты были затянuty черной тканью и находился художник, снимавший портрет князя. Присутствовало также немало митрополитов, епископов, архимандритов и других высокопоставленных духовных лиц. Его милость господин посол выразил соболезнования архиерею Яворскому.⁶⁰ Тело покойного лежало в гробу, обитом ярко-красным бархатом с золотым позументом. Саван у шеи был подвязан лентой; должным образом было устроено изголовье; матрац богато украшен золотом наподобие одеяла. У гроба стояло более 12 офицеров в черных плащах и траурном платье, опоясанном траурными лентами (bawefnicami). В люстрах было 15 свеч, в канделябрах у гроба, обтянутых черной тканью, — 8. Портрет умершего и его гербы, обшитые траурными оборками, держали у гроба на длинном черенке. Четверо гофмаршалов с траурными жезлами вводили приезжавших.

Так мы ждали царя три часа; наконец он приехал и, подойдя к гробу, при свете свечи осмотрел покойника. Здесь такой обычай, что друзья и все, кто пожелает, смотрят на покойного. Потом сняли покрывало и накрыли гроб крышкой, прибав к бархату жестяной щит с гербом. Нам, полякам, на шапки приколоты траурные ленты (bawefnice) и выдали каждому белые перчатки. Того, кто был в трауре, благодарили за разделенную скорбь. А его милость господин посол и некоторые другие из наших были в траурном платье.

Затем после обычного отпевания шел клир с гробом по старшинству, младшие позади, а не так, как у нас, когда епископ идет последним. Один взял оправленную в золото икону, чтобы отдать ее в монастырь, ибо таков обычай, когда кто-либо умирает. Так, сопровождая тело, многолюдная процессия двинулась к морю. Подойдя к неукрепленному берегу, эта толпа начала спускаться по лестнице вниз. Тут сходни обломались, и человек 30 упало с

* Следующий фрагмент о Черном море написан столь неясно, что его пришлось опустить.

высоты 116⁶¹ аршин вниз в воду. Упали адмирал Апраксин, адмирал Невский,⁶² подканцлер Шафиров,⁶³ много офицеров и дам. Однако всех спасли, никто не утонул. Его царская милость, оставив ее царскую милость, поехал в монастырь. Духовенство и друзья покойного двинулись за телом, а мы [отправились] во дворец, поскольку было уже около 8 часов. Траурная процессия вернулась только за полночь. Сели кушать и, по тамошнему обычаю, давали золотые кольца и серебряные ложки.

Дня 8 июля отмечали память Полтавской баталии.⁶⁴ В церкви св. Троицы⁶⁵ его царская милость со всеми министрами, генералами и офицерами провел благодарственный молебен, а потом архиерей Яворский читал проповедь, на которой мы присутствовали. Архиерей рассуждал о том, как его царская милость искал мира со шведским королем при посредничестве короля польского, государств Англии и Голландии и даже прямо через шведских министров Пипера и Стенбока, «однако эта надутая гидра не желала принимать мер к [заключению] мира. Св. Иоанн пишет в Апокалипсисе, что видел во сне дракона о семи головах, хотевшего пошибать хвостом горящие на небе звезды. И вот этот изверг, этот хобот, намеревавшийся проглотить Российское государство, выжал Польшу, Жмудь, Литву и Саксонию за то, что поляки не дали ему опуститься, разорил хорошие города Варшаву, Краков, Львов, Вильно, Торунь; вообще все народы. Со своим ядом он также вступил в наше государство, увеличивая свою мощь, но великий государь скоро обуздал его дерзость и изгнал этот хобот из своих пределов и войско его забрал в неволю, и он, хотевший владеть нашим государством Российским, утратил свое. Он подавился своей алчностью, и наконец смерть задавила его. Когда он взял великие народы Лифляндию, Финляндию, Ингрию, Эстонию, Наталию,⁶⁶ то потерял Ригу, Нермель,⁶⁷ Ревель, Нарву, Ивангород, Ямбург,⁶⁸ Копорье, Шлиссельбург, Розенбург,⁶⁹ Ладогу. Подавился своей алчностью, а напоследок смерть его удавила. Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему да будет честь и хвала».

Царь, поблагодарив архиерея за проповедь и поцеловав его руку, отправился затем в свои полки, стоявшие недалеко от церкви на большом поле; перед ними были, как полагается, конные офицеры. Его царская милость сам командовал Преображенским полком, полковником которого он является.

Духовенство, выйдя процессией из церкви, отправилось в шатер, где пели евангелия, а затем «Тебе Бога хвалим». Потом полки стреляли [залпами] без опережения, а одни после других. Потом стреляли из пушек, стоявших среди этих полков. Палили также с крепости. Галеры, на которых прибыли эти полки, были украшены разными хоругвями, то есть флагами. Был также фрегат, подобный тому, что на дне рождения царя; поднятые на нем флаги были развернуты. После этой церемонии мы поехали на галеру на угощение, а галеры поплыли к самому итальянскому саду. Когда пили за здоровье, то, как обычно, стреляли из пушек. Мы пошли в сад; кто хотел, тот пил, а кто хотел, гулял. Потом ее

царская милость села с дамами ужинать, и подавали только варенье и водку. Ее царская милость пила водку; все пили за [своей] долг, и все дамы вместе с ее милостью госпожой супругой посла должны были пить. По всему саду ушатами разносили водку и каждому давали пить из деревянного солдатского кубка. Когда к вечеру его милость господин посол, прогуливаясь, встретился с его царской милостью, тот его опять потянул к ушату, чтобы пил водку, однако гренадер объявил: «Кушал господин посол», и царь только выпил за здоровье его милости господина посла рюмку вина.

Позднее начался фейерверк — на том же месте, что и прежде, и на фрегате, на котором были флаги и где все мачты были уставлены площадками, горевшими до самого окончания фейерверка. Был и транспарант с надписью: «Без воли Божьей ничто не совершится». Пускали из мортир ракеты, но теперь более красивые, чем прежде. Около часа пополуночи все возвратились по домам, а его царская милость, взяв ее царскую милость, повел ее через сад в другой дворец.

Дня 10 июля. В канун дня царствования патрона св. Петра⁷⁰ нас пригласили прибыть назавтра с его милостью господином послом в 12 часов. Его милость господин посол отправил свой оркестр к господам капуцинам, недавно вызванным из Италии для миссионерства вместе с двумя поляками-реформатами именно на то место, где прежде были отцы-иезуиты. А поскольку было несколько священников и только один алтарь, то капелланы иезуиты провели богослужение в посольской резиденции. Потом кареты ехали сушей, а мы с господином послом отправились на барках к капуцинам, так как царь еще находился в церкви св. Троицы. Там мы ожидали, пока нам не был подан сигнал выстрелом из пушки.

Когда мы ехали во дворец, начали стрелять с галер. Преображенский и Семеновский полки, выстроенные в каре перед садом, стреляли подобно тому, как на праздновании [годовщины] Полтавской баталии. Его милость посол поздравил его царскую милость с днем святого патрона; потом сели за стол. Когда пили за здоровье, палили из пушек.

В три часа мы вышли в итальянский сад. [Там] увидели столы, заставленные вином, пивом, водкой и табаком. Кто хотел, прогуливался, а кто хотел, пил, а его царская милость забрал его милость господина посла с собой в свой дворец, очень красиво украшенный различной китайской обивкой.

В трех комнатах стояли бархатные кровати с широким позументом, соответствующим всему убранству. Было много зеркал, много украшений; пол — мраморный. При комнатах — кухня, стены которой обтянуты обивкой, как комнаты в других дворцах. В ней находились насосы, подсобки (schowania), шкафы для серебряной и оловянной посуды. Одна комната напротив была заполнена токарными и слесарными инструментами, такими, как воротки, большие и малые тиски. Там можно было найти любые инструменты для

превосходнейшего ремесла. В то время какой-то парень точил из слоновой кости табакерку. Его царская милость также показал в церкви искусно сделанную из слоновой кости люстру на 9 свеч, висевшую перед большим алтарем, которую он сработал собственноручно. Все признали красоту работы не только люстры, но и новоманерных морских кораблей и судов, и ими восхищались хорошо сведущие в этом люди. Сей государь умеет отдать приказ любому ремесленнику, а ведь именно это важнейшее качество строителя. В этом монархе заключается все. Когда мы потом ходили по саду, его милости господину послу повстречались люди, носившие в ушатах водку. Ничто не помогло, ему пришлось выпить, а с ним и всем нам.

В этот день царского патрона там было много людей, ведь каждый был волен прийти, пить и гулять. Однако в других местах простолюдинов не впускали. Так мы развлекались до 11 часов вечера, и хотя это время позднее и обычно самое темное, там, однако, было еще так светло, что можно было читать и писать. После 11 начался фейерверк — сначала на воде, где на речном судне поставили транспарант с такой русской надписью: «Хотя по мне отовсюду бьют, все же возвышаюсь», а по бокам горели раковые фигуры, пока не выгорели. Потом пускали ракеты: одни выстреливали в воздухе, из других вылетали звезды, а третьи, упав в воду, загорались с сильным треском и грохотом. Эти огни продолжались аж до часа ночи.

К ее царской милости подошли два кавалера с молодым человеком и подали прошение. Царица передала его своему секретарю, обещав все сделать на их просьбу. В этот день его царская милость повелел выпустить из тюрем многих преступников и повысил в чине многих офицеров. В этот день ему также поднесли шесть диких, но молодых уток и двух гусей, которых он выпустил на воду из своих рук.

Дня 14 июля. Назавтра его милость господин посол был извещен, что аудиенция и прощание его царской милости состоится в ближайшее воскресенье. Пришел также секретарь большой канцелярии господин Бялошьцкий узнать, что будет говорить на аудиенции его милость господин посол; это было ему передано в письменном виде. В воскресенье в 11 часов за его милостью господином послом прибыли на двух барках два офицера — его милость господин бригадир-майор Мамонов⁷¹ с капитан-поручиком Преображенского полка. Барка для господина посла была обита зеленым бархатом с шитьем, а барка для свиты его милости господина посла была так велика, что в ней могло поместиться и 100 человек; гребцов [в ней] было 24. Так его милость господин посол двинулся с бригадир-майором, а наш господин секретарь сам держал в руке царскую грамоту. У сената стоял хор гренадер и 4 хора Преображенского полка. На мосту его милость господина посла встретили секретари, а с приближением к сенату к его милости господину послу выходили все более знатные персоны, вводя его в сенат.

Царя мы застали сидевшим на троне под балдахином ярко-красного бархата, украшенным дорогим шитьем; на кресле было также шитье: орел с [монаршими] регалиями и св. Петр с ключом. Царь встал и остался стоять, а его милость господин посол попрощался с ним; врученную отпускную грамоту опечатали. Никакого ответа не последовало, только его милость господин подканцлер пригласил поцеловать руку царя, и его милость господин посол, за ним секретарь и все мы целовали его руку. При этом соблюдается такой обычай, что, подходя к царской руке, трижды кланяются, а поцеловав — еще три раза и столько же отходя. После прощания министры провожали его милость господина посла до самой лестницы, а другие — до самой барки. Во время выхода палили из крепостных пушек, а как сигнал к стрельбе запускали сначала ракеты, поскольку крепость недалеко от сената.

На барку поднялись также бригадир Мамонов и другой офицер, и они провожали его милость господина посла до его дворца, где остались на обед. Их угощали пятилетним венгерским вином, и провозглашались тосты за здоровье его царской милости, за Российское государство, за сенаторов и министров, за добрый мир и дружбу с Речью Посполитой.

Дня 20 июля. Справили свадьбу царского генерал-адъютанта его милости господина Румянцева, бригадир-майора Преображенского полка, с девицей Мамоновой,⁷² дочерью министра и члена коллегии юстиции. Здесь существует обычай, согласно которому хотя у молодых и есть родители, на время свадьбы они принимают других. На этот раз отцом был его царская милость, а матерью — ее царская милость. Венчал духовник царя. Угощение состоялось в верхних залах почтового двора. Там, где царь сидел с женихом, был ярко-красный бархатный балдахин, и точно такой же там, где сидели царица с невестой, ведь сидели отдельно.

После обеда все пошли в другую залу танцевать, впереди первый маршал, а [всего] маршалов было 12; жених должен их угощать. Танцевали почти исключительно по-польски, так как французские танцы употребляются редко. Танцы начала ее царская милость с царским кавалером, потом царь танцевал с царицей. Маршал же приказал, чтобы одновременно не танцевало более трех пар, причем под страхом штрафа — большого бокала. Это действительно соблюдалось.

Под вечер подъехали кареты и разные экипажи, чтобы отвезти молодых в резиденцию жениха и там еще допить. А его милость господин посол, простившись с его царской милостью, уехал с нами в свою резиденцию.

Дня 21 июля была назначена аудиенция у ее царской милости, и в 5 часов мы были в летнем дворце, где нас в первых комнатах встречали маршалы царицы; она уже ждала его милость господина посла, который с нею и попрощался. Канцлер господин Головкин пригласил поцеловать [ей] руку. Это сделали его милость господин посол, ее милость госпожа супруга посла и некоторые из нас.

После этой церемонии маршалы проводили его милость господина посла, а ее милость госпоже супругу посла — две дамы, разговаривая с нею по-французски. Оттуда его милость господина посла увезли на свадьбу; мы застали жениха с невестой уже за столом. Царица сидела выше, а царь ниже. Потом все пошли в другую залу танцевать. Там в каждом окне зажгли по восемь свеч, а окон было восемь. Здесь есть такой обычай, что по каким-либо царским торжествам, например именинам, свадьбам и т. п., все должны в окнах всех дворцов и домов зажечь огни и иметь перед дворцами фонари; везде должен быть свет. В час ночи все разошлись, каждый к себе.

20 сентября 1720 года, в 9 часов пополудни.

КОММЕНТАРИИ

¹ Домик Петра I, построенный 24—26 мая 1703 г. и сохранившийся до наших дней.

² Мазанковое здание Сената и Коллегий.

³ Дом Матвея Петровича Гагарина.

⁴ Автор верно трактует события начала XVII в.: не видя возможности противостоять польским войскам Лжедмитрия II, правительство царя Василия Шуйского в феврале 1609 г. заключило в Выборге договор со Швецией, по условиям которого последняя предоставляла войско (на содержании русской казны), а Россия уступала Корельский уезд и отказывалась от Ливонии. Шведская армия незамедлительно включилась в военные действия, но вскоре захватила северо-западные области России с Новгородом. По русско-шведскому договору, подписанному в дер. Столбово (близ Тихвина) в 1617 г., Новгородская земля вернулась к России, однако Нева с Ижорской землей (Ингерманландией), Корельский уезд и крепость Орешек (переименованная шведами в Нотебург) отошли к Швеции.

⁵ Обводный Ладожский канал от р. Волхов в Неву был прорыт в 1718—1732 гг.

⁶ Петербургом часто называли Петропавловскую крепость и Петербургский (Городской, Березовый) остров.

⁷ См. о названиях Кроншлот и Кронштадт в комментарии к описанию Л. Ю. Эренмальма.

⁸ Т. е. мазанковый гостиный двор на Троицкой площади.

⁹ Под «двумя летними» имеются в виду, вероятно, Летний дворец Петра I в Первом Летнем саду и летний дом Екатерины Алексеевны в Третьем Летнем саду.

¹⁰ В мае—июне 1717 г. Петр I, будучи во Франции, неоднократно осматривал Версаль (Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 16, 17, 18).

¹¹ Первая каменная набережная на территории Летнего сада была устроена в том же 1720 г., но через три года разрушилась и была разобрана (*Кочедамов В. И.* Набережные Невы. Л.; М., 1954. С. 25, 26).

¹² Речь идет о здании Кунсткамеры на нынешней Университетской набережной Васильевского острова; ее строительство по проекту архитектора Г.-И. Маттарнови началось в 1718 г.

¹³ Пороховой завод был основан в 1710 г. на западной стороне Петербургского острова; в 1718 г. перестроен по голландскому образцу (*Пекарский П. П.* Петербургская старина. Т. 81. С. 157).

¹⁴ Т. е. деревянный и каменный дворцы А. Д. Меншикова.

¹⁵ Адмиралтейство являлось одновременно и крепостью, обнесенной валом и рвом.

¹⁶ Скампавейная верфь (Скампавейный двор), построенная в 1712—1713 гг. близ устья Мойки; в 1721 г. переименована в Галерную (см.: *Богатырев И. В.* Галерная верфь Петра I // Судостроение. 1983. № 12. С. 61—64).

¹⁷ Автор говорит о камелях — устройстве для проводки судов через мелководный фарватер и т. п., представлявшем собой два деревянных плоскостонных понтона, которые подводили под корпус судна.

¹⁸ Крепость Кроншлот и котлинская гавань.

¹⁹ Речь идет о «Невском флоте», учрежденном Петром I весной 1718 г. (см. указ: ПСЗ. Т. 5. № 3193; МИРФ. Ч. 4. Отд. XII. № 22. С. 739; см. также в кн.: *Голыков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России... М., 1788. Т. 6. С. 77 и сл.) с целью обучения российской знати плаванию под парусами. Флот состоял из малых судов, им управлял И. С. Потемкин, прозванный самим царем «невским адмиралом» (*Соколов А. П.* 1) Первый яхт-клуб в России // Морской сборник. 1849. № 6. С. 377—389; 2) Невский флот при Петре Великом // Там же. 1853. № 2. С. 89). В «журналах» 1718 г. записано, что 4 мая было уже «верейки розданы», а спустя два дня — «розданы буеры, и гуляли флотом» (Походный журнал 1718 года. СПб., 1855. С. 30). В позднейших «журналах» неоднократно встречаются упоминания об этих эскерциях, например под 2 октября 1719 г.: «Адмирал Потемкин со всеми буерами, и яхтами, и торншхойтами, которых было с 50 парусов, пошел в поход» (Походный журнал 1719 года. СПб., 1855. С. 104; см. также с. 101, 107, 122, 123; Походный журнал 1720 года. СПб., 1855. С. 19).

²⁰ Царские пивоварни стояли на правом берегу у ответвления Большой Невки.

²¹ Партикулярная верфь, основанная по царскому указу от 12 апреля 1718 г. на Фонтанке «для делания и починки сим судам» «Невской флотилии» (МИРФ. Ч. 4. Отд. XII. № 22. С. 739; *Коврижкин В. Ф., Миловидов В. В.* Партикулярная верфь в Петербурге // Судостроение. 1969. № 9. С. 87—88).

²² По-видимому, это Екатеринбургская полотняная мануфактура; дата ее основания неизвестна, а наиболее ранние сведения о ней относятся к 1720 г. (*Гейман В. Г.* Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени // Петр Великий: Сборник статей. М.: Л., 1947. Ч. 1. С. 274).

²³ «Крухмальная и пудренная мануфактура», основанная в 1720 г. при Екатеринбургской полотняной фабрике (там же, с. 275).

²⁴ Точнее, дуб доставлялся из Казанской и Нижегородской губерний.

²⁵ Одно из немногих зданий, сохранившихся в городе от петровской эпохи и известное под названием Кикиных палат, — дом А. В. Кикина, казенного в 1718 г. по делу царевича Алексея Петровича; стоит на нынешней улице Воинова, неподалеку от Смольного монастыря. Там размещалась Кунсткамера, пока не построили специальное здание для Петербургской академии наук, ее библиотеки и музея.

²⁶ Вероятно, так анатомическую коллекцию называли в России; в отечественном источнике времени Великого посольства 1697—1698 гг.: «дохтуру Рейсу, которой казал анатомию...» (*Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. Первое заграничное путешествие. М., 1941. С. 174).

²⁷ Речь идет о покупке Петром I коллекции голландского анатома Ф. Рюйша (Рейса, 1638—1731) в 1717 г.; таким образом, возраст ученого указан неточно. Коллекция была приобретена за 30 тыс. гульденов (*Итс Р. Ф.* Кунсткамера. Л., 1980. С. 12). Рубль в то время равнялся примерно трем гульденам (см.: Сб. РИО. 1873. Т. 11. № 81. С. 288; ЦГАДА, ф. 233, № 182, л. 168). Верную цену назвал голштинский придворный: 10 тыс. руб. (*Берхгольц Ф. В.* Дневник. Ч. 1. С. 107).

²⁸ Непонятно, на чем основано это утверждение. Нам неизвестно что-либо о пребывании Ф. Рюйша в России (см.: *Oosthoek's geillustreerde Encyclopaedie*. Utrecht, 1938. Deel 11. P. 122—123).

²⁹ Александр Македонский (356—323 гг. до н.э.), царь Македонии (с 336). В войнах с персами подчинил царство Ахеменидов, завоевал области до р. Инд, создал огромную державу.

³⁰ Петр I неутомимо и не считаясь с расходами приобретал редкости. Так, в 1716 г. в Данциге он купил коллекцию минералов, раковин у доктора Готвальда, в Амстердаме — собрание заспиртованных животных, рыб, змей и насекомых у аптекаря А. Себы (*Пекарский П. П.* Петербургская старина. Т. 82. С. 596; *Сташюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953. С. 36). Будущая академическая библиотека также хранилась в Кикиных палатах.

³¹ Двупалый мальчик по имени Фома (ростом 1 аршин и 12 вершков), сын иркутского крестьянина Дмитрия Сивочи, был, согласно О. Беляеву, прислан в Петербург 9 августа 1720 г. По приказу Петра I он неотлучно находился при Кунсткамере (*Беляев О.* Кабинет Петра Великого. Отд. 1. СПб., 1800. С. 192). Однако польское посольство покинуло Петербург еще в июле. Впрочем, голштинский придворный в 1721 г. видел в Кунсткамере «несколько живых мальчиков,

имеющих на руках и ногах только по два пальца, которые похожи на клешни рака, однакож не мешают им ходить, поднимать и брать деньги и проч.» (*Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 1. С. 108*).

³² См. примеч. 12.

³³ См. примеч. 2.

³⁴ Речь идет о Почтовом доме (дворе).

³⁵ Кулачные бои, отмеченные уже Геркенсом и Ф.-Х. Вебером, устраивались на Морском рынке близ Адмиралтейства.

³⁶ Речь идет о птичнике, зверовом дворе и голубятне в Первом Летнем саду.

³⁷ День рождения Петра I — 30 мая (10 июня).

³⁸ Летний сад был заложен уже в 1703 или 1704 г. Здесь автор говорит о саде, известном под названием Итальянского и находившемся несколько в стороне от основного садово-паркового комплекса на берегу Фонтанки (*Дубяго Т. Б. Летний сад. М.; Л., 1951. С. 9*).

³⁹ См. подробное описание голштинца: *Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 1. С. 61—63*.

⁴⁰ Второй Летний сад, называвшийся Красным, или хозяйственным.

⁴¹ Гайдук Петра I Николай Буржуа (ум. в 1724 г.). Царь впервые увидел его во Франции 18 апреля 1717 г. В «юнале» есть запись: «...смотрел француза большого, которой zelo велик» (Походный журнал 1717 года. С. 12). 22 февраля 1720 г. Петр, привезший Н. Буржуа в Россию, женил его на финке (чухонке) очень высокого роста (Походный журнал 1720 года. С. 8, 47). Рост великана составлял 3 аршина и 3 вершка, т. е. 226,7 см (*Беляев О. Кабинет Петра Великого. Отд. 1. С. 190*).

⁴² В оригинале ошибочно: Головкин. Имеется в виду Головин Иван Михайлович (1672—1737), русский военно-морской деятель. Во время Великого посольства изучал кораблестроение в Амстердаме, затем в Венеции, однако в этой науке не преуспел и по возвращении на родину получил от царя шуточный титул «князя-баса» с жалованьем 6 алтын в год (с 1717 г. числился — именно числился — главным кораблестроителем). В 1714—1715 гг. командовал морскими отрядами, участвовал в Гангутском сражении 27 июля 1714 г. С 14 мая 1720 г. ведал Петровскими якорными заводами, 22 июня того же года был назначен камер-советником Адмиралтейств-коллегии. Завершил карьеру адмиралом и командиром галерного флота (с 1732) (ОМС. С. 104—105).

⁴³ 5/16 июня 1720 г. в петербургском Адмиралтействе спустили на воду трехпалубный 78/80/88-пушечный линейный корабль «Норд Адлер» («Северный Орел»), построенный английским мастером Р. Рамзом (*Веселаго Ф. Ф. Список. С. 16—17*).

⁴⁴ Это золоченая яхта «Декроне», действительно подаренная Петру I прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I в 1717 г. и приведенная в Петербург весной 1719 г. Но Ф. Ф. Веселаго полагал, что и построена она была в Пруссии (там же, с. 190—191).

⁴⁵ В 1719—1720 гг. на гавани было установлено 72 пушки крупных калибров (*Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 510*).

⁴⁶ Здесь и далее плотинами автор называет стенки котлинской гавани, которую начали сооружать в 1712 г. В 1715 г. Петр I разработал новый проект, согласно которому в 1717 г. приступили к работам; в 1720 г. замысел уже близился к осуществлению: гавань была тройной — для военных кораблей, для купеческих судов, а также средняя гавань, образованная стенками, соединявшими купеческую и военную гавани. В 1720 г. стенка купеческой с одной стороны уже была доведена до берега (*Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. С. 507—510*). Кронштадтом автор называет крепость Кроншлот, а не город на о. Котлин.

⁴⁷ Трехпалубный линейный 90/92-пушечный корабль «Гангут», построенный в петербургском Адмиралтействе в 1715—1719 гг. английским мастером Р. Козенцем (Козенсом) (*Веселаго Ф. Ф. Список. С. 14—15*).

⁴⁸ Трехпалубный линейный 90-пушечный корабль «Лесное», построенный в петербургском Адмиралтействе в 1714—1718 гг. по проекту Петра Михайлова (царя Петра I) (там же).

⁴⁹ Т. е. Иванов день — 24 июня по старому стилю.

⁵⁰ По данным Ф. Ф. Веселаго, в 1719 г. на строительстве канала было занято около 2,5 тыс. солдат и около 600 крестьян. Весной строительство передали на подряд

комиссару П. Н. Крекшину, ему за кубическую сажень вынудой земли платили 5 руб (*Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. С. 511—512*).

⁵¹ Румянцев Александр Иванович (конец 1679 или начало 1680—1749), русский военный и государственный деятель, участник Северной войны, генерал-аншеф и граф (с 1744). 13 декабря 1718 г. А. И. Румянцев был произведен в гвардии майоры и генерал-адъютанты.

⁵² Часовня находилась в западном павильоне дворца; в восточном был зал, позднее названный Японским (*Солосин Г. И., Эльзенгер З. Л., Елисеева В. В. Дворцы-музеи и парки в Ломоносове. Л., 1963. С. 167*).

⁵³ Речь идет о Большом Петергофском дворце.

⁵⁴ В «Юрнале» под 16 июня записано: «...его величество и посол (Ст. Хоменковский. — Ю. Б.) кушали в Стрелине мызе и заложили палаты» (Походный журнал 1720 года. С. 24).

⁵⁵ Польская миля равна 7467 м.

⁵⁶ Эта поездка (9—22 июня) по пригородам отражена в «Юрнале» (Походный журнал 1720 года. С. 23—24).

⁵⁷ Гогланд — остров в Финском заливе.

⁵⁸ Долгорукий Яков Федорович (1639—1720), князь, русский государственный деятель. С 1700 г. возглавлял военно-административную и военно-судную часть создававшейся регулярной армии. В сражении под Нарвой (19 ноября 1700 г.) был взят шведами в плен, в 1711 г. возвратился в Россию, произведен в плени-потенциар-кригскомиссары (1711), стал сенатором и руководителем военного комиссариата (с 1712). С 1718 г. — президент Ревизион-коллегии. Умер 24 июня 1720 г. и, по преданию, похоронен на Васильевском острове в ограде собора св. Андрея Первозванного (РБС. 1905. Том «Дабелов—Дядьковский». С. 573—577). Погребение действительно совершилось 25 июня (6 июля) (Походный журнал 1720 года. С. 25).

⁵⁹ Имеется в виду князь Григорий Федорович Долгорукий (1656—1723), дипломат, в 1701—1721 гг. (с перерывами) бывший послом в Польше.

⁶⁰ Стефан Яворский (1658—1722), русский церковный и общественный деятель. После отмены Петром I патриаршества в России был местоблюстителем патриаршего престола (1700—1721). Автор религиозных сочинений.

⁶¹ Несомненная описка или опечатка: выходит, что люди упали с высоты 82,5 м.

⁶² Т. е. Иван Степанович Потемкин, управляющий «Невской флотилией».

⁶³ В польском тексте и в русском переводе С. Л. Пташицкого — Баторов.

⁶⁴ Полтавское сражение состоялось 27 июня (8 июля) 1709 г.

⁶⁵ В Троицкой церкви на Троицкой площади.

⁶⁶ Топоним неясен.

⁶⁷ Может быть, Нойермюлен (Neuermühlen) под Ригой?

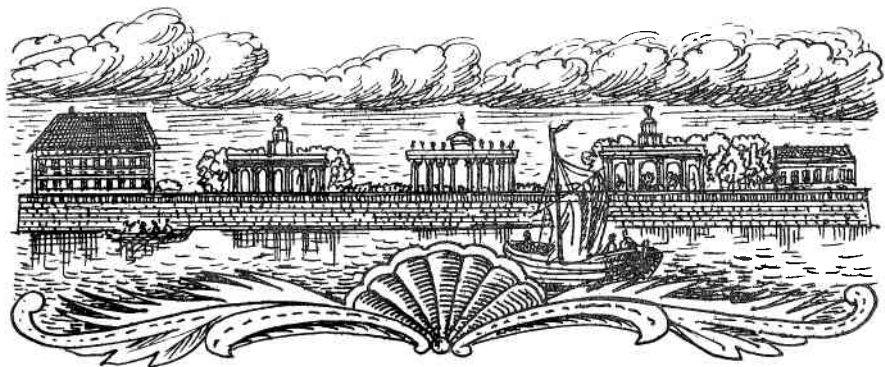
⁶⁸ Ямбург — город на р. Луга, с 1922 г. — Кингисепп, районный центр Ленинградской обл.

⁶⁹ Может быть, Аренсбург — город на о. Сааремаа (Эстония)? С 1917 по 1952 г. назывался Куресааре, затем Кингисепп, теперь — снова Куресааре.

⁷⁰ 29 июня (10 июля) — день св. апостолов Петра и Павла, именины Петра I.

⁷¹ По-видимому, Дмитриев-Мамонов Иван Ильич (ок. 1680—1730), впоследствии полный генерал.

⁷² «Мамунов», «Мамонов» — искаженное «Артамонович»: анонимный автор принял отчество невестинного отца за фамилию. Речь идет о свадьбе Марии Андреевны, дочери Андрея Артамоновича Матвеева, с А. И. Румянцевым. По русскому источнику, свадьба состоялась 10/21 июля 1720 г. (Походный журнал 1720 года. С. 27).

ПИТЕР ГЕНРИ БРЮС

ИЗ «МЕМУАРОВ. . .»

...Мы выехали из Новгорода 25 [марта] и прибыли в Петербург 1 апреля. Расстояние от Москвы до Петербурга — 541 английская миля, или 812 русских верст.

ГОРОД ПЕТЕРБУРГ

Дворяне, знатные и богатые люди, которые прибыли сюда из Москвы с семьями, нашли здесь печальные перемены своей жизни. Вместо прежних обширных дворцов и высоких домов в Москве, загородных домов и поместий близ нее, где они всего имели в изобилии, здесь они нашли недостаток во всех припасах и отсутствие большинства удобств. Поскольку это место отвечало замыслам и нраву царя, то он мало обращал внимания на жалобы тех, кто более заботился о собственном спокойствии и удовольствиях, нежели о пользе своей страны. Купцы и лавочники достигли процветания в этом городе, где все было чрезвычайно дорого.

Этот город теперь находится в поре своего детства, ибо едва исполнилось 10 лет со времени закладки первого камня. Когда царь овладел Нотебургом и Ниеншанцем, он спустился к устью реки Невы, где она впадает в Балтийское море, несколькими рукавами образуя много островов. Место ему так понравилось, что он решил построить этот город. Он нашел здесь всего 4 рыбацких хижин; к ним он добавил дом для себя на острове у северного берега реки и назвал его Петербургом. Дом являлся лишь убежищем от непогоды и служил для отдыха. Это низкое, выстроенное из дерева и обнесенное деревянной галереей помещение, над дверью которого высечено: год 1704-й. Дом, однако, сохраняется с тех пор в память об этом

великом предприятии.¹ Генерал-лейтенант Роберт Брюс,² комендант города, осуществляет надзор над этим первым домиком и его применением и выстроил рядом с ним очень хороший дом для себя, который стал одним из первых, придавших вид этой местности. Прежде всего построили две крепости — одну здесь, а другую в Кроншлоте, с тем чтобы обезопасить край от нападений шведов морем; от нападения по суше он уже защищен самой природой, так как окружающая местность представляет собой почти сплошное болото.

Всякий с удивлением и восхищением смотрел на быстрое развитие и рост этого города, в котором за краткое время уже было построено много тысяч домов. В части, называемой Петербургом, стоит большое четырехугольное кирпичное здание с обширным внутренним двором для купцов и торговцев, где внизу находятся лавки, а наверху склады товаров;³ они на ночь запираются по тем же правилам, как большой рынок в Москве; все купцы живут в этой части города. Здесь есть также большое длинное кирпичное здание, в котором находятся Сенат, все высшие правительственные учреждения, канцелярия, суд, адмиралтейское, артиллерийское и военное ведомства и т. д.⁴ Президент каждого учреждения — сенатор.⁵ Поскольку место для торговли, суды, все публичные учреждения и великий совет империи⁶ находятся на столь малом пространстве, это исключительно удобно для быстрого рассмотрения дел. На другом острове, севернее этого, живут азиатские купцы, а именно армяне, персы, турки, татары, китайцы и индусы.⁷ Однако евреям теперь не дозволено торговать, да, пожалуй, и жить в Российской империи. Крепость занимает маленький остров напротив Сената, и поскольку она расположена в середине, то может обстреливать весь город. Крепость представляет собой шестиугольник, укрепленный рavelинами. Все валы казематированы и вполне надежны. В крепости есть дома для офицеров и бараки для гарнизонных солдат, большой цейхгауз, склады; есть прекрасная большая церковь с очень высоким шпилем, на котором находятся куранты, играющие каждый день с 11 до 12 часов. В этой церкви имеется большая усыпальница, предназначенная для императорской фамилии.⁸ Верки и все внутренние здания — кирпичные; войти в крепость можно лишь по подъемному мосту, находящемуся напротив Сената.⁹ Ниже крепости, на той же стороне реки, расположен Васильевский остров, на котором князь Меншиков построил очень большой дворец и несколько красивых кирпичных домов для своих придворных. Остров большой и украшен красивыми садами и парками; здесь присутствует все великолепие императорского двора, и все иностранные послы и министры имеют здесь аудиенции. В таких случаях царь всегда появляется в качестве частного лица, как, впрочем, и везде, и его сопровождают лишь один паж и один слуга, несущий математические инструменты и чертежи, ибо царь — превосходный чертежник, разбирается во всех областях математики и очень сведущ в фортификации, архитектуре, кораблестроении и устройстве всякого рода механизмов. Поскольку он является выдающимся знатоком, сведущим во всем, то другие вряд ли могут ввести его в заблуждение. На южной стороне реки напротив Василь-

евского острова расположено Адмиралтейство и верфь для строительства кораблей и галер. Так как этот остров прежде был низким и болотистым, то прорыли несколько каналов, почву подняли и сделали пригодной для исполнения намеченных планов. Остров окружен рекой и имеет, как и остальной город, естественную защиту — болотистые берега реки. Люди, занятые на строительстве кораблей, а также флотские офицеры и матросы имеют здесь свои жилища.

Выше Адмиралтейства находится Иноземская Слобода,¹⁰ или иностранный город, где живут все чужестранцы из Европы; тут есть несколько протестантских и один католический молитвенный дом. Здесь стоит прекрасный дворец адмирала Апраксина. Этот остров тоже был низким и болотистым, но его осушили и подняли, прорыв несколько каналов. На этом острове царь имеет свои зимний и летний дворцы. Первый у реки,¹¹ а второй восточнее, или на верхней оконечности острова, где у дверей стоят яхты и прогулочные суда царя.¹² Здесь есть чрезвычайно красивые сады и большой парк, окруженные широким и глубоким каналом. В садах много фонтанов, итальянские статуи и крытых аллей с деревьями, образующими свод.¹³ Красивая аллея на берегу реки состоит из больших деревьев, которые были в середине зимы выкопаны вместе с большой массой замерзшей земли на корнях, привезены сюда и посажены в этом порядке, и здесь они, ко всеобщему удивлению, зацвели.¹⁴ В парке построен дом, в котором находятся всевозможные математические инструменты, а также знаменитый Готторпский глобус, созданный Тихо Браге;¹⁵ внутри глобуса за столом 12 человек могут сидеть и наблюдать небесные светила во время его вращения вокруг своей оси. В саду есть длинная галерея, или зал, где царь ежедневно бывает с 11 до 12 часов дня;¹⁶ туда всякий имеет свободный доступ, и царь принимает прошения от своих подданных всех сословий. По истечении этого часа никому не позволено обращаться к нему, разве только по важным делам. Он обедает обычно в 12 часов, и только со своей семьей. На один раз готовят единственное блюдо, и, чтобы сохранить его горячим, он ест в комнате, примыкающей к кухне, откуда повар подает блюдо в окошко. В час дня царь ложится и спит в продолжение часа; послеполуденное время и вечер он до 10 часов проводит за тем или иным развлечением, потом ложится спать и по утрам летом и зимой встает в 4 часа.

В праздники он изобретает всевозможные развлечения и часто собирает общество в своем длинном зале в саду, а поскольку сад окружен водой, то гости прибывают в лодках, которые, когда люди из них выйдут, охраняются в гавани, чтобы никто не смог улизнуть до завершения всего веселья; это редко случается прежде наступления следующего утра. Кареты и другие экипажи мало могут быть употреблены в этом городе, так как он весь окружен реками и каналами, через которые нет мостов, и поэтому всем приходится плавать водой.¹⁷ Для облегчения этого неудобства царь подарил высшей знати по яхте, буеру, каковое судно снабжено парусами и в середине на голландский манер имеет большую каюту; по 10—12-весельной барке и маленькой 2—4-весельной лодке. Персонам второго ранга — буер и маленькую лодку, людям более низких рангов — только маленькую лодку. Каж-

дый должен был содержать свое судно в хорошем состоянии и вновь строить его за свой счет, если это больше не будет пригодно. Такой подарок явился одновременно и политическим, поскольку один день недели по желанию царя был определен для смотра всех этих парусных и гребных судов, и сигнал об этом подавался с крепости. Когда шли на веслах по широкой реке в маленьких судах, это являло собой прекрасное зрелище; удовольствие увеличивали оркестры. Большинство господ первого ранга имело собственные оркестры. Если давали сигнал плыть в Кронштадт, все яхты и буера выстраивались в три эскадры; в пути они по сигналам учились совершать различные маневры военного флота — ставить и убирать паруса, лавировать, выстраиваться в боевую линию, отдавать якоря и т. д., благодаря чему молодые дворяне и другие знатные люди познакомились с этой службой, а многие их слуги обучились матросским приемам и тем стали пригодны к службе во флоте.¹⁸ Восточнее летнего дворца на сухой поднятой земле стоят большой цейхгауз и литейня для изготовления пушек, мортир и тому подобного, а также красивый дом, построенный генерал-фельдцейхмейстером.¹⁹ Здесь живут также все чиновники и т. д. артиллерийского ведомства. Все члены императорской фамилии из-за прекрасного местоположения и здорового воздуха живут здесь, так как этот участок не подвержен наводнениям подобно другим частям города. Здесь же двор царевича и его супруги,²⁰ а также сестры императора принцессы Наталии,²¹ двух императорских вдов — царей Федора и Ивана;²² тут живут и некоторые дворянские семьи. На восточной окраине стоит Александро-Невский монастырь, где живет архиепископ. Большое оживление, царившее во всех частях города, не поддается описанию; целыми днями не было видно и слышно ничего, кроме купцов и рабочих, которые либо строили корабли и галеры, каменные и деревянные дома, либо копали каналы и мостили улицы. Река постоянно была заполнена большими судами, привозившими всевозможные материалы — кирпич и черепицу для стен и крыш, камень для мостовых. Большие плоты древесины ежедневно приходили вниз по реке для постройки кораблей и домов. И поскольку каждый был занят тем или иным делом, то не было видно ни единого праздного человека.

ПОСОЛ ИЗ УЗБЕКСКОЙ ТАТАРИИ

17 мая от хана Узбекских татар прибыл сюда посол²³ и на другой день имел аудиенцию у царя. Миссия посла состояла из следующих трех пунктов. Во-первых, хан выражал радость по поводу успехов в войне и возрастания могущества его величества и просил благосклонности и покровительства. Во-вторых, хан желал бы, чтобы царь обязал зависимого от него хана калмыкских татар жить с ним (узбекским ханом. — Ю. Б.) в добрососедстве и мире, поскольку тот, кажется, склонен соединиться с татарами, подвластными Китаю, и возбудить других соседей против него. В благодарность за это узбекский хан обещал держать 50 тысяч воинов всегда готовыми к царской службе и выступить по царскому приказу. В-третьих, для большего доказа-

тельства дружбы хан предлагал проход через его владения для ежегодных русских караванов в Китай; предлагал заключить с Россией торговый договор, который принес бы его величеству неслыханную выгоду, поскольку караванам тогда приходилось совершать свои путешествия в Пекин с большими неудобствами. Путь через все сибирские пространства, где не было торной дороги, занимал целый год, тогда как, иди они по хорошей дороге через владения хана, дошли бы за четыре месяца. После этого посол сложил к ногам царя подарки от своего повелителя — много шелков и других китайских и персидских товаров, а также редкие меха; он сказал еще, что оставил позади себя в Москве несколько персидских лошадей и диких зверей и посожалел, что по дороге умерли прекрасный леопард и обезьяна.

МОРСКАЯ ПОЕЗДКА ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ПОСЛА

По этому случаю был подан сигнал яхтам и буерам сопровождать его величество в Кроншлот. Я пошел с начальником артиллерии на его яхте и прибыл в Кроншлот вечером; ночевали мы на борту яхты, стоявшей на якоре. Царь пожелал, чтобы татарский посол последовал за ним на другой день с великим канцлером графом Головкиным на шняве, и около полудня они отправились с семью сенаторами на борту. Погода была жаркой, и они шли при легком бризе. Примерно в двух лигах от Петербурга из-за неумения русского капитана они попали между отмелями, и судно, сев на песчаную мель, прочно застряло; матросы трудились до семи часов вечера, прежде чем удалось его стащить. А около девяти поднялся такой сильный шторм, какого не знали в этих местах уже несколько лет. Часам к 12 все их шлюпки были разбиты в щепки, лучший якорь утерян, а с ним и все надежды; и они готовились к смерти. Посол, никогда не бывав дотоле на таком море, побледнел, с головы до ног завернулся в шелковое покрывало и велел своему священнику опуститься перед собой на колени и читать что-то из книги пророка Али, поскольку был персидской веры. К утру шторм начал стихать, судно счастливо отбуксировали с мелководья, и как только оно встало на якорь, его величество, поднявшись на борт, поздравил посла с благополучным прибытием и провел с ним в каюте свыше двух часов. Посол велел подать на стол разные сорта фруктов из своей страны и призвал своих певцов и музыкантов для развлечения императора. Царь задал послу разные вопросы касательно его страны, особенно о реке Дарье, текущей через нее и впадающей в Каспийское море. В русле этой реки находят много золота, которое вымывается из гор, где находятся большие запасы золота. Царь пригласил посла сойти на берег и показал ему свой флот и гавани, которым тот немало дивился, поскольку впервые видел подобное.²⁴

Мы задержались здесь на три дня, и я воспользовался возможностью осмотреть остров Ретусари, который был мне незнаком и на котором царь начал строить новый город, названный Кронштадтом. Все дома большие и возведены из кирпича; нижние этажи предназначены для складов, чтобы чужеземным купцам было здесь удобно торговать и поселиться, так как им не нравится устройство больших рынков в Москве и Петербурге, где их склады находятся в одной части города, а сами они живут в другой. Улицы здесь широкие, а в середине их — канал, чтобы можно было легче доставлять сюда и увозить отсюда водой товары. Здесь есть две отличные гавани — одна для императорского военного флота, другая для купеческих кораблей, и все пирсы уставлены пушками. На расстоянии пушечного выстрела от гавани и в миле от Ингрии стоит крепость Кроншлот — на песчаной отмели в море. Фундамент для нее был заложен зимой на льду, им стали прочные деревянные ящики, заполненные камнями; на нем впоследствии построили здание из дерева, заполненного землей. Эта крепость — круглая и имеет одну над другой три круговых галереи, хорошо вооруженных пушками; тем самым Петербург с моря достаточно защищен от любых действий неприятеля. Мимо крепости нельзя также подняться против сильного течения без попутного ветра, но и при нем необходим еще искусный лоцман для проводки кораблей через мелководье и песчаные отмели, ежегодно изменяющиеся.

Здесь теперь стоит готовый к выходу флот из 30 линейных кораблей, не считая фрегатов и яхт; расквартированные поблизости войска готовы погрузиться на 80 галер и 100 скампавей, или полу-галер. Царь приказал всем кораблям и галерам выйти в море, где они, выстроившись в линию, дали генеральный залп из всех орудий, чем повергли в удивление и изумление татарского посланника,²⁵ так как он никогда прежде не видел ничего подобного. После этого корабли вновь были поставлены на якорь, а галеры подошли к берегу.

ОРАНИЕНБАУМ, ПЕТЕРГОФ И ЕКАТЕРИНГОФ

Затем его величество отправился в Ораниенбаум — загородный дом князя Меншикова, расположенный напротив Кроншлота на Ингрийской стороне, где по распоряжению князя был устроен большой прием. Отсюда царь поехал в Петергоф, свой загородный дом, и затем в Екатерингоф — дворец царицы; в обоих обществе было принято с императорской роскошью. Потом император вновь возвратился в Кроншлот, чтобы выйти с флотом в море, а императрица с остальным обществом вернулась в Петербург. Дорога из Ораниенбаума в Петербург идет по берегу, несколько поднимаясь от него; на ней много загородных домов знати, они стоят приблизительно в полумиле друг от друга и со стороны моря представляют красивый вид.

29 июня губернатор Выборга, расположенного в Финляндии, взял Нейшлот, главную крепость провинции Саволакс, и захватил в плен гарнизон.²⁶

РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ И ПОВЕДЕНИЕ ПРИНЦА

Имперская принцесса, супруга царевича, 23 июля разрешилась от бремени дочерью, которую при крещении нарекли Натальей²⁷ и пожаловали ей титул великой княжны.

Царевич со своей финляндской любовницей удалился под предлогом болезни в это время в Карлсбад.²⁸ На самом же деле он не хотел присутствовать при родах очаровательной, но несчастной жены. В этом затруднительном положении ее поддерживала лишь находившаяся при ней принцесса Восточной Фрисландии,²⁹ ее родственница.

Царь, сознавая горе супруги принца, обходился с нею с величайшим уважением, позволил ей держать великолепный двор и, не жалея средств на его возвышение, назначал частые балы и ассамблеи в ее доме с целью развлечь ее. Царица оказывала ей всяческие знаки внимания и заботы. Действительно, принцесса очень расположила к себе их обоих кротостью нрава, мягкостью характера и приятными манерами, но грубое поведение ее супруга отравляло все. Когда царевич вернулся из Карлсбада, что произошло лишь вследствие недвусмысленных распоряжений императора, то не только выказал свое крайнее неуважение принцессе, но и столь скверно обошелся с ее придворными, что все они собрались оставить ее. Такое дурное обращение повергло принцессу в глубокую меланхолию. Частые увещания его отца по этому поводу, казалось, только еще более ухудшали дело, так как принц обвинил супругу в том, что она жаловалась на него царю, и прямо сказал, что если бы не боялся отцовского гнева, то разогнал бы весь ее двор и обязал ее жить по старому русскому обычаю. Хотя они жили под одной крышей, но были друг другу настолько чужими, что их никогда не видели вместе за столом или беседующими, исключая случаи, когда он приходил с попреками в многочисленности ее придворной челяди. Это было не единственным унижением, какому подвергалась сия очаровательная принцесса. Боясь обидеть принца, никто из вельмож не приезжал к ней с визитами иначе как по приказу его величества, так что лишь иноземные министры отваживались бывать у нее.

Все это дурное обращение по отношению к столь доброй принцессе было тем более странным, если учесть, что принц женился на ней по собственному свободному выбору. Для пополнения образования царь послал его путешествовать и советовал выбрать за границей себе в жены принцессу. Путешествуя, он познакомился с принцессой Вольфенбюттельской, сестрой германской императрицы; стал ухаживать за нею и написал отцу, прося его согласия, которое было тотчас дано. Приехав вскоре в Торгау, его величество заключил этот несчастный брак.³⁰

НЕУВАЖЕНИЕ ПРИНЦА К ЦАРЮ

Бросалось в глаза, что принц никогда не появлялся ни в каких общественных собраниях, когда у его величества бывали все высокопоставленные особы по таким случаям, как дни рождения, праздни-

вания побед, спуск кораблей и т. д. Генералу Брюсу, жившему в соседнем с принцем доме, было приказано всегда накануне оповещать его о таких общественных днях и собраниях, и я имел честь доставлять и передавать такие извещения. Но его высочество, желая избежать появления в обществе, либо принимал лекарства, либо пускал себе кровь, всякий раз находя отговорку, что по нездоровью присутствовать не может. А между тем он, постоянно осуждая все действия отца, напивался в очень скверной компании, что было общеизвестно.

МОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, В КОТОРОЙ ЦАРЬ БЫЛ КОНТР-АДМИРАЛОМ

Сразу по возвращении из Кроншлота его величество вышел с флотом в море, так как получил известие, что шведский флот под командованием адмирала Ватранга ³¹ пошел с намерением блокировать царя в гавани и что шведский контр-адмирал Эреншельд захватил порт Твереминне в Финляндии, где потопил несколько наших кораблей и взял около двух сотен пленных. Благодаря этому приобретению шведы надеялись отразить любое внезапное нападение на остров Аланд. Нашим флотом командовали адмирал Апраксин, вице-адмирал Крюйс и сам царь как контр-адмирал. Флот пошел прямо на поиски неприятеля. Царь, посланный наблюдать за передвижением противника, вскоре доложил о его местонахождении и о том, что шведский вице-адмирал Лиллье ³² с несколькими военными кораблями и бомбардирскими судами направляется к Ревелю. Царь пожелал, чтобы адмирал продвинулся с флотом, и по присоединении было решено отправить вице-адмирала Крюйса на поиски шведского вице-адмирала и послать 20 галер под командой генерала Вейде ³³ и командора Змаевича, ³⁴ чтобы они прошли вблизи неприятельского флота насколько возможно близко к берегу. Благодаря штилю галеры эту задачу выполнили. Неприятель, пытаясь помешать им, произвел по ним множество пушечных выстрелов, но осадка больших шведских кораблей не позволила подойти достаточно близко, чтобы причинить какой-либо урон. Затем были посланы еще 15 галер под командой бригадира Лефорта. ³⁵ Тогда шведский адмирал подал своему вице-адмиралу сигнал к возвращению, что тот и сделал. Адмирал Крюйс, несмотря на превосходство своих сил, не предпринял никакой попытки перехватить его, за что был немедленно арестован и затем отдан под трибунал в Петербурге. ³⁶

ДОБЛЕСТНОЕ СРАЖЕНИЕ ЦАРЯ С ЭРЕНШЕЛЬДОМ ³⁷

На следующий день наш флот прошел вблизи от неприятеля и, выдержав весь его огонь, потерял лишь одну галеру, которая, к несчастью, села на мель. Галеры окружили адмирала Эреншельда и, по отказе его на предложение царя сдаться, переданное генерал-адъютантом Ягужинским, в 3 часа дня яростно атаковали силами собственного отряда царя, ныне вице-адмирала. Обе стороны храбро дрались в сражении, и через два часа, несмотря на превосходство

в пушках, шведы были взяты на бордаж и захвачены, а Эреншельд, получивший в бою семь ран, приказал отвести его к нашему вице-адмиралу, который любезно его принял и приказал самым тщательным образом залечить его раны, ни одна из которых не была смертельной. Царь всегда после этого относился к Эреншельду с большим уважением.

Шведы потеряли в сражении один 24-пушечный фрегат, шесть больших 14-пушечных галер и три 4-пушечные полугалеры; все они были захвачены. Шведы потеряли также в этой акции 936 солдат и матросов, из них 577 остались живы и были пленены. С нашей стороны потери составили: один полковник, два капитана, четыре лейтенанта, один адъютант, 103 солдата и 18 матросов убитыми; один бригадир, семь капитанов, семь лейтенантов, один прапорщик, 309 солдат и 16 моряков ранеными — общим числом 124 убитых и 341 раненых. Шведские суда и пленные были отправлены в Ревель.³⁸

ЦАРЬ БЕРЕТ АЛАНД

После этой победы флот пошел к острову Аланд, где царь, высадив 16 000 человек, захватил форт и другие укрепления, с намерением перебросить свои войска, расквартированные в Або, на этот остров, расположенный всего в 12 лигах от побережья Швеции, имея целью высадить десант на Стокгольм. Это вынудило шведов отозвать флот под командованием Ватранга для охраны своего побережья. Однако для начала столь важной кампании было слишком позднее время года. Поэтому его величество через Ревель вернулся в Кроншлот и, пробыв там несколько дней, 18 сентября уехал отсюда в Екатерингоф, где узнал, что царица родила еще одну принцессу, которую он нарек Анной.³⁹

ТРИУМФАЛЬНЫЙ ВХОД ЦАРЯ В ПЕТЕРБУРГ

После того как 20 сентября прибыла часть нашего флота со шведскими судами и пленными, царь совершил триумфальный вход в Петербург,⁴⁰ и когда он приблизился к Адмиралтейству и крепости, его приветствовали салютом из 150 орудий. Шли вверх по реке в следующем порядке:

1. Три русские галеры.
2. Три шведские полугалеры.⁴¹
3. Шесть шведских галер.
4. Шведские фрегаты,⁴² все со спущенными шведскими флагами.
5. Царь в своей галере как контр-адмирал.
6. Все остальные наши галеры.

Когда галеры подошли к триумфальной арке, возведенной к празднеству перед зданием Сената напротив крепости, то они салютовали из всех своих орудий, на что прогремел ответный залп пушек с крепости и Адмиралтейства; затем все сошли на берег, и процессия приобрела следующий порядок:

1. Рота гвардии во главе с генерал-майором Голицыным.⁴³

2. Пушки, взятые князем Голицыным прошлой зимой у генерал-майора Армфельта⁴⁴ [в сражении] близ города Васа.⁴⁵
3. 63 флага и штандарта, взятых в этой акции.⁴⁶
4. Двести шведских субалтерн-офицеров, солдат и матросов.
5. Две роты гвардии.
6. Шведские морские офицеры.
7. Флаг шведского контр-адмирала.
8. Шведский контр-адмирал Эреншельд.
9. Царь как контр-адмирал; за ним следовала остальная часть гвардейского полка.

Когда царь вошел под триумфальную арку, вельможи, сенаторы и иностранные министры подошли поздравить его с победой; только царевич ни сам не появился, ни послал от себя. Губернатор Москвы⁴⁷ похвалил царя от имени Империи за отвагу и поблагодарил за большую и замечательную службу. Триумфальная арка была роскошно украшена различными эмблематическими изображениями; среди них был русский орел, держащий слона, что намекало на шведский фрегат под названием «Элефант», и была надпись: «Aquila non capit Muscas».⁴⁸

В том же порядке процессия проследовала в крепость, где вице-царь Ромодановский, сидевший на троне в окружении сенаторов, приказал вызвать перед собранием контр-адмирала Петра и принял от него письменную реляцию об одержанной победе. После того как реляция была зачитана, они, приняв ее к сведению, задали контр-адмиралу различные вопросы, затем в награду за верную службу на благо отечества единогласно произвели его в российские вице-адмиралы. Когда об этом было объявлено собравшимся, весь дом огласился криками: «Да здравствует вице-адмирал!». Царь, поблагодарив, спустился в свою шлюпку и, выслушав многочисленные поздравления по этому поводу, приказал поднять свой вице-адмиральский флаг.⁴⁹

ПОХВАЛА ЭРЕНШЕЛЬДУ ЗА ХРАБРОСТЬ

Его величество, сопровождаемый многочисленными знатными господами и офицерами, отправился во дворец князя Меншикова, где был подготовлен роскошный прием. После обеда он выказал особые знаки внимания контр-адмиралу Эреншельду и, обращаясь к обществу, сказал:

«Господа, перед вами храбрый и преданный слуга своего государя, достойный его высочайших наград, который, пока он со мной, всегда будет иметь мое расположение, хотя и убил многих моих храбрецов». «Я прощаю вам, — сказал он шведу с улыбкой, и вы всегда можете полагаться на мою добрую волю». Эреншельд, поблагодарив царя, отвечал: «Как бы честно я ни поступал по отношению к моему государю, я лишь выполнял свой долг. Я искал смерти, но не нашел. И меня в моем несчастье немало утешает то, что являюсь пленником вашего величества, и то, что вы, столь великий морской командир, а ныне по достоинству вице-адмирал, благосклонны ко мне и так меня отли-

чае». Господин Эреншельд подтвердил, что русские дрались, как львы, и лишь собственный опыт смог убедить его в том, что царь сделал своих подданных такими добрыми солдатами; вот результат строгой дисциплины, времени и расчетливости. Войска были столь дисциплинированы, и за ними закрепилась такая слава, особенно за пехотой, что в мире нет армии, которой они бы уступили.

РЕЧЬ ЦАРЯ В СЕНАТЕ

По этому случаю царь обратился к сенаторам с такими словами: «Братья, есть ли среди вас человек, который бы двадцать лет назад предвидел, что будет строить со мной корабли здесь на Балтике и поселится в странах, завоеванных нашими трудами и храбростью? Предполагал дожить до времени, когда русская кровь даст столько храбрых победителей-солдат и матросов? Мечтал увидеть, как наши сыновья возвращаются домой из чужих стран образованными мужчинами? Историки говорят, что все науки были сосредоточены в Древней Греции. Изгнанные оттуда превратностями времен, они распространились в Италию и затем по всей Европе, но косность наших предков воспрепятствовала их проникновению далее Польши. Поляки и немцы прежде прозябали в таком же невежестве, в каком жили до сих пор мы, но неустанные заботы их правителей в конце концов открыли им глаза, и они овладели теми искусствами, науками и общественным устройством, какими прежде хвалилась Греция. Теперь наш черед, если вы всерьез поддержите мои начинания и добавите к своему повиновению добровольные познания. Я не вижу лучшего сравнения распространению наук, чем обращение крови в человеческом теле. И мой разум почти предвещает, что науки когда-нибудь покинут свое прибежище в Британии, Франции и Германии, придут и на столетия поселятся среди нас. А после, возможно, вернуться в свой исконный дом — Грецию. Тем временем я всей душой советую вам следовать латинскому речению: „Ora et Labora“ («молись и трудись»). И если мои слова убедили вас, может статься, что вы еще на вашем веку пристыдите другие просвещенные народы и вознесете славу русского имени на самую большую высоту».⁵⁰

Сенаторы, в самом почтительнейшем молчании выслушав это горячее и страстное обращение своего монарха, ответили, что все они готовы повиноваться его приказам и следовать его примеру. Другое дело, были ли их слова искренними.

ЦАРЬ ВОЗМУЩЕН НЕУВАЖЕНИЕМ ЦАРЕВИЧА

На следующий день состоялся роскошный прием в доме вице-царя Ромодановского, куда было приказано явиться батальону гвардейцев и роте гренадер. Промаршировав через весь город, они выстроились перед дворцом вице-царя и проделали все экзерциции. Царевич, все еще будучи лишь гренадерским сержантом, прошел весь путь справа

с алебардой на плече. Когда он проходил мимо своего дворца, его супруга принцесса, выглянув с подругой, принцессой Восточной Фрисландии, и увидев, как «величественно» он марширует, лишилась чувств, и ее отнесли в постель. По завершении экзерциций всех офицеров пригласили принять участие в приеме, но низшие чины остались под ружьем, и царевич стоял на своем посту, пока батальон не повели обратно.

Царевич был подвергнут этому унижению за пренебрежение своими обязанностями — он не встречал отца при его триумфальном входе и не поздравил с благополучным прибытием. Безусловно, морская победа обрадовала царя больше, чем какая-либо другая, и поэтому такое невнимание было воспринято им хуже, нежели что-либо иное из случившегося. Однако его величество, услышав о болезни принцессы и о ее причине, навестил принцессу и сказал, что ей не следует удивляться сержантскому чину принца, ибо он, царь, сам прошел через все низшие ступени в сухопутных и морских силах, пока своими заслугами не поднялся до генерала в армии и теперь вице-адмирала на флоте. И хотя принц не исполнял должным образом своих обязанностей, царь все же рекомендовал его вице-царю и способствовал присвоению ему первого офицерского чина — прапорщика гвардии. И теперь пришел поздравить принцессу с повышением ее супруга. Это любезное снисхождение царя весьма благоприятствовало душевному состоянию принцессы.

Празднования по упомянутому поводу продолжались довольно долго, так как вельможи поочередно устраивали приемы. Но несмотря на недовольство царя тем, что принц ранее пренебрегал своими обязанностями, тот ни разу не появился ни в одном из этих общественных собраний, хотя регулярно получал уведомления от генерала Брюса, неоднократно посылавшего меня к нему с известием о неудовольствии его величества отсутствием принца. Но старая отговорка — нездоровье — всякий раз была оправданием.

ЦАРЬ УЧРЕЖДАЕТ ПОСТОЯННЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ АССАМБЛЕИ

Поскольку царь очень близко к сердцу принимал благополучие и возвышение своего народа, он не упускал ни единой возможности к просвещению подданных. В это время он распорядился устраивать ассамблеи: приказал проводить их дважды в неделю попеременно в домах вельмож. Одна комната предназначалась для бесед, вторая — для карт, третья — для танцев. Начало назначалось на 8 часов и окончание — в 11. Хозяину дома надлежало обеспечить буфет с винами, не предлагая их, пока не спрашивали, а также карты и музыкантов. На ассамблеи свободно допускались господа всех званий, русские и иностранцы, со своими женами и дочерьми. Это нововведение чрезвычайно понравилось дамам, поскольку освобождало от суровых ограничений их жизни: им не разрешалось появляться в обществе. Посредством же ассамблей они учились и одеваться, и вести беседу.⁵¹

УЧРЕЖДЕНИЕ ЦАРСКОЙ АКАДЕМИИ

Этой зимой его величество учредил также академию для образования молодых господ⁵² и всячески старался заполучить из-за границы способных учителей по нескольким наукам. Он, кроме того, приказал Адмиралтейству к весне подготовить 50 линейных кораблей⁵³ и много галер и других судов, чтобы в будущем году высадить десант в Швеции и занять свои военные силы, так как ему пришлось вывести войска из Германии, поскольку датский король взял Голштинию, а король прусский — Померанию в секвестр. Это очень огорчило царя, желавшего любыми средствами иметь прочное положение в Германии и признания его членом этой империи. Но император и остальные германские государи, завидовавшие росту царского могущества, прибегли к такому способу заставить царские войска покинуть их страну. Король Швеции, в сопровождении одного лишь полковника Дюринга и двух слуг проехав за 16 дней 300 немецких миль, 22 ноября прибыл в Штральзунд и начал прямые враждебные действия против пруссов. Своим несогласием на секвестр он сорвал весь этот немецкий заговор, нажил себе нового врага и доставил царю благовидный предлог снова войти со своей армией в Померанию.

ВОЕННЫЙ СУД НАД АДМИРАЛОМ КРЮЙСОМ

Теперь было назначено разбирательство в военном суде по делу адмирала Крюйса, который вопреки приказу не атаковал шведскую эскадру. Адмирала признали виновным и приговорили к расстрелу за трусость и невыполнение долга. Он пожаловался на суровость приговора, сославшись на то, что ни одна другая страна, сведущая в морском деле, не вынесла бы подобного за его действия в данном случае. Когда об этом доложили царю, он направил копии дела во все соседние морские державы, особенно в Голландию — на родину адмирала, с тем чтобы узнать их мнение относительно приговора. Все они согласились, что приговор справедлив и был бы вынесен любому офицеру, состоящему на службе в этих странах, будь он признан виновным в подобном проступке. Когда это заявление морских держав показали адмиралу, он взмолился о пощаде, и царь даровал ему жизнь, но выслал в Олонец до конца его дней. Едва адмирал проехал день к месту ссылки, царь призвал его обратно, даровал полное прощение и назначил одним из комиссаров в Адмиралтействе, в какой-либо должности Крюйс закончил достойно свои дни, но никогда более не выходил в море.⁵⁴

ОРДЕН СВ. ЕКАТЕРИНЫ

В этом [1715] году царь учредил в честь царицы орден святой Екатерины в ознаменование любви и верности, проявленных ею по отношению к нему, когда он был в отчаянном положении, стеснен и окружен турками на берегах Прута. Знаком ордена является медаль, украшенная драгоценными камнями и образом св. Екатерины, с девизом: «За любовь и верность». Медаль прикрепляют к широкой белой

ленте, носимой через правое плечо. Императрица получила право награждать орденом представителей своего пола, которых сочтет достойными, и сама впервые появилась при нем на праздновании св. Андрея в нынешнем году. Царица сначала наградила этим орденом своих двух дочерей — принцессу Анну, вышедшую потом замуж за герцога Голштинского,⁵⁵ и принцессу Елизавету,⁵⁶ будущую российскую императрицу. Некоторое время спустя царица возложила его на трех племянниц императора, дочерей царя Ивана, а именно: Анну, вдовствующую герцогиню Курляндскую; Екатерину, герцогиню Мекленбургскую,⁵⁷ и принцессу Прасковью;⁵⁸ также на княгиню Меншикову.⁵³

БЕСПОРЯДОК В ДОХОДАХ И ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ НЕГО ЗАТРУДНЕНИЯ

Его царское величество с непрестанной озабоченностью и усердием доискивался причин, вызвавших расстройство в управлении его делами. И когда наконец обнаружил, почему его армия и флот столь мало оплачиваются и столь много страдают, почему многие тысячи работников погибли в муках из-за скудного пропитания (было подсчитано, что в Петербурге рассталось с жизнью свыше ста тысяч человек), его торговля пришла в упадок, и в беспорядке доходы, он принял твердое решение исправить это зло. И в начале 1715 года он учредил великое дознание с генералом князем Долгоруким⁶⁰ во главе для проверки некоторых вельмож и прочих, про кого говорили, будто они обманули его величество на несколько миллионов.

МНОГИЕ ВИНОВНЫЕ НАКАЗАНЫ

Большинство высокопоставленных мужей России попало под это следствие и было обязано отчитаться в своих поступках. Великий адмирал Апраксин, князь Меншиков и начальник артиллерии Брюс в оправдание ссылались на свое почти постоянное отсутствие — пребывание по служебным делам за границей или в поле; ввиду этого они не имели ни малейшей возможности обнаружить или предотвратить злоупотребления своих чиновников, не зная, что в это время происходило у них дома. Эти оправдания были сочтены удовлетворительными, но их чиновников сурово покарали за нечестность, как и всех, не сумевших оправдаться. Вице-губернатор Петербурга Корсаков, президент Кикин, первый комиссар Адмиралтейства Синявин и множество других чиновников второго и третьего ранга — все были призваны к ответу. Корсакова публично наказали кнутом; Апухтин и Волконский — оба сенаторы — подверглись тому же наказанию, и им прижгли каленым железом языки; некоторые более низкого звания были биты батогами и сосланы в Сибирь и иные отдаленные места, а все их состояние конфисковано.⁶¹ Некоторые виновные подверглись пытке, чтобы добиться от них правды: по тамошним законам никто не может быть осужден, если нет неопровержимых доказательств вины или же если он не сознается сам.

Жесточайшая пытка, применяемая русскими, — дыба; она заключается в том, что преступника, завязав сзади руки, подвешивают за них, а к ногам прикрепляют большой брус, на который палач то и дело встает, чтобы вывернуть пытаемому суставы; это причиняет невыносимые муки. Под ногами разводят огонь, дым и жар которого душит и опалает. Если же хотят еще усилить эту пытку, то бреют преступнику голову и, подвесив его как прежде, капают со значительной высоты на темя холодную воду, что делает эту пытку самой изощренной, какую только можно выдумать.

Когда дознание, повергшее Петербург в ужас, завершили, дела были поставлены гораздо лучше, чтобы впредь не допустить подобного мошенничества в комиссариатах и облегчить бремя, лежавшее на плечах народа. Был создан целый новый штат чиновников, называемых фискалами, или осведомителями. Генерал-фискалу надлежало всегда быть при его величестве; главный, или обер-фискал, назначался в армию, флот и по одному в каждую губернию. Младшие фискалы назначались в каждый полк, гарнизон, на каждый корабль и в каждый суд страны. Их обязанностью было сообщать обо всех замеченных в управлении или службе нарушениях главным фискалам, те — генерал-фискалу, а он — представлять их донесения царю.

Этих новых чиновников боялись больше, чем самого царя. Иные из них, будучи большими сутягами, часто навлекали на людей беду без причины, и поэтому мы после имели слишком много случаев, которые царь, рассмотрев, прекращал, а фискалов подвергал наказанию, какое предназначалось для тех, на кого они доносили, если не могли удостоверить своих сведений.⁶² Это заставило их в дальнейшем действовать более умеренно.

Тем не менее тех, о ком получали донесения, ждали очень большие неприятности, так как с момента ареста они лишались жалованья или оплаты, которых не могли потребовать до тех пор, пока не оправдаются от предъявленных обвинений и не будут восстановлены в своем чине или должности. И даже если они с честью освобождались от обвинений, то редко, почти никогда не получали причитавшегося. Тем, кто в отпуске, не платили, пока они снова не вернутся на службу. Если офицер, природный русский, попадал под суд за неисполнение долга, его обычно приговаривали к разжалованию в рядовые солдаты, и он мог подняться до своего прежнего чина исключительно благодаря собственным заслугам, но и тогда терял свое положение. Следует отметить, что если бы с русскими так не обходились, огромное большинство их стало бы пытаться освободиться от службы в армии. Различия в оплате между русскими и иностранными офицерами вызывают у русских немалую и весьма справедливую неудовлетворенность. Офицеры равного чина в одном и том же полку получают три категории жалованья. Например, иностранный капитан получает 18 рублей в месяц; капитан, родившийся в России, но от родителей иностранцев, — 15 рублей, а природный русский лишь 12. И так со всеми чинами соответственно.⁶³ Из-за этого русские злятся на всех иностранцев.

Царь теперь часто давал балы и устраивал приемы в своих зимнем и летнем дворцах, а не у князя Меншикова, как прежде. Но, сочтя это неудобным, приказал построить посередине между ними большой дом для главной почтовой конторы с просторными комнатами на втором этаже для публичных балов и приемов.⁶⁴ По большим же праздникам и чрезвычайным случаям приемы устраивались в здании сената. Между ним и крепостью была большая площадка, на ней жгли фейерверки. Во время этих общественных собраний накрывалось очень много столов для лиц всех званий: один для царя и вельмож, один для духовенства, по одному для армейских и флотских офицеров, один для купцов, кораблестроителей, иностранных шкиперов и т. д. — все в разных комнатах; комнаты для царицы и дам находились наверху. На все эти столы подавали холодное мясо, свежие и сушеные засахаренные фрукты, а также несколько перемен горячих блюд. Эти приемы часто завершались очень крепкой выпивкой. После обеда царь переходил из комнаты в комнату, от стола к столу, в каждом застолье поддерживая беседу соответственно профессиям и занятиям присутствующих, особенно с капитанами иностранных торговых судов, очень подробно вникая в существо их торговли. Я видел, что голландские шкиперы держались с ним весьма вольно, называли его не иначе, как «шкипер Петер», чем царь был очень доволен. Между тем он хорошо использовал получаемые от шкиперов сведения, постоянно занося их в свою записную книжку.

ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ ГОСПОДИНА ШЛЮТЕРА

Император пригласил на свою службу некоего господина Шлютера, знаменитого архитектора, с несколькими добрыми мастерами; его поселили в летнем дворце, чтобы был близ царя. Тогда этот господин получал множество заказов на постройку дворцов, домов, академий, мануфактур, печатных дворов и т. д., а так как для вычерчивания планов у него было лишь несколько человек, я предложил ему свою помощь в этом деле с условием, что он обучит меня правилам архитектуры. Он с радостью согласился на это, и я приходил к нему ежедневно. Царь часто бывал с ним и, увидев мои чертежи, так был ими доволен, что впоследствии я много занимался вычерчиванием его планов для гражданской и военной архитектуры.

У господина Шлютера было слабое, болезненное сложение, и при стольких трудах и постоянных заботах он заболел и умер, прожив в Петербурге только год. Он много времени потратил на попытки изобрести вечный двигатель, чрезмерные занятия которым весьма подорвали его здоровье; однако он успел все же подготовить двигатель к запуску. Модель машины представляла собой круглую латунную раму 18 дюймов толщины и 2 ярда диаметром. Полые пластины из того же металла длиной 4 дюйма были размещены вокруг по внутренней стороне, а туда опущено пушечное ядро. Пластины приводились в движение пружинами, обеспечивая бесконечное движе-

ние ядра по кругу. Каждая пластина направляла несколько колес, производивших много различных действий. Но пружины и колеса часто ломались, их починка отнимала много времени. Работая над двигателем, господин Шлютер всегда запирался, и никто не смел к нему войти, кроме царя, который часто с ним закрывался. После кончины господина Шлютера двигателем занимался его подмастерье, но он тоже вскоре заболел и умер, и машину заперли. Я так никогда и не узнал, пытался ли кто-нибудь достроить ее. При посещениях архитектора мне лишь дважды удалось ее увидеть.

СТАРЫЙ ФИНЛЯНДЕЦ

В это время князь Голицын,⁶⁵ генерал нашей армии в Финляндии, прислал в Петербург старика, которому было 120 лет. Он был в полном уме и здравии и держался прямо. Царь с большим удовольствием разговаривал с ним и предложил остаться при дворе, где он мог бы в покое кончить свои дни. Но старик попросил его величество разрешить ему вернуться на родину, сказав, что привык к тяжелому труду и скромной пище, а если ему придется теперь изменить свой образ жизни, это очень скоро доконает его. Если же ему будет позволено жить по-прежнему, то он надеется, что Господь прибавит ему несколько лет. Поразмыслив, царь сделал старику подарок и отправил домой. Шестью годами позже я слышал, что он еще был жив.

Этой зимой здесь стоял такой мороз, что множество людей лишилось из-за него носов, ушей, пальцев на руках и ногах. Часто случалось, что прохожие указывали друг другу на обмороженные носы, ведь прихваченный морозом сам этого не чувствует, а другие легко такое замечают, поскольку эта часть тела от мороза белеет. Единственное средство — тереть ее снегом, пока не восстановится чувствительность. В таком состоянии опасно входить в теплую комнату — это обычно ведет к потере поврежденного члена.

Река Нева покрылась льдом в конце сентября и встала за 24 часа; огромные льдины, спускавшиеся из Ладожского озера, схватывались морозом; сильное течение громоздило одну льдину на другую, и лед стал очень толстым, с такой неровной поверхностью, что пришлось специально посылать людей для прорубания везде через реки дорожек из одной части города в другую. Река вскрылась снова не ранее 1 мая, о чем жителей предупредили пушечными выстрелами, чтобы они ушли со льда. Затем лед вдруг с великим грохотом треснул, и через два или три часа его уже не было видно. Часть льда плывет вниз в море, но гораздо большая опускается на дно. Несмотря на эту предосторожность (пушечные выстрелы. — Ю. Б.), очень многие здесь каждую весну тонут из-за столь внезапного вскрытия реки.

ОПЫТ С МЕДВЕДЕМ

Я часто слышал, будто медведи всю зиму лежат под снегом и живут только тем, что сосут лапы. Поскольку это казалось мне невероятным, я добыл медвежонка и выкормил его очень большим.

Я вкопал в землю столб с колесом на вершине, повесил на столб кольцо и привязал медведя цепью за шею. У основания столба поставил большой короб, в котором медведь мог лежать. Он обыкновенно забирался на столб и сидел на колесе, где проделывал много забавных трюков. Я кормил его хлебом и овсом, но никогда не давал мяса. Порой он разрывал цепь, находил дорогу к какой-нибудь из расположенных по соседству лавок, где торговали медом, и набивал им брюхо, поскольку хозяева не отваживались этому помешать. В начале зимы, когда выпал снег, медведь забрался в свой короб и пролежал там месяц — ни разу не вылез и ничего не ел, а только сосал лапы. Я клал хлеб у входа в его хибарку, однако он не вылезал съест его; правда, все же ел хлеб, когда его бросали внутрь. Ближе к весне случилось так, что к этой обители слишком близко подошел поросенок, и медведь, схватив его, затащил к себе. Несмотря на все старания, нам не удалось спасти поросенка. А после того как медведь напился крови и отведал мяса, он сделался таким свирепым, что перестал слушаться и кидался на всякого, кто близко подходил, и мне пришлось его убить. Медвежьей шкурой я покрывал седло. Интересно, что медведь, когда его били, прятал нос в передние лапы, инстинктивно зная о своем слабом месте: малейший удар по носу медведя убивает.

СПОСОБ УМЕРЩВЛЕНИЯ МЕДВЕДЕЙ

Русские каждую зиму убивают медведей тысячами из-за их шкур, а едят у них только лапы, считающиеся деликатесом. В медведей никогда не стреляют, опасаясь испортить шкуру, но поскольку они обычно устраивают берлогу под деревом, то дерево помечают, а когда медведь лежит под снегом, пар от его дыхания проделывает дыру в снегу, по ней обычно берлогу и обнаруживают. Деревенские жители идут компанией на лыжах, чтобы не проваливаться в снегу, окружают это место и, подняв шум, заставляют медведя вылезть из своей берлоги. А так как он не может пробраться по мягкому снегу, его обычно убивают ударом по носу.

Что касается операций в кампании этого года, то фельдмаршал граф Шереметев⁶⁶ был в марте месяце послан с 12 000 солдат для усиления в Померании армии союзников, которые должны были покорить Висмар — единственное место, оставшееся теперь в Германии у шведского короля.

ДЕСАНТ В ШВЕЦИЮ

Как только река и море очистились ото льда, царь погрузил свои войска на галеры и пошел с ними в Кроншлот, где соединился с флотом из 50 линейных кораблей.⁶⁷ Оттуда он направился в Ревель, пробыл там до конца июня, а затем пошел к Готланду и расположил флот так, чтобы воспрепятствовать шведам прислать в Померанию подкрепление из Стокгольма. Тем временем кавалерийский отряд из стоявшей в Финляндии армии был отправлен вокруг Ботнического залива с задачей проникнуть в северные провинции Швеции, что

повергло королевство в великий ужас. Около середины сентября царь ушел от Готланда к берегам Седерманланда, высадил 15 тысяч человек близ Евле в нескольких лигах от шведской армии и, опустошив вокруг себя весь край, с большой добычей пошел в Ревель, а оттуда в Петербург, куда и прибыл в начале октября.

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВНУКА ПЕТРА И КОНЧИНА ЕГО МАТЕРИ ПРИНЦЕССЫ

22 числа этого месяца имперская принцесса, супруга царевича, к великой радости царя разрешилась от бремени сыном, которого окрестили Петром⁶⁸ и дали ему титул великого князя. Но радость царя вскоре омрачилась смертью принцессы, давшей младенцу жизнь, что случилось на девятый день после родов, на 21-м году ее жизни, после 4 лет и 6 дней замужества за человеком, совершенно недостойным столь добродетельной и достойнейшей принцессы. Убедившись в приближении своего конца, она пожелала видеть царя, и когда он пришел, трогательнейше, самыми волнующими словами простилась с ним, поручив своих двоих детей его заботам, а слуг — его покровительству. И, обняв и омыв слезами материнской любви детей, передала их царевичу; он унес детей в свои апартаменты, но более уже не возвращался и даже не осведомился об их матери и своей очаровательной супруге. Действительно, он никогда со дня свадьбы до самой кончины и даже при теперешнем трогательном и чувствительном событии не выказывал ни малейшего супружеского расположения или заботы о ней, поэтому можно сказать, что она и вправду была несчастна. Когда врачи убеждали ее принять лекарство, она с глубоким чувством произнесла: «Не мучайте меня больше, но дайте мне спокойно умереть, потому что я не хочу больше жить». Она отошла 1 ноября, и ее тело, согласно ее собственной воле, погребли 7-го без бальзамирования в большой крепостной церкви со всеми почестями и пышностью, положенными ей по рождению.⁶⁹

РОЖДЕНИЕ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА, ИМПЕРАТОРСКОГО СЫНА

На другой день после похорон принцессы императрица к несказанной радости царя произвела на свет принца. Празднования по этому случаю продолжались 8 дней, и дитя окрестили тоже Петром.⁷⁰ Торжественные церемонии по упомянутому поводу были обставлены с самой необычайной пышностью. Не менее роскошно проходили приемы, балы и фейерверки. На одном из приемов подали три забавных пирога: когда вскрыли первый, на столе вельмож, из него вышла нагая, лишь в нарядном головном уборе, карлица. Обращаясь к обществу, она произнесла речь, и пирог унесли. На стол дамам таким же образом подали карлика. Из третьего пирога, поданного на стол дворян, стайей выпорхнули 12 куропаток, так шумно хлопавшие крыльями, что переположили общество. В честь новорожденного

Петра вечером устроили великолепный фейерверк с несколькими занятными девизами, а на самом верху была надпись огромными буквами: «Терпение и надежда».⁷¹

КАРНАВАЛ

За этим празднованием последовал своеобразный карнавал. Царь передал патриаршество с его большими доходами короне,⁷² и чтобы высмеять патриарха перед народом, назначил своего шута Зотова,⁷³ которому теперь шел 84-й год, пародийным патриархом. По этому случаю Зотова женили на приятной 34-летней вдове. Свадьба сей необыкновенной пары праздновалась маскарадом с участием около 400 лиц обоего пола. Каждый 4 человека были одеты в определенное платье и имели особенные музыкальные инструменты. 4 самых заикающихся в государстве человека были назначены для приглашения общества; 4 самых неповоротливых толстых подагрика, каких только можно было найти, — скороходами; шаферы, распорядители, камердинеры были очень старыми, — священнику, совершавшему обряд венчания, перевалило за 100 лет. Процессия, выйдя от царского дворца, пересекла по льду реку и проследовала к большой церкви близ здания Сената в таком порядке. Сначала сани с четырьмя скороходами, затем [сани] с заиками, шаферами, распорядителями и камердинерами; потом князь Ромодановский — шутовской царь, он представлял царя Давида в его наряде, но для игры вместо арфы у него была лира, обтянутая медвежьей шкурой. Поскольку он являлся основным действующим лицом представления, его сани были сделаны в виде трона, и на голове у него была корона царя Давида, а по четырем углам вместо скороходов к его саням были привязаны медведи, и один медведь стоял сзади, держась за сани двумя лапами. Медведей постоянно кололи стрелами, от чего они устрашающе рычали. Затем в специально сделанных для этого случая приподнятых санях ехали жених и невеста, окруженные купидонами, у каждого из которых в руке был большой рог. На передок саней вместо кучера был посажен баран с очень большими рогами, а сзади вместо лакея — козел. За этими ехало еще несколько других саней, их тащили разные животные, по четыре в упряжке — бараны, козлы, олени, быки, медведи, собаки, волки, свиньи и ослы. Затем несколько саней с обществом, запряженные шестеркой лошадей каждые; сани были длинные, посередине со скамьей, подбитой волосом и обтянутой тканью. В санях ехало по 20 человек, сидевших [на скамьях] один за другим верхом, как на лошади. Едва процессия тронулась, зазвонили все городские колокола и с валов крепости, к которой они направлялись, забили все барабаны; разных животных заставляли кричать. Все общество играло или брэнчало на различных инструментах, и вместе это производило такой ужасный оглушительный шум, что описать невозможно. Царь в компании с троими — князем Меншиковым и графами Апраксиным и Брюсом — были одеты фрисландскими мужиками, и каждый с барабаном. От церкви процессия вернулась во дворец, где все общество развлекалось до полуночи,

после чего та же процессия при свете факелов отправилась в дом невесты смотреть, чтобы новобрачные надлежаще улеглись в постель.⁷⁴

Этот карнавал продолжался 10 дней, общество всякий день переходило из одного дома в другой, и в каждом накрывались столы со всевозможными холодными закусками и с таким количеством крепких напитков, что в Петербурге тогда трудно было встретить трезвого человека. На десятый день царь дал в здании Сената большой прием, в завершение которого каждому гостю преподнесли большой бокал с крышкой, называемый «Двойной орел» и вмещающий большую бутылку вина; каждый обязан был его выпить. Желая этого избежать, я улизнул, сказав дежурному офицеру, что послан царем с донесением. Поверив, офицер пропустил меня, и я пошел к дому г-на Кельдермана, бывшего прежде одним из наставников царя и по-прежнему пользовавшегося его большим расположением. Г-н Кельдерман очень скоро последовал за мной, но не прежде, чем выпил своего «двойного орла». Придя к себе домой, он пожаловался, что ему плохо от выпитого; он сел, положив голову на стол и, казалось, заснул. Поскольку подобное случалось с ним постоянно, жена и дочери не обратили на это внимания, пока спустя некоторое время не заметили, что он не шевелится и не дышит, а подойдя вплотную, обнаружили, что он мертв и окоченел. Это привело все семейство в огромное смятение.

Зная, как высоко г-на Кельдермана ценил царь, я пошел и сообщил ему о внезапной кончине. Участие, проявленное его величеством к этому происшествию, тотчас привело его в дом покойного, где царь выразил вдове соболезнования по поводу утраты супруга, распорядился о похоронах с почестями за свой собственный счет и назначил вдове пожизненную пенсию. Так завершился этот шумный карнавал, но минул еще какой-то срок, прежде чем его участники смогли полностью прийти в себя.

14 января 1716 года на 51-м году умерла Марфа Апраксина,⁷⁵ вдовствующая царица, вдова царя Федора, самого старшего брата его величества. Она была сестрой великого адмирала Апраксина и пробыла замужем лишь 4 недели. Хоронили при свете факелов, и пышность похорон соответствовала высокому положению покойной. Тело захоронили в крепостной церкви, где уже покоились один принц, две принцессы, дети царя и имперская принцесса.

ЗАБОТА ЦАРЯ ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СТОЛИЦЫ И СТРАНЫ

Все это время царь неутомимо трудился над усовершенствованием своей страны. Он не только строил корабли, крепости и дома, но и обеспечил свою новую академию хорошими учителями по всем наукам, необходимым для образования молодых дворян. Он также возвел печатные дворы, при которых работали способные переводчики, переведившие со всех языков все самые ценные книги, имевшиеся тогда в Европе, на русский. Царские доверенные лица поку-

пали на аукционах за границей наиболее ценные книги и целые библиотеки, и поистине удивительно было видеть в Петербурге уже столь замечательное [книжное] собрание. Был здесь также изысканный кабинет редкостей, содержащий то, что имелося любопытного во всех частях света, а также превосходную коллекцию монет, медалей и т. д., и т. п. Кабинетом заведовал г-н Шумахер,⁷⁶ весьма искусный и ученый муж, бывший прежде секретарем д-ра Эрскина,⁷⁷ главного медика его величества. Знаменитый Готторпский глобус, упоминавшийся ранее в обсерватории, явился подарком датского короля⁷⁸ и был доставлен в Петербург ценой больших расходов. Прусский король подарил царю янтарный кабинет, считавшийся одной из величайших редкостей такого рода в Европе. Имелось любопытное собрание диких зверей, птиц и т. д.; один из самых крупных во всей Азии слонов со всем своим военным снаряжением, при слоне было несколько индусов; северные олени с санями и служителями-лапландцами; венецианские гондолы с гондольерами и т. д., и т. п. Все это свидетельствует, что царь намеревался со временем сделать Россию страной, интересной для любого путешественника.

В Москве он возвел большие мануфактуры по производству шерстяных и полотняных тканей,⁷⁹ а также стеклянные заводы для изготовления под управлением англичан оконных стекол и зеркал.⁸⁰ В окна домов и карет русские раньше вставляли только слюду, поэтому при строительстве Петербурга им пришлось ввозить все стекло из Англии. Хотя русские ежегодно вывозили морем большие количества пеньки во все части Европы, все же им приходилось ввозить парусину и корабельные снасти, произведенные за границей из их собственной пеньки. Для устранения этого зла царь возвел в Москве, Новгороде и Петербурге парусные мануфактуры и канатные дворы,⁸¹ а чтобы страна ни в чем не нуждалась для своего совершенствования, из Венгрии и Саксонии были доставлены опытные горные мастера, разыскавшие всевозможные металлы, — золото, серебро, медь, свинец и железо; последнее русским прежде приходилось закупать в Швеции, а теперь они поставляют его в другие страны. Своим великим гением и неусыпной заботой о делах он руководил всем; не доверяя донесениям других, следил за всем собственными глазами, так что ни одного монарха не обманывали меньше, чем его. Следует отметить, что русские — от самых высоких до самых низких — открывая что-либо ценное в недрах своей земли, оставляют это лежать, какого бы качества найденное ни было, и держат в секрете, чтобы их рабам не пришлось над этим работать. Поэтому все подобные открытия были сделаны благодаря иностранцам; из-за этого остается необнаруженным много богатств, которые могли бы существенно обогатить страну.

В феврале месяце сюда прибыл из Казани полковник Сварц.⁸² Он был послан туда с немецким полком, составленным из 1200 шведских пленных,⁸³ а теперь привез известие, что случайно столкнулся с шеститысячным отрядом кубанских татар, совершивших набег на Казанское царство и возвращавшихся домой с приблизительно восемью тысячами русских пленников, уводя их в рабство. Полковник

не только освободил пленников, но и разбил кубанцев, а многих схватил. Среди них был ханский сын, которого полковник приказал тут же повесить за грабеж вместе с несколькими из его компании. За эту службу царь подарил полковнику поместье с сотней мужиков.

ЦАРСКИЕ ВОЕННЫЕ НАГРАДЫ И НАКАЗАНИЯ

Неизменным правилом царя было награждать за заслуги, в чем бы он их ни видел. После победы на суше или на море каждый офицер награждался золотой цепью с медалью, ценность их соответствовала чину; каждый солдат получал серебряную или же месячное жалованье. Особо отличившийся офицер первым повышался по службе. С другой стороны, за недостойное поведение солдата или офицера наказывали очень сурово. Царь не принимал во внимание высокого положения по рождению и фамилии, но в каждом случае возвышал за заслуги даже самых худородных плебеев, говоря, что высокое происхождение — только случай и, не сопровождаемое заслугами, учитываться не должно. История едва ли знает подобный пример, когда бы столько людей низкого происхождения поднялось до таких высоких званий, как в правление царя Петра, или когда бы так много людей самого высокого происхождения и богатства опускалось в жизни до самых низких чинов.

6 февраля их величества выехали в Данциг в сопровождении племянницы его величества принцессы Екатерины, второй дочери царя Ивана, и прибыли туда 29-го. 19 апреля принцесса вышла замуж за Карла Леопольда, герцога Мекленбургского.⁸⁴

30 ВЫСОКИХ ГРЕНАДЕРОВ ДЛЯ ПРУССКОГО КОРОЛЯ

Этой зимой мне приказали обучить 30 гренадеров, предназначенных в подарок королю Пруссии. Их собрали из разных частей царских владений, и рост их без обуви составлял от 6 футов и 6 дюймов до 6 футов и 9 дюймов. Их по прусскому образцу обучили экзерцициям, вооружили, одели в форму и головные уборы. Среди них был один индус, прежде ухаживавший за слоном, один турок, два перса и три татарина. И учитывая, сколько королю Пруссии присылали в подарок людей из всех частей Европы, можно, пожалуй, с уверенностью сказать, что ни у одного другого государя в мире не было гвардии, состоявшей из столь многих наций.

Для доставки этих гренадеров в Берлин я 25 марта по приказу князя Меншикова выехал из Петербурга. . .

КОММЕНТАРИИ

¹ Футляр над домиком Петра I — павильон с галереей — Д. Трезини построил в сентябре 1723 г. (Зязева Л. К. Домик Петра I. Л., 1983. С. 14—16; Лисаевич И. И. Доменико Трезини. Л., 1986. С. 119—120). Этот футляр существовал до 1784 г.

² Т. е. Роман Вилимович Брюс.

³ Гостинный двор был не кирпичным, а мазанковым.

⁴ Здание коллегий и Сената тоже было мазанковым.

⁵ Это неверно.

⁶ Россия стала империей в 1721 г.: 22 октября сенаторы обратились к царю с просьбой принять титул «Отца Отечества, императора всероссийского, Петра Великого» (см. текст прошения в кн.: *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. № 212. С. 155 (черновой текст — на с. 156); то же: Российское законодательство X—XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 179). Первыми императорский титул официально признали Швеция, Пруссия и Голландия (все — в 1722 г.). Другие западноевропейские государства — спустя 20 и более лет (Законодательство периода становления абсолютизма. С. 180). Под «великим советом» П. Г. Брюс имеет в виду Сенат.

⁷ Если автор говорит о Татарской слободе, то она находилась на том же Петербургском острове.

⁸ Гробницы с прахом членов императорской фамилии по-прежнему стоят в Петропавловском соборе.

⁹ Первый (плашкоутный) мост через Кронверкскую протоку построили в 1703 г. одновременно с земляной Петропавловской крепостью. Вскоре он был перестроен, стал многопролетным мостом балочной системы на свайном основании и просуществовал до 1738 г. (*Бунин М. С.* Мосты Ленинграда. Л., 1986. С. 34).

¹⁰ Обычно именовалась, как мы видели в других сочинениях, Немецкой слободой.

¹¹ Второй Зимний дворец Петра I.

¹² Летний дворец Петра I. Благодаря выкопанной с южной стороны гавани суда подходили к крыльцу дворца. Выйдя из судов, люди поднимались по ступенькам во дворец.

¹³ Специально для устройства крытых зеленых коридоров по приказу царя в Летний сад были доставлены в 1713 г. липы «необсеченные верхи, чем в огородах огибают беседки и покрытые галереи» (цит. по кн.: *Дубяго Т. Б.* Летний сад. М.; Л., 1951. С. 93).

¹⁴ Петр I часто приказывал пересаживать уже взрослые деревья. Характерно звучит его письмо к Ф. М. Скляеву от 21 июля 1706 г.: «Также веди зделать несколько распусков на пушечных колесах, чтоб на оных возможно возить липины, которые толстою кругом дюймов в 12 или в 15, с корнем и з землею» (П и Б. Т. 4. [Вып. 1]. № 1284. С. 304). Помимо доставленных в 1706 г. лип, в 1709 г. в Летний сад привезли грабы, а в 1716 г. из Новгородского уезда — еще 60 больших лип, причем одна из них в высоту достигала 7 сажен (17 м) (*Дубяго Т. Б.* Летний сад. С. 88).

¹⁵ Как выше отмечалось, Готторпский глобус был изготовлен А. Бушем по проекту Тихо Браге.

¹⁶ «Длинной галереей» называлось строение между Летним садом и Почтовым домом, возведенное по проекту Д. Трезини в 1719—1721 гг.; в галерее устраивались празднества и пиры (*Кузнецова О. Н., Борзин Б. Ф.* Летний сад и Летний дворец Петра I. Л., 1988. С. 32). В Первом Летнем саду находилась построенная в 1716 г. по проекту Г.-И. Маттарнови Галерея на круглых столбах, она замыкала центральную аллею сада и стояла на берегу Невы (*Воронихина А. Н.* Петербург и его окрестности. С. 17). Однако, судя по гравюре А. Ф. Зубова, выполненной в 1716—1717 гг. (т. е. уже с натуры), длиной ее назвать нельзя. В первой половине 1720-х годов, одновременно со вторым Летним дворцом (для Екатерины Алексеевны), вставшем на берегу Невы и Лебяжьей канавки в северо-западной части сада, была перпендикулярно к нему построена Картинная галерея (по проекту Ф. де Вааля) (*Кузнецова О. Н., Борзин Б. Ф.* Летний сад... С. 82, 84—85).

¹⁷ Мост (плашкоутный) через Большую Неву впервые был наведен в 1727 г.

¹⁸ Именной царский указ о Партикулярной верфи от 12 апреля 1718 г. звучит так: «Понеже для новости сего места даны разных чинов людям парусная и грёбная суда безденежно со всем, что к ним принадлежит, с таким определением, дабы у всякого оных были вечно, т. е. ежели какая трага на какое судно придет, повинен он также вновь сделать (а не меньше, а больше воля), и не точию он, но и его потомки и наследники его. Для делания же и починки сим судам строится двор на малой Неве ниже Фонтанки (который называется партикулярная верфь), который в ведение поручен комиссару Потемкину. И ежели кто похочет вновь делать или старья починить, тот безвозбранно может туда прийти и о том строении и о цене уговориться, и понеже не все еще обыкновенны к плаванью и содержанию оных судов, того ради ниже сего определяются пункты» (МИРФ. Ч. 4. Отд. XII. № 22. С. 739). В подстрочном примечании публика-

тора: «За сим следуют наставления о содержании судов зимою, приготовлении к плаванию, выездах для катанья и проч.». Роздано было 141 судно 90 лицам и местам на общую сумму 125 199 руб. (*Соколов А. П.* Первый яхт-клуб в России // *Морской сборник.* 1849. № 6. С. 378; на с. 387—389 — «Список лицам и местам, получившим в потомственное владение суда»). Рассказ П. Г. Брюса о раздаче судов и, скажем так, учебно-развлекательных плаваниях весьма и весьма близок к свидетельству современника, записавшего: «Черемония на Неве реке: всем сенаторам и генералом, и дворянам, которые в присутствии у дел определенные, розданы были по рангам буеры, баржи, шлюпки, боты, верейки на их собственное содержание, под смотрением Дмитрей (вернее — Ивана Степановича. — Ю. Б.) Потемкина. И во время весны и лета по воскресным и праздничным дням по сигналу выстрела из пушки у Троицкой пристани с поднятием красного флага, то всем, кому даны суда, надлежит следовать из гавани на Неву и разрезать по Неве реке по действию тех судов до сигнала же пушечного выстрела» (*Кашин Н. И.*) Поступки и забавы императора Петра Великого: (Запись современника). СПб., 1895. С. 15).

¹⁹ Литейный двор и стоявший рядом дом Я. В. Брюса.

²⁰ Супруга царевича Шарлотта-Христина-София умерла в октябре 1716 г., сам он — в 1718 г.

²¹ Царевна Наталья Алексеевна умерла летом 1716 г.

²² Вдова царя Федора Алексеевича Марфа Матвеевна Апраксина умерла 31 декабря 1715 г.; вдова Ивана V Алексеевича Прасковья Федоровна Салтыкова — в 1723 г.

²³ Речь идет об Ачерби, послé узбекского хана, прибывшем в Петербург 17 мая 1714 г.

²⁴ Рассказ о злоключениях Ачерби на море явно заимствован у ганноверского резидента, ср.: *Вебер Ф.-Х.* Записки. Стб. 1081—1082.

²⁵ 13 мая у Кроншлота, по сообщению Ф.-Х. Вебера, бывшего с Ачерби на одном корабле, «весь русский флот, выстроенный в одну линию перед гаванью, приветствовал нашу шняву по приказанию его величества пальбою из всех пушек, каковая честь оказана была, собственно, вице-царю (Ф. Ю. Ромодановскому. — Ю. Б.), находившемуся с нами на нашем корабле» (*Вебер Ф.-Х.* Записки. Стб. 1082—1083). Подтверждается русским источником: «13-го. Его величество был на корабле и кушал тут, и приехал цесарь Ромодановской, стреляли со всех кораблей из пушек для приезду...» (Походный журнал 1714 года. СПб., 1854. С. 105—106). Как отмечает дипломат, русский галерный флот, пришедший тогда от Петербурга к Кроншлоту, состоял из 200 полугалер (Записки. Стб. 1081—1082). Голландский резидент Де Би отправил из России в Амстердам 10 апреля 1714 г. «весьма точный список военных кораблей, фрегатов, шняв, бригантин и полугалер, которые е. ц. в. предполагает послать в этом году в море для исполнения своих намерений»; в списке указано, в частности, 126 полугалер и 60 русских бригантин, т. е. 186 единиц гребного флота (МИРФ. Ч. 1. Отд. I. № 766. С. 478, 479). Но вызывает сомнение приведенная шотландцем цифра линейных кораблей; в Балтийском флоте тогда столько быть не могло. По надежному свидетельству Дж. Дена (морского офицера русской службы), вышедшая после упомянутого эпизода от Кроншлота эскадра насчитывала всего 9 линейных кораблей, 5 фрегатов и 3 шнявы ([Ден Дж.] История российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1897. С. 23—24). И это, как следует из русских источников, были все наличные силы (см., помимо упомянутого списка Де Би, также: «Линия баталия флота е. ц. в. в нижепоказанном порядке... при Ричарте» (одно из названий Котлина) от 8 мая 1714 г. (МИРФ. Ч. 1. № 790. С. 493). Тот же результат получаем при подсчетах по кн.: *Веселаго Ф. Ф.* Список. С. 8—13. — Несколько позднее у Ревеля флот пополнился отрядом кораблей архангельской постройки, а также купленных в Англии и Голландии ([Ден Дж.] История... С. 24; «Линия баталия флота... у Ревеля, 1714 года июня 20» // МИРФ. Ч. 1. № 839. С. 514), но П. Г. Брюс их тогда уже не видел. 30 линейных кораблей Балтийский флот имел не ранее 1723 г. (см.: Список военных судов, которая готовятся к кампании 1723 г. // МИРФ. Ч. 2. Отд. I. № 2503. С. 664—665). В этом документе Кроншлотская и Ревельская эскадры в сумме насчитывают 27 линейных кораблей. Дж. Ден поместил «Список российских судов, годных для навигации к началу лета 1724 г. до спуска на воду новых», в котором ровно 30 линейных кораблей ([Ден Дж.] История... С. 101—102). Стало быть, в этом рассказе П. Г. Брюса налицо комбинация сведений за разные годы.

²⁶ Крепость Нейшлот русские войска под командованием Выборгского коменданта И. И. Шувалова взяли 29 июля (9 августа) 1714 г. Гарнизон крепости по условиям капитуляции должен был быть свободно отпущен в г. Куопио.

²⁷ Наталья, дочь Алексея Петровича и Шарлотты-Христины-Софии, действительно родилась 12/23 июля 1714 г. (*Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. Приложения. № 6. С. 322—323).

²⁸ Большой чухоткой Алексей Петрович уехал в Карлсбад на воды 4 июня с Евфросиньей Федоровой, крепостной Н. Вяземского, наставника царевича (там же, с. 36, 40).

²⁹ Восточная Фрисландия, Остфрисланд — бывшее княжество в Германии.

³⁰ Царевич женился не по своей воле, а уступив сильному нажиму отца, подыскавшего ему невесту. По Н. И. Костомарову, с подписанием 19 апреля 1711 г. брачного контракта «придали этому виду, будто царевич избрал себе супругу добровольно» (*Костомаров Н. И.* Царевич Алексей Петрович: (По поводу картины Н. Н. Ге) // *Костомаров Н. И.* Царевич Алексей Петрович. . . Самодержавный отрок. М., 1989. С. 12). Брак был заключен в Торгау (Саксония) 14 октября 1711 г.

³¹ Ватранг Густав (1660—1717), шведский флотоходец, адмирал (с 1712).

³² Лиллье Эрик Юхан, шведский флотоходец, вице-адмирал.

³³ Не вполне точно. Генерал А. А. Вейде наутро возглавил авангард основного галерного отряда, пошедшего в прорыв тем же путем.

³⁴ Змаевич (Измайлович) Матвей (Матия) Христофорович (1680—1735), российский военно-морской деятель. Родом из Далмации (г. Катарро). В 1710 г. перешел с венецианской службы на русскую. Приехав в 1712 г. в Россию, получил назначение командиром галерного отряда. Капитан-командор с 1713 г. В 1714 г. командовал галерным флотом на Балтике, принял активное участие в подготовке Гангутского сражения и самом сражении. Штурбенахт (контр-адмирал) галерного флота (с 1719), вице-адмирал и член Адмиралтейств-коллегии (с 1721). В 1721—1723 гг. руководил строительством Галерной гавани в Петербурге, в 1723—1724 гг. работал на воронежских верфях. С 1725 г. командовал галерным Балтийским флотом и Петербургским портом.

³⁵ Лефорт Петр, бригадир, племянник Ф. Я. Лефорта.

³⁶ О деле К. И. Крюйса см. ниже.

³⁷ Эреншельд Нильс (1674—1728), шведский флотоходец, адмирал (с 1721). Прославился в сражении у мыса Гангут, о котором здесь идет речь.

³⁸ Выше автор описал перипетии подготовки и хода морского сражения при мысе Гангут у побережья Финляндии. Сражение 27 июля 1714 г. между отрядом шведского контр-адмирала Н. Эреншельда и русским галерным флотом хорошо изучено в шведской и русской литературе. П. Г. Брюс верно сообщил о прорыве 26 июля 20 гребных судов (малых галер, или скампавей) под командованием М. Х. Змаевича между мысом Гангут (Ханко) и шведским зарусским флотом из 7 линейных кораблей и 2 фрегатов. Вслед за авангардом прошли 15 скампавей П. Лефорта. Утром 27 июля так же прорвался основной русский отряд. Окруженный Н. Эреншельд (имел под своей командой фрегат, 6 галер и 3 шхербота) сражался отчаянно, однако сражение завершилось победой превосходящих русских сил. Приведенные П. Г. Брюсом цифры потерь почти абсолютно точно соответствуют данным других источников. Правда, не совсем точно указано количество пушек у шведов. (О Гангутском сражении см.: *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 259—263; *Новиков Н. В.* Гангут: Кампания 1713 и 1714 гг. на финляндском театре. Гангутская операция и бой 27 июля 1714 г. М., 1944; *Тарле Е. В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949. С. 45—47).

³⁹ Царь прибыл в Екатерингоф вечером 6/17 сентября. Имя новорожденной царевны — явная описка П. Г. Брюса, ведь Анной звали старшую дочь Петра I и Екатерины Алексеевны. 8/19 сентября 1714 г., т. е. вскоре после возвращения царя, в Екатерингофе родилась царевна Маргарита (Походный журнал 1714 года. С. 46, 76).

⁴⁰ П. Г. Брюс точно называет дату празднования — 9/20 сентября 1714 г. Порядок шествия судов, затем процессии на суше подробно описаны Ф.-Х. Вебером в первой части «Преображенной России» (*Вебер Ф.-Х.* Записки. Стб. 1096—1098). Однако описание П. Г. Брюса содержит ряд отличий. Сопоставление двух документов интересно само по себе — каждый явственно отмечен индивидуальностью автора, хотя и возможно, что за обоими стоит общий печатный источник. Существует русский документ, опубликованный накануне торжества, 8 сентября: «Объявление нынешнего триумфального входа его царского величества в Санкт-петербург, которой каким образом будет, и то укажет по нумерам ниже сего» (см.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. Описание славяно-русских книг и типографии 1698—1725 годов. СПб., 1862. С. 337; то же в кн.: *Быкова Т. А., Гуревич М. М., Козинцева Р. И.* Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог. Дополнения и приложения.

Л., 1972. № 30 (114). С. 21). «Объявление» напечатано также в кн.: Берх В. Н. Жизнеописание генерал-адмирала графа Федора Матвеевича Апраксина. СПб., 1825. С. 14—16. — В одном из «журналов» процессия показана так: «...пошли к Питербурху сим образом: перво три наши скампаваи; потом шесть галер, потом фрегат; за ними наша и еще две наших же скампаваи» (Походный журнал 1714 года. С. 47).

⁴¹ Должно быть три шхербота.

⁴² Непонятно, почему во множественном числе — был только один фрегат «Элефант».

⁴³ Голицын Михаил Михайлович (1675—1730), князь, русский государственный деятель, полководец, флотоходец, генерал-фельдмаршал (с 1725). Начал службу в 1687 г., участвовал в Азовских походах 1695—1696 гг.; герой Северной войны 1700—1721 гг. В Гангутском сражении командовал арьергардом русского галерного флота. Генерал-аншеф с 1714 г. В конце 1721—1722 г. в отсутствие Петра I и А. Д. Меншикова «имел вышнюю команду над С.-Петербургом и прочими принадлежащими ему крепостями». В 1728—1730 гг. — президент Военной коллегии, сенатор и член Верховного тайного совета. С воцарением Анны Ивановны в 1730 г. был уволен в отставку (Экстракт о службах генерала кавалера князя Голицына... // ВИМ. Вып. I. № 368. С. 315—326). М. М. Голицын был широко известен личным мужеством, отвагой, скромностью, добрым отношением к солдатам и матросам, гуманизмом к мирному населению на территории противника. Превосходную развернутую характеристику дал князю Л. Ю. Эренмальму (см. перевод: *Беспятых Ю. Н.* Сочинение Л. Ю. Эренмальма «Состояние России при Петре I» (1714 г.) // История СССР. 1984. № 5. С. 145—146). С 14 марта 1714 г. М. М. Голицын имел чин полного генерала (Экстракт о службах... С. 321).

⁴⁴ Армфельт Карл Густаф (1666—1736), барон. Шведский военный деятель, генерал. Участвовал в Северной войне с самого ее начала, с 1713 г. — главнокомандующий финляндской армией. В 1714 г., уходя от русских войск, оставил Финляндию.

⁴⁵ Город Ваза (Вааса, Ваза) был занят армией М. М. Голицына 23 марта 1714 г. (*Бородкин М. М.* История Финляндии: Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 161). В нем князь захватил 9 чугунных пушек (Экстракт о службах... С. 321). Однако речь идет, без сомнения, о сражении в четырех милях от города у дер. Наппо (Лаппола) 19 февраля 1714 г., победном для русских. В нем были захвачены чугунная 12-фунтовая гаубица и 7 чугунных 3-фунтовых пушек (Сб. ВИМ. Вып. I. Приложение. № 24. С. 55).

⁴⁶ Ошибка: при дер. Наппо было взято 20 шведских знамен (там же, с. 55).

⁴⁷ Ромодановский Федор Юрьевич (ок. 1640—1717), князь, русский государственный деятель. С 1686 г. до смерти возглавлял Преображенский приказ. С 1697 г. во время отлучек Петра I являлся наместником в Москве и фактически правителем страны, именовался «князем-кесарем».

⁴⁸ «Орел не ловит мух» (лат.) — намек на название захваченного шведского фрегата «Элефант» («Слон»).

⁴⁹ Ср. о том же в кн.: *Вебер Ф.-Х.* Записки. Стб. 1097—1098. — В русском источнике читаем: «И вшедши в город, господин контра-адмирал, и с шаутбейнахтом, и с морскими офицеры вошел в палату, в которой сидел государь князь Федор Юрьевич под болдахином, которой господина контра-адмирала тут пожаловал в виц-адмиралы» (Походный журнал 1714 года. С. 77). Другой «журнал» сообщает: «...и пристали к пристани и шли полоненики и шубенахт шведской Эреншельт за своим флагом, и его величество шел в строю полковник Преображенской, и пожалован его величество от цесаря Ромодановскаго в виц-адмиралы синий флаг, и кушали» (там же, с. 129). Об этом торжестве сообщила немецкая газета «Europäische Fama» (1714. Th. 163. S. 721).

⁵⁰ По-видимому, разговор с Н. Эреншельдом и речь Петра I перед сенаторами заимствованы П. Г. Брюсом из труда немецкого дипломата; ср.: *Вебер Ф.-Х.* Записки. Стб. 1098, 1074—1705.

⁵¹ Явный анахронизм в повествовании, ибо ассамблеи были учреждены только в конце 1718 г. Согласно «Объявлению» Петра I, ассамблеи должны были проводиться с 4—5 до 10 час. вечера (*Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 199—204).

⁵² Речь идет о петербургской Морской академии, учрежденной в 1715 г.

⁵³ Цифра слишком высока, см. примеч. 25.

⁵⁴ Совершенно фантастическая версия опалы К. И. Крюйса. Еще В. Н. Берх, знакомый с немецким переводом труда, изложил этот рассказ, заключил, что «Брюсово повествование заслуживает мало доверия» (*Берх В. Н.* Жизнеописание российского

адмирала К. И. Крюйса. СПб., 1825. С. 42—43). В действительности же летом 1713 г. К. И. Крюйс, погнавшись за неприятельскими кораблями, посадил на мель один из своих (50-пушечный «Выборг»). Суд, состоявшийся в декабре 1713—январе 1714 г., приговорил вице-адмирала к смертной казни, замененной ссылкой в Казань. В 1715 г. К. И. Крюйс был возвращен в Петербург и служил в Адмиралтействе. В 1717 г. получил должность вице-президента учреждаемой Адмиралтейств-коллегии, в 1721 г. — чин адмирала. О деле К. И. Крюйса см.: *Соколов А. Л.* Суд над вице-адмиралом Крюйсом 1713 года : (Эпизод из истории русского флота) // Морской сборник. 1849. № 1. С. 57—76.

⁵⁵ Анна Петровна (1708—1728), старшая дочь Петра I и Екатерины Алексеевны, в 1725 г. была выдана за герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха, в 1721—1727 гг. жившего в Петербурге.

⁵⁶ Елизавета Петровна (1709—1761/1762), вторая дочь Петра I и Екатерины Алексеевны, будущая российская императрица (с 1741).

⁵⁷ Екатерина Ивановна (1691—1733), старшая дочь Ивана V Алексеевича и Прасковьи Федоровны. Весной 1716 г. была выдана за герцога Мекленбургского Карла Leopolda.

⁵⁸ Прасковья Ивановна (1694—1730), младшая дочь Ивана V Алексеевича и Прасковьи Федоровны.

⁵⁹ Меншикова Дарья Михайловна (1682—1728), с 1706 г. жена А. Д. Меншикова. Из старинного боярского рода Арсеневых. Умерла на пути в сибирскую ссылку близ Казани.

⁶⁰ Долгорукий (Долгоруков) Василий Васильевич (1667—1746), князь, русский государственный и военный деятель. Участник Северной войны, фельдмаршал (с 1727). Речь здесь идет о комиссии по расследованию злоупотреблений, созданной в 1713 г., которую он возглавил (см.: РБС. 1905. Том «Дабелов—Дядьковский». С. 508).

⁶¹ Текст о расследовании и казнях заимствован у ганноверского дипломата (ср.: *Вебер Ф.-Х.* Записки. Стб. 1121—1122), и мы не станем его здесь специально комментировать.

⁶² Явный анахронизм: институт фискалов, осуществлявший административно-финансовый и судебный надзор, был учрежден Петром I еще указом от 2 марта 1711 г. В гражданских делах высшим должностным лицом был обер-фискал (должность генерал-фискала появилась в 1723 г.), в губерниях — провинциал-фискал, имевший «под собой» «нижних», городских. Под «генерал-фискалом» П. Г. Брюс имеет в виду, надо полагать, Н. М. Зотова, назначенного в августе 1711 г. государственным фискалом. В армии, согласно Воинскому уставу 1716 г., имелся генерал-фискал, в дивизиях — обер-фискалы, в полках и гарнизонах — фискалы. П. Г. Брюсу известно, как видим, также о распоряжении от 17 марта 1714 г., по которому фискал за доклад, сделанный с корыстными целями и оказавшийся ложным, должен был нести наказание, какое полагалось бы его жертве, если бы факты по доносу подтвердились. Фискалы были упразднены при Анне Ивановне, около 1732 г. (*Стешенко Л. А.* Фискалы и прокуроры в системе государственных органов России первой четверти XVIII в. // Вестник МГУ. 1966. Сер. XII. Право. № 2. С. 51—58).

⁶³ Офицерские оклады действительно изначально имели три разные градации. Особенно это интересно в отношении иностранцев, давно живших в России и занявших как бы промежуточное положение. Оберстер-кригс-комиссар Л. С. Чириков по этому поводу так высказался в своем «Предложении» (8 сентября 1712 г.): «И хотя в табелях определены два оклада, а именно: первый высокий иноземский оклад, второй русский, но в службе его царского величества обретаются иноземцы старых выездов, и ежели им положить оклад против табели высокий иноземский, и в этом будет убыток казне царского величества» (Сб. ВИМ. Вып. I. Приложения. № 364. С. 295).

⁶⁴ Имеется в виду Почтовый дом (двор).

⁶⁵ Князь Михаил Михайлович Голицын, глава русской военной администрации в Западной Финляндии и командующий финляндским корпусом; см. примеч. 43.

⁶⁶ Шереметев Борис Петрович (1652—1719), русский военный деятель и дипломат. Служил при дворе с 1665 г. Воевода и тамбовский наместник (с 1681), боярин (с 1682). В 1697—1699 гг. с дипломатическими поручениями посетил Польшу, Австрию, Италию и о. Мальта. Участник Северной войны. Генерал-фельдмаршал с 1701 г. Граф с 1706 г. В Полтавской битве 27 июня 1709 г. командовал всей пехотой русской армии. Здесь речь идет о марше корпуса Б. П. Шереметева в Померанию в марте 1715 г. (*Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. С. 98).

⁶⁷ Как уже отмечалось, цифра ошибочна (см. примеч. 25).

⁶⁸ Петр Алексеевич (1715—1730), будущий российский император Петр II (с 1727). Он родился 12/23 октября. Ошибка в дате на один день может быть предположительно объяснена заимствованием у Ф.-Х. Вебера, написавшего: «22-го числа царю привезли объяснение о том, что супруга царевича разрешилась от бремени великим князем» (*Вебер Ф.-Х. Записки. Стб. 1336*). Царь в это время был в Шлиссельбурге.

⁶⁹ Шарлотта-Христина-София скончалась 22 октября 1715 г. (Походный журнал 1715 года. СПб., 1855. С. 28). О ее кончине ср.: *Вебер Ф.-Х. Записки. Стб. 1338—1340*.

⁷⁰ Петр Петрович родился поздно вечером 28 октября (8 ноября) 1715 г. (Походный журнал 1715 года. С. 28, 42) или рано утром 29-го (там же, с. 73).

⁷¹ Ср.: *Вебер Ф.-Х. Записки. Стб. 1340—1341*.

⁷² Патриаршество в России было упразднено Петром I с кончиной патриарха Адриана в 1700 г.

⁷³ Зотов Никита Моисеевич (1644—1718), один из приближенных Петра I. В конце 1670—начале 1680-х годов был его учителем. Дьяк Челобитного, Поместного, Сыского и других приказов, начальник царской походной канцелярии в Азовском походе 1695 г. С 1701 г. заведовал Ближней канцелярией и Печатным приказом. Граф с 1710 г. «Всешуйшему патриарху» в год этой свадьбы было 71.

⁷⁴ Описание маскарада, состоявшегося в январе 1715 г., у ганноверского дипломата в ряде мест иное, см.: *Вебер Ф.-Х. Записки. Стб. 1155—1156*.

⁷⁵ Как упоминалось выше, Марфа Матвеевна умерла 31 декабря 1715 г. (11 января 1716 г. по н. ст.). Ошибка перекочевала в «Мемуары...» из «Преображенной России» (см.: *Вебер Ф.-Х. Записки. Стб. 1342—1343*).

⁷⁶ Шумахер Иоганн-Даниил (1690—1761), в России с 1714 г. С учреждением Петербургской академии наук в 1724 г. стал ее секретарем, заведовал академической канцелярией и библиотекой, устраивал типографию и словолитню.

⁷⁷ В русской традиции: Арескин Роберт Карлович (ум. в 1718), доктор медицины и философии. В России с 1706 г. Лейб-медик Петра I (с 1713), заведовал также Кунсткамерой и царской библиотекой (с 1715), глава Аптекарского приказа и архиатр (т. е. «первый медик» России) с 1716 г.

⁷⁸ Глобус был подарен Петру I от имени малолетнего тогда герцога Гольштейн-Готторпского.

⁷⁹ В конце XVII—первой четверти XVIII в. в Москве и ее окрестностях возникло 3 казенных и частных полотняных и парусных мануфактуры, а всего по стране — 8. В суконной промышленности к 1724 г. — 9 предприятий в Москве и 15 по стране (*Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947. Приложение 3. Список мануфактур, возникших при Петре I (с 1695 по 1725 г.). С. 167—168, 171—173*).

⁸⁰ Стеклозное производство охватывало с конца XVII в. по 1724 г. 9 предприятий (там же, с. 174—175).

⁸¹ В 1696 г. был основан казенный парусный «Хамовный двор» в с. Преображенском на р. Яузе, в 1714—1724 гг. — 4 частных (2 в Московском уезде на р. Клязьме, по одному — в Малоярославском и Переяславском уездах). Канатных дворов до 1710 г. было 2 под Москвой — «старый» и «новый», один в Ревеле (возник до 1718 г.); также Канатный, или прядильный, двор в Петербурге (возник до 1718 г.). В Архангельске канатное дело существовало еще в первой половине XVII в., потом прекратилось и вновь было налажено Петром I (*Заозерская Е. И. Мануфактура... С. 167—168, 178—179; Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. М., 1947. С. 160—161; Репин Н. Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1710—начале 60-х годов XVIII в.: Докт. дис. М., 1985. С. 150—152*).

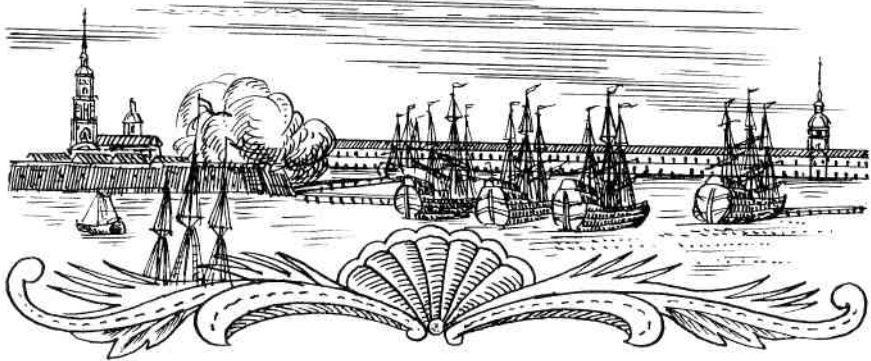
⁸² Под 1711 г. источники упоминают подполковника Еремея Шварта (Шварца), служившего в Казани (Сб. ВИМ. Вып. V. № 130. С. 172; П и Б. Т. 11. Вып. 1. № 4235. С. 53; № 4295. С. 106).

⁸³ Речь идет о немцах, в составе шведской армии сдавшихся в плен под Полтавой и Переволочной (1709 г.) и отправленных затем в Казань и Астрахань. См. об этом наш комментарий в кн.: *Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворта. М.; Л., 1988. С. 173—174*; см. также: *Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском министерстве юстиции. М., 1888. Кн. 5. Отд. II. Обзорения и описи документов. № 32. С. 98—99. О стычке с кубанскими татарами то же у Ф.-Х. Вебера (Записки. Стб. 1345).*

⁸⁴ Царская чета с Екатериной Ивановной покинула Петербург, направляясь в Данциг, 27 января (7 февраля) 1716 г. (Походный журнал 1716 года. СПб., 1855. С. 15) и действительно 18/29 февраля прибыла в этот город. Бракосочетание совершилось 8/19 апреля (там же, с. 17, 19). См. об этих событиях и замужестве царевны Екатерины Ивановны в кн.: *Семевский М. И.* Царица Прасковья. 1664—1723: Очерк из русской истории XVIII века. М., 1989. С. 65—105.

ДИАРИУШ ПУТИ ИЗ ВИЛЬНО В ПЕТЕРБУРГ
И ПРЕБЫВАНИЯ В НЕМ
ЕГО СВЕТАЙШЕЙ МИЛОСТИ
ГОСПОДИНА САПЕГИ,
СТАРОСТЫ БОБРУЙСКОГО, А ТЕПЕРЬ
ФЕЛЬДМАРШАЛА РОССИЙСКИХ ВОЙСК

16 февраля. Его милость господин староста Бобруйский со своим сыном его милостью господином старостой Здзитовским¹ выехали из Вильно в Петербург, в обществе с ними в тот же путь взяты были их милости господа старосты Мерецкий и Любошанский, а также его милость генерал-майор российских войск господин Урбанович, командированный в Литву его милостью князем Меншиковым для сопровождения упомянутых их милостей в Петербург. Капелланом в путешествии [был] его милость ксендз Санкович, доктор священного богословия ордена проповедников; также [был] его милость господин Подолец, и набралось немало других друзей и слуг.

21 февраля. Вышепоименованные их милости остановились в Риге в пять часов пополудни в предместье у Русского рынка.

22 того же месяца. Рижский комендант и иные важные офицеры делали визиты. В тот же день их милости были приглашены на обед рижским генерал-губернатором его милостью князем Репниным.² В 12 часов поехали в замок, где упомянутым его княжеской милостью были превосходно приняты и торжественно потчеваны.

23 того же месяца. С утра в 10 часов тот же его милость князь Репнин был с визитом к его милости г. старосте Бобруйскому. Выйдя из кареты и прежде чем войти в комнату, он сразу извинился, что ему следовало раньше оказать эту честь, однако не хотел беспокоить утомленных путешествием [господ]. Пробыв час, он уехал.

В тот же день его милость господин староста Бобруйский обедал в своей резиденции, на обеде присутствовали приглашенные рижский комендант и иные важные офицеры. После обеда в 4 часа его милость господин староста Бобруйский и другие вышепоименованные их милости выехали из Риги в предпринятый путь, в котором для предоставления всяких удобств и услуг, также чтобы облегчить получение лошадей на почтах, был придан генерал-адъютант его милости князя Меншикова его милость господин Бальцер, уже несколько дней ожидавший в Риге прибытия их милостей. Их милости ехали императорской почтой до самой Нарвы — довольно значительного города над рекой Нарвой,³ в каменных стенах и хорошо укрепленного, милях в трех от моря.

28 февраля. Остановились в Нарве в предместье на дворе его милости князя Меншикова и, пообедав, в тот же день выехали почтой уже его княжеской милости — расставленной до самого Петербурга.

Итак, первая почта от Нарвы 27 верст до Ямбурга — собственного городка и крепости его милости князя Меншикова, где находится его хрустальный завод. Помимо рюмок, стаканов и иного превосходного стекла, на этом заводе делают малые и большие зеркала и другие очень красивые превосходные вещи.⁴

Оттуда вновь до владения его милости князя Меншикова, называемого Копорье, на расстоянии 30 верст от Ямбурга. Там городок и замок с весьма красивой и удобной резиденцией.

1 марта. По прибытии обедали в замке и были потчеваны тамошним губернатором. После обеда же сразу выехали на ночь в Ораниенбаум. [Это] большой каменный дворец его милости князя Меншикова над самым морем, воздвигнутый великолепно и ценой значительных расходов, со всякими особенными внешними и внутренними украшениями и видами, итальянскими садами и разными красотоми. От него вид на Кронштадт — поставленную в море крепость. Итак, там были потчеваны и ночевали со всякими удобствами в богато убранных постелях.

2 марта. Въехали в Петергоф — императорский дворец великолепной архитектуры, снаружи и внутри хорошо украшенный. Там в доме архитектора ради любопытства рассмотрели рисунок очень красивого мавзолея, который из одного мрамора уже делают в Италии за большую цену для тела императора, ибо, как слышу, будет стоить больше двух миллионов. Оттуда — до второго императорского дворца, называемого Монплеизир и заслуживающего высокой оценки как за архитектуру, так и за украшения, [потребовавшие] немалых расходов.

Миновав много и других довольно изысканных дворцов, [прибыли] во дворец его милости князя Меншикова, названный «Фаворит»; дворец имеет особенные украшения для всяких удовольствий.⁵ Обедав и будучи попотчеваны тамошним губернатором, ехали морским берегом по суше 15 верст — вдоль реки Нарвы,⁶ а затем Перспективой, прорубленной через лес (в котором густо стояли небольшие усадьбы красивой постройки), до самого Петербурга и в тот же день, то есть 2 марта в пять часов пополудни прибыли

в Петербург. Там для пребывания их милостей был определен отдельный дворец его милости князя Меншикова, стоящий совсем рядом с обычной резиденцией их милостей князя и княгини.⁸ В отведенном дворце были не только достаточные удобства в приготовленных для каждого из друзей и их слуг апартаментах, но и всякие яства на столы господские и людские, также изобильно выставлялось разных напитков при караулах и людьми, специально приданными к каждому покоям для услужения.

Через час после приезда их милостей сам его милость князь Меншиков прибыл со своим сыном⁹ в сопровождении генералов и офицеров, чтобы поприветствовать, и, тысячекратно обняв его милость господина старосту Бобруйского, выказал всевозможные радостные чувства, из чего всякое видно было удовлетворение. Затем в доверительной беседе представил в главном и важнейшем завтрашний прием у ее милости императрицы;¹⁰ для приема ее величеством будет назначено время. Проведя там два часа, его милость князь отправился к себе.

3 марта. С утра в восемь часов сам его милость князь, прибывший с поручением от ее императорской милости в резиденцию их милостей, сообщил, что ее императорская милость назначает аудиенцию на 10 часов, и заявил о своей готовности провожать их туда. А между тем, пригласив их милостей к себе на обед, пошел в свой дворец. После богослужения в зале, перед десятью часами подъехало несколько карет его милости князя как для самих их милостей, так и для их людей, со свитой верхами в соответствии со здешним обыкновением, а затем и сам его милость князь прибыл с сопровождением, и тотчас же выехали во дворец ее императорской милости. Его княжеская милость, взяв в свою карету его милость господина старосту Здзитовского, ехал впереди всех карет. И так сопроводив их милостей до самой передней, где собралось много сенаторов и здешних министров, его милость князь сам пошел в покои ее императорской милости. Наконец сама ее императорская милость в сопровождении многих кавалеров и самого его милости князя, а также при многочисленном траурном за собой придворном штате вышла в упомянутую переднюю со своею дочерью ее милостью цесаревной.¹¹ После краткого торжественного приветствия его милости господина старосты Бобруйского целовали ей (императрице. — Ю. Б.) руку, а потом, после непродолжительной беседы при весьма приятном, однако, со стороны ее милости императрицы расположении (когда при каждом проявлении униженности его милости господина старосты Бобруйского брала его за плечо), поехали к его милости герцогу Голштинскому¹² и приветствовали его. Но из-за проходившего тогда в его покоях немецкого богослужения были там недолго и поехали во дворец его милости князя Меншикова на обед. Там, поприветствовав самое ее княжескую милость и всю фамилию в первых комнатах, пошли в залу — весьма красивой архитектуры, к тому же убранную большими и малыми зеркалами и другим, где были торжественно потчеваны при истинном дружелюбии и расположении их милостей князя и княгини. А при дальнейшем про-

должении этого веселья их милости князь и княгиня выказывали большое удовлетворение, и его милость князь постоянно с еще бóльшим расположением выражал свою искренность и дружбу и также говорил об удивительных путях Господних, что от такой великой вражды при общественном в государствах смятении теперь приходим не только к искренней дружбе и близости, но и к соединению нашей фамилии.

После немалого угощения в зале в завершение веселья пошли в покои их милостей княжон¹³ и там вновь, будто бы по их желанию, побуждаемые его милостью князем, поднимали немалые бокалы за счастливое соединение фамилий. После такого угощения, длившегося до позднего времени, и после настойчивых просьб их милости были отпущены и ушли в свою резиденцию, провожаемые до самой последней лестницы его милостью князем, а до самого места — в сопровождении их милостей господ генералов и офицеров его милости князя.

4 марта. После богослужения в зале своего дворца их милости выехали с визитами к их милостям господам здешним сенаторам и министрам, также к иностранным послам, резидентам и т. д.; некоторые, например, польский¹⁴ и шведский,¹⁵ а также здешние министры хотели упредить их милостей, но уже не застали в резиденции. На обед вернулись к себе, а после обеда, когда его милость князь опять прислал кареты с конным сопровождением, выехали с визитами, продолжавшимися до самого вечера.

5-го того же месяца. С утра их милости принимали приезжавших с визитами господ сенаторов и министров, а после обеда отправились с визитом к их милостям герцогине Курляндской¹⁶ и герцогине Мекленбургской,¹⁷ а потом и к иным их милостям соответственно их рангам.

6-го того же месяца. В этот день никуда не выезжали из своей резиденции, но принимали у себя прибывавших с визитами. В тот же день отдавали визиты от имени своих принцепалов: от ее милости герцогини Курляндской — генерал Бестужев,¹⁸ ее обер-гофмейстер; также от его милости герцога Голштинского — барон Геенрафф, обер-президент, обер-гофмаршал и первый министр его герцогской милости.

7-го того же месяца. С утра тоже принимали визитеров, а когда в обычное время их милости сели к столу, неожиданно и, похоже, преднамеренно в самом начале обеда пришел его княжеская милость Меншиков с его княжеской милостью Голицыным;¹⁹ с доверительной непринужденностью и безо всяких церемоний они сели за стол и, поднимая бокалы, провозглашали заздравные тосты, прежде всего за ее императорскую милость. Пробыв после обеда часа два, его княжеская милость Меншиков отправился в свой дворец, а их милости поехали на прогулку, особенно в здешнюю крепость, где в церкви Св. Петра покоится тело императора на высоком катафалке под бархатным кармазинным балдахинном, богато расшитым золотом с золотой бахромой. У этого катафалка на четырех углах стоит караул с алебардами, повязанными черным крепом, а в сере-

дине, у самого гроба, стоят двое в черных плащах и с обнаженным оружием.

В этой же крепости находился императорский монетный двор, обнесенный высокой кирпичной стеной.²⁹

Оттуда ездили за несколько верст в крепость Орешек с визитом к князю Долгорукому, а вернувшись в город, отдавали визиты некоторым их милостям, по их рангу. В свою резиденцию вернулись уже поздним временем. Его милость герцог Голштинский и его милость князь Меншиков в сопровождении своих министров и генералов прибыли к его милости господину старосте Бобруйскому и, проведя часа три за ночным веселым угощением, уехали.

8 марта. Утром и после обеда делали визиты некоторые важнейшие генералы и офицеры. Потом же их милости пошли с визитом к его милости князю молодому сыну его милости князя Меншикова, который еще хотя и юн — ему только двенадцатый год, однако хорошо воспитан, наделен превосходными природными способностями, живостью; он со всяческой изысканностью и приветливостью принимал в своей резиденции и угощал не только одних их милостей, но и всех бывших там сопровождавших, сам подавая каждому на подносе рюмки. Проведя там час, их милости пошли к самой ее княжеской милости, матери молодого князя, их сопровождал его княжеская милость. Там среди разных бесед ее княжеская милость вновь выразила свое удовлетворение взаимной дружбой и соединением фамилий, а также пожелала навсегда сохранить истинную и неизменную дружбу и доверительность. Туда сразу пришли их милости княжны, за которыми ее княжеская милость посылала его милость г. старосту Здзитовского, уже называя его своим сыном и выказывая его милости особенную любовь. Проведя там часа два, их милости ушли в свою резиденцию, а его милость господин староста Здзитовский, сопровождаемая княжон до их комнат, еще остался.

9 марта. Некоторые их милости господа генералы хотя уже были с визитом, все же приезжали для установления доверительной дружбы и доверия; одни, побеседовав, уехали, а другие остались, будучи приглашены на обед.

10-го того же месяца. Также с утра их милостям делали визиты вице-адмирал, генерал-майоры, полковники и т. д., из них некоторые католики остались на богослужение, а после него, будучи приглашены на обед, кушали в резиденции его милости господина старосты Бобруйского. После обеда его милость князь Меншиков прислал к его милости господину старосте Бобруйскому с приветствием, и что хотя он не совсем здоров, однако будет рад, если [господин староста] наведается к больному. И его милость частным образом и в немногочисленном сопровождении пошел во дворец его княжеской милости, где был князем и княгиней превосходно принят и потчеван со всяким отличием, но сам его княжеская милость за нездоровьем воздержался от крепких напитков. Проведя некоторое время в покоях их милостей князя и княгини, все вместе пошли к их милостям княжнам, которых застали играющими в карты с его милостью молодым князем и его милостью господином ста-

ростой Здзитовским. Через полчаса доложили, что приехала ее милость герцогиня Курляндская навестить будто бы больного его княжескую милость. Сразу пойдя встречать упомянутую герцогиню, застали ее уже в кабинете его княжеской милости. После приветствий, не желая доставлять беспокойство князю при его нездоровье, сели посредине комнаты. Побеседовав на разные темы, ее милость герцогиня Курляндская принесла поздравления по поводу будущего брака ее милости княжны с его милостью г. старостой Здзитовским, а также столь достойной пары. Ее герцогская милость пробыла более двух часов, а когда вознамерилась уезжать, по здешнему обычаю ей целовали руку сами их милости князь и княгиня и вся их семья, а также их милости господа старосты Бобруйский и Здзитовский. Князь провожал только до первой лестницы, так как дальше ее милость герцогиня Курляндская не позволила ему за его нездоровьем. А его милость господин староста Бобруйский сопровождал ее милость княгиню Меншикову. Там от лестницы, где должен был вернуться его княжеская милость, он поручил его милости господину старосте Бобруйскому далее служить ее милости герцогине Курляндской, которую он и проводил до самой кареты. Возвращаясь наверх к их милостям князю и княгине, он сопровождал сестру его милости князя Меншикова Варвару Михайловну,²¹ которая также до самой кареты вместо его княжеской милости провожала упомянутую герцогиню Курляндскую. Затем его милость господин староста Бобруйский, не желая более причинять беспокойство своим присутствием его княжеской милости при его нездоровье, сразу пошел в свою резиденцию, будучи приглашен его княжеской милостью на угощение на вторник, то есть 12-е число, — это был день рождения его милости молодого князя, ежегодно отмечавшийся.

11 марта. От шведского посла к их милостям был прислан кавалер с приглашением назавтра на обед к его принципалу, однако, извинившись уже данным его княжеской милости обещанием по случаю дня рождения его сына, выразили готовность служить его милости послу в другое время.

12-го того же месяца. С утра его милость господин староста Бобруйский послал с поздравлением и подарками к его милости молодому князю, а также и княжнам при этом торжестве их брата послал особые подарки. Сам же он для некоторых переговоров был в 10 часов у его княжеской милости, где провел час и удалился к себе. В 12 же часов все их милости пошли во дворец его княжеской милости на обед, где уже собралось много сенаторов и министров как здешних, так и чужеземных, а также генералов, важнейших офицеров и других кавалеров; сразу затем прибыл и его милость герцог Голштинский со своими министрами.

Потчевали в зале, которая была занята установленными квадратом четырехугольными столами, только в середине оставлено место для прохода людей. А когда сажались, первое место занял его милость герцог Голштинский, второе слева от него великий адмирал Апраксин, третье — его милость староста Бобруйский, за ним сенаторы и здешние министры расположились по своим рангам. С другой

же стороны от герцога Голштинского первенство имели иностранные министры. Его милость господин староста Здзитовский уже в качестве своего — после сенаторов, министров и высших генералов — сидел как раз напротив его княжеской милости, а его милость господин староста Любошаньский выше, рядом с его княжеской милостью. Его милость господин староста Мерецкий, будучи тогда болен, в обществе не присутствовал. И это веселье продолжалось до самого вечера, а весь дворец его княжеской милости, снаружи весьма красиво украшенный огнями, был иллюминирован долее, чем до полуночи.

13 марта. После вчерашнего угощения у его княжеской милости их милости долго отдыхали. После обеда же прибыл от двора камергер, приглашая от имени ее императорской милости на завтрашний обед.

14-го того же месяца. Когда уже приближалось обеденное время, его княжеская милость прислал три богатые кареты шестерками прекрасных коней, запряженных кавалькадой, с приглашением прибыть ровно в двенадцать часов в покои ее императорской милости. Когда же в назначенный час въехали во дворец, кавалеры приняли выходящих из карет и проводили в покои, где был стол, накрытый на 21 персону. Там встречали присутствовавшие министры: канцлер Головкин, брат адмирала Петр Апраксин²² и другие. Без промедления подали на стол — одни постные блюда, ибо сама ее императорская милость должна строго соблюдать весь пост, воздерживаясь от мясных и масляных кушаний. Наконец ее императорская милость вышла в сопровождении сенаторов, министров и других кавалеров и, выслушав приветствия его милости господина старосты Бобруйского и других их милостей, заняла свое место за столом, предоставив его милости господину старосте Бобруйскому первое место справа от себя, а по левую руку сел его милость герцог Голштинский. Напротив ее императорской милости сели по ту и другую стороны от кравчего их милости господа старосты Мерецкий и Здзитовский. Прочие же заняли места по рангам своим. Дамы, жены некоторых сенаторов, также сидели в конце этого стола с правой стороны, ибо стол был длинный, а не круглый. Часто один за другим поднимали заздравные бокалы. Согласно здешнему обычаю, на стол подали сначала холодные, а затем горячие блюда раза три, а на четвертый — сласти. Встав из-за стола, ее императорская милость несколько побеседовала, особенно о победах блаженной памяти его императорской милости, и изволила попроситься.

Их милости, вернувшись в свою резиденцию, ожидали также возвращения его милости князя Меншикова от ее императорской милости, и как только он приехал в свой дворец, тотчас пошли туда, допоздна были на конфиденциальном угощении и удалились в свою резиденцию, а его милость господин староста Здзитовский остался еще у их милостей княжон.

15 марта. Утром и после обеда их милости, не имея никакого развлечения, играли в карты, только к вечеру был с визитом его милость господин Головкин — генерал-майор, сын канцлера.

16-го того же месяца. Почтовый день задержал каждого в своей комнате, а вечером прибыл нарочный гонец из Домбровной с почтой от их милостей господ великого маршала и стольника литовских. Был также прислан кавалер от его милости герцога Голштинского, пригласивший их милостей от имени своего принцепала на завтрашний обед.

17-го того же месяца. После богослужения в зале их милости в 12 часов отправились на обед к его милости герцогу Голштинскому, где уже застали его милость князя Меншикова и других важных сенаторов. Когда же сажались за стол, их милости герцог и герцогиня²³ предложили его милости господину старосте Бобруйскому занять самое первое место справа, а слева заняли места его милость князь Меншиков, за ним адмирал Апраксин, затем и другие их милости господа сенаторы и свои министры по их рангам. И были торжественно потчеваны до 5 часов их милостями герцогом и герцогиней, так как и сама ее герцогская милость придавала угощению не менее веселья и при особенной своей красоте жаловала их милости всяческой благосклонностью и приятной беседой. Их милости, вернувшись оттуда в свою резиденцию, через полчаса пошли во дворец его милости князя Меншикова, будучи приглашены играть в карты, где в продолжение часов трех поразвлекавшись более беседой, нежели картами, отправились к себе.

18 марта. На некоторую конференцию в своих интересах его милость господин староста Бобруйский поехал к советнику его милости герцога Голштинского, однако вскоре вернулся к себе на обед. После обеда все их милости поехали в Кунсткамеру за пять верст от Петербурга²⁴ для обозрения различных достопримечательностей. Там видели достойные восхищения редкости, каждую из них по отдельности невозможно описать, а разве только по крайней мере рассказать о некоторых. Прежде всего показали статую его милости блаженной памяти императора — восковую, на проволоке, с точными размерами частей тела, столь превосходно выполненную, словно он сам живой сидел в кресле; статуя одета в собственное платье его императорской милости.²⁵ Сделана такая же медная статуя, стоящая в кирасе. Показывали также зародыши всех тварей. Сначала человека, зарождающегося в чреве, — от первого месяца и до самого последнего, когда он уже должен родиться, выглядящего различно. И все это — в стеклянных бутылках истинной анатомии, которая там сохраняет извлеченных из материнской утробы и законсервированных в спиртах, специально для этой цели приготовленных. Так представлены были зародыши прочих диких зверей, рыб и всяческих насекомых. Показывали также кости огромного человека, будто бы великана: из-за редкостной величины сохраняется его голова — чрезвычайно большая, с настоящим лицом, набальзамированным, спиртом пропитанным, с кожей, собранной и набитой.²⁶ Много бы понадобилось времени, чтобы увидеть, а не то что описать, всякого рода зверей, птиц, рыб и их детенышей, а также монстров людей, зверей и т. д. Здесь же в других комнатах сохраняются примечательные украшения разных наций; как редкости [собраны] разные морские каменья.

Всего этого бесконечное множество находится теперь в Кунсткамере.

19 марта. Утром отстояв обедню, после раннего обеда все их милости отправились морским берегом за 30 верст от Петербурга в Кронштадт и Кроншлот для обозрения крепости, поставленной прямо в море, и военных кораблей. Итак, прежде всего, в море есть остров длиной 3 версты, а шириной только одну; на этом острове расположен основанный город Кронштадт и уже выстроено немало довольно красивых каменных домов и дворцов, особенно императорский у самого моря.²⁷ Прямо же в море, в доброй версте от Кронштадта, построена крепость Кроншлот, — построена с особенной находчивостью и предприимчивостью на весьма глубоком месте. В полуверсте между Кроншлотом и Кронштадтом находится плотина с галереями, выстроенная в три уровня, на которых находятся орудия, направленные в сторону моря. Между этой плотинной и Кроншлотом ставят купеческие корабли, каковых и теперь больших кораблей стоит 20, а меньших — 15. Дальше к Петербургу вокруг города от этой плотины есть другая, большая, крепко поставленная в форме четверти окружности, с одними воротами с моря и довольно длинная — вокруг более двух верст. Внутри нее стоят упомянутые выше военные корабли, очень большие и превосходные, их в то время находилось 38. Там же на воде построены два больших арсенала для хранения принадлежащего к кораблям снаряжения, а также весьма обширный сарай, куда складывают шлюпки и другие суда, относящиеся к кораблям. В конце — адмиральская резиденция. Там же в углу плотины поставлено низкое здание для гауптвахты и кордегардии. На всех этих внутренних галереях плотины и вокруг самой крепости стоит, вероятно, несколько сот и более орудий, направленных в сторону моря, и это помимо тех, что на военных кораблях. По возвращении в город Кронштадт их милости были приглашены к вице-адмиралу, иностранцу по фамилии Сиверс,²⁸ который там начальствовал над кораблями и людьми. Он по приказу, присланному из Петербурга, вместе с тамошним комендантом сопровождал повсюду их милостей. Наконец пошли в дом упомянутого вице-адмирала и там допоздна были потчеваны. Ночевали во дворце его милости князя Меншикова, весьма красиво и превосходно построенном и изнутри со всевозможным великолепием, где как их милостям, так и их людям [было] всяческое удобство в еде, различных напитках и в предложенном отдыхе.

20 марта. Утром пришли к их милостям вице-адмирал и комендант, которые за вчерашнее с их милостями утомление и также за прием и угощение их людей получили от его милости господина старосты Бобруйского значительные подарки. Развлекшись примерно час разными беседами, их милости выехали оттуда за 20 верст через море на берег в Дубки для осмотра различных особым искусством производимых из железа изделий. А прежде всего, в первой кузнице 120 колес, при каждом колесе свои люди, и ничего больше, кроме стволы для ружей. Каждым колесом изнутри вывинчивают и выделывают четыре ствола. Наверху в той же кузнице той же водой, поворачивающей колеса, стволы чистят и шлифуют изнутри, чтобы не было никакого изъяна. В другой такой же кузнице 80 каменных

точил, также вращаемых водой; ими шлифуют снаружи стволы и другое. В третьей кузнице, еще большей, находится свыше ста мехов, разводящих огонь тоже при помощи воды; там выделывают замки и иные принадлежания к ружьям части. В пятой отковывают шпаги, рапиры, багинеты и т. д. В шестой железо плавят и выливают. Там силой воды пруты железа искусно расширяют вдоль на несколько частей. Наверху этой же водой из разрезанных прутков вытягивают проволоку — толстую, потоньше и самую тонкую. В седьмой делают новые якоря для кораблей, а старые переделывают. Также бьют и выделывают огромными молотами, используя силу воды. Невозможно описать и перечислить все иные предметы, которые в более чем десяти огромных кузницах выделывают силой воды, и не только делают все, что относится к железным изделиям, но также красиво гравировуют и полируют латунные части кавалерских шпаг, охотничьих ножей, ножниц и другого, отделяют ружья, оправляют шпаги и т. д. и выделывают другие изящные вещи. Кроме того, неподалеку от кузницы, через воду, много специальных мест, где готовят разные селитру, серу и порох. Также лесопильни, которые могут распиливать одновременно 60 досок. И все это водой, подведенной от моря под землей двумя каналами за версту и больше, а двумя выходящей из пруда, и эта вода течет поверху над кузницами и у каждого колеса опускается, но ее, когда надо, можно удержать легким орудием.²⁹ Так, проведя на этой прогулке от полудня до двух часов, их милости обедали в императорском дворике, однако кухня и погреб его милости князя Меншикова всегда были к их услугам. С их милостями обедал также тамошний комендант, который все это показывал и везде сопровождал. После обеда его милость господин староста Бобруйский, поблагодарив упомянутого коменданта за труды, преподнес также ему подарок, и возвратились в Петербург. Прибыли на место уже вечером; через четверть часа приехал кавалер от шведского посла с приглашением их милостей на завтрашний обед.

21 марта. После раннего обеда их милости в 10 часов поехали к телу блаженной памяти его императорской милости в крепостную церковь, где уже находились ее императорская милость со всей своей фамилией, а также все сенаторы, министры, генералы и офицеры. Богослужение проходило при очень малом числе свеч: вокруг катафалка их было только шесть, и горели четыре факела. Высоких канделябров восемь, но они не были зажжены; четыре люстры по сторонам пирамидой по восемь свеч, также висящие две хрустальные церковные по шесть свеч. При этом катафалке так же, как я выше упомянул, и во время богослужения стоял караул. После службы, которую отправлял здешний архиепископ Прокопович³⁰ в сопровождении своих прелатов, когда уже должны были выходить из церкви, ее императорская милость вступила на катафалк к гробу и там, закрывшись, приблизив голову и целуя, плакала и едва не лишалась чувств от скорби. Его милость герцог Голштинский и его милость князь Меншиков едва уговорили ее дать увести себя с катафалка. Когда она сошла, поцеловать упо-

мянúтый гроб пошли их милости герцогини Голштинская и Мекленбургская, а также ее милость цесаревна. Эта церемония продолжалась до часу дня и долее. Оттуда их милости поехали по вчерашнему приглашению на обед к шведскому послу, где были потчеваны добрым немецким обычаем, и вернулись в свой дворец.

22 марта. После обеда в резиденцию их милостей неожиданно пришел его милость князь Меншиков с доброй вестью от ее милости наияснейшей императрицы: зная достойного именем и почитаемого кавалера его милость господина старосту Бобруйского, жалует его рангом генерального фельдмаршалства над своей армией с ежегодным жалованьем 120 000 московских золотых или же доброй прусской монетой, на что [князь] тут же передал от ее императорской милости привилегию.³¹ И по случаю этого нежданного благоволения, пожалованного наияснейшей монархиней, пили за здоровье ее императорской милости, а потом проводили уходившего к себе его княжескую милость до самого места и там продолжили начатое веселье. Сам его княжеская милость, выпив большой бокал, смотрел, чтобы каждый последовал его примеру. Публичная же благодарность за эту честь была отложена на воскресенье, поскольку в этот день должна была состояться церемония главного обручения его милости старосты Здзитовского с ее милостью княжной Меншиковой в присутствии ее императорской милости и всей фамилии, а также присутствующего здесь Сената. К этому во дворце его княжеской милости снаружи и изнутри ведутся все приготовления.

23-го того же месяца. Их милости целый день провели за приемом гостей, так как все сенаторы, здешние и иностранные министры, а также генералы и другие важнейшие офицеры приезжали с поздравлениями по случаю возведения в фельдмаршалский ранг. Вечером его милость молодой князь прислал для французского платья штуку пунцового бархата, штуку плотной золотой ткани и золотую бахромку для жилета; сорочку с кружевами и к ней бриллиантовые запонки, а также золотую табакерку с большим граненым сапфиром наверху. При этом с пожеланием от его милости старого князя завтра, в день упомянутой церемонии, представиться, если возможно, ее императорской милости во французском платье как ее фельдмаршал. И поэтому, чтобы успеть приготовить наряд, на всю ночь собрали портных, велел им [выполнить заказ].

24-го того же месяца. С утра от всех полков одни за другими приходили оркестры и барабанщики поздравлять с пожалованным чином и играли свою музыку до самого полудня. Их щедро вознаграждали: раздавали на каждый полк по два чана водки и по две бочки вина. Затем неожиданно пришел его княжеская милость и после короткого с его милостью теперешним господином фельдмаршалом совещания вернулся в свой дворец. В четыре же часа пополудни, когда должны были съезжаться во дворец его княжеской милости на упомянутую церемонию, теперешний его милость господин фельдмаршал отправился туда в обществе других их милостей. И все находившиеся в зале и в иных покоях ожидали прибытия ее императорской милости. Она только в семь часов выехала от

своего дворца в сопровождении кавалеров и дам; более десяти карет ехало перед траурной каретой ее императорской милости, а первым прибыл со своей свитой его милость герцог Голштинский. Затем все знатнейшие пошли вниз, сопровождая ее императорскую милость, и взошли наверх в следующем порядке. Впереди придворные кавалеры, потом министры и сенаторы, за ними ее императорская милость, которую вел его милость герцог Голштинский. За ее императорской милостью в залу вошли ее милость герцогиня Голштинская с герцогиней Мекленбургской, ее милость цесаревна и затем дамы, которых было, наверно, около сорока. Не задерживаясь там, ее императорская милость пошла, сопровождаемая одними дамами, в покои ее милости княжны, среди сопровождавших в это время находилась и сама ее милость княжна. Вскоре ее императорская милость в том же сопровождении вновь вошла в залу, а за ней ее милости герцогиня Голштинская и цесаревна, ведя ее милость княжну Меншикову, виновницу этого торжества.

Встав там посередине, ее императорская милость взяла у молодых кольца и, обменяв, надела им на пальцы. Присутствовавший здешний архиепископ, прочтя краткую молитву, благословил их святым распятием. После этого ее императорская милость пошла к своему столу, он был отдельный и большой. За ним сидели справа от императрицы ее милость герцогиня Голштинская, рядом с нею ее милость княжна как виновница этого торжества, далее ее милость цесаревна, а за нею супруга шведского посла заключала эту сторону, так как половина стола от залы была пуста. Слева сидели его милость герцог Голштинский, герцогиня Мекленбургская и княгиня Долгорукая, а ее милость княгиня Меншикова как хозяйка заключала эту сторону. У того же стола стояли двое кравчих ее императорской милости — один подавал [блюда], а другой уносил. В этой зале было три больших и длинных четырехугольных стола, поставленных вдоль стен в три линии, за ними сидели сенаторы, министры и генералы; однако самое первое место отдано было господину старосте Бобруйскому как фельдмаршалу. Место напротив — его сыну как виновнику торжества, второе место — его милости господину старосте Мерецкому. Далее сидели по своим рангам в [еликий] адмирал Апраксин и другие. Со стороны же его милости господина старосты Бобруйского занимали свои места иностранные министры. Дамы и другие кавалеры сидели за столами, поставленными в других комнатах, так как мест было на 300 персон. Через полчаса после того, как сели за столы, его княжеская милость подошел к ее императорской милости, испрашивая позволения начать веселье за ее здоровье.

Получив позволение, он велел подать себе большой бокал и, наполнив его, встал в середине перед государыней. Он обратился сначала к его милости господину старосте Здитовскому как виновнику торжества, и они оба выпили, стоя посередине. Затем его княжеская милость, вторично подойдя к ее императорской милости, подал ей рюмку. Она, выпив за здоровье виновников торжества под громкую пушечную стрельбу и под звуки труб, литавр и другой музыки, велела налить больший бокал и подать его милости г. старосте Бобруйскому, который, обратившись к сидевшему рядом

шведскому послу, вышел с ним на середину, и оба выпили за здоровье ее императорской милости. И так же все стали выходить по двое на середину, а выпив, возвращались на свои места. С провозглашением же ее императорской милостью каждого тоста за чье-либо здоровье палили из пушек, а также когда их милости герцог и герцогиня Голштинские, ее милость цесаревна и виновники торжества пили за здоровье ее императорской милости, палили из пушек только по одному разу. Для иных же их милостей было сопровождение только труб, литавр и другой музыки. Через несколько часов ее императорская милость поднялась из-за стола и пошла в комнаты ее милости княжны. К ее императорской милости пошел его милость князь Меншиков, испрашивая позволения увеселить эту церемонию танцами. Хотя она в этом поначалу отказала из-за траура, в котором была и во время этой церемонии вместе со всей фамилией и свитой, однако же потом разрешила это кавалерам и дамам, не имевшим траурного знака, и сама со всеми присутствовавшими дамами вернулась в залу.

Итак, по воле ее императорской милости за первым французским танцем обрученных последовали дальнейшие, а потом и другие их милости продолжили разные танцы. Его же княжеская милость польским танцем в первой паре, а во второй его милость господин староста Бобруйский увеселил ее величество. Затем его княжеская милость возобновил веселье и, стоя на коленях перед ее императорской милостью, выпил за ее здоровье большой бокал и предложил другим их милостям совершить такую же церемонию.

Пробыв до часу пополудни, ее императорская милость поднялась и, будучи сопровождаема многочисленными их милостями дамами и кавалерами, отбыла в свой дворец. Проводив ее императорскую милость, некоторые их милости вернулись наверх, и все пошли к их милостям княжнам. Выпив там под пушечную стрельбу и звуки разнообразной музыки за здоровье виновников торжества, разъехались. А его милость господин староста Бобруйский, пригласив их милостей князя и княгиню со всей фамилией на завтрашний обед, пошел в свою резиденцию. Весь дворец их милостей князя и княгини снаружи с вечера всю ночь был в иллюминации. Наверху на фасаде дворца была большая картина с изображением ангела, державшего два сердца с монограммами имен в середине под одной короной и с русской надписью наверху: «Небо посылает меня утвердить союз ваш». По обеим же сторонам колонны с гербами — на одной сапежинский, на другой его милости князя Меншикова. Все это сзади украшалось превосходной иллюминацией и смотрелось так хорошо и явственно, словно горело прямо в огне. Фигура, гербы и буквы были видны более чем за полверсты, как будто смотришь с близкого расстояния.

25 марта. С утра приходили полковые оркестры и барабанщики, которые еще не были вчера, а также оркестр и певцы ее императорской милости, играя свою музыку. При этом делали визиты некоторые министры и генералы. С приближением же обеденного часа его милость господин староста Здзитовский пошел к их милостям

князю и княгине с повторением вчерашней просьбы своего отца, и в 12 часов съехались со всей фамилией, с кавалерами, домашними и свитой их милостей княжон. Их милости князь и княгиня были торжественно потчеваны под тихую музыку виолистов, и до позднего времени продолжали веселье в особенной дружбе и взаимном расположении. В завершение прибыл здешний архиепископ Прокопович, весьма просвещенный и сведущий муж, который, также будучи приглашенным на обед, извинился, что из-за некоторых своих дел и трудов не мог присутствовать. Он пригласил их милостей князя и княгиню и их милостей [польских господ] к себе на завтрашний ужин в 4 часа.

26 марта. Утром был кавалер от голштинского посла, или резидента,³² с приглашением их милостей на завтрашний обед.

В 4 часа пополудни их милости поехали к упомянутому архиепископу на ужин, где уже застали его милость князя Меншикова и других их милостей, и, проведя там несколько часов за торжественным угощением, вернулись в свою резиденцию.

27 марта. Его милость господин фельдмаршал староста Бобруйский разослал своих кавалеров и офицеров с приглашениями на завтрашний обед к себе всех здесь присутствующих сенаторов, министров, послов, резидентов, генералов и т. д. А сами их милости в 12 часов поехали на обед к голштинскому послу, где был и сам его милость герцог Голштинский. В 5 часов того же дня состоялись торжественные похороны адмирала — иностранца и католика. Провожали генералы, полковники и три полка с музыкой; стреляли не только из пушек, но и полки из ружей. А поскольку католический костел еще не достроен, его сейчас как раз возводят из дерева, то тело положили в церкви Св. Александра.

28 марта. Все вчера приглашенные их милости господа сенаторы и министры, как здешние, так и иностранные послы и резиденты, а также генералы и другие их милости в 12 часов съезжались на обед; между ними находился и его милость князь Меншиков со своим сыном. В зале было четыре больших четырехугольных стола, поставленных квадратом, а в других комнатах еще два больших круглых стола.

И эти их милости были торжественно потчеваны с немалыми расходами и пышностью, особенно же очень красиво и великолепно и богато были расставлены сласти. И пили большие бокалы за здоровье разных персон, и когда выпили за здоровье ее императорской милости и всей ее фамилии, то [его милость господин староста Бобруйский] хотел выпить за здоровье его милости князя Меншикова и всех сенаторов и министров, но его княжеская милость его намеренно опередил и, велев быстро подать себе большой бокал и налив его почти полный, обращаясь к сидевшему рядом в [еликому] адмиралу Апраксину, выпил за здоровье его милости господина старосты Бобруйского и теперь уже фельдмаршала. Долго сидели за столом, так как аж до четырех часов непрерывно пили, а когда поднялись из-за стола, тут приехал его милость герцог Голштинский с извинениями, что, будучи приглашен его милостью на обед, не смог

быть из-за своих дел. За это его милость князь Меншиков сразу поприветствовал его большим бокалом, и в скором времени его милость герцог Голштинский сравнялся с другими их милостями, пившими с обеда, поскольку все хорошо присматривали, чтобы он поскорее догнал более веселых.

А поскольку дам не было, то по начинанию и желанию его милости герцога Голштинского сами с собой забавлялись французскими и польскими танцами вперемежку. Затем ее милость княгиня Меншикова прислала на подносе много зеленых букетов, которые раздавали всем кутившим, весело осушавшим большие бокалы за ее здоровьем. Это весьма живое веселье продолжалось до 10 часов, а затем его милость герцог Голштинский, князь Меншиков и другие разъехались. Иные, особенно иностранные министры, кутили и еще пили до полуночи в резиденции его милости г. старосты Здзитовского. К вечеру того же дня ее милость княжна-невестка частным образом прислала его милости господину старосте Бобруйскому модную и богатую дорожную постель с низкой драпировкой из ярко-красного бархата, отделанную золотым позументом и бахромой; большое одеяло из дорогой плотной ткани и шлафрок из такой же ткани, подбитый горностаем.

29 марта. Их милости, подумывая уже об обратном пути в Литву, начали представлять статьи своих интересов, имевших быть улаженными с его милостью князем, но и сам его милость князь, придя в резиденцию их милостей, всячески заверил, что все эти дела легко уладить. Между тем его княжеская милость пригласил к себе всех их милостей на завтрашний обед, чтобы отпраздновать приходящийся на завтра день рождения ее милости княгини.

30-го того же месяца. Утром прибыл придворный от ее императорской милости с подарками их милостям. Прежде всего — сундук, весьма большой в длину, ширину и высоту, заполненный разными мехами; там были соболя, чернобурые лисы, песцы, горностаи, лисы и иные редкие меха. Этот сундук со всеми мехами [придворный] передал его милости г. старосте Бобруйскому. Их милостям господам старостам Мерецкому и Любошаньскому и его милости г. Подольцу, отдельно каждому из их милостей в резиденции их, этот кавалер относил и раздавал также разные меха и соболя. И за большие свои труды получил значительное вознаграждение от их милостей в виде подарков разными украшениями.

В 12 часов их милости пошли во дворец его милости князя Меншикова на обед, где уже находилось немало дам и кавалеров. Вскоре пошли в залу, там сели за уже накрытые шесть столов вдоль стен. За тремя столами по одну сторону (так как посередине было оставлено пространство для прохода) сидели дамы, их вместе с ее княжеской милостью было более тридцати. А за три стола по другую сторону сели их милости гг. сенаторы и здешние министры, уступив, однако, самое первое место его милости г. старосте Бобруйскому. Рядом с ним справа сели их милости гг. старосты Мерецкий и Любошаньский и его милость г. Подолец, а слева великий адмирал Апраксин и другие по своим рангам. Его милость же г. староста

Здзитовский кушал с княжнами в их комнатах, где находились также некоторые дамы — но только незамужние, а здесь в зале за большим столом все замужние.

Когда уже хорошо начали пить за здоровье разных персон, а прежде всего — ее императорской милости, прибыл придворный от ее императорской милости, приглашавшей к себе их милостей князя и княгиню. Поэтому, тут же упросив быть вместо себя за хозяина его милость г. старосту Бобруйского, оба поспешили во дворец ее императорской милости, которая в честь дня рождения ее милости княгини удостоила ее своим орденом св. Екатерины, и вскоре они вернулись к оставшимся в их дворце гостям. Перед ними ее княжеская милость, гордясь благосклонностью монархини и принимая поздравления от всех присутствовавших там кавалеров и дам, предложила их милостям выпить за здоровье ее императорской милости. И так за это вновь полученное достоинство начали пить чередом большими бокалами. Его княжеская милость велел было прийти оркестру, желая еще развлечься танцами, но все их милости, уже хорошо выпившие и не будучи в состоянии выдерживать долее столь чрезмерного веселья, своевременно разъехались.

31 марта. Утром и после полудня прощались с сенаторами, здешними министрами и иностранными послами; вечером приехали к его княжеской милости, где беседовали о делах — об освобождении его милости г. земского судьи Оршанского, находящегося здесь уже четыре года в заключении, как и немало иных поляков, а также о продвижении некоторых находящихся на военной службе офицеров. И его княжеская милость заявил, что по возможности готов все успешно уладить, а для прощания с ее императорской милостью назначил завтрашний день, обещаясь и сам сопровождать их милостей.

1 апреля. В 11 часов до полудня его милость князь Меншиков был к его милости г. старосте Бобруйскому и, побеседовав с ним более часа в отдельной комнате, ушел в свой дворец.

После обеда в три часа их милости поехали во дворец ее императорской милости для прощания. Выходивших из карет принимали придворные ее императорской милости и сопровождали до самых тех комнат, где она находилась с многочисленными кавалерами и дамами. И там после обычного поклонения ее величеству она вручила ордена — его милости г. старосте Бобруйскому и теперь фельдмаршалу императорский [орден] св. Андрея,³⁵ а его милости г. старосте Мерецкому [орден] самой ее императорской милости — св. Екатерины. И сама ее императорская милость прикрепил эти ордена и возложила на их милостей, в это время, согласно здешнему обычаю, преклонивших колена. Его милости же г. старосте Здзитовскому еще [ордена] не дала: именуя его пока своим камергером, обещала прислать диплом.

По совершении церемоний начали пить большие бокалы за здоровье ее императорской милости, целый час развлекаясь беседами, однако часто наполняя бокалы, а потом при прощании целовали руку ее императорской милости. Возвращаясь оттуда вместе с его

княжеской милостью, заехали в его дворец, где ее княжеская милость со всей фамилией поздравила их милостей с полученными от ее императорской милости орденами. Между тем и там выпив только по две рюмки, ушли к себе собираться в путь, так как завтра ранним утром отсюда отправится багаж, а сами, отобедав (будучи сегодня приглашены) у его княжеской милости, хотя бы с вечера на всю ночь должны непременно поспешить с почтой.

2 апреля. С утра приезжали некоторые их милости попрощаться с его милостью г. фельдмаршалом и другими их милостями, потом пошли к его княжеской милости на обед, где в зале кушали со всей его фамилией. А поскольку уже уезжали, принялись пить бодро и охотно. И так как с освобождением его милости г. ларского земского судьи Оршанского тут была большая трудность, хотя его милость г. староста Бобруйский все время своего пребывания прилагал настойчивые старания, то он и на этом веселье не преминул еще настоятельно просить об этом его княжескую милость, а потом и все их милости обратились к нему с настоятельной просьбой. И князь должен был удовлетворить столь серьезные и неоднократные просьбы, и уже на днях его (судью. — Ю. Б.) обещано совершенно освободить. Так, просидев за веселым угощением до 4 часов, ушли в свои резиденции. Его милость г. фельдмаршал и староста Бобруйский сразу поехал к канцлеру Головкину, однако приказав здесь собираться как можно быстрее, чтобы при своем возвращении уже мог застать полную готовность к отъезду. Его милость герцог Голштинский приехал попрощаться с его милостью господином фельдмаршалом, но не застав, был принят их милостями господами старостами Мерецким, Здзитовским и Любошаньским и, побыв с полчаса и выпив с ними по несколько рюмок вина, уехал.

Вернувшись к себе, его милость господин фельдмаршал нашел полную готовность к отъезду, но поскольку еще недоставало необходимого числа почтовых лошадей, отъезд пришлось отложить до завтра. Отправив сегодня только багаж и людей, пошли к его княжеской милости и там пробыли до позднего времени за приятной беседой и угощением, однако более скромным, нежели во время обеда. Потом, уже окончательно попрощавшись с их милостями князем и княгиней и со всей фамилией, ушли в свою резиденцию.

3 апреля. В шесть часов утра выехал отсюда его милость господин фельдмаршал, попрощавшись со своим сыном и благословив его.³⁴ Его княжеская милость дал две свои дорожные и очень удобные в путешествии кареты. В одной [поехали] его милость г. фельдмаршал с его милостью господином старостой Мерецким, а в другой его милость г. староста Любошаньский с его милостью господином Подольцем. Для его милости же ксендза капеллана дали отдельную карету. Его милость господин генерал Урбанович остался еще из-за некоторых дел, но в ту же ночь также устремился почтой, полагая догнать их милостей, вероятно, в Нарве.

Всем слугам его милости господина фельдмаршала, начиная от маршалка, и другим людям и поварам, от самого старшего до самого малого, а также всем людям его милости господина ста-

росты Мерецкого и Любошаньского дано от его милости князя Меншикова каждому разными мехами и деньгами. Также его милость г. фельдмаршал велел раздать деньги прислуживавшим здесь людям его княжеской милости.

КОММЕНТАРИИ

¹ Сын Я.-К. Сапеги Петр Сапега (1701—1771).

² Репнин Аникита Иванович (1668—1726), князь, русский военный и государственный деятель. Стольник (с 1683), генерал-майор (с 1699). Участник Азовских походов и Северной войны. В Полтавском сражении 27 июня 1709 г. командовал центром русской армии. Генерал-губернатор Лифляндии в 1710 и с 1719 г. С января 1724 г. по март 1725 г. одновременно — президент Военной коллегии. Генерал-фельдмаршал. Умер вскоре после описываемых событий — 3 июля.

³ Точнее, Нарова.

⁴ В специальном исследовании Е. И. Заозерской о российской промышленности в первой четверти XVIII в. учтена стеклянная мануфактура в дер. Жабино близ Ямбурга, основанная в 1716 г. как казенная, но в 1717 г. переданная в частное владение (*Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947. С. 175*). Однако согласно И. Г. Попову, помимо мануфактуры в Жабино, принадлежавшей Гемзелю, было еще стеклянное предприятие А. Д. Меншикова в самом Ямбурге (*Попов И. Г. Введение в историю г. С.-Петербурга: (В память 200-летних юбилеев Шлиссельбурга 11 октября 1902 г. и С.-Петербурга в 1903 г.). М., 1903. Прил. 1 Жилище. С. 129—130*). Сам город также принадлежал светлейшему князю.

⁵ Дворец А. Д. Меншикова «Фаворит» (восточная часть Михайловки) был построен в конце 1710-х годов.

⁶ Явная описка, должно быть: Нева.

⁷ Польские гости поселились, согласно польско-саксонскому дипломату И. Лефорту, в одном из флигелей княжеского каменного дворца (Сб. РИО. 1868. Т. 3. С. 435).

⁸ Дарья Михайловна Меншикова.

⁹ Меншиков Александр Александрович (1714—1764), младший сын А. Д. и Д. М. Меншиковых. В 1731 г. возвращен Анной Ивановной из березовской ссылки, впоследствии генерал-аншеф.

¹⁰ Императрица Екатерина I Алексеевна.

¹¹ Елизавета Петровна.

¹² Герцог Гольштейн-Готторпский Карл-Фридрих.

¹³ Дочери А. Д. и Д. М. Меншиковых: Мария (1711—1729), умершая в березовской ссылке, вероятно, от оспы, и Александра (1712—1736), по возвращении из ссылки в 1731 г. была выдана замуж за Г. Бирона — брата Э. И. Бирона; умерла «в родах» (*Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В. Дворец Меншикова: Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1986. С. 142—143*).

¹⁴ Лефорт Иоганн, легационный советник польского короля и саксонского курфюрста Августа II Сильного, находился в Петербурге с сентября 1721 г.

¹⁵ Седеръельм, Цедергельм Йосайя, шведский посланник в Петербурге с 23 июня 1725 по 21 марта 1726 г. (Походный журнал 1725 года. СПб., 1855. С. 11; Походный журнал 1726 года. СПб., 1855. С. 11).

¹⁶ Анна Ивановна, будущая императрица.

¹⁷ Екатерина Ивановна.

¹⁸ Бестужев-Рюмин Петр Михайлович (1664—1743), граф, гофмейстер царевны Анны Ивановны, стольник (с 1700), воевода в Симбирске (с 1701), министр в Вене, потом в Берлине (1705). 30 июня 1712 г. назначен обер-гофмейстером и генерал-комиссаром вдовствующей герцогини Курляндской, с 1720 г. ведал ее именными.

¹⁹ Здесь, как и в нескольких других случаях, трудно уверенно сказать, кого из представителей знатных родов имеет в виду анонимный автор.

²⁰ С 1724 г. в Петропавловской крепости, в куртине между Екатерининским и Трубецким бастионами, находились «казармы для распространения монетного дела». Существующее здание Монетного двора было построено в 1798—1805 гг. (*Снацкий И. Г. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX века. Л., 1949. С. 24, 58*).

²¹ Арсеньева Варвара Михайловна — сестра Дарьи Михайловны, а не светлейшего князя. Жила вместе с ними. Имела свой дом на Васильевском острове, но во дворце ей были выделены покои, она была по существу членом семьи Меншиковых, занималась воспитанием детей (*Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В. Дворец Меншикова... С. 144*).

²² Апраксин Петр Матвеевич (1659—1728), русский государственный деятель. Стольник, окольничий. Астраханский воевода (с 1705), граф (с 1722), казанский губернатор (1708—1713), сенатор (с 1717). В 1718 г. арестован по делу царевича Алексея Петровича, но был оправдан и участвовал в суде над ним. Президент Юстиц-коллегии (с 1722).

²³ Анна Петровна.

²⁴ Т. е. от Петропавловской крепости и Петербургского острова.

²⁵ Знаменитая «восковая персона», изготовленная Б. К. Растрелли в 1725 г.

²⁶ С кончиной великана Н. Буржуа (в 1724 г.) его тело было анатомировано медиками И. А. Аззарити, Небелиусом и Рихтером (*Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953. С. 12*). 3 мая 1724 г. в Кунсткамеру на сохранение были переданы выделанная кожа, из которой изготовили чучело, а также скелет с черепом, лишенный швов, и огромные сердце, желудок, почка, печень и другие органы (*Беллев О. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Отд. 1. С. 190—192*).

²⁷ Кирпичный трехэтажный дворец Петра I в Кронштадте был построен в 1720—1722 гг. на ряжах на берегу у гавани. Сгорел в 1788 г. (*Розадеев Б. А., Сомина Р. А., Клещев Л. С. Кронштадт: Архитектурный очерк. Л., 1977. С. 18, примечание*).

²⁸ Сиверс Петр Иванович (1674—1740), российский военно-морской деятель. Датчанин, на русской службе с 1704 г. Вице-адмирал (с 1724). В 1726 г. командовал Кронштадтской эскадрой Балтийского флота; адмирал (с 1727), вице-президент Адмиралтейств-коллегии (с 1727) (ОМС. С. 335—338).

²⁹ Описаны предприятия Сестрорецкого оружейного завода в Дубках, открывшегося в 1724 г. Другие источники не содержат столь подробных сведений (см.: *Гаусман Р. Исторический очерк гидротехнических сооружений Сестрорецкого оружейного завода (с 1721 до 1840 г.) // Инженерный журнал. 1861. № 2. С. 117—119; Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе // Оружейный сборник. 1890. Т. 30. № 1. С. 6—10; Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова. 1721—1967: Очерки, документы, воспоминания. Л., 1968. С. 18 и сл.*).

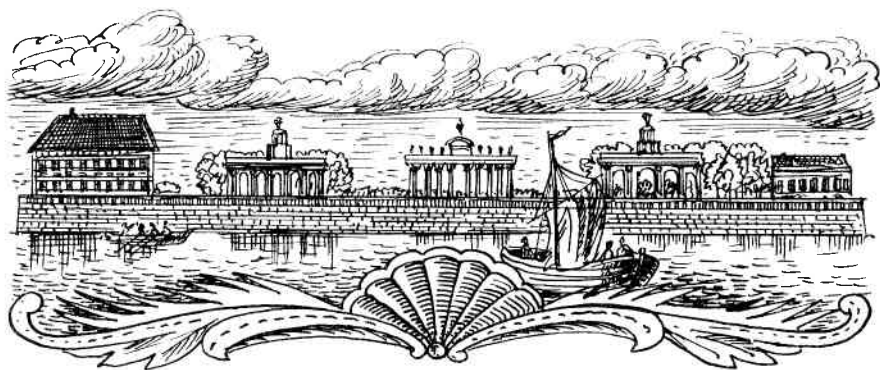
³⁰ Феофан (Елеазар) Прокопович (1681—1736), русский церковный и государственный деятель, писатель, историк. Ректор Киево-Могилянской академии (с 1711), в Петербурге жил с 1716 г. Епископ Псковский (с 1718 г.), вице-президент Синода (с 1721), архиепископ Новгородский (с 1724). Автор «Истории императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен шведских войск при Переволочне, включительно...» (ок. 1730), изданной дважды (первое издание: СПб., 1773; второе: М., 1788), а также «Краткой повести о смерти Петра Великого...» (СПб., 1726; последнее издание: СПб., 1831). Феофану Прокоповичу принадлежат также труды в прозе и стихах, драма и трактат о поэтическом искусстве.

³¹ Вероятно, речь идет о патенте. Правда, согласно русскому источнику, императрица подписала патент на чин генерал-фельдмаршала 13/24 марта, «а потом изволила ездить к помянутому Сапеге» (Походный журнал 1726 года. С. 9). Действительно, 13/24 марта Екатерина Алексеевна была во дворце светлейшего князя, только причиной явилась церемония обручения Марии Меншиковой с Петром Сапегой. Даты других важных событий по «Диариушу» и «юналам» совпадают. И. Лефорт писал: «22 (т. е. 11-го по ст. ст. — Ю. Б.) числа князь Меншиков объявил графу Сапеге, что ее величество назначила его фельдмаршалом ее войск» (Сб. РИО. Т. 3. С. 436).

³² Бассевич Геннинг Фридрих фон (1680—1749), граф, гольштейн-готторпский государственный деятель, дипломат. Был резидентом в Петербурге с 1713 г. и оставил «Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713—1725)». М., 1866.

³³ Орден св. Андрея Первозванного, учрежденный Петром I в конце XVII в.

³⁴ И. Лефорт спустя несколько дней сообщал из Петербурга, что Я.-К. Сапега покинул российскую столицу «тайно» (Сб. РИО. Т. 3. С. 438).

О. ДЕ ЛА МОТРЭ

ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ...»

...Четырнадцатью верстами ниже по течению реки слева стоит новый великолепный монастырь св. Александра Невского, о котором я буду говорить позже. Рядом течет речушка, впадающая в реку Неву несколько ниже монастыря. Если выйти здесь на берег и следовать до Петербурга сушей, то поедешь по отличной широкой и хорошо вымощенной дороге, похожей на дороги древних римлян,* немногим более трех верст, в то время как водой вследствие изгибов Невы выйдет больше шести верст. Около двух верст ниже по течению Невы мы миновали прежнюю крепость Ниеншанц, расположенную на правом берегу. Крепость была взята вскоре после Нотебурга и совершенно разрушена. Почти напротив нее, в четверти версты к северо-западу, находятся мельничные каналы, называемые так из-за нескольких мельниц для перемалывания зерна, для пиления досок, резки соломы и т. д., поставленных близ рек Черная и Речка,¹ которые чуть ниже соединяются в одно русло и впадают в Неву под именем первой. Здесь эта река (Нева. — Ю. Б.) долгим поворотом, подобным букве омега, длиной около 4 верст, ведет нас к императорским пивоварням и, делясь на несколько рукавов, образует те самые острова, на которых по большей части построен Петербург.

Здесь были 4 или 5 рыбацких хижин, когда Петр I пришел осмотреть эти острова, чтобы положить основание своему новому городу. Он построил первый дом несколько ниже на той же стороне,

* Император Петр I намеревался построить такую дорогу из Петербурга в Москву, а также, где понадобится, вымостить ее; однако это не было исполнено и непохоже, что будет осуществлено. — Здесь и далее примечания О. де ла Мотрэ.

если можно назвать домом низкое строение из досок и брусьев, служившее ему для отдыха. Дом был сохранен в память об этом событии: он обнесен деревянной галереей, построенной на стене высотой 3—4 фута.

Я не могу сказать о берегах Невы того же, что говорил о берегах Волги; невские столь же нелюбимы природой, сколь любимы ею волжские. Берега Невы по большей части покрыты лесом, болотисты, заросли дикими деревьями, преимущественно березой; там не растет ничего для пропитания человека и трудно прокормить домашних животных, и если есть приличное место или участок земли, который может быть назван приятным и плодородным, то он целиком обязан искусству. На 100 верст не только от Шлиссельбурга и выше вдоль канала к нему, но и ниже устья за Кронштадтом нет даже камня, пригодного для строительства и мощения. Камни приходится привозить издалека. Материалы, из которых делают кирпичи, настолько плохи, что дома, построенные из этого кирпича, требуют ремонта по крайней мере каждые три года. Некоторые приписывают это зимнему строительству. Самые леса, коими изобилует местность, не годятся для постройки кораблей; лес приходится возить из соседних новгородских районов и даже из Казанского царства, особенно дуб.

Я вышел из карбаса в гавани, именуемой Фрегатный порт,² прямо у крепости, находящейся на наименьшем из всех островов, и направился на Петербургский остров — самый большой, здесь обычно называемый Троицким,³ так как там построена церковь того же названия. Крепость представляет собой продолговатый шестиугольник или овал, как и сам остров, полностью занятый ею. Она нерегулярная, но удачно расположена почти в середине города; утверждают, что ее стены имеют высоту около 30 футов до бруствера, они очень толсты и хороши, так как построены из материалов Ниеншанца.⁴ Крепость хорошо оснащена бронзовой артиллерией; в середине между находящимися в ней зданиями, из которых наиболее значительным является аптека, стоит очень красивая церковь, она кафедральная и посвящена св. Петру. Церковь еще не закончена по причине недостатка средств, как и несколько других дел, начатых до смерти Петра I, особенно это относится к кораблям и галерам, стоящим с тех пор из-за нехватки денег, поскольку императрица не отваживалась для их получения использовать жестокие методы, как это делал он. Эта церковь была построена по проекту и под руководством искусного синьора Трезини; все в ней достойно его доброго вкуса; здание выложено из кирпича, за исключением колонн, углов и консолей. Все архитектурные и скульптурные украшения распределены и расположены с большим умением и изяществом; ее колокольня вся каменная, кроме деревянного шпиля, покрытого медью и позолоченного доверху.⁵ Он высится над четырьмя рядами колонн, каждый последующий ряд — над предыдущим, с большими арками — два ряда ионического ордера и два других — коринфского. На колокольне хорошие куранты; портик этой церкви благороден, его тосканские колонны — из твердого песчаника. В церкви по-прежнему находился катафалк Петра I, покрытый расшитой

золотом тканью и поднятый над полом на 5 ступеней, устланных пурпурным атласом; балдахин из такой же ткани и такого же цвета, с золотым шитьем. Вышиты монограммы имен Петра I и его малолетней дочери, умершей несколькими днями раньше него;⁶ в должных местах вышиты также девизы. У катафалка стояли четыре деревянные статуи, окрашенные в белый цвет; соответственно 2 в изголовье и 2 в ногах; также 4 канделябра, каждый с одной восковой свечой толщиной в бедро. Статуи, стоявшие в изголовье, — Геркулес и Александр, а статуи в ногах — Религия и Россия. У каждой свечи — солдат с алебардой в длинном черном плаще; перед катафалком висела люстра с разными свечами, но только одна была зажжена, и смотрели, чтобы она горела постоянно днем и ночью. Все это продолжалось, как мне говорили, до тех пор, пока из Италии не привезли части или украшения великолепной мраморной гробницы.⁷ Я встречал нескольких из самых больших поклонников этого монарха, и они рассказывали мне, что он умер как праведник и герой, о чем я собираюсь рассказать. Этот великий государь, говорили они, во время унесшей его болезни, страдая от невыносимых беспрепятственных болей, причиняемых затрудненным мочеиспусканием,⁸ говорил о делах столь спокойно и сдержанно, высказывал столь ясные суждения, как это делает, например, нынешний великий пенсионарий Голландии⁹ во время сильнейших приступов подагры. Петр I среди многого другого, достойного его доброго сердца и великого гения, говорил посетившим его сенаторам и епископам о делах, исполнить которые он считал себя обязанным перед русской нацией, чтобы сделать ее сильной: устранить столь многие злоупотребления и дурные обычаи и насадить иные, более полезные, искусства, науки и т. д. Что он упустил важнейшее дело — реформу судопроизводства; что те науки и искусства, из которых он много полезного заимствовал в христианских государствах, и впрямь бесконечно превосходили турецкие. Но он полагал, что турки настолько же превзошли христиан в судопроизводстве:* тяжбы у христиан длятся долгие годы, требуя непомерных расходов (тогда как в Турции они занимают лишь несколько дней при очень незначительных издержках, почти даром) из-за сутяжничества сторон, которые дело чаще усложняли и запутывали, нежели проясняли и разъясняли; точно так же, как это делают многие богословы с Законом Божьим. Он (Петр. — Ю. Б.) добавил то, что счел приемлемым, для исправления этого зла, чтобы (как в Турции) дела сначала рассматривались в суде обычным мировым судьей, чтобы суду были представлены письменные показания и свидетели и чтобы суд тщательно изучил существо первых и репутацию вторых, а затем на этом основании вынес беспристрастное мнение, или приговор; на все это потребовалось бы не более нес-

* Я приводил несколько примеров скорого судопроизводства у турок в своем описании Турции. Мне бы хотелось, чтобы у нас тоже были введены такие правила, какие приказал ввести Петр I за несколько недель до своей кончины. Уже свыше 4 лет дится моя тяжба с книгопродавцами, обоедшимися со мною в высшей степени несправедливо, и не ведаю, когда она завершится.

колько часов. Если лица, осужденные таким судом, сочтут вынесенный приговор несправедливым, они могут подать прошение в Сенат или Синод и, наконец, если не будут удовлетворены их решением, обратиться к суверену.

Когда же присутствовавшие это одобрили, он (Петр. — Ю. Б.) повелел написать приказ, который подписал лежа в постели и поставил дату. Этот приказ ограничивал рассмотрение всех судебных дел сроком до 11 дней и был разослан во все суды Российской империи. Все дела, находившиеся тогда в судопроизводстве, были рассмотрены в соответствии с этим приказом еще до того, как он навсегда закрыл глаза. Когда конец его приблизился, он объявил, что клятву верности, о которой я упоминал, нужно будет принести его дорогой Екатерине.¹⁰ До последнего его вздоха над ним читали молитвы и отправляли обряды той религии, которую он исповедовал и считал наилучшей, о чем свидетельствовали все его дела и поступки.

Главные прелаты и священники молились подле него, и он присоединялся к их молитве. 27 января 1725 года (последний день, свет которого он видел) его соборовали епископы Псковский и Тверской. Он выказывал полное смирение и отошел 28-го в 3 часа утра,¹¹ не выразив ни малейшего сожаления о жизни, ни малейшего страха перед смертью. Его драгоценнейшая и скорбящая супруга была немедленно провозглашена всероссийской императрицей со всеми иными надлежащими титулами. Присутствовавшие духовенство, знать и высокопоставленные горожане присягнули на верность ей как своему законному суверену. Текст этой присяги, записанный и отпечатанный, был разослан персонам всех рангов в большие и малые города всех провинций Российской империи, чтобы там сдлали то же самое, — все, кроме мужиков, которые не считаются гражданами.

Крепость соединяется двумя мостами, разделенными только каральной,¹² с большой площадью Троицкого острова, называемого некоторыми Петербургским островом; он самый большой из всех.¹³ Здесь справа, почти в центре этой площади, стоит Троицкая церковь, построенная преимущественно из дерева и довольно большая, с непримечательной колокольней и курантами, которые каждый час играют; они приводятся в движение вручную. Неподалеку от церкви на той же площади все еще стоит триумфальная пирамида, изготовленная из досок и окрашенная; ее, как говорят, воздвигли в 1719 году по случаю взятия русским флотом 4 шведских военных кораблей.¹⁴ Среди картин, в большинстве своем испорченных дождями и другими воздействиями погоды, была довольно хорошо сохранившаяся, на ней изображена гора с выходящей из нее мышью и написаны следующие слова: *Parturient Montes nascetur ridiculus Mus.*¹⁵ Мне рассказывали, что после пения «Отче наш» в кафедральном соборе с колокольным звоном и другими благодарственными молебнами во всех остальных церквях и т. д., вечером на этой площади был устроен прекрасный фейерверк; что Петр I устроил в тот [торжест-

венный] и два последующих дня чрезвычайно пышные увеселения своему дворянству, военной и другой знати, где они пили по русскому обычаю; что были балы и маскарады с фальшивым или пародийным царем и пародийным патриархом,* отличавшимися друг от друга ролями. Я ограничусь сообщением о некоторых следующих особенностях процессии. Первый был облачен в царственные одежды, в короне, как живописцы изображают царя Давида, и с маленькой арфой, висевшей на перевязи, как на ремне. Второй был вполне похож на русских патриархов, какими они были до потери своего высокого положения. Пародийный царь держал стремя, когда пародийный патриарх садился верхом на лошадь, как делали прежде цари по отношению к русским патриархам, и, я полагаю, в осмеяние этого обычая. Вообще одежды людей в масках были весьма необычны и своеобразны. Царь Петр был одет в костюм голландского моряка, некоторые его морские и армейские офицеры тоже, а другие различно. Вся процессия была в масках, ее сопровождали различно одетые дамы в каретах и колясках. Царица, княгиня Меншикова и другие персоны первого ранга были одеты как сельские женщины Фрисландии и Зеландии, а прочие — в прежние русские одежды; их сопровождали многочисленные маски в своеобразных нарядах; некоторые играли на музыкальных инструментах, иные танцевали на ходу.¹⁸ Словом, судя по описанию этой процессии, слышанному мной, она весьма напоминала подобные шествия в Италии, упомянутые в 1-м томе сочинения, где я писал о Риме.

Примерно в 50 шагах на северо-восток от упомянутой триумфальной пирамиды находится ряд домов, в большинстве деревянных, но довольно хорошо выстроенных; этот ряд, протянувшись от главного рукава Невы на северо-запад, ограничивает часть площади с этой стороны. Примерно в середине этих домов — дом Канцелярии, ничем не примечательный. Идя вдоль упомянутого рукава реки к другому рукаву, который охватывает остров от места на уровне отмеченных выше пивоварен и течет к северо-западу, впадая юго-восточнее в первый чуть ниже крепости,¹⁹ видишь несколько более красивых домов, в том числе некоторые кирпичные; лучший же тот, что построил барон Шафиров; этот дом служит примером сверного качества материалов, о чем я говорил выше, так как со времени опалы барона, когда дом был взят у него со всем, что он имел, не следили за поддержанием его в порядке; стены попорчены и разрушаются. Там помещалась императорская академия, созданная по образцу французской королевской академии, читались лекции и т. д.²⁰ Академия размещается здесь до тех пор, пока не закончено величественное здание, заложенное для нее Петром I; строительство ведется, хотя после кончины царя там работает немного народу.

---

* Один русский боярин рассказывал мне, что царь Петр I имел шута, которому дал такой титул после подавления патриаршества в 1709 году,¹⁶ и что шут носил на груди вместо патриаршего креста маленькую виселицу с изображением гетмана Мазепы, как известно, перешедшего с основными силами своих казаков незадолго до Полтавской битвы от этого монарха к королю Швеции.¹⁷

Барон Шафиров, по общему мнению, был самым способным государственным министром из тех, что были у Петра I; человеком, лучше всех в России знавшим и внешние, и внутренние дела. Монарх ценил его не меньше, чем любил князя Меншикова. Шафиров, однако, был одним из тех, кто долго и совершенно открыто добивался падения фаворита, но из-за этого сам потерпел крах. В 1723 году, когда его величество был на Каспийском море, между Шафировым и Меншиковым на глазах у многих произошло такое ожесточенное столкновение, что монарх по своему возвращении не мог оставить это без внимания, как поступал прежде при их разногласиях. Барон в лицо обвинил князя Меншикова перед монархом в самых вопиющих и общеизвестных вымогательствах к собственной выгоде. Представленные бароном доказательства этих вымогательств и жалобы потерпевших лиц оказались столь очевидными, что монарх собственноручно дал князю кнута. Но, учтя необычайные таланты последнего по части извлечения из богатых подданных денег, потребных для осуществления грандиозных планов и проектов, царь не лишил его своего расположения. Князь столь жалобно уверял его величество, что, мол, не только в любое время предоставит в распоряжение и к услугам его величества все полученное от них (подданных. — Ю. Б.), но и отдаст вообще все, ибо знает, что решительно всем обязан его величеству, что монарх обнял его, поцеловал и почти просил прощения. Князь, намереваясь отомстить и взять верх над бароном, который был очень богат, в особенности наличными деньгами (тогда это было его главным преступлением), в свою очередь обвинил последнего в казнокрадстве. Петр I поверил этому или сделал вид, что поверил. Он приговорил барона к лишению не только всего состояния, но и головы. В соответствии с указанием, Шафирова привели на эшафот, и палач уже готов был отрубить ему голову, но его величество милостиво заменил казнь ссылкой ввиду великих услуг, оказанных ему бароном на берегах реки Прут* и в Оттоманской Порте.²¹ Поскольку его величество не знал никого, кто бы больше графа Толстого²² подходил на пост канцлера, он отдал ему этот пост, хотя граф и был не более другом князю Меншикову.

Императрица Екатерина по причинам, о которых толкуют разное, вернула Шафирова из ссылки вскоре после своего восшествия на трон. Говорили даже, будто император, предвидевший, что ей как чужеземке скорее понадобится, чтобы ее любили, нежели боялись, и что для поддержки ей понадобятся друзья и способные министры,

* Барон Шафиров поднялся благодаря своим достоинствам из низкого звания простого писца в одном из московских судов до поста канцлера. Исключительно его стараниями, а не мнимым подаркам царицы царь обязан своей свободой на Пруте. Как я уже говорил в другом месте и повторяю это, я получил очень точные сведения обо всех сделанных визирю после заключения мира подарках не только от паши, с которым я тогда находился, но и от других турок, даже врагов этого визиря. Все, что сделала царица, которую уже называли так, хотя она еще не была обвенчана с царем, — это ходила к нему в шатер, где он не желал видеться ни с кем помимо нее, представляя ему на одобрение планы и суждения о средствах для ведения переговоров и убеждая предоставить Шафирову все полномочия.

за несколько дней до своей кончины советовал ей вернуть на службу барона. Князь Меншиков, потерявший покровителя, защищавшего его от врагов, своего и их дорогого повелителя (хотя он имел не менее причин рассчитывать на благосклонность императрицы, любимцем которой некогда был), не воспротивился этому. Добавляли даже, что он попытался представить это собственной заслугой перед изгнанником, но тот, не простив ему потерю всего, что имел, ответил на это презрением и даже сказал ему по поводу случившегося несколько крепких слов.

Императрица нашла нужным удалить Шафирову (ни в малой мере не выказывая ему своего недовольства) и назначила губернатором в Архангельск. Петр II намеревался восстановить барона на прежнем посту канцлера, но смерть унесла этого юного монарха.

Дом барона Остермана²³ находится неподалеку от предыдущего, и о нем особенно нечего сказать, кроме того, что он очень удобен. Человек же, обитающий в нем, заслуживает похвал больших, чем способно выразить мое перо. Я имел честь быть представленным ему в 1719 году во время конгресса на Лосто — одном из островов, известных под общим названием Аландских, самом большом из всех.²⁴ Русские полномочные представители оказали нам — мне и мистеру Бэркли²⁵ — благосклонный прием, описанный мною в 20-й главе второго тома. Он (Остерман. — Ю. Б.) снова принял меня, причем в высшей степени любезно, во время моего пребывания в Петербурге. Это человек величайших и разнообразнейших дарований, один из самых крупных деятелей, каких когда-либо имела Россия.

Покидая главный рукав Невы, где стоят два только что упомянутых дома наряду с несколькими другими, менее значительными, и среди них петровский, построенный самым первым, когда Петр пришел заложить свой новый город, можно перейти к южному берегу, или набережной, где по другую сторону стоят пивоварни, и видеть, идя вверх на северо-запад,²⁶ длинный ряд других, еще более непримечательных домов, в основном деревянных. На реке можно видеть также множество карбасов, разгружающих пеньку, мед, воск, юфть и другие товары в императорские склады, построенные на той же стороне, что и пивоварни, но значительно северо-западнее. Медицинский сад²⁷ расположен напротив двух самых удаленных из упомянутых складов, он находится на острове, образованном протоком, речкой или ответвлением упомянутого рукава,²⁸ который из него вытекает и юго-западнее впадает в него же. Прежде чем войти в сад, я хочу сказать два слова о банях, стоящих вдоль набережной или довольно близко к ней. Эти бани по великолепию и чистоте не могут идти ни в какое сравнение с турецкими банями, но они тоже всегда полны народу; способ купания русских известен по нескольким уже напечатанным сочинениям, поэтому я избегу повторения. Каждый должен заплатить казне за купание больше, чем даже турки платят владельцам бань. Те, кто имеет баню в собственном доме, также не освобождены от этого: они и их дети и слуги должны платить на тех же условиях, как и в общественных банях; после таверн²⁹ это одна из самых больших статей

дохода короны. Русские так же привычны к купанию в бане, как к еде и питью, они используют баню в качестве универсального лечения от любого недуга, как турки свою. Русские бани построены в основном из дерева, и лучшая из них, какую я видел в Петербурге или в других местах, через какие проезжал, не сравнится с наихудшей турецкой, где бани построены из мрамора или твердого камня.

Медицинский сад весьма богат не только теми растениями, какие можно найти и какие известны в западной, восточной и южной частях Европы, но и даже растущими в более северных ее частях, открытыми благодаря поощрению, содействию, какие оказывал Петр I приглашенным им способным ботаникам; также еще и растениями с наиболее отдаленных берегов Азии, Персии и Китая; они, в том числе названные последними, чувствуют себя словно в своем естественном климате. Ананасы растут здесь до созревания, их снимают и подают на стол. (Все это обязано большому искусству). Об этом участке и том месте, где стоят пивоварни и склады, я должен сказать, что они менее всего обижены природой, а кроме того, являются самыми высокими местами в окрестностях Петербурга и, следовательно, наименее подвержены наводнениям.

В нижней части этого сада, к юго-западу, находится аптекарский дом, дающий имя острову; это довольно хорошее здание, в нем хранится множество всевозможных лекарств. Петр I учредил коллегию медицины и больниц не только в Петербурге, но также в Москве и других городах для обеспечения их и своих армий медикаментами. Остров настолько велик, что даже обширный сад занимает не более чем его маленький уголок. Сей монарх предполагал, кроме того, расширить свой город и застроить этот остров домами, как и другие острова. Здесь шведы как будто бы насовсем оставили Ингрию в 1705 году, в то время как их повелитель стяжал лавры в Польше или занимался развенчиванием одного короля, чтобы поставить другого.³⁰ Я [слышал] от некоторых из них, что Карл XII, узнав, что царь строит этот новый город и еще один на острове Ретусари, о чем я буду говорить ниже, сказал: «Пусть он забавляется этим и строит для нас, мы вскоре отнимем их у него и сохраним, если они того стóят, или сождем, если нет». По их подсчетам, царь собрал в это время со всех своих владений свыше 30 тысяч человек для рытья каналов, строительства зданий и т. д. на свой и князя Меншикова счет, помимо рабочих, нанятых боярами и иными богатыми людьми, обязанными строиться за собственные деньги. Добавляют, что с начала мая 1703 до конца 1705 года здесь от недостатка провизии и пагубного климата умерло не меньшее число людей. Шведы, говорю я, по-видимому, не учли спасительного совета медицины: *principiis obsta*³¹ — останови в начале, что может быть правильно и для политики, и во многих других отношениях. Шведы пришли сюда с летучей армией и увидели: то, что они, как и их государь, считали химерической затеей, таковой не является, что крепость, с которой русские начали, — надежное укрепление и уже закончено; кроме того, увидели много домов. Нашли, что русские войска, защищающие окрестность под началом добрых офицеров, слишком много-

численны и слишком сильны для них. Шведы были обнаружены и по большей части перебиты.³² Мне показывали поле сражения; лютеране устроили около этого места свое кладбище, оно довольно большое.

С тех пор никто уже не появлялся с намерением помешать ходу работ, и Петербург стал большим и красивым городом; в нем в 1726 году насчитывали 70 тысяч домов.³³ Кронштадт также хороший город. Не беру на себя смелость описывать который-либо из них; это уже сделали перья, гораздо лучшие моего;³⁴ я укажу лишь на основные здания и некоторые подробности относительно истории Петра I, как и начал.

С этой целью я покидаю Аптекарский остров и возвращаюсь на Троицкий. Главные здания, помимо домов, о которых уже было сказано, — это Коллегии коммерции и горного дела, биржи, общественный рынок и типография. Эти дома построены преимущественно из дерева, как и остальные, и ничем не выделяются, кроме того, что в них совершается.

Известно, и я уже объяснял, что именно сей монарх сделал для удобства и поощрения торговли. Русских кораблей до его правления никогда не было на Средиземном море, и разве не отправил он туда многие корабли, нагруженные продуктами своих провинций? Один английский джентльмен, тамошний коммерческий консул, живший в довольно приятном доме неподалеку от бань, рассказал мне о России больше, чем о других торговых державах. Он пригласил меня к себе во время моего пребывания в Петербурге, как и некоторые купцы, жившие по большей части по другую сторону реки. Они весьма сетовали на упадок английской торговли в России, особенно после 1717 года, когда король Пруссии заключил с русским двором договор о поставке со своих мануфактур сукна и других шерстяных тканей для [русской] армии и страны. Кроме того, Петр I учредил в России много мануфактур, и не только по производству упомянутых тканей, но также шелковых, льняных, суконных и т. д., так что они (купцы. — Ю. Б.) должны оплачивать наличными русские товары, за которые прежде рассчитывались продуктами своих мануфактур.

Горная коллегия была учреждена в 1718 году. Те неразведанные богатства, что лежали скрытыми под землей из-за невежества и небрежения русских, были разысканы и наилучшим способом обращены на пользу сведущими в металлах иностранцами, которых Петр I пригласил и поддерживал. Помимо нескольких прекрасных изделий из меди, железа и стали, произведенных в этой стране даже русскими, выучившимися у иностранных ремесленников до равного с ними мастерства (а иные из них превзошли своих учителей), я видел медали из сибирского золота, не менее превосходного, чем мексиканское. Среди них есть следующие, выполненные столь изящно, что могли бы быть сделаны в любой другой части христианского мира.

Одна медаль выбита по случаю коронации Екатерины; на реверсе изображен царь в одеянии римского императора, возлагающий на ее голову императорскую корону; на другой стороне — рельефные

портреты обоих, соединенные вместе, как портреты короля Вильгельма III и королевы Марии Английской³⁵ на их медалях и деньгах. Легенда на русском языке и буквами русского алфавита называет его титулом «Петр Великий, император всероссийский», а внизу: «коронован в Москве. 1721 год».³⁶

Другая медаль выбита в ознаменование мира со Швецией. На одной стороне этой медали изображены Петербург и Стокгольм, а на реверсе — Ноев ковчег, над ним радуга и голубка, летящая к ковчегу с оливковой ветвью в клюве; над радугой следующая надпись: «Петр Великий дает свое согласие на мир со Швецией», а внизу: «Из нашего собственного отечественного золота. 1721».

Третья медаль — на его кончину. На медали он изображен в облачении римского императора, но с непокрытой головой; Религия, держа его за руку, возносит его на небо. На реверсе — сидящая и плачущая императрица и надпись внизу: «Obiit³⁷ 28 января 1725».

Большой рынок, называемый по-русски лавочки, расположен к северо-западу от Троицкой церкви, и его фасад тянется вдоль значительной ее части; он довольно-таки напоминает Ханс или, скорее, Бизастеенс Константинополя и Адрианополя, о которых я говорил в моем труде о Турции, — там тоже выкладываются и продаются всевозможные товары. Использование их (лавочек. — Ю. Б.) отвечает по крайней мере тем же целям, с той, однако, разницей, что если Бизастеенс построен из песчаника и огнестоек, то эти лавочки все сплошь деревянные.

Лавочки — это большое четырехугольное здание, образующее пустой двор, с четырьмя воротами. Это регулярная постройка в два этажа, с помещениями, предназначенными для хранения товаров и для лавок, где товары продают. Постройка окружена двумя большими галереями снаружи и еще двумя меньшими изнутри. У четырех ворот стоят караульные. Здесь подданным не дозволено хранить или продавать какие бы то ни было мануфактурные товары где-либо, кроме императорских рынков и складов; в Турции же всякий волен это делать, где ему вздумается. Они (купцы в России. — Ю. Б.) платят короне большие деньги за аренду этих складских помещений и лавок.³⁸

Биржа — тоже деревянная постройка и расположена к северо-западу от этого места, но ее никак не использовали; купцы встречались у лавочек либо прогуливались по нижней наружной галерее, укрываясь от непогоды.³⁹ Совсем рядом — шелковая и несколько шерстяных мануфактур.⁴⁰ Главный кабак, или большая императорская таверна, стоит недалеко оттуда, по дороге к мосту, ведущему в крепость.⁴¹

По правую руку находится типография — скверная постройка, но там (в Петербурге. — Ю. Б.) под нее предполагалось отвести прекрасное кирпичное помещение в возводимом для Академии новом здании.⁴²

Покинув эту часть Петербурга, почти целиком деревянную, вы пересекаете главный рукав Невы — такой же широкий, как Темза, и платите при высадке на берег две, три или четыре копейки в

императорскую кружку,* я не помню, сколько именно. Затем вы оказываетесь на набережной длиной свыше 800 шагов и 30 шириной, на которой господствует ряд дворцов.⁴³ Русские дворяне построили эти дворцы, а также очень много других больших домов и общественных зданий, украсивших Петербург; это сделано по указу Петра I, обязавшего жить в нем около 200 знатных фамилий и бесчисленное множество людей более низких званий всех состояний и занятий, особенно купцов, которым он позволил строить себе дома из дерева; он лишь отмечал либо заставлял отмечать места, где они должны были строиться, бесплатно предоставляя участки.

Царь также приказал каждому вымостить часть улицы, на которой стоит дом, предписав форму и качество камней, и теперь улицы повсюду хорошо и ровно вымощены, они регулярны и широки; я измерил некоторые, они оказались 20—30 футов шириной. Среди наиболее значительных дворцов, выходящих фасадом на рукав реки, только что мною пересеченный, стоит императорский дворец, называемый Зимним дворцом, его ремонтировали и расширяли,⁴⁴ но делали это медленно, как и все тогда. Дворец, как и другие здания, весь кирпичный, за исключением некоторых декоративных частей. Здесь дворцы адмиралов Апраксина и Крюйса, генерала Шереметева и дворец, в котором жил герцог Голштинский. Этот монарх, с которым я имел честь быть знакомым в Швеции и которому нанес визит по прибытии в Петербург, принял меня в высшей степени благосклонно. Его дворец находится почти в конце длинного ряда, юго-западнее императорского дворца, называемого Летним, где двор на протяжении всего года имел резиденцию до тех пор, пока Зимний дворец приводили в состояние, предусмотренное приказом Петра I, отданным незадолго до его смерти.

Он (Летний дворец. — Ю. Б.) расположен в 300—400 шагах к северо-востоку от другого конца ряда. Между этим дворцом и построенным для экс-короля Молдавии Кантемира⁴⁵ (о котором я упоминал в первой главе 2-го тома моего труда), ставшим последним домом в ряду на этой стороне, находится пустая, довольно большая и хорошо вымощенная площадь с Почтовым домом — весьма удобным зданием, а также еще несколькими домами около него.

Несколько северо-восточнее вверх по течению реки, не доходя до упомянутого Летнего дворца, вы встретите маленький проток,⁴⁶ через который надо перейти по перекинутому мосту, чтобы попасть к дворцу. Этот проток соединяется с другим, большим, протоком, находящимся севернее, прорытым от реки выше дворца и образующим большой остров,⁴⁷ вытянутой окружностью простирающийся до того места, где Нева начинает впадать в Финский залив, —

---

* Имеются сборщики, назначенные для приема перевозных денег. Это вместе с налогом на приходящие и уходящие суда и яхты является для короны еще одной статьей дохода, дающей, за вычетом всех расходов (оплата лодочников и сборщиков), годовой доход около 200 тысяч рублей.

примерно в версте по эту сторону от Екатерингофа, увеселительного дома с таким названием. Шагах в 100 ниже Летнего дворца приблизительно на восток, где малый проток соединяется с большим, находится Яхт-порт,⁴⁸ там стоят императорские барки и яхты, очень красивые и почти столь же великолепные, как прогулочные суда короля Англии; они построены англичанами, приглашенными Петром I на службу. Я видел здесь судно, подаренное королем Вильгельмом царю, когда тот был в Англии.¹⁹ Вокруг этой маленькой гавани стоит несколько хороших домов, это здания другого типа, но по большей части деревянные. Среди них — община и церковь иезуитов; церковь довольно изящна и красиво декорирована.⁵⁰ Неподалеку находится императорские конюшни: большое четырехугольное здание, образующее пустой двор, главным образом из кирпича и камня и очень правильной формы.⁵¹ Выше на небольшом расстоянии стоит та часть императорского дворца, что называется Садовым дворцом, он получил такое название от сада, в котором находится и которым отделен от другой части Летнего дворца, выходящей фасадом на реку у ответвления большого протока.⁵² Это ответвление, соединенное с малым протоком, образует Адмиралтейский остров, на котором расположен ряд вышеназванных дворцов. Садовый дворец — простое, но регулярное здание; обширный и довольно-таки запущенный сад придает ему естественный и приятный вид. Идя к другой части дворца по упомянутому выше перекинутому через малый проток мосту, вы оказываетесь в плодовом саду и через обсаженную деревьями аллею попадаете в другой сад,⁵³ где по левую руку на берегу реки увидите большое длинное здание, выстроенное целиком из дерева к бракосочетанию герцога Голштинского с российской принцессой Анной, умершей в Голштинии в мае 1728 года.⁵⁴ Покойная императрица давала в этом здании банкеты и балы по случаю исключительных событий, например приезда епископа Любекского⁵⁵ для женитьбы на принцессе Елизавете, ее второй дочери. В бытность мою в Петербурге мне рассказывали, что это здание построили менее чем за три недели. Оно представляет собой длинное прямоугольное строение, напоминающее банкетный зал Уайтхолла, украшенное несколькими хорошими картинами из купленных Петром I в Германии, Голландии, Франции и других странах. Стоящая у реки часть императорского дворца немногим великолепнее другой части, находящейся в саду. Она даже менее регулярная, но богато обставлена и украшена хорошими картинами.

Чтобы перебраться с этого острова на континент, вы пересекаете большой проток.⁵⁶ Идя к северо-востоку, увидите императорскую библиотеку с древностями и редкостями природы и искусства, после смерти доктора Арескина вверенные попечению г-на Шумахера. Он живет не менее чем в доброй версте выше императорского дворца; по дороге вы вряд ли увидите какие-либо дома, кроме деревянных, за исключением дома барона Брюса,⁵⁷ шотландского джентльмена и начальника артиллерии; этот дом — одно из лучших зданий в Петербурге. Я нанес ему (Брюсу. — Ю. Б.) визит, имея честь быть знакомым с ним по конгрессу на Аландских островах в 1719 году,⁵⁸

но во время моего пребывания в Петербурге он находился в Москве.

Г-н Шумахер известен своими личными достоинствами и некоторыми опубликованными трудами, его учтивостью и обходительностью восхищены все любознательные иностранцы, встречавшиеся с ним. Меня рекомендовал ему барон Стамке,^{*59} которого я знал в Стокгольме в бытность его первым секретарем барона Гёрца.

Дом г-на Шумахера — целиком деревянный, но очень приятный и удобный, он находится сразу за тем зданием, в котором хранятся императорские редкости, — то здание кирпичное, в него можно попасть лишь через общий для обоих домов двор. Эти редкости должны были оставаться здесь до тех пор, пока не закончат строительство дома для Академии, куда их предполагалось перевезти.

Из-за недостатка места библиотека была менее всего в порядке. Книги и манускрипты намеревались разместить по различным областям знания, поставив вместе в большом зале нового дома те, которые трактуют об одном и том же предмете и вопросе, как например в библиотеке Мазарианского коллежа в Париже или в Оксфорде и Кембридже. В доме, где они тогда находились, лишь немногие были расставлены в таком порядке или подобным образом со следующими обозначениями над местами, где они стояли, например: *Regnum Historicum* — для сочинений по истории; *Regnum Vegetabile* — для сочинений о растениях; *Regnum Minerale* — для сочинений о минералах; *Regnum Anatomicum* для тех, что посвящены анатомии, и т. д. Я полистал некоторые из них.

Среди исторических сочинений я видел историю обеих Индий на разных языках и не мог не прийти в восхищение от множества превосходных планов, вычерченных в трех больших томах *in folio* искусными английскими инженерами, во Франции по этим планам были сделаны отличные гравюры. Среди тех, что трактуют об искусстве книгопечатания, — *Annales Typographicae*; г-н Шумахер приобрел в Голландии для Петра I первое и редчайшее их издание. Среди сочинений по географии и путешествиям — «Описание Восточной и Северной Татарии» Витсена.⁶¹ Среди сочинений по астрономии — трактат о сфере и математических инструментах знаменитого Роллея, лучшее издание на английском языке. Г-н Шумахер показал мне несколько видов наиболее любопытных математических инструментов, приобретенных Петром I в Англии и Франции.

Среди [сочинений] о растениях — *Metamorphosis Insectarum et Plantarum Surinamensis* etc. Эта книга — труд Себастьяна Мериана, если мне не изменяет память, так как я не переписал названия. В труде речь идет о различных изменениях или превращениях насекомых, растений, цветов и т. д. Впервые этот труд был напечатан, мне кажется, в Германии. Г-н Шумахер добыл для библиотеки

* Он присутствовал на Аландском конгрессе, когда был арестован барон Гёрц,⁶⁰ и, узнав об этом, попросил покровительства русских полномочных представителей, которые отправили его в Петербург, о чем я писал во втором томе своих сочинений. Герцог Голштинский, сочетавшись браком, сделал его своим канцлером. Императрица пожаловала Стамке баронским титулом и наградила орденом св. Александра Невского.

самое лучшее и редкое его издание. Г-жа Мериан превосходно нарисовала много разнообразных растений, особенно цветов, эти рисунки он (Шумахер. — Ю. Б.) показал мне. По рисункам должны были делать и уже делали гравюры, и особый трактат с ними был подготовлен к печати. Что касается этих изменений, они наблюдаются у некоторых насекомых, растений и животных и, я думаю, могут быть разделены на три вида, соответственно: естественные, случайные и кажущиеся.

Я видел среди редкостей животного мира рыбу, весьма похожую на ту, что немцы называют *Guarpen*, а шведы *Sempla*. Полагают, будто эта рыба первоначально была лягушкой, а изменение произошло таким образом: хвост рос и удлинялся, в то время как ноги укорачивались. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что она имеет лягушачий рот. Согласно общему предубеждению или мнению, однако, скорее, грубо ошибочному, хамелеон меняет окраску или принимает цвет предмета, к которому его приложат, благодаря прозрачности своего тела. Я видел множество хамелеонов в Турции, где они распространены, особенно в окрестностях Смирны. Если хамелеона опустить на траву, он действительно покажется зеленым и также принимает окраску других предметов, к которым его прикладывают, но это происходит только на солнце, в противном же случае он сохраняет свою собственную окраску. Мистер Итон, английский медик, живший тогда в этом городе, называл причиной данного явления то, что из тела этого маленького существа выделяется клейкая жидкость, и когда на него падают солнечные лучи, получается отражение предметов, на которых хамелеон лежит или которые находятся к нему ближе всего, и тем самым он заимствует их цвет. Г-н Шумахер рассказывал мне о растении, растущем по берегам рек Борисфен⁶² и Волга близ Самары и в некоторых других частях России, каковое растение по-латыни называется *Agnus Scyticus* или *Zoophitum* * от двух греческих слов: *Zoon* (животное) и *Phiton* (растение). Некоторые утверждают, что под видом растения животное, очень похожее на ягненка, не только растет, но и питается травой вокруг себя;⁶³ он (Шумахер. — Ю. Б.) добавил, что Петр I послал одного такого королю Польши.

Среди книг по медицине и анатомии *Guillielmi Pisonis Apothemata*, *Ruschii Thesaurus etc.*, *Observationes Anatomicae Dominici Santorini*. Последняя книга посвящена автором Петру I и напечатана в Венеции; она имеет богатый переплет и позолоченный обреш.

Библиотека очень обширна и значительна, она составлена по большей части из библиотеки покойного герцога Курляндского, ко-

* Это, согласно мнению самых известных ботаников, вид дыни, напоминающей по форме туловище ягненка и прикрепленной к земле черенком, который является как бы пуповиной; что она (дыня. — Ю. Б.) меняет место и поворачивается, насколько пуповина позволяет ей, и высушивает или убивает траву, где лежит (именно поэтому, вероятнее всего, некоторые люди воображали, что она поедает траву). Добавляют, что когда она созревает, черенок высыхает, и тогда это животное одевается в меховую шкурку, похожую на мех барашка, и что эта шкурка может быть использована подобно иным сортам мехов и т. д. См. универсальный словарь Николаса Лемери, литера Z.

торый женился на нынешней императрице Российской, а также из библиотеки герцога Голштинского, ее он (Петр I.— Ю. Б.) забрал и приказал доставить в Петербург вместе со знаменитым Готторпским глобусом, после того как королю Дании была оказана помощь в овладении всем герцогством.

Что не было предпринято? Чего не исполнил Петр I, что бы он еще предпринял и сделал, проживи дольше? Какое искусство, какую науку не ввел он в своей империи? Он учредил публичные лекции по анатомии, даже названия которой его подданные не знали до его правления. Он купил кабинет знаменитого Рюйша, содержащий множество разнообразных препаратов и уродов, столь же поучительных, сколь и любопытных.

Среди препаратов и уродов мне показали несколько *corions*, то есть зародышей, образовавшихся в чреве в своей естественной среде и затем сохраненных в искусственной. — — — Яйцеклетки,⁶⁴ как оплодотворенные, так и неоплодотворенные, с отклонениями или без оных; одни с образовавшимся зародышем, другие без него; из одних зародыш извлечен, из других нет. Все части и ступени развития, положение ребенка в утробе в возрасте от 15 дней до 9 месяцев. — — — Половые органы гермафродита, у которого лишь женские были найдены способными к копуляции и оплодотворению. Утверждают, что у всех гермафродитов всегда лишь один пол способен к этому. — — — Четырехмесячный человеческий зародыш мавританской девочки, голова которой больше тела. — — — Калмыцкий ребенок примерно девяти месяцев с двумя телами и двумя головами, с хорошо сформировавшимися всеми соответствующими органами; его головы, кроме того, были почти отделены друг от друга. — — — Рука мужчины, умершего от чрезмерного пьянства, со всей кровью, оставшейся в венах.

Череп француза, весь цельный, состоящий из сплошной кости, без малейшего следа разделения. Француз очень страдал головными болями, имел очень большое сердце и большой желудок, а его детородный орган был очень маленьким; он поразительно много ел и пил и был ростом больше 7 футов. Он родился в Калэ и звался Буржуа. Царь привез его из Франции в Петербург, где он и умер в возрасте 42 лет, оставив вдову с двумя детьми; она вновь вышла замуж за одного из гайдуков императрицы Екатерины.

— — — Летающий, как утверждают, дракон, или, как говорят, змей с крыльями — о нем рассказывают много удивительных историй и сделано много его забавных изображений в виде дьявола или тех фигур, какими обыкновенно изображается сей ангел тьмы; в действительности же это род ящера, но крылья его, кроме того, что они слишком малы, чтобы поднять его тело, годились скорее для плавания, а не для полета. — — — Саламандра, о которой также рассказывают историю, а именно, что она живет в огне и не сгорает. Некоторые натуралисты, испытывавшие ее, утверждают, что этот зверек действительно сопротивляется огню дольше, чем какой-либо другой. Они объясняют это тем, что из тела зверька выделяется присущая ему одному влага или жир, и пока она выделяется, зверек, кажется, остается живым или же по крайней мере сохраняет форму своего тела. Но как только запасы этого

жира исчерпываются и выделение прекращается, он рассыпается в прах. Из этого я заключаю, что саламандру можно сравнить с горячей свечой, фитиль которой не сгорает и не меняет форму до тех пор, пока не кончится сало, смачивающее его.

Я видел там змей различнойших типов; кроме того, очень много животных и насекомых других видов; их перечисление было бы утомительно. И все это столь хорошо сохранено благодаря раствору, приготовленному г-ном Рюйшем, что их не отличить от живых.

Среди чучел животных я видел род зайца, передние ноги которого гораздо короче двух задних. — — — Мантуку, разновидность лисы, с тем отличием, что хвост не такой пушистый и длинный, как у обычной лисицы, о чем можно прочесть у Уильяма Пизона. — — — Птицу, называемую райской птицей, о которой говорят, что у нее нет ног, но это ошибка: ноги есть, но она втягивает их, как будто под кожу, подобно тому как черепаха втягивает голову.

— — — Казуара — индийскую птицу, весьма похожую на страуса фигурой и величиной, но она вместо хохолка из перьев имеет нечто вроде пушистой шапки; ее яйца, кроме того, длиннее страусиных.

Среди современных, древних и искусственных редкостей [видел] несколько превосходных маленьких корабликов и галер со всем тем, что к ним принадлежит. Ковчег, в который р[имские] католики кладут освященное тело Христово, — так искусно позолоченный и изящно выделанный, что о нем можно было бы сказать, как Овидий сказал о Дворце Солнца, а именно, что работа здесь более ценна, чем материал; декоративная отделка представляет собой портик старого готического кафедрального собора. Мне говорили, что дед Петра I отнял его у тевтонских рыцарей, но это противоречит истине по хронологии; этот орден был уничтожен задолго до того, в правление Ивана Васильевича, прозванного Тираном.⁶⁵ Он был вторым из семьи Beala, кто носил титул царя.⁶⁶ Я намекнул, какое опустошение он произвел в Ливонии, которую обложил данью. Епископ Дерптский должен был выплачивать ему свою долю — 1000 золотых дукатов ежегодно. В 1560 году он (царь. — Ю. Б.) взял крепость Феллин и в качестве трофея увез в Москву старого великого магистра Фюрстенберга, который был там на покое после своего отречения.⁶⁷

Мне показали кусок золотоносной руды из Сибири, руда содержала очень много золота, и золотоносный песок,* найденный близ Каспийского моря; железную руду, найденную близ озера Онега, из которой русские производили все, в том числе легкие и прочные пушки, не уступающие бронзовым. — — — Серебряный ключ из Дербента, изображение которого обозначено буквой С на рисунке II. Гробницу (Urn) из редкостного мрамора с голубыми и красными прожилками, с вырезанными изображениями крестов, найденную в Сибири, а также много других древностей. Русские при помощи этих изображений пытались доказать мне древность христианства

---

* Меня уверяли, будто фунт такого песка дает целых 14 унций чистого золота, и подтверждали то, что я, сомневаясь, сообщал в моем 2-м томе, а именно, что русские находят этот песок главным образом в реке Дарья.

в этой стране, но я возразил им, опираясь на суждение известных историков, которые показали, что такие изображения были найдены на монументах, воздвигнутых задолго до рождения И [исуса] Х [риста]; я много рассказывал о них во 2-м томе. И сами эти изображения, гравюры с которых я заказал, видели не только на монетах древних языческих королей гóтов и других частей Скандинавии, но также на рунических камнях, которые по-прежнему часто находят в Швеции (см. гравюру XXXII во 2-м томе английского издания).

Идолы, утварь и сосуды для жертвоприношений, большая часть которых была найдена близ Каспийского моря, с до сих пор не понятными или неистолкованными изображениями. Я обнаружил несколько довольно похожих на эти в Ногайской Татарии, они показаны на гравюре XXII моего 2-го тома на английском языке и на гравюре IV того же тома на французском. Я там также сообщил о карте «С» Каспийского моря, чертеж которого приказал сделать Петр I, и теперь мы имеем точные и подлинные очертания моря и его правильное местоположение.

Там имеется также большое количество медалей, но преимущественно весьма распространенных; если среди них и есть редкостные, то лишь единицы.

Дом, где хранится это собрание редкостей,⁶⁸ стоит почти напротив больших императорских пивоварен, которые, как уже было сказано, расположены на другом берегу Невы на континенте финляндской Карелии. Троицкий остров тоже следовало бы включить в число относящихся к этому континенту, так как он ближе к нему, нежели к континенту Ингрии, на котором мы теперь находимся. Петр I приказал начертить и обозначить несколько улиц на этой стороне до самого места напротив Ниеншанца и даже еще выше, но там построено лишь несколько домов. Интересно, будут ли они (улицы. — Ю. Б.) когда-нибудь застроены, ведь нынешнему двору, кажется, гораздо больше нравится в Москве, нежели в Петербурге.⁶⁹

Идя от дома г-на Шумахера, можно увидеть плавильни, или литейные дворы, и кузницы, в которых выделывают якоря и очень многие иные красивые предметы из железа;⁷⁰ это не так далеко. Или, если идти от реки на юго-восток, попадешь на предполагаемую большую дорогу на Москву. Г-н Фаркинсон,⁷¹ шотландский инженер, математически рассчитал и вычертил предполагаемую дорогу, она должна пересечь дорогу св. Александра Невского, уже упомянутую. Я вернулся по ней в Петербург. Эта часть, что я покинул, не может быть названа иначе, как обширным и пустынным предместьем;⁷² я говорю пустынным, так как там могло бы разместиться, согласно плану, втрое больше домов.

Проезжая по дороге св. Александра Невского, я посетил г-на Эванса, английского купца, который обошелся со мной в высшей степени любезно. Его дом выходит фасадом на эту дорогу и стоит у большого протока более чем в версте от Петербурга.⁷³ Он обустроил участок у дома, сделав его и приятным, и плодородным. Там было найдено множество черепов тех несчастных людей, что погибли при рытье этого протока. Дом — приятный и довольно хорошо построен.

Проток в месте, где он пересекает упомянутую дорогу, переходят по подъемному мосту длиной более 50 шагов и состоящему из двух частей.⁷⁴ В середине он скреплен; мост построен совершенно по голландскому образцу, как и многие другие, там и сям перекинутые через все различные каналы. По обоим сторонам дороги проложены узкие канавки с фонарями на столбах на английский манер, столбы установлены на расстоянии приблизительно от 45—50 до 60 шагов друг от друга.⁷⁵ Маленький проток, образующий, как я говорил, Адмиралтейский остров, также пересекает эту дорогу примерно в середине предместья, и там есть через него еще один подъемный мост, ненамного короче предыдущего.⁷⁶

Следуя этой дорогой, которая имеет постоянную ширину, везде хорошо вымощена и кончается у Адмиралтейства, по левую руку видишь рынок, подобный тому, о каком я упоминал на Троицком острове, с двумя рядами лавок, но меньших и более низких, где продают старое платье, домашнюю обстановку и т. д.⁷⁷

Справа есть площадь окружностью свыше тысячи шагов, на одной части ее — сенной рынок;⁷⁸ между этой площадью и двумя рядами деревянных домов (один ряд к юго-востоку, другой к северо-востоку) и южной частью тыльной стороны ряда уже упомянутых кирпичных дворцов находятся три улицы почти такой же ширины, как та, по которой я следовал. На этой площади я видел 18 человек, которых наказывали кнутом, в том числе двух молодых женщин примерно двадцатилетнего возраста, одна из них уже была наказана. Палач обошелся с нею в высшей степени безжалостно.* После этого они были отправлены трепать и пряхть коноплю на новую полотняную мануфактуру, основанную Петром I примерно в трех верстах отсюда, где голландцы обоих полов были поставлены управлять и учить русских делать добрую и тонкую ткань на голландский манер.⁷⁹ Я должен сказать в похвалу русским, что они способны усваивать быстро и твердо и хорошо запоминать выученное. Но я должен также добавить, что по отношению к большинству из них необходима определенная строгость, особенно поначалу. Петр I, как он часто говаривал, превосходно осознавал эту необходимость и подчас так и поступал. Я должен сказать, что голландцы и голландки во главе этих полотняных мануфактур были во время Петра I, — теперь, как мне говорили, остались лишь одна или две женщины.

Продолжая следовать большой дорогой св. Александра Невского на юго-запад, слева видишь другую площадь, более узкую, но по крайней мере такую же длинную, как предыдущая, к которой она

---

* Мне говорили, что его предшественник был уволен и что теперешний палач стал его преемником при следующих обстоятельствах. Петр I, приговорив одного русского дворянина к наказанию кнутом, инкогнито пришел посмотреть, как палач исполняет свое дело, и, увидев, что он щадит наказуемого, объявился на месте экзекуции, взял кнут из его рук, нанес изо всей силы наказуемому еще несколько ударов и приказал нынешнему, который тогда был слугой упомянутого палача, со всей силы дать тому 50 ударов, что он и сделал к удовлетворению его величества и был назначен на эту должность, исполняющим каковую с большим умением по отношению к этим 18 человекам я и видел его.

обращена; с севера на юг она ограничена рядом домов, в большинстве кирпичных, а с другой стороны весьма посредственной церковью, в основном деревянной, и несколькими домами, также выстроенными из дерева; между ними и Адмиралтейством проходят красивая, хорошо вымощенная улица, а также рвы, которыми оно окружено. Эта площадь ограничена с востока несколькими лучшими домами, среди них были и довольно плохие.⁸⁰ Там на трех столбах были головы троих продовольственных комиссаров,⁸¹ которых Петр I за лихоимство приказал обезглавить после чрезвычайно сурового наказания кнутом.

Адмиралтейство — это большой корпус или комплекс великолепных и регулярных зданий, напоминающий Арсенал в Венеции, о котором я говорю в 1-м томе моего сочинения. Петр I, стремившийся перенять и вводить в своей империи все имевшееся где-либо лучшее и полезное, что он видел и о чем слышал, достал план венецианского Адмиралтейства с чертежами судов и галер, какие там строят. В нем есть большой и хорошо вымощенный двор. То, что называется адмиралтейским двором, скорее следовало бы назвать адмиралтейской верфью, поскольку там строят корабли и галеры (однако главное место, где строят последние, называется Галерным адмиралтейством, о нем я кое-что сообщу ниже). Я мог бы сказать, что на адмиралтейской верфи прежде было построено сколько-то кораблей и галер, так как в ту пору не строили уже никаких ни в Галерном адмиралтействе, ни даже в Кронштадте, хотя газеты, особенно английские официальные в Лондоне, сообщали, что там (в Петербурге. — Ю. Б.) строят суда сотнями. Там было 16 галер, начатых постройкой до кончины Петра I, но не завершенных из-за нехватки денег.⁸²

Этот двор окружен рвами, очень глубокими и полными воды, а также прочным валом и защищен добрым бруствером. Все Адмиралтейство тоже окружено таким валом и рвом, и пройти в него можно только по подъемным мостам. В упомянутом дворе имеются два деревянных склада для хранения древесины, якорей и всего прочего, относящегося к строительству и оснащению кораблей; рядом расположен арсенал для артиллерии и ручного оружия.

К юго-западу от этого двора стоит одна из превосходнейших церквей Петербурга, по крайней мере она обещала стать таковой, когда я ее видел, так как еще не была достроена.⁸³ На той же стороне вдоль Невы, почти у Екатерингофа, много каменных и кирпичных дворцов, принадлежащих дворянам, морским и армейским офицерам. К тому же река окаймлена домами и на Васильевском острове, находящемся напротив. Среди них дворец князя Меншикова, затмевающий все остальные, не исключая даже императорских дворцов, которые все вместе не стоят его одного. Можно сказать, что на Адмиралтейском острове и острове св. Василия находятся самые величественные здания Петербурга. О Васильевском острове я скажу после того, как несколько подробнее сообщу о наибольших достопримечательностях Адмиралтейского. Я продолжу рассказ также до самого Ораниенбаума — наиболее великолепного увесели-

тельного дома, построенного князем Меншиковым в 10—11 верстах отсюда⁸⁴ вниз по Ингрийскому берегу. Кроме того, я перейду к Кронштадту на острове Ретусари, расположенном почти напротив Ораниенбаума.

Недалеко от новой церкви — постоянный двор князя Меншикова, это длинное низкое строение с большим количеством просторных помещений и другими удобствами для приезжих, оно полностью деревянное. Позади упомянутых дворцов на Адмиралтейском острове находится канатный двор длиной не менее 800 шагов. Между ним и дворами или маленькими садами, относящимися к этим дворцам, вдоль той же стороны канатного двора идет только широкая, хорошо вымощенная улица. Но у малого протока, образующего, как я выше говорил, Адмиралтейский остров, есть большая кузница Адмиралтейства, в которой не менее 31 горна. Еще ниже, в конце острова, на Неве расположено Галерное адмиралтейство,⁸⁵ находящееся там, где малый проток соединяется с рекой посредством маленького своего рукава и вливает в реку воду, которую из нее заимствовал, посредством двух больших рукавов — один примерно в 200, а второй примерно в 300 шагах ниже Галерного адмиралтейства.

Галерное адмиралтейство стоит на весьма обширном участке, разделенном несколькими каналами. Это большое сооружение, полностью деревянное, за исключением дома из камня и кирпича со многими помещениями, складами и т. д. Я видел там много галер, которые, однако, по величине и богатству не идут ни в какое сравнение с турецкими; самая большая не могла взять на борт свыше 300 человек при пяти пушках.⁸⁶

Близ устья Невы расположен Екатерингоф — увеселительный дом, построенный для императрицы; он приятен, но не более того. Дом целиком выстроен из дерева, апартаменты в нем низкие и узкие, сад весьма запущен, наводнения, которым подвержена река, видимо, часто уничтожали труд садовников и не позволяли привести сад в более или менее сносный порядок.

Примерно 12 верстами ниже, где маленькая речка Стрельна впадает в Финский залив, находится мыза Стрельна — дворец, который начал строить Петр I, но его смерть не позволила завершить строительство. Он ставил не менее 10—12 тысяч человек на строительство сада и гавани и т. д. Вода у этого берега была настолько мелкой, что к нему не могли подойти даже самые маленькие суда. Петр I приказал воздвигнуть из земли и fascин пирс шириной около 20 шагов и более чем на 600 шагов выдающийся в море, с тем чтобы безопасно могли подходить большие суда. Он приказал прокопать каналы для осушения болотистой и бесплодной земли, какая в основном и была у подножия холма, на котором он решил построить свой дворец. Император приказал поднять и обогатить новой землей болота, посадил там сначала около тысячи лип, из которых не погибло и тридцати. Он добавил туда фруктовые деревья, которые, согласно его желанию, хорошо прижились. Петр I был настолько удовлетворен этим счастливым началом, что вместо первоначально построенного деревянного дома

решил возвести большой роскошный дворец из камня и кирпича по проекту или плану, представленному ему одним способным итальянским архитектором.⁸⁷ Стены и вся кладка были почти завершены, когда Петр I умер. Из того, что я видел, проезжая мимо этого места, ясно, что если бы работы были продолжены, это бы затмило и далеко превзошло величиной и великолепием даже Петергоф, о котором я расскажу ниже. Однако ничего не было там сделано со времени кончины этого монарха; более того, некоторые части уже грозили обрушиться, не будучи защищены от воздействия погоды.⁸⁸

Примерно в 13 верстах далее на юго-восток⁸⁹ находится Петергоф — простой маленький дом, который если и заслуживает называться дворцом, то благодаря построившему его великому монарху. Однако дом возведен частично из камня, частично из кирпича, довольно регулярный и приятный. Он расположен чрезвычайно удачно на возвышенности, к северу обращен на обширный сад, находящийся вровень с ним. Этот сад в хорошем порядке, с несколькими прудами и прекрасными фонтанами, и под холмом есть другой, омываемый с севера морем и протянувшийся далеко с востока на запад. Этот сад обустроен гораздо богаче первого различными водяными затеями, несколькими очень приятными строениями, преимущественно из хорошего песчаника, с колоннами, статуями, бюстами, живописными изображениями, выбрасывающими воду фонтанами. Есть цветники, здания в стиле храмов, летние дома, залы, гавани, и все это исключительно хорошо размещено. Когда спускаешься в этот сад от дворца по двум высеченным в холме величественным лестницам, по левую руку видишь прекраснейший грот, от него к подножию холма идет тройной каскад с несколькими статуями и фигурами из позолоченного свинца. От этого каскада начинается прорытый до моря глубокий канал, по нему сюда могут подходить яхты и другие суда.

Среди наиболее примечательных фонтанов есть один в середине партера, довольно близко от грота; фонтан, выбрасывая воду примерно из ста трубок, образует занятную пирамиду. Есть другой, меньший, но производящий почти такой же эффект, он расположен напротив оранжереи. Эта оранжерея — весьма приятное строение с редкостными деревьями и растениями из чужих стран. Бассейн Евы — самый красивый из всех, он снабжен превосходными фигурами и украшениями, некоторые из них мраморные. Фигуры других фонтанов — почти все из позолоченного свинца либо из меди.

Среди наиболее ценных зданий — Монплеизр и Марли. * В обоих богато убранстве. Монплеизр — это, как они его называют, маленький дворец, очень приятный, состоит из довольно длинной залы и красивой галереи над ней, с хорошо расположенными и спланированными апартаментами по обоим концам [здания]. Потолки залы и галереи, а также некоторых апартаментов расписаны фресками и украшены лучшими рисунками г-на Пильмана. Перед этим

* Так назвал эти маленькие здания француз, который жил там и показывал мне все заслуживавшее осмотра.

маленьким дворцом — терраса, с которой открывается превосходный вид на залив. Терраса окаймлена балконом, образующим своего рода галерею вокруг партера, составляющего середину террасы.

Марли — павильон, красиво построенный и довольно высокий, его вершину огибают тонко выделанные железные перила, образующие балкон. Он весьма напоминает турецкие беседки. Мне рассказывали, что когда императрица приезжала сюда (как это было, например, при ее приезде с князем Меншиковым незадолго до моего появления в Петербурге), здесь везде, даже в садах, устраивали иллюминацию, а в вечер их приезда зажгли свыше 4 тысяч фонарей. Добавляли, что князь приказал сделать подобное в своем доме и в садах в Ораниенбауме, когда императрица оказала ему честь своим посещением.

Ораниенбаум — великолепный увеселительный дом, а скорее величественный дворец примерно в девяти верстах от Петергофа, на том же берегу. Ничто из того, о чем я сообщал, не может идти с ним в сравнение ни по великолепию, ни в других отношениях. Дворец построен из кирпича и камня и тоже на возвышенности, как и два предыдущих дворца. Он имеет два фасада — один на север, другой на юг, с двумя крыльями при каждом фасаде. Южный фасад⁹⁰ выполнен в виде молодого месяца и обращен к заливу, до которого от него более 500 шагов. Поскольку вода у берега очень мелкая, князь для удобства причаливания приказал не только построить деревянные мостки, выдающиеся в залив более чем на 300 шагов, но также выкопать канал, который кончается за двадцать шагов до находящейся с этой стороны дворца части сада. Построен также в конце этого канала довольно приятный дом из камня и кирпича, его отделяет от сада обычная дорога. Фасад, обращенный к заливу, от одного угла до другого украшен колоннами; между колоннами и дверьми, ведущими в апартаменты, находится галерея такой же длины. С обоих концов дворец завершается довольно изящными пристройками, внешне похожими, каждую венчает купол. Но в восточной находится красивая часовня.⁹¹ Непосредственно под галереей во всю длину полумесяца есть хорошо вымощенная площадка, откуда можно спуститься в сад, содержащийся в превосходном состоянии, и полезное там весьма дополняет приятное. Сад простирается далеко к востока на запад. Главный садовник (им был швед) показал мне все достойное внимания как во дворце, так и в садах. Он сообщил мне, что князь очень редко приезжал в Ораниенбаум, но имел обыкновение ездить в свое поместье близ Петербурга.

Апартаменты дворца устроены весьма изобретательно и украшены многочисленными картинами — как духовного, так и светского содержания, последних большинство. По другую сторону на холме раскинулся очень обширный сад с большим прудом посередине. Сад ограничен отчасти длинным рядом красивых конюшен, отчасти помещениями для слуг, а остальная часть обнесена стеной. Спускаясь вниз через маленькую вымощенную внутреннюю площадку по направлению к берегу моря, пересекаешь сад и проходишь мимо замечатель-

ного бассейна с фонтаном, выбрасывающим воду в каскад. Фонтан украшен многочисленными скульптурами. Затем, выходя из сада, пересекаешь большую дорогу, упомянутую выше, откуда не менее 150 шагов до деревянных мостков.

Я отправился отсюда морем в Кронштадт, расположенный, как я уже говорил, напротив Ораниенбаума. Был почтовый день, я воспользовался возможностью плыть на судне, посланном из кронштадтского адмиралтейства за письмами. Там всегда есть одно судно, стоящее наготове для любой иной okazji с этого берега. Поскольку не было ветра, гребцы гребли и переправили меня за полтора часа до большой гавани, обозначенной № 18 на гравюре II. В этой гавани может поместиться свыше тысячи военных кораблей, она закрыта, как можно увидеть, деревянным молотом, сооруженным в воде на сваях, заполненным фашинами и другими подобными же материалами, как на мызе Стрельне. Мол образует красивую широкую набережную, которая простирается от № 3, являющейся меньшей гаванью (она может вместить сто кораблей), до № 4 — гавани торговых судов. Большая гавань имеет глубину от 22 до 42 футов, она была устроена и приведена в то состояние, в каком я ее видел, за четырехлетний срок. Там расставлено много причальных тумб для швартовки кораблей, как лошадей в конюшне. Их установил командор Лейн,⁹² шотландец, вскоре после Полтавской битвы представивший царю проект мола, который он осуществил по приказу царя и к его удовлетворению. Когда это было сделано, он шуточно сказал царю: «Конюшня готова, мы ждем лошадей». Его величество ответил: «Да, и весьма большая, мое дело найти их — скоро они у нас будут». И действительно, он уже отдал распоряжение и принял для этого меры; он не только вызвал из Англии и Голландии кораблестроителей, но также приказал закупить там несколько уже построенных кораблей; царь приказал построить также несколько кораблей в Петербурге или в завоеванных им гаванях Балтийского моря. Он применил на практике знания в области этого искусства, полученные им в Англии и Голландии. Петр I сам построил несколько кораблей, очень многие его подданные, которых он определил в ученье к этим приглашенным мастерам, тоже научились строить. Щедрой платой он привлек на свою службу много иностранных офицеров и матросов, и те обучили русских, ставших столь же искусными, как они сами.

Тогда в этой гавани стояло около 20 военных кораблей, самым большим был 96-пушечный «Фридрихштадт», а самыми красивыми — «Александр» и «Ингерманланд», построенные англичанином г-ном Брауном.⁹³ Царь командовал последним из названных кораблей, когда объединенный англо-датский флот, присоединившись к его флоту под Копенгагеном, по приказу своих начальников отдал себя под его командование в качестве главного адмирала.⁹⁴

Все корабли, виденные мною в этой гавани, были по большей части лишены мачт и в скверном состоянии. Один из высших офицеров флота (оказавший мне бесчисленные любезности за время моего трехдневного пребывания в Кронштадте) весьма искренне сообщил, что англичане и датчане не имели причин для тревог с тех пор

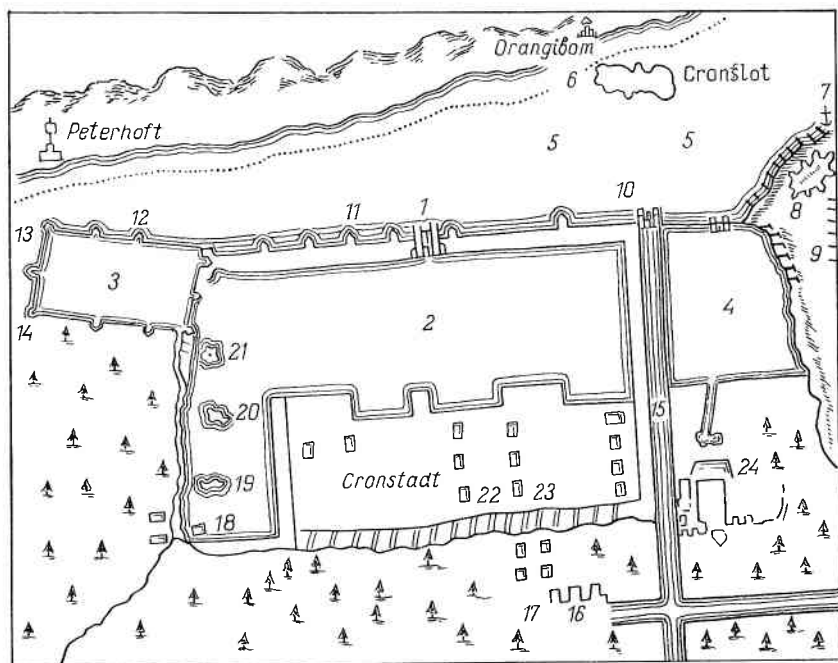

Рисунок с плана из книги О. де ла Мотрэ.

как императрица оказалась не в состоянии снарядить и послать 15 военных кораблей на три месяца. Действительно, у многих из этих кораблей сгнили днища, даже у некоторых не вышедших еще в море. Там было лишь незначительное число матросов, большинство иностранцев оставило русскую службу. Я не видел и двадцати англичан. Склады были почти все пусты. Единственным проходом для кораблей любого размера является № 5 между № 6 — крепостью Кроншлот* и № 7 — цитаделью,** так как вода во всех остальных местах мелка — всего лишь 4—5 футов в направлении обоих берегов. А где вода у № 6 достаточно глубока для самых больших кораблей, там на этой крепости стояло не менее 200 пушек и еще гораздо больше на цитадели, где могло быть размещено свыше тысячи пушек, если бы потребовалось. Пушки — бронзовые и чугунные, большинство чугунных, но столь же хороших. Насчитывали 970 пушек на батареях № 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14.

* Кроншлот находится на расстоянии немногим дальше пушечного выстрела от Ретусари, на песчаной отмели, увеличенной сильным течением, и неудивительно, если очертания отмели прежде изображали иными, чем это делаю я; крепость подобна большой башне с тремя галереями, расположенными одна над другой, на них установлены пушки; ее основанием стали сваи с фашинами и камнями.

** Цитадель — восьмиугольная, стоит на твердой земле и построена в высшей степени прочно.⁹⁵

Мол гавани для купеческих судов построен на сваях, как и молы двух гаваней для военных кораблей; гавань очень велика, глубока и надежна. № 15 — новый канал, начатый Петром I и не оконченный, но уже в значительной части прокопанный ко времени его смерти. На канале с тех пор не работали, или во всяком случае работали очень мало. Его предполагали довести у № 16 до моря, которое находится на расстоянии версты, и до № 17, где предполагалось построить верфь и где едва приступили к работам. Этот канал в своем конце имеет глубину 22 фута и ширину около 100 футов. Рассчитывали, что он должен быть по крайней мере две версты протяженностью, вместе с двумя рукавами, где предполагалось построить доки, с таким расчетом, чтобы их можно было осушить за час при помощи ветряка. № 18 — маленький дом, который построил для себя командор Лейн, когда управлял рабочими. Дом поставлен на воде на сваях, как молы; его венчает купол; в доме четыре комнаты. Лейн говорил мне, что царь обычно посещал его там, бывая в Кронштадте посмотреть, насколько продвинулись работы. Он также требовал браги,⁹⁶ заставлял Лейна пить и сам пил за его здоровье, называя его лендлордом.

№ 19, 20 и 21 — склады, также на воде, целиком из кирпича и камня, хорошо зацементированные для хранения черного пороха. № 22, 23 — другие склады (деревянные) для хранения всевозможных военно-морских припасов, продовольствия, канатов, парусов и т. д. Я был в них и нашел их, как и сказал, почти пустыми.⁹⁷

Дома в Кронштадте, за малым исключением, деревянные, улицы скверно вымощены, но те дома, что обозначены № 24 близ нового канала, красиво построены из кирпича, в два или три этажа. Петр I планировал перерезать весь город каналами, как в Голландии. За некоторое время до кончины он приказал, чтобы дома тоже строились из кирпича, по крайней мере купцами и другими людьми, которым обстоятельства это позволяли, и чтобы, как в Петербурге, каждый без исключения замостил перед своим домом улицу. Петр I приказал построить [для себя] красивый большой дом. Апартаменты для его величества еще не были достроены, нижняя часть была сдана купцам для хранения товаров. Там начали копать очень большой пруд посреди двора. Петр I должен был открыть сообщение нового канала с этим прудом для прохода его яхт и других судов, на которых бы доставлялось туда все необходимое. Первым построил в Кронштадте прекрасное здание князь Меншиков: его дом возведен из доброго песчаника и кирпича, двухэтажный, над большими помещениями, которые он сдавал купцам для хранения товаров. Его величество и он (Меншиков. — Ю. Б.) жили в этих апартаментах. Мне следовало бы сказать — их величества — император и императрица и Меншиков, так как эти три персоны казались одним целым и были неразлучны. Я мог бы добавить, что Петр I всегда изображал подданного, а Александр Меншиков — суверена, что он (Петр. — Ю. Б.) оставил ему (Меншикову. — Ю. Б.) всю пышность, великолепие и розы короны, не сохранив за собой от нее ничего, кроме забот и шипов.

Этот дом построен отчасти из камня, отчасти из кирпича, он вполне заслуживает именоваться дворцом, ибо имеет два великолепных крыла, придающих ему вид такового. Русская церковь, которая стоит недалеко от него, — одна из самых прекрасных и лучших, виденных мною в этой стране.

Г-н Лейн не хотел поселить меня нигде, кроме как в своем доме, он представил меня адмиралу Сиверсу и некоторым другим высшим офицерам флота, они оказали мне самый радушный прием. Адмирал при моем первом визите к нему оставил меня отужинать. Он также любезно предоставил мне свою карету и свою шлюпку для осмотра острова и гаваней.

Остров песчаный и повсюду неплодородный; гавани таковы, как я их описал. Командор Лейн с такой похвалой отзывался об изделиях из меди, железа и стали, изготовляемых у Систербекка при помощи водяных мельниц и механизмов, что разжег во мне любопытство, и я решил осмотреть их при возвращении в Петербург водой — это кратчайший путь, так как он на 4—5 верст короче, чем по суше.

Эти изделия — главным образом ручное оружие (например, ружья, пистолы, палаши, ножи, косы и т. д.). Водяные машины и кузницы весьма напоминают шведские, о которых я подробно говорил во 2-м томе моего сочинения, однако у Систербекка изделия доводят до гораздо большего совершенства, чем в Швеции, они здесь лучше отделаны и отполированы. Работники почти все были русские, так что эта нация, научившись у иностранцев, превзошла их. Кузнечные мехи и молоты приводятся в движение течением маленькой речки Систербек,⁹⁸ текущей на юг из финляндской Карелии и впадающей в залив примерно в 13 верстах ниже Петербурга, то есть почти на таком же расстоянии, что и речка Стрельна, текущая из Ингрии.

Я решил, как и обещал, закончить эту длинную главу рассказом об острове св. Василия и о монастыре св. Александра Невского. Остров св. Василия, или Васильевский (как его называют здешний народ), не такой длинный, как Адмиралтейский остров, но значительно шире. Петр I подарил его князю Меншикову; князь построил здесь дворец, являющийся главным украшением этого острова, а точнее, создал здесь маленький, но блестящий город из нескольких кирпичных и деревянных зданий и построек, которые он возвел. Я не стану предпринимать описания дворца, он один обеспечил бы меня материалом, достаточным, чтобы заполнить другую столь же длинную главу, как эта. Но я пройду по нему так же бегло, как по дворцу в Ораниенбауме. Он трехэтажный и покрыт железными листами. Фасад, вход и двойные марши лестниц величественны. Архитектурные украшения и роспись выполнены с утонченным вкусом и чрезвычайно радуют глаз. Залы между апартаментами, передние, комнаты и галереи расположены превосходно, все здесь просторно и пропорционально; обстановка исключительно изысканная. Думаю, что мне следовало бы сказать: была, ибо предполагаю, что ее забрали, когда хозяин был сослан Петром II.⁹⁹ Зал, где князь устраивал приемы, праздники, давал балы и т. п., необыкновенно длинный, широкий

и высокий, там по обеим сторонам висели различные картины, вызывавшие восхищение знатоков; среди картин были изображавшие Полтавскую битву и другие победы, одержанные русским оружием над Швецией. Все соответствовало великолепию этого дворца; были во множестве серебряные сервизы всевозможных видов и форм. Я еще находился в Петербурге, когда князь получил из Англии новый сервиз ценой в 6 тысяч фунтов стерлингов. То, что князь уже имел, стоило значительно больше как по весу, так и по действительной ценности, но тонкая работа этого нового сервиза несравнимо превышала те, другие, и по искусству, и по цене. Одни говорили, что князь приобрел его для подарка императрице, другие — что это она заказала сервиз в подарок князю, и последнее наиболее вероятно, ибо как только сервиз оказался у него в руках, императрица прибыла во дворец посмотреть на него и ужинала с князем. Императрице было подано [кушанье] на этом сервизе; она оставалась там за полночь.¹⁰⁰

Князь возвел очень красивую каменную церковь перед своим домом; точнее говоря, церковь отделена от дворца лишь каналом. Колокольная превосходна и имеет куранты. Я видел в этой церкви нечто в высшей степени необычное и даже противное греческой религии, — резные деревянные изображения,¹⁰¹ есть также кафедра, что является, конечно, новшеством, ибо вряд ли можно было встретить в русской церкви что-либо подобное до правления Петра I или до тех пор, когда усилиями этого монарха знание пришло на смену невежеству.

К величественному дворцу относятся обширные дворы, ограниченные различными зданиями; позади находятся конюшни на 400—500 лошадей и обширные, благородно спланированные сады, украшенные всем тем, что может услаждать вкус и глаз. Помимо многих других домов, построенных князем для сдачи внаем, дом его главного конюшего¹⁰² вполне сравним с наиболее величественными дворцами Петербурга, если не превосходит их. Он трехэтажный и покрыт, как и дворец Меншикова, железными листами.

Здесь я осведомился о графе Яне Сапеге, * который ныне является главой знаменитого семейства, носящего это имя. Но от управляющего его сына я узнал, что он в Польше. Молодой граф приехал, чтобы жениться на дочери князя, — той самой, я думаю, которую годом позже обручили с Петром II.¹⁰³ Императрица произвела отца в фельдмаршалы по рекомендации князя, которому последний обещал свою поддержку и влияние для того, чтобы князь стал правопремником герцогства Курляндского. Граф, учитывая скверные обстоятельства своих дел, очень нуждался в такой поддержке, а дела его были плохи исключительно из-за отсутствия экономии; я говорю — из-за отсутствия экономии, так как он постоянно тратил гораздо больше своих доходов. О его плохих обстоятельствах я знал не более, чем об образе жизни, когда одолжил ему в 1713 году в Бендерах

---

* В своем описании Бендер я упоминал о том, что случилось с графом Яном Сапегой после того, как он покинул шведского короля.

100 дукатов. Не знал и мистер Джеффрис,¹⁰⁴ одолживший графу тысячу. Ни я, ни он так и не получили своих денег назад. Не имею я и никаких видов на возвращение долга, почему и благодарю Бога, что потеря не оказалась большей. Мне хотелось бы, чтобы эта потеря стала единственной и самой крупной, какую я пережил, оказывая услуги ложным друзьям или доверяя людям, которые обманывали меня, прикрываясь дружбой. Я доволен собой, однако, в том, что на протяжении примерно 32 лет путешествий соображался со своими возможностями, никогда не занимал ни пенса сверх той суммы, какую мог по требованию заплатить. Упомянутый граф выдал мне вексель для губернатора Равича, маленького города в его владениях. Губернатор же не только не оплатил векселя, но сказал, что кроме того, что граф задолжал деньги ему самому, и город-то заложен на сумму, превышающую его стоимость. С момента опротестования векселя я написал графу по меньшей мере 20 писем, он не ответил ни на одно из них. Я написал некоторым своим и его друзьям в Польше и России с просьбой поговорить с ним об этом. Теперь он ответил, что распорядится об уплате.

В своем последнем письме из Польши (приехав туда, я узнал, что он вернулся в Россию) я писал, что помню, как в Бендерах он называл меня своим самым дорогим другом, когда ему понадобился мой кошелек; писал, что его молчание на мои письма, его слова моим друзьям и т. д., неисполнение его приказов, якобы им отдаваемых, заставляют меня опасаться, что я потерял его дружбу, а с нею и свои деньги. На это письмо я не получил ответа. Если он все же заплатит мне, на что я не смею надеяться, я воздам ему должное и напишу об этом с благодарностью в своем следующем томе. У его сына были прекрасные апартаменты во дворце князя Меншикова; императрица сделала его (сына. — Ю. Б.) одним из своих камергеров, и он довольно мило смотрится [при дворе].

Петр I, восхищенный этими зданиями, придававшими блеск его столице, задумал построить там новый, блестящий и большой город, причем весь из камня и кирпича, добавив к имевшимся еще много домов или расширив маленький город князя Меншикова, и меня уверяли, что, желая сделать князю приятное, он хотел назвать этот город Александрией.* Учитывая, сколько царь уже сделал в этом направлении, он не хотел целиком передоверить это своему фавориту. В соответствии со своим решением Петр I приказал многим боярам, которые, как он знал или слышал от князя Меншикова, были достаточно богаты, не только построить там кирпичные дома, но и приехать жить там со своими семьями в одном или нескольких домах, или чтобы по крайней мере некоторые из их женатых детей заселили дома своими семьями. Под страхом сурового наказания он предписал боярам не только число домов, которые они должны были построить, но также их материалы и форму, участки для строительства, предписал ширину и длину улиц, род камней для мощения, глубину и ширину каналов, которые надлежало прорыть посреди большинства улиц по голландскому образцу.*

* Имя князя Меншикова — Александр.

Я бывал в обществе некоторых из тех, кого он обязал строиться на Адмиралтейском острове, и они говорили, что они имели «прекрасные дома в окрестностях Москвы с плодоносными садами и землями, доходы от которых были достаточны для удобной жизни в удовольствиях вместе с семьями, но они были вынуждены приехать сюда и жить в этом нездоровом и неприятном климате, где не могут иметь ничего, кроме чрезмерно больших расходов, средства на покрытие которых им приходится получать издалека». Они предложили мне отвезти, наряду с другими вкуснейшими фруктами из тех садов, каких-то прозрачных яблок восхитительного вкуса. Они добавляли, что их не только заставили покинуть свои дома и сады, но что они не смели вернуться туда во время его (Петра I. — Ю. Б.) правления, разве только на краткий срок по важному и неотложному делу и с его позволения, которого им приходилось выпрашивать на протяжении целых месяцев. Они легко признавались в том, что часто желали, чтобы Петербург ушел под воду.

Сей монарх обязал дворянство строиться и на острове св. Василия. За его собственный счет построен очень большой дом с обсерваторией, весь из камня и кирпича, для академических занятий и проживания членов [Академии]. Как я упоминал, ко времени моего пребывания в Петербурге постройка этого здания была уже в значительной степени произведена. Если она теперь завершена, это здание должно быть одним из самых превосходных сооружений такого рода в Европе. Обсерватория очень высоко вознесена над ним. В двойной купол уже был помещен знаменитый Готторпский глобус, сделанный по проекту Тихо Браге и столь вместительный, что больше 10 человек могут внутри него удобно сидеть вокруг стола. Место, где он поставлен, выбрано почти столь же удачно, как в башне, называемой Уранибург,¹⁰⁵ о которой я сообщал во 2-м томе. Здание почти такой же высоты, как та башня, поэтому отсюда хорошо наблюдать звезды и все движенье небесных тел.¹⁰⁶

Академия, как я говорил выше, в то время заседала в доме барона Шафирова, ее члены — все люди выдающихся способностей и знаменитые своей ученостью. Императрица Екатерина продолжала платить им такое же жалованье, какое назначил император Петр.

В новом доме были уже полностью обставлены апартаменты г-на Николаса Делия.¹⁰⁷ Этот господин хорошо известен своим превосходным искусством в астрономии и иными талантами; он не только один из почетных членов этой императорской академии, но также член Королевской академии в Париже и Обществ в Лондоне и Берлине. Согласно установлению Петра I, подтвержденному Екатериной, он должен был читать астрономию. Его час еще не был назначен, он лишь незадолго до того прибыл из Франции, и было объявлено, что он начнет свои учебные занятия в новом доме.

---

* Некоторые улицы я измерил и определил, что они около тысячи шагов длиной, 50 и более шириной; каналы, только начатые и не продолженные после кончины Петра I, имели ширину несколько более 15 шагов.

Г-н Фридрих Шеслер должен был проводить в нем занятия, и уже начал их в старом доме, по арифметике, оптике и архитектуре — с семи до восьми утра и с двух до трех пополудни.

Г-н Иоганн Герман, один из членов императорской Академии и Королевских обществ Лондона и Берлина, а также главный профессор математики, должен был читать алгебру с девяти до двенадцати утра.

Г-н Петер Коль, профессор риторики, должен был вести занятия не только по греческой и латинской элоквенции,¹⁰⁸ но также по латинской и германской поэзии.

Г-н Иоганн Беккенштейн должен был заниматься гражданским правом и современной историей, его час — от часу до двух.

Г-н Михаэль Бургер, доктор медицины, должен был обучать химии.

Г-н Жан Дювернуа должен был заниматься анатомией и хирургией, его час — с двух или трех.

Г-н Георг Буффлингер — теоретической и практической физикой, его час — с четырех до пяти.

Г-н Христиан Гросс — этикой, его час — с пяти до шести.

Г-н Фридрих Майер, экстраординарный профессор математики, должен был давать ее элементы по правилу Вольфиуса.

Г-н Даниэль Бернулли должен был излагать ее законы применительно к медицине, его час с семи до восьми утра.

Г-н Николас Бернулли, профессор математики, должен был учить использованию и применению математики вообще, его час с 8 до 9.

Г-н Теофилус Зигефрид должен был читать как о греческих и латинских древностях, так и о древнеримских медалях и памятниках и т. д.

Г-н Христиан Мартини был назначен профессором рациональной и метафизической философии.

Г-н Иоганн Буксбаум должен был читать ботанику летом и естественную историю зимой.

Г-н Георг Гессель должен был учить искусству рисования и живописи, его час — с 11 до 12 утра и с 4 до 5 пополудни.

Г-н Христофор Марселиус должен был читать гражданскую архитектуру с 10 до 11 утром и с 3 до 4 пополудни.

Г-н Конрад Оснер должен был учить той части ваяния, которая необходима для изучающих архитектуру.¹⁰⁹

Императорская библиотека* под попечительством и управлением г-на Шумахера должна была быть открыта для публичного пользования дважды в неделю — по вторникам и пятницам с часу до четырех.

Имелось более десяти регентов, или школьных наставников, назначенных обучать молодежь не только немецкому, французскому, латинскому и греческому языкам, но также арифметике, геометрии, географии и т. д. четыре раза в неделю: понедельник, среду, четверг и пятницу с 9 до 11 утра и с 2 до 4 после обеда. Это составляет своего рода колледж, разделенный на пять классов.¹¹⁰ Словом, все было исключительно хорошо организовано для этой цели. Было приказано отлить

* В старом доме находилась часть библиотеки для занятий академиков.

в Голландии литеры для печатания на латыни и других европейских языках; я видел столь же хорошие их отпечатки, как и везде. Сознаю, однако, что я более увлекся перечислением частных, нежели предполагал это сделать; настало время рассказать о монастыре св. Александра Невского.

Красота местности и дороги, но более всего превосходные манеры принявшего меня настоятеля побудили меня побывать там еще; я ездил в монастырь четыре раза. Первый раз — в конце сентября, спустя три-четыре дня по прибытии в Петербург, вместе с г-ном и г-жой Лефорт,¹¹¹ представившими меня настоятелю. Он оказал нам в высшей степени любезный прием, угостил превосходными цукатами, фруктами, тонкими винами и ликерами. По происхождению он серб, и его мать по-прежнему жила в Буде. Он угощал нас вином из винограда, растущего в окрестностях этого города, с которым я немного познакомился, дважды его проезжая. Настоятель довольно хорошо говорил на латыни, немного по-турецки и на простонародном греческом. Его одежда была черной, как одежда калоерос, или греческих монахов, о которых я говорил в 1-м томе моего сочинения, с той лишь разницей, что подкладка была из пурпурного атласа. На шее он носил золотую цепь, на ней висел золотой крест с шестью изумрудами, пересыпанный на перекладине маленькими бриллиантами. Настоятель жил или по крайней мере принимал гостей в довольно хорошем доме, с юга отделенном от монастыря большой площадью. При доме есть приятный и плодородный сад. Этот монастырь, если когда-либо будет закончен, должен стать превосходным по архитектуре, самым прекрасным и самым большим во всей России. Чтобы дать общее представление о нем, достаточно было бы сказать, что проект создал синьор Трезини и к постройке было привлечено несколько других хороших архитекторов. Я сказал: «если когда-либо будет закончен», так как в ту пору была сделана лишь половина того, что изображено на № 1 гравюры III, — великолепная церковь, которую начали возводить, должна была находиться в центре всего ансамбля, а ансамбль должен был стать таким, как он изображен на той же гравюре.¹¹²

Богослужение тогда проводилось в другой церкви, обозначенной № 2 и расположенной к западу; * она построена в основном из дерева, но очень приятна. В пределах ансамбля есть, кроме того, чрезвычайно красивая часовня — истинная жемчужина по своей архитектуре и декору. Именно в этой часовне покоится прах св. Александра Невского.¹¹³ Он в гробу, покрытом малиновым бархатом, украшенным по углам золотым шитьем, галунами и бахромой. Гроб находится в южной части алтаря. Несколько ниже на той же стороне стоит трон, на котором сидел Петр I во время церемонии канонизации Александра Невского. Трон украшен подобным же шелком, над троним императорская корона, расшитая золотом. Трон достаточно большой, чтобы на нем могли сидеть два человека; императрица (как мне говорили)

* Гравер ошибочно поместил эту церковь на востоке, а на плане, который я дал ему, она на западе, и в результате строениям придано обратное расположение.

в день церемонии сидела на нем рядом с Петром I. Когда она приезжала в монастырь после смерти этого монарха (что делала довольно часто) и присутствовала на богослужениях, проводившихся тогда в этой часовне, она обычно сидела на троне. Князь Меншиков, как правило, сопровождавший ее, сидел слева от нее в кресле с подлокотниками. Когда я впервые увидел ее [в Петербурге] вне дома, мне сказали, что она направлялась туда (в монастырь. — Ю. Б.). У нее на шее был орден св. Екатерины на белой ленте. Расстояние, с которого я наблюдал, не позволило мне разглядеть образ святой, я видел крест, сверкавший драгоценными камнями. Мне говорили, что образ — в середине на эмали, а с другой стороны девиз.

Что касается внешности императрицы, она весьма и весьма изменилась с тех пор, как я видел ее на реке Пруг в 1711 году. Императрица утратила хороший цвет лица, отяжелела, лицо расплелось и приобрело желтизну и некоторую бледность — словом, она выглядела так, будто ей угрожала водянка.

Монастырь весь — из камня и кирпича; то, что уже закончено, чрезвычайно хорошо спланировано и выполнено. Трапезная — одна из самых больших, виденных мною, и имеет свыше 50 шагов в длину и 26 в ширину. Над ней зал, или галерея, почти таких же размеров и высоты. Монашеские кельи очень приятны, там живет 65 монахов, помимо настоятеля. В соответствии с установлением Петра I никто не мог быть принят в этот монастырь без экзамена и доказательств учености и доброго поведения. Петр I взял лучше подготовленных и менее невежественных из других монастырей, которые он упразднил, превратив в госпитали или во что-либо иное. Предполагалось, что по завершении строительства монахов должно было стать по крайней мере вдвое больше. Однако они в большинстве своем не могли воздерживаться от неумеренного употребления спиртных напитков, о чем я скажу ниже. Настоятели считали добрым священником и способным математиком. Петр I с пользой употреблял его в различных церковных и мирских делах. Император назначил его на этот пост вместо Феодосия,¹¹⁴ которого за несколько месяцев до своей смерти поставил архиепископом Новгородским. Последнего считали одним из самых ученых священнослужителей всей России и в то же время злейшим врагом суеверий. Это качество являлось достоинством при Петре I, но не при Екатерине I, и обеспечило ему слишком могущественных врагов среди духовенства, особенно монахов, которые попытались взять верх, как только она вззошла на имперский престол. Как мне говорили, императрица более боялась их, нежели любила; она возвратила им многие доходы и привилегии, отнятые Петром. Императрица полагала, что за это они станут ее поддерживать. Князь Меншиков был злейшим врагом Феодосия (величайшее преступление которого в том и состояло), никогда не переставая преследовать его, до тех пор пока не добился от Синода решения о его отставке и ссылке. Основными пунктами обвинения, выдвинутыми против Феодосия от имени духовенства, было то, что «он обезображивал и уничтожал образа в церквах. . . в своих проповедях отрицал чудеса, совершенные некоторыми из этих святых, и выступал против их почитания, считав-

шегося обязательным в учении святой греческой церкви, и т. д.». Обвинения от имени императрицы заключались в том, что «он пытался в союзе с другими недовольными лицами опровергнуть достоверность распоряжения покойного императора относительно престолонаследия. . . что он вел разговоры с целью вызвать недовольство персоной ее императорского величества, представить ее правление как узурпацию и пытался подбить ее подданных на бунт против нее».¹¹⁵

Никто не посмел выступить в его защиту, кроме графа Толстого. Относительно первого обвинения тот сказал, что прелат поступал по прямому приказу покойного императора, а что касается последнего обвинения, то помимо слова князя и заявления о том, что он якобы располагает бесспорными фактами, нет доказательств относительно каких-либо действий прелата против императорского престолонаследия. Слово князя сочли достаточным, а сказанное графом лишь дало повод князю представить императрице графа как одного из недовольных. Она, возможно, лишила бы службы и своей благосклонности графа, которого никак нельзя было счесть другом князя, если бы не помнила, что за несколько дней до кончины император Петр рекомендовал ей графа как человека, наиболее подходящего для поста, тогда им занимаемого, или если бы она не опасалась какого-нибудь рокового переворота со стороны русской знати. Князь, который не мог не предвидеть, что ее падение неизбежно и одновременно повлекло бы за собой и его собственное, дождался другой возможности одержать верх над графом — той, о которой я упоминал.

Приехав во второй раз в монастырь св. Александра Невского, я застал там князя Меншикова, он обедал и еще сидел за столом с новым епископом Новгородским, одной из его креатур, и с настоятелем. Меншиков сидел между епископом и настоятелем, при кресте св. Андрея на голубой ленте. . . Архиепископ был одет так же, как настоятель, носил такой же крест, с той только разницей, что в его середине был лишь один изумруд; крест был украшен также бриллиантами и сапфирами.*

Приехав в монастырь, я увидел, что подавали последнюю перемену блюд. 12 монахов сидели вокруг стола, на котором стояли бутылки и большие стаканы, а в руках у монахов были псалтыри и листы бумаги. В комнате, примыкающей к залу, где находились три высокие персоны, эти монахи в продолжение всего обеда распевали гимны во славу Господа и святого Александра. Пели также песни, прославляя императрицу Екатерину и князя Меншикова, и в перерывах пили. Один из них, видевший меня в обществе настоятеля в первое мое посещение монастыря, пригласил меня войти и сесть с ними. Я сделал это, чтобы послушать их пение. Не успел я войти, как он предложил мне полный до краев большой стакан. Едва я его выпил, как другой монах подал мне еще стакан, затем мне дали третий; это повторялось

---

* Русские прелаты обычно избираются из среды монахов, но никогда, как греческие, из женатых священников; последним дозволено жениться один раз, однако вторично нет, иначе они должны отречься от духовного сана. Эти прелаты не женятся вовсе, как я уже упоминал где-то в другом месте.

столь быстро и часто, что я сказал своему знакомцу, довольно хорошо говорившему на латыни, что прошу компанию позволить мне самому обслуживать себя, как привык в своей родной стране. Он это передал, но монах, как раз наполнивший для меня стакан, оказался пьяным и, обидевшись на эти слова, выплеснул вино ему в лицо. Тут я поднялся, намереваясь уйти и попросив у знакольца прощения за то, что оказался причиной этой грубости. Он ответил, что это ничего, и от имени всей компании просил меня остаться, обещая, что мне не придется пить больше, чем хочу. Пьяный монах вышел из комнаты и, по дороге встретив одного из слуг князя Меншикова, так толкнул его локтем, что тот упал, но вместе с ним свалился и монах. Поскольку он не смог подняться, двое самых сильных в нашей компании подхватили его под руки и уволокли в его келью, где и оставили. Не прошло 20 минут, как двое других, не менее пьяных, затеяли драку, ударяя то один, то другой своими книгами и получая ответные удары. Я не имел желаний более смотреть на это, поблагодарил моего знакольца, попросил его позволить мне удалиться, так как я был приглашен графом Рабутиным¹¹⁶ (я действительно обещал провести с графом вечер). Он позволил мне уйти, взяв обещание приехать снова и вскоре вновь увидевшись с ним. Я, воспользовавшись суматохой потасовки, удалился, не встретив сопротивления. Я сдержал свое слово и спустя несколько дней вновь приехал с целью нанести ему визит. Монах этот весьма разумный человек, обладал некоторой ученостью; он прежде учился за границей.

Приблизительно через месяц после прибытия в Петербург я решил возвратиться в Англию и по пути осмотреть Польшу. Попрошачившись с людьми, с которыми имел честь быть знакомым, я сердечно поблагодарил их за оказанный мне любезный прием. В российские владения легко въехать, но иначе дело обстоит с выездом оттуда; необходимо иметь паспорт, который не получишь без больших хлопот, длительного ходатайства и различных прошений. Некий господин, желавший осмотреть эти места или имевший здесь дела и рекомендованный польскому посланнику, выразил намерение отправиться вместе со мной в Польшу. Мы уже собирались нанять для путешествия почтовую карету, но он был вынужден задержаться, так как не смог получить паспорт. Достигнув Гродно, я слышал, что он все еще был в Петербурге. Удовлетворение его просьбы откладывалось с недели на неделю, со дня на день, как было в правление Петра I с большинством тех, кто хлопотал о выезде. Сей монарх даже задерживал на всю жизнь в этой стране множество людей, особенно тех, кто поселился там или находился на его службе. Он старался никогда не выплачивать последним более части их жалованья, чтобы у них не было соблазна искать способов уехать без паспорта. Что до меня, мне посчастливилось получить паспорт почти сразу, как я за ним обратился. Барон Остерман, оказавший мне содействие во многих других случаях, обеспечил меня не только паспортом, но также императорским распоряжением о почтовых лошадях. Граф Рабутин дал мне несколько рекомендательных писем для графа Вратислава — полномочного министра венского двора при польском дворе; с ним я тогда не был знаком, знал о нем

только, что он распорядился подписать его на реляцию о моих путешествиях, находившуюся тогда в печати.

Я составил план моего пути через Ингрию до Нарвы, затем побережьем моря до Риги, оттуда через Семигалию,¹¹ затем Польшу, Силезию, Бранденбург, далее в Голландию и морем в Англию. . .

КОММЕНТАРИИ

¹ Черная, или Темная, речка.

² Пристань в Кронверкской протоке у Троицкой площади действительно носила название Фрегатного порта — см., например, на плане де Фера 1717 г. в кн.: Петербург—Ленинград: Историко-географический атлас. Л., 1957. Ч. 1. С. 15.

³ Остров назывался также Березовым, Городовым и Петербургским, теперь — Петроградский.

⁴ Вполне верно: высота стен — 10—12 м. Ниеншанц был скрыт, и часть материалов пошла на строительство Петропавловской крепости.

⁵ Каркас шпилья был покрыт позолоченными листами в 1723 г. (*Лисевич И. И.* Доменико Трезини. Л., 1986. С. 87).

⁶ Наталья, младшая дочь Петра I и Екатерины Алексеевны (родилась в мае 1718 г.), умерла не раньше, а позже него — 4 марта (Походный журнал 1725 года. СПб., 1855. С. 61). Скорее всего, автор спутал даты кончины Петра I (28 января) и погребения в Петропавловском соборе (10 марта).

⁷ Гроб с телом Петра I стоял в соборе до 21 мая 1731 г. (*Флоринский Д.* Историко-статистическое описание Санктпетербургского Петропавловского кафедрального собора. СПб., 1857. С. 80).

⁸ Петр I умер утром 28 января от уремии; несколько дней до смерти он, страдая от невыносимых болей, непрерывно кричал (см.: *Биссевич Г. Ф.* Записки. Стб. 172).

⁹ Пенсionarioй — одно из высших должностных лиц в Республике Соединенных провинций, образовавшейся на территории Нидерландов в XVI в. Пенсionarioй провинции Голландия имел титул великого пенсионария и руководил внешней политикой республики, замещал статхаудера (штатгальтера) в его отсутствие. Должность упразднена в 1795 г.

¹⁰ Неверно. Петр I, умирая, не оставил завещания. В легенде о том, что он будто завещал престол Екатерине Алексеевне, были заинтересованы императрица и ее сторонники.

¹¹ Согласно «журналу», «в 6-м часу пополуночи в 1-й четверти его императорское величество Петр Великий преставился от сего мира. . .» (Походный журнал 1725 года. С. 3).

¹² Мост через Кронверкскую протоку соединял Петербургский остров с промежуточным укреплением, находившимся перед Петровскими воротами. Между ним и крепостью также была полоса воды, через нее в крепость вел мостик (*Бунин М. С.* Мосты Ленинграда. Л., 1986. С. 34). Это видно уже на рукописном плане Петербурга 1706 г. (Петербург—Ленинград. . . С. 11).

¹³ Вероятно, автор имеет в виду только острова Петербургской стороны, так как Васильевский остров больше.

¹⁴ Дата неточна. Речь идет о победе русского флота над шведским при о. Гренгам 27 июля 1720 г. О триумфальной пирамиде первый историограф Петербурга сообщает: «Сия пирамида построена четверугольная, убрана была разными символическими живописными эмблемами, военными орудиями и знаменами» (*Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. С. 495).

¹⁵ Гора родила мышь (лат.). — В буквальном переводе эта латинская поговорка звучит так: «Рожают горы, а родится смешная мышь».

¹⁶ Патриаршество в России было упразднено Петром раньше — после кончины патриарха Адриана, последовавшей в 1700 г.

¹⁷ Гетман И. С. Мазепа, перешедший на сторону Карла XII в октябре 1708 г., увел с собой сравнительно немногочисленный отряд казаков.

¹⁸ Празднование Гренгамской победы с маскарадом кратко описал также русский мемуарист (см.: Записки Василья Васильевича сына Нащокина. . . // Рус. архив. 1883. Кн. 2. С. 250—252). О. де ла Мотрэ рассказывает здесь со слов очевидца об одном из маскарадов, устраивавшихся Петром I по торжественным случаям. Подобные же

маскарады, когда их участники наряжались в одежды разных народов, неоднократно наблюдал и придворный герцога Гольштейн-Готторпского, например в сентябре 1721 г. (см.: *Берхгольц Ф. В.* Дневник. Ч. 1. С. 115—122 и сл.) и в августе—сентябре 1723 г. (там же, ч. 3, с. 140—150). К третьей части этого дневника приложен русский документ, подробно описывающий наряды участников (там же, с. 188—199). Как и француз, Ф. В. Берхгольц говорит, что «царица ... была одета голландскою или фризскою крестьянкой» (там же, ч. 1, с. 117). Обычным элементом маскарадов было шествие «всешутейшего собора» с главными его персонажами — потешным патриархом и потешным кесарем (см. об этом: *Семенов Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 174—199).

¹⁹ Автор говорит о Большой Невке, но неверно указывает, что она впадает в Неву чуть ниже крепости. Вероятно, его ввели в заблуждение неточные планы Петербурга — см., например, план, вклеенный в «Преображенную Россию» Ф.-Х. Вебера (ч. 1, с. 432).

²⁰ Петербургская академия наук поначалу располагалась в каменном доме опального вице-канцлера П. П. Шафирова. В 1723 г. он по обвинению в казнокрадстве был приговорен к смертной казни с лишением чинов и титулов и конфискацией имущества. Казнь была заменена пожизненной ссылкой (О. де ла Мотрэ ниже об этом упоминает). В 1725 г. Екатерина I возвратила П. П. Шафирова из ссылки и назначила президентом Коммерц-коллегии.

²¹ О споре с А. Д. Меншиковым, казни и помиловании П. П. Шафирова повествует другой современник (см.: *Басевич Г. Ф.* Записки. Стб. 132).

²² Толстой Петр Андреевич (1645—1729) — русский государственный деятель, дипломат. Воевода в Великом Устюге (с 1693), посол в Турции (с 1701), член Верховного Тайного совета (с 1726), однако вскоре сослан в Соловецкий монастырь, где и умер. П. П. Шафиров был не канцлером, а вице-канцлером. Канцлерский пост по-прежнему занимал Г. И. Головкин.

²³ Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн) (1686—1747), российский государственный деятель, дипломат. В России с 1704 г. Секретарь Посольского приказа (1710), один из руководителей русских делегаций на Аландском (1718—1719) и Ништадтском (1721) мирных конгрессах, вице-президент Коллегии иностранных дел (с 1721), вице-канцлер (с 1725), член Верховного Тайного совета (с 1726), канцлер в правительстве Анны Ивановны.

²⁴ Речь идет об Аландском конгрессе. Самый большой остров архипелага — Аланд. Возможно, французю было известно другое его название.

²⁵ Бэркли (Берклей), английский дипломатический курьер, прибывший из Лондона 9 или 10 сентября 1719 г. на о. Аланд с письмами о посредничестве Великобритании (*Фейзина С. А.* Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 465; *Никифоров Л. А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959. С. 153).

²⁶ О. де ла Мотрэ направился по левому берегу Большой Невки.

²⁷ Т. е. Аптекарский огород.

²⁸ Аптекарский остров образован Большой Невкой, Малой Невкой и р. Карповкой.

²⁹ Имеются в виду кабаки, приносящие казне большой доход.

³⁰ Шведский король Карл XII до 1707 г. не вступал со своей основной армией в пределы России. В Польше он свергнул с престола короля Августа II Сильного в пользу Станислава Лещинского.

³¹ Останови [зло] в начале (лат.).

³² Речь идет о нападении на Петербург армии Г. Любеккера в 1708 г.

³³ Цифра завышена, это характерно для иностранных описаний того времени. По С. П. Луппову, в 1725 г. в городе насчитывалось около 6 тыс. дворов. Исследователь предполагает, что иностранные наблюдатели, возможно, учитывали все постройки Петербурга, включая хозяйственные (*Луппов С. П.* История строительства Петербурга. С. 45).

³⁴ Неясно, что автор имеет в виду. Может быть, какие-то не обнаруженные до сих пор или утраченные описания, составленные в конце петровской эпохи.

³⁵ Вильгельм III (1650—1702), штатгальтер голландский и король английский. В 1677 г. женился на Марии, дочери английского короля Якова I.

³⁶ Автор что-то напутал. Если это медаль на коронацию Екатерины I, то должна быть дата 1724 г.

³⁷ Скончался (лат.).

³⁸ Речь идет о мазанковом гостином дворе на Троицкой площади.

³⁹ Биржу построили в 1724 г. «для сходу купечества» (Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. С. 126).

⁴⁰ Вероятно, Штофных и прочих шелковых парчей мануфактура, основанная в 1717 г. (Гейман В. Г. Мануфактурные предприятия Петербурга // Петербург петровского времени: Очерки. Л., 1948. С. 70).

⁴¹ А. И. Богданов говорит о нем: «Первый трактирный дом, который построен был в 1720 году на Троицкой пристани, в котором содержались напитки для приходу его величества в какой торжественный день» (Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. С. 154).

⁴² Речь идет о здании Кунсткамеры на нынешней Университетской набережной.

⁴³ Нынешняя Дворцовая набережная.

⁴⁴ Как показали новейшие исследования, с 20 мая 1726 г. Д. Трезини занимался строительством вокруг двора Зимнего дворца двухэтажных корпусов покоем с галереями внутрь (Овсянников Ю. М. Доминико Трезини. Л., 1988. С. 142—146).

⁴⁵ Кантемир Дмитрий Константинович (1673—1723), князь, господарь Молдавии, с 1711 г., потеряв престол, жил в России.

⁴⁶ Река Мойка.

⁴⁷ Река Фонтанка.

⁴⁸ Т. е. гавань, или гаванец, для малых судов.

⁴⁹ Яхта «Транспорт Рояль», подаренная Петру I Вильгельмом III в 1697 г., никогда не была в Петербурге: она разбилась у норвежских берегов при переходе из Архангельска в Балтику. В Петербурге находились английской постройки яхта «Св. Екатерина», а также золоченая «Декроне», подаренная Петру I прусским королем и привезенная на Неву весной 1719 г. Француз мог также видеть золоченую яхту «Принцесса Елизавета», построенную в Петербурге в 1723 г. (Веселаго Ф. Ф. Список. С. 190—193).

⁵⁰ Между Дворцовой набережной и Мойкой ниже Марсова поля стояли финская лютеранская и католическая церкви.

⁵¹ Конюшни и дома служащих при них тянулись от места слияния Мойки и Фонтанки и по правому берегу Фонтанки. У А. И. Богданова: «Конюшенный двор императорский, каменный и с жилыми покоями, построен в 1721 году. . .» (Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. С. 147).

⁵² В 1721—1726 гг. для Екатерины Алексеевны был построен Второй Летний дворец, или Новые палаты. Он стоял в северо-западной части сада на берегу Невы и Лебяжьего канала. За Мойкой в Трутнем Летнем саду стояли царицыны «Золотые хоромы», уже упоминавшиеся выше (Кузнецова О. Н., Борзин Б. Ф. Летний сад. Летний дворец Петра I. Л., 1988. С. 82—83, 30—31). Этот фрагмент с трудом поддается надежному толкованию. Возможно, в память автора оба дворца совместились, и тогда нельзя исключить, что несколько выше (см. примеч. 46) речь шла не о Мойке, а о Лебяжьем канале.

⁵³ Плодовый сад — Красный, или хозяйственный, с плодовыми деревьями, из него О. де ла Мотрэ прошел в Первый — парадный.

⁵⁴ «Большое длинное здание» — это «Зала для славных торжествований», построенная по проекту М. Г. Земцова в 1725 г., как правильно сообщает О. де ла Мотрэ, к свадьбе цесаревны Анны Петровны и Карла-Фридриха; первоначально называлась Большим залом, существовала до 1732 г.

⁵⁵ Епископ Любекский (Любский) — дядя Карла-Фридриха.

⁵⁶ Т. е. Фонтанку, через которую переходили на Московскую сторону, по направлению к нынешнему Литейному проспекту.

⁵⁷ Я. В. Брюс был графом (с 1721), баронского титула не имел.

⁵⁸ Я. В. Брюс являлся одним из уполномоченных на завершившемся безрезультатно Аландском мирном конгрессе.

⁵⁹ Стамке (Штамке) А. Э., секретарь барона Г. Г. Гёрца, бежавший с Аланда в Россию и в 1720—1729 гг. бывший в Петербурге на дипломатической службе у Карла-Фридриха.

⁶⁰ Гёрц Г. Г., шведский государственный деятель, в марте 1719 г. казненный в Швеции.

⁶¹ Витсен Николас Корнелисон (1641—1717), бургомистр Амстердама, географ, путешественник. В 1662—1667 гг. находился в Москве в голландском посольстве. Автор фундаментального труда «Северная и Восточная Татария. . .» (Witsen N. C. Noord en Oost Tartarye. . . Benefens. . . lantstreken, steden. . . in de Noorder en Oosterlykste gedeelten van Asia en Europa. . . Amsterdam, 1692. 2-е изд.: 1705. Vol. 1—2; 3-е изд.: 1785. Vol. 1—2. Сравнительно недавно появилось также издание: Witsen N. C. Moscovitische

Reyse / Ed. by T. Y. G. Locher, P. de Buch. Naage, 1966—1967. Vol. 1—3. Русский перевод труда не опубликован).

⁶² Борисфен — древнегреческое название р. Днепр.

⁶³ Тема действительно весьма популярная в известиях иностранных авторов о России XVI—XVIII вв. С. Герберштейн в первой половине XVI в. писал на страницах своего широко известного сочинения: «Некое семя, в общем очень похожее на семя дыни, только немного крупнее и круглее. Если его зарыть в землю, то из него вырастает нечто, весьма походящее на ягненка, в пять пядей высотой; на их языке это называется „баранец“, что значит „ягненок“, ибо у него голова, глаза, уши и все прочее, как у новорожденного ягненка, а кроме того, еще нежнейшая шкурка, которую очень часто в тех краях употребляют на подкладки для шапок» (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 180). Самый знаменитый труд XVII в. о России повествует: «Нам рассказывали, что совершенно особая порода дынь или, вернее, тыква растет за Самарою, между реками Волгою и Доном. Эта порода величиною и качеством похожа на другие обыкновенные дыни, но по внешнему виду имеет сходство с бараном, члены которого она совершенно ясно изображает. Поэтому русские и называют ее „баранцем“. Стебель прикреплен как бы к пупу дыни, и куда она повернется (так как при росте она меняет свое место, насколько ей это позволяет стебель), там сохнет трава, или, как говорят русские, „пожирается“ дынею. Когда дыня поспеет, стебель отсыхает и плод получает меховую шкурку, подобную барану; по их словам, эту шкурку будто бы можно дубить и приговаривать к пользованию против холода» (*Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 161). Любопытно, что баранец нашел отражение в английской сатирической утопической литературе XVII в. См. в описании одной из провинций страны Крапулии епископа Холла: «Там есть некоторые твари, выросшие из земли и имеющие вид ягнят; будучи крепко привязанными к корышке, на которой они растут, эти твари все же пожирают всю траву вокруг себя» (*Мортон А. Л.* Английская утопия. М., 1956. С. 34).

⁶⁴ Здесь и далее — пункт О. де ла Мотрэ.

⁶⁵ О. де ла Мотрэ почти прав: католический духовно-рыцарский Тевтонский орден, основанный на исходе XII в., с 1466 г. являлся вассалом Польши, а в 1525 г. его владения были превращены в светское герцогство Пруссия. Но это произошло еще за 5 лет до рождения Ивана IV Васильевича Грозного (1530—1584), называемого западноевропейскими авторами Тираном.

⁶⁶ Вероятно — «Белая». Дед Грозного Иван III Васильевич уже именовал себя «царем всея Руси», однако формально этого титула не принял. Иван IV начал свое самостоятельное правление с официального принятия титула царя (*Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 23, 21).

⁶⁷ Речь идет о Ливонской войне Ивана IV Грозного, и приведенные сведения вполне верны. В январе 1558 г. русские войска вступили в Дерптское епископство; рыцарство Ливонского ордена, решив откупиться от царя данью, собрало к маю 60 тыс. марок. В 1560 г. русские взяли замок Феллин — резиденцию бывшего магистра Ливонского ордена, отказавшегося от должности 17 сентября 1559 г.; магистр был отправлен в Москву (*Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 93—95).

⁶⁸ Кикины палаты.

⁶⁹ В конце 1720-х годов, когда к власти в стране пришла старая русская аристократия, императорский двор переехал в Москву, а после воцарения Анны Ивановны вернулся в Петербург: в 1732 г. Напомним, что сочинение О. де ла Мотрэ, часть которого здесь публикуется, вышло в свет в том же 1732 г.

⁷⁰ Имеется в виду Литейный двор.

⁷¹ Фарварсон, Фергарсон Андрей Данилович (Генри) (ум. в 1739), шотландский математик, приглашенный на русскую службу в 1698 г. Профессор петербургской Морской академии (с 1715); в 1705 г. ему было поручено устройство дороги между Петербургом и Москвой (ОМС. С. 392—393).

⁷² «Дорогой св. Александра Невского» О. де ла Мотрэ называет Большую перспективную («перспективную») дорогу, в 1738 г. получившую официальное наименование Невской перспективы, в конце XVIII в. переименованную в Невский прешпект (проспект) (*Чеснокова А. Н.* Невский проспект. Л., 1985. С. 15; *Медерский Л., Пиляевский В.* Невский проспект. Л.; М., 1959. С. 12, 17). Границей города была река Безымянный ерик (Фонтанка), за нею находилось предместье.

⁷³ Т. е. от Петропавловской крепости и Петербургского острова.

⁷⁴ «Мост по большой перспективной называемой Аничковой, построен чрез речку Фонтанку на сваях» (*Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. С. 239). По указу Петра I от 1715 г. в этом и следующем году одновременно с прокладкой будущего Невского проспекта был построен деревянный балочный многопролетный мост на свайных опорах (*Бунин М. С.* Мосты Ленинграда. С. 165—167). В 1721 г. Г. ван Болес построил вместо него деревянный же мост, получивший подъемную часть; в 1726 г. он впервые подвергся реконструкции (там же, с. 166).

⁷⁵ Фонари в городе усилиями петербургского генерал-полицеймейстера А. М. Дивиера (Дивиера) впервые установили в конце 1723 г. Петр I требовал установить 595 фонарей голландского образца на конопляном масле, но точно неизвестно, сколько именно установили. Расстояние между малыми фонарями должно было, по замыслу царя, составить 16—18 сажен; между большими — 50 сажен. (Подробно вопрос изучен в работе: *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга. С. 93—103). Таким образом, по впечатлениям О. де ла Мотрэ, на будущем Невском проспекте фонари стояли на расстоянии 30—40 м друг от друга (считаем длину шага 70—75 см), что вполне соответствует задуманному относительно малых фонарей.

⁷⁶ «Мост на Невской Прспективной чрез речку Мойку близ Триумфальных ворот называется Зеленой, для того что оный выкрашен был спервоначала зеленою краскою» (*Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. С. 241). Это был деревянный подъемный мост, введенный в эксплуатацию в 1718 или 1720 г. Позднее стал называться Полицейским, теперь — Народный.

⁷⁷ «Гостинный двор каменный, прежде именованный мытный, на Адмиралтейской стороне, построен в 1719 году . . . близ Зеленаго мосту на Мойке» (там же, с. 109).

⁷⁸ Морской рынок на месте Главного штаба, там продавалось и сено, но в 1718 г. последовал петровский указ перевести торговлю сеном в другое место.

⁷⁹ Скорее всего, имеется в виду Екатерингофская полотняная мануфактура в дер. Калинкиной.

⁸⁰ Автор достиг большого луга перед Адмиралтейством — строить рядом с ним запрещалось. Упомянутые дома — Морская слобода, где потом возникли Большая и Малая Морские улицы; южнее Адмиралтейства находились слободы, заселенные занятыми в нем людьми, — Офицерская, Кузнечная, Большая и Малая Пушкарские, Прядильная и др. Восточнее Адмиралтейского комплекса располагалась Греческая слобода.

⁸¹ Комиссарами при Петре I называли должностных лиц, занимавшихся заготовкой провианта, распределением провианта и денег в армии.

⁸² По данным Ф. Ф. Веселаго, между 1721 и 1726 гг. новых галер на воду не спустили; в 1726 г. спустили 12 галер, в 1727 — 16 галер и 30 полугалер, однако место их постройки не указано (*Веселаго Ф. Ф.* Список. С. 350—352, 394—396).

⁸³ Каменная церковь Исаакия Далматского, построена в 1717—1727 гг. по проекту Г.-И. Маттарнови вместо первоначальной деревянной приблизительно на том месте, где теперь стоит Медный всадник. Церковь существовала до 1763 г. (*Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. С. 295; *Колотов М. Г.* Исаакиевский собор. Л.; М., 1966. С. 7).

⁸⁴ Явная описка, расстояние до Ораниенбаума гораздо больше.

⁸⁵ Галерная верфь (Галерный двор) была окружена каналами, один из них — Ново-Адмиралтейский — существует до сих пор (см. об этом: *Лунтов С. П.* История строительства Петербурга. С. 34, 129).

⁸⁶ Были галеры и по 15 орудий, например построенные в 1721 г. в Петербурге «Двина» и «Нева» (*Веселаго Ф. Ф.* Список. С. 348—349).

⁸⁷ Н. Микетти, работавший в России с 1718 по 1723 г.

⁸⁸ Строительство в Стрельне было приостановлено еще в 1721—1722 гг., так как Петр I охладел к ней, когда для Петергофа были открыты ропшинские источники (*Воронихина А. Н.* Петербург и его окрестности. С. 26).

⁸⁹ Автор несколько раз путает стороны света; Петергоф на северо-западе от Стрельны.

⁹⁰ Неточность: речь идет о северном фасаде.

⁹¹ Неточность: дворцовая церковь, или часовня, находилась в западном крыле.

⁹² Лейн Эдвард (ум. в 1729), на русской службе с 1702 г. Капитан-командор (с 1721), капитан над Кронштадтским портом (с 1722).

⁹³ Корабль «Ингерманланд» построен мастером Р. Козенцем (Козенсом) в 1712—1715 гг., «Александр» и «Фридрихштадт» — Р. Броуном (Брауном) в 1714—1717 и 1716—1720 гг. (*Веселаго Ф. Ф.* Список. С. 12—13, 14—15, 16—17).

⁹⁴ В 1716 г. Петр I командовал объединенным русско-англо-голландско-датским флотом в Балтийском море.

⁹⁵ «Цитадель» построена в 1721—1724 гг. у южного фарватера, также на ряжевом основании (*Розадеев Б. А., Сомина Р. А., Клещева Л. С.* Кронштадт: Архитектурный очерк. Л., 1977. С. 10).

⁹⁶ В оригинале: *Dragme*, такого слова не существует. Во французском тексте автор сделал разъяснение, что имеется в виду «стакан водки».

⁹⁷ Нам известны две перепечатки этого плана Кронштадта с издания О. де ла Мотрэ — в кн.: *Божерянов И. Н. С.-Петербург в Петрово время: 1703—1903.* СПб., 1903. С. 91; *Житков К. Г.* История русского флота: Период Петровский. 1672—1725. СПб., 1912. С. 186.

⁹⁸ Систербек — шведское название р. Сестры (Сестры-реки). Речь здесь идет о Сестрорецком оружейном заводе в Дубках.

⁹⁹ При Петре II А. Д. Меншиков с семьей был сослан в Березов (ныне Березово Тюменской обл.), где в 1729 г. и скончался.

¹⁰⁰ Биограф светлейшего князя пишет, что после ссылки его в Сибирь в хозяйстве оказалось «...одних серебряных сервизов. . . три, каждый в 24 дюжины тарелок, ложек, ножей и вилок. Первый сделан в Лондоне, второй в Аугсбурге, третий в Гамбурге. Сверх того, Меншиков заказал для себя четвертый серебряный сервиз в Париже, 1727 года, и выслал на этот предмет 35 500 ефимков» (*Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 1. С. 115, примеч.*). Речь здесь идет о 23 сентября, когда, согласно «Поденной записке» князя А. Д. Меншикова, Екатерина Алексеевна приехала к нему во дворец в шестом часу. Она «пошла в зал смотреть новопривезенного из Англии сервиза и потом изволила пойти в Ореховую, где изволила веселиться. Приехал его высочество герцог Голштинский, и ея имп. в. изволила в Ореховой сесте кушать и веселиться до 3 часов пополудни» (ЦГАДА, ф. 11, ч. 6, л. 110). Мы очень признательны Н. В. Калязиной и И. В. Саверкиной, предоставившим выписку из этого документа.

¹⁰¹ Находившаяся рядом с дворцом церковь А. Д. Меншикова имела нетрадиционные для России архитектуру и внутреннее убранство. Здесь французский путешественник имеет в виду, как сказано в русском документе, «два выбеленных деревянных на пьедестале подсвечника, имеющие наверху пять золоченых ветвей, держимых ангелами». К этим «купидам» позднее были приделаны крылья. В таком виде обе фигуры и теперь стоят в Большом зале (в его алтарной преграде) Меншиковского дворца-музея.

¹⁰² Дом Ф. А. Соловьева, княжеского гофмаршала.

¹⁰³ Мария Меншикова была обручена с императором Петром II 24 мая 1727 г. (см. об этом: *Михневич В. О.* Две невесты Петра II // *Ист. вестник.* 1898. Т. 71. С. 193).

¹⁰⁴ Джеффрис, Джеффрис Джеймс, английский дипломат. Был уполномоченным при Карле XII в Бендерах, 1719 г. провел в Петербурге как резидент при русском дворе. См. его донесения из России: Сб. РИО. 1888. Т. 61. С. 456—590.

¹⁰⁵ Т. е. Ураниборг — обсерватория Тихо Браге, построенная в 1576 г. на о. Вен близ Копенгагена.

¹⁰⁶ Речь идет о Кунсткамере, возведенной по проекту Г.-И. Магтарнови в 1718—1734 гг. Строительство заканчивали (с некоторыми изменениями в проекте) последовательно архитекторы Н. Ф. Гербель, Г. Киавери и М. Г. Земцов. Торжественное открытие Кунсткамеры состоялось 25 ноября 1728 г. (*Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953. С. 58; *Итс Р. Ф.* Кунсткамера. Л., 1980. С. 17).

¹⁰⁷ Делиль Жозеф-Никола (Иосиф-Николай) (1688—1768), академик-астроном Петербургской академии наук, в России с 1726 г.

¹⁰⁸ Элоквенция (лат. *eloquentia*) — красноречие, ораторское искусство.

¹⁰⁹ Сведения о профессорах Академии и расписании их лекций О. де ла Мотрэ почерпнул, по всей вероятности, из специального объявления, напечатанного 14 января 1726 г. на русском и латинском языках (см.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 160—172). Поэтому-то путешественник упоминает, например, среди членов Академии химика М. Бюргера, приехавшего в Петербург 13 марта и скончавшегося 22 июля 1726 г., т. е. еще до появления здесь О. де ла Мотрэ (*Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 98—99). Француз не везде точно передал имена и фамилии ученых; перечислим их в написании, в каком они вошли в историю науки: Якоб Герман, Иоганн-Христофор Коль, Иоганн-Симон Бекенштейн, Иоганн (Жан)-Георг Дювернуа, Георг-Бернгард Бюльфингер (Бильфингер),

Христофор-Фридрих Гросс, Фридрих-Христофор Майер, Иоганн-Христиан Буксбаум, Георг Гзель; под «Геофилусом Зигефридом» надо понимать Т. З. Байера.

¹¹⁰ Публичные лекции академиков и занятия с учениками академической гимназии начались в январе 1726 г. (*Копелевич Ю. Х. Основание... С. 97*).

¹¹¹ Имеется в виду саксонско-польский дипломат И. Лефорт с супругой.

¹¹² Александро-Невский монастырь был основан в 1710 г., главный собор по проекту Г. Швертфегера начат постройкой в 1720 г., но до конца не доведен и разобран в 1755 г. Существующий ныне Троицкий собор возведен на его месте в 1778—1790 гг.

¹¹³ В августе 1724 г. Петр I перевез прах Александра Невского в монастырь, основанный, как тогда полагали, на месте знаменитой битвы со шведами в 1240 г. Церемонию помещения праха в монастырь описал по собственным впечатлениям немецкий дипломат (см.: *Бассевич Г. Ф. Записки. Стб. 165—166*).

¹¹⁴ Феодосий Яновский (ум. в 1726), архиепископ Новгородский (с 1720), видный церковный и государственный деятель первой четверти XVIII в. В 1725 г. осужден и сослан.

¹¹⁵ Феодосия подозревали в протестантских симпатиях, полагали, что он вводит «люторские обычаи», и это послужило причиной многочисленных нападков на него. Феодосий был признан виновным, и 11 мая 1725 г. вышел указ с объявлением его преступлений. Последовала ссылка и заточение в подземной келье одного из карельских монастырей, где Феодосий вскоре и скончался (РБС. 1913. Том «Яблоновский—Фомин». С. 350).

¹¹⁶ Рабутин, граф, австрийский посол при русском дворе. Умер в Петербурге в 1727 г.

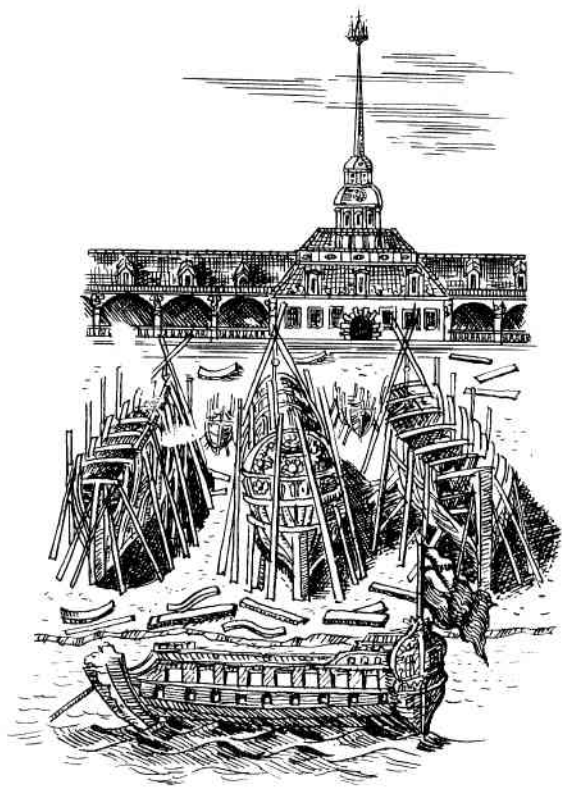
¹¹⁷ Семигалия (Земгале, Земгалия) — историческая область на юге Латвии, входившая в состав Курляндского герцогства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Бассевич Г. Ф.* Записки — *Бассевич Г. Ф.* Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого. М., 1866.
- Берхгольц Ф. В.* Дневник — *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. М., 1902. Ч. 1—2; 1903. Ч. 3—4.
- Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга — *Богданов А. И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779.
- Вебер Ф.-Х.* Записки — *Вебер Ф.-Х.* Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера // Рус. архив. 1872. Вып. 6. Стб. 1060—1168; вып. 7/8. Стб. 1334—1457; вып. 9. Стб. 1613—1704.
- Веселаго Ф. Ф.* Список — *Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872.
- Воронихина А. Н.* Петербург и его окрестности — *Воронихина А. Н.* Петербург и его окрестности в чертежах и рисунках архитекторов первой трети XVIII века. Л., 1972.
- Грабарь И. Э.* Основание и застройка Петербурга — *Грабарь И. Э.* Основание и застройка Петербурга // Русская архитектура первой половины XVIII века: Исследования и материалы. М., 1954.
- Д и П — Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1888. Т. 3. Кн. 2.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- Луппов С. П.* История строительства Петербурга — *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957.
- МИРФ — Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. 1—2; 1867. Ч. 4.
- ОМС — Общий морской список. Ч. 1. От основания флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885.
- Пекарский П. П.* Петербургская старина — *Пекарский П. П.* Петербургская старина // Современник. 1860. Т. 81. С. 311—338; т. 82. С. 143—204; т. 83. С. 577—638.
- Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга — *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях: 1703—1782. СПб., 1884.
- П и Б — Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4. [Вып. 1]; М., 1956. Т. 10; 1962. Т. 11. Вып. 1; 1975. Т. 12. Вып. 1.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 4, 5, 7.
- РБС — Русский биографический словарь. СПб.
- Сб. ВИМ — Северная война: Документы 1705—1708 гг. / Изд. Д. Ф. Масловский (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1). СПб., 1892; Северная война на ингерманландском и финляндском театрах в 1708—1714 г.: (Документы Государственного архива) / Изд. А. З. Мышлаевский (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 5). СПб., 1893.
- Сб. РИО — Сборник императорского русского исторического общества. СПб.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР.
- Юль Ю.* Записки — *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1900.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО...

...Когда уже видели мы великие Петра I военного счастья начатки, прочее желательно есть видети, аки семя сих дивные плоды. Обученное бо правильные воинство и таковыми подвиги утвержденное, в таковыя произыде благополучныя действия, каковых ниже начался кто прежде как от нашего, так и от иноземных народов. Прежде же всего произнесем зде повесть о основании царствующаго града Санктпетербурга; сие бо и плод есть описанных доселе викторий и знамение великодушнаго Царскаго, не сомнящагося о дальшем оружия Российскаго благополучии, и память дел так великих в последние веки будет.

Приняв помысл Царь Петр воздвигнути в возвращенных Невских пределах крепость и град царствующий, потщался сам осмотреть к тому угодное место, и всед на суда водныя, от фортеции Канцов по реке Неве береги и острова ея даже до морскаго устья прилежно разсуждати начал, не без совета и прочих в деле том искусных. Зде подобает нам места оныя аки на живописной деке описанием представить пред очи.

Нева река от востока на запад течет, исходит же не от жерела некоего явнаго, но из озера Ладожскаго (при котором оныя исходе стоит вышепомянутая крепость Ноттенбург, Орешек прежде, а ныне Слюсселбург именуемая) и входит в море Финское, всей долготы течения своего сверху вниз имея больше седмидесяти верст. Ток оной до шестидесять верст правым и одностойным корытом идет, пожирая в себя некия от обеих сторон малыя речки, даже до вышеписанной фортеции Канцов. Минувши же Канцы, делится река на три великия струи, из которых полуденная и средняя, обняв не мало земли, сливаются на устье морском, а обнятая оными земля остров Васильевский нарицается; полунощныя же струи и сами паки на разныя корыта разводяся, и оныя паки в едино сливая; також и от средняя струи отторгшаяся, поток в себя приемля, та же на морском устье с водою общею смешаяся, определяют несколько больших и меньших островов. Между островы теми малый есть островец, на самом разсечении полуденныя и средняя струи стоящий; тот островец судился быти угодный к новой крепости, понеже и мал собою, так что лишней на нем земли, кроме стен градских, не останется; и однак не так мал, чтоб не доволен был дать на себе места фортеции приличнаго, и вокруг себя глубину имеет корабельным шествиям подобающую. Сверху того же сие покажет на себе угодие, что на вся окрестныя места смотрит, на струи речныя и острова, и аки бы пляцовую страж управляет. Было на нем некое Чухонское жилье, несколько промеж хвастием рыболовских хижин; а острова прочие густым лесом зарослые стояли, а между лесами оными мало негде сухой земли, везде мокрота и грязь, так что неугодный и проход в них был. А однак всему тому неугодию изобретено вращество, яко же послезде скажем.

Когда же заключен был совет быти фортеции на помянутом островку и нарицатися оной именем Петра Апостола Санктпетербург: указано тотчас со всех сторон Государства многих к делу тому присылать работников, а самое основание того града делатися начало рукою воинскою. А се к великой славе его прибыло, что дело оное не малыя лица,

но сам Царь Петр и при нем высокие его Министры надсматривали; и так поделили между собою болверки крепостные, что первый был в досмотре самого Монарха, другой Князю Меншикову, третий Графу Головкину, четвертый Канцлеру Зотову, пятый Князю Трубецкому, шестой Нарышкину Кравчему вручены были; и от тех первых досмотрителей наложены имена оным болверкам, которыми и доныне нарицаются. Сделали во оной фортеции и церковь святых верховных Апостол Петра и Павла, деревянную и малую на время; а каменная большая изрядным Архитекторским мастерством с превысокою вежою еще и доднесь зиждется. Болверки и стены крепкия каменные муром, по самую воду вгруженные, не оставляют вне здания своего ни мало земли, где бы стати мощно. Во всем же размер и искусство Архитектуры воинской зрети есть; врата наипаче, которые от востока вход дают, особенного удивления достойны суть, и за дело Архитектонское велепное, и за приличное изрядное извзательное на себе изображение: изображенна бо на них древняя оная повесть о низпадении с воздуха Симона Волхва летающего, си есть невидимыми демону носиму быти потщавшагося, и на моление к Богу смиренного Петра Апостола, оставленного от носящих бесов и долу падшаго. Образ тот являет, мноу победы толь многия Царскому Величеству, возложением на милость Божию полученных, и хупно побеждение неприятеля, за гордость свою отвергшаго всякие мирные договоры, и себя аки до небеси могуща возлетети возмниваго.

Тако основанной и день от дне многих прибывших по указу, делчих трудами и превеликим государственным иждивением зиждимой Санктпетербургской крепости, велено населяти и иные обстоящие острова. И, во-первых, всем в добытых Канцах живущим указано преселятися на сия места, а Канцы до основания разорены, один только болверк цел оставивше на память фортеции, там бывшей. Позваны також сюды от всех Российских сторон на житие всякаго чина люди многия, как Дворяне, так и купеческий народ и всяких художеств мастера. Заповедано же селиться по прихотех всякаго, где бы кто пожелал, как то обыче, да не чинне населяемы бывають города, которые случаи, а не правительский промысл строит, но велено порядочно по определениям Архитектов ставить дома. Вскореж леса на свободныя зданию места вырубаны, грязь щепами и иными наносами нагружена; а где большая была мокрота, там деланы каналы, или рвы, в которые вода помалу стекая, оставляет сухия и к проходу угодныя места.

Вспомянути zde подобает нарочитая некая здания, от которых новая сия Столица велепный приемлет вид себе. Во-первых, дом Царский, на брезе полуденном Невы при самом ея на помянутыя струи разделении построенный, и при нем вертоград, образцем Италианским насажденный, с прекрасными Архитекторскими гульбищами и холодниками, дивную являет красоту и позором своим пловущих по реке увеселяет.

Не подальше от него вверх реки воздвиген стоит дом литейный, где мортиры и пушки делают; на том же берегу вверх и вниз многия иныя Господския палаты позорныя в единой линии стоят и больше трех верст займут, между которыми достойный разсмотрения Арсенал, или дом Адмиралтейский, на том же берегу против острова Васильевского стоящий: здание превеликое, в квадрат строенное, безчисленные в себе припасы корабельные вмещающее, а вокруг его делается дивными машинами превеликий ров, и так широкий, что мощно по нем будет великим судам морским проходить; при нем же и корабельное строение непрестанно множественным работников числом деется.

Подобне и Васильевский остров многим жильем наполнен, а красота его наибольшая от каменных и деревянных великих и позорных палат Князя Александра Меншикова, при которых и церковь Воскресения Христова, веселая и прекрасная, и иные дома изрядные видети есть. Да и на сем острове имеют по указу Монаршему здатися изряднейшим мастерством дома каменные всех Государских Министров, Сенаторов и прочих Господ, на которое дело призван есть славный Архитект из Парижа города, Столицы Французской.

На стране полунощной, как вверх реки на берегу пред разделением струй, так и на всех островах, членами струи северныя окружаемых, много такожде великаго и прекраснаго видети строения: между всеми дает позор остров, нарицаемый Санктпетербургский большой, малым потоком от фортеции отделенный. Зде на превеликой площади церковь во имя Святыя Троицы построена, деревянная еще на время, да изрядная и многое народа число вмещающая; в сем храме Государственные совершаются молебны и благодарения и в сем же кавалерия святаго Апостола Андрея храбрым мужем празднественно деется. На той же площади великая воздвигена Канцелярия,

лицем на запад обращена к церкви, а от северной стороны превеликое квадратное здание, лицем на полдень к реке смотрящее, в котором камеры, или лавки, отвне купеческия, а внутрь двора художническия, всяких товаров всегда полныя.

Довлеет же рещи в удивление новаго сего города, что за время десятилетное так населен и так многими зданими множествен и велелепен показался. И сие довольно было предложить о новосозданном Санктпетербурге, ниже бо надлежало zde нам о всем подробну сказовати, понеже тое особенной требует Истории; но точию Читателя дела великия Петра I, следующа на осмотрение немалаго сего дела, нечто удержати. А понеже и сие еще далече от намереннаго себе совершения есть, того ради время ино как граду сему возраста, так нашей Истории слова прибавить, а ныне на первое к воинским действиям возвратимся. . .*

---

* *Феофан Прокопович*. История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно. Изд. 2-е. М., 1788. С. 82—89.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

О ЗАЧАТИИ И ЗДАНИИ ЦАРСТВУЮЩАГО ГРАДА САНКТПЕТЕРБУРГА

В ЛЕТО ОТ ПЕРВАГО ДНИ АДАМА 7211.
ПО РОЖДЕСТВЕ ИИСУС ХРИСТОВЕ 1703.

Май

14-го царское величество изволил осматривать на взморье устья Невы реки и островов и усмотрел удобной остров к строению города.^а Когда сшел на средину того острова, почувствовал шум в воздухе, усмотрел орла парящего, и шум от парения крыл его был слышан; взяв у салдата багинет и вырезав два дерна, положил дерн на дерн крестообразно и, зделав крест из дерева и водружая в реченные дерны, изволил говорить: «Во имя Иисус Христово на сем месте будет церковь во имя верховных апостолов Петра и Павла».^б По довольном осмотрении онаго острова изволил перейти по плотам, стоящим в протоке, которой ныне меж городом и кронверхом имеет течение.^в По прешествии протока и шествии на остров^г изволил шествовать по берегу вверх Невы реки и, взяв топор, ссек куст ракитовой,^д и, мало отшед, ссек второй куст,^е и, сев в шлюбку, изволил шествовать вверх Невою рекою х Канецкой крепости.

15-го изволил послать неколико рот салдат, повелел берега онаго острова очистить и, леса вырубя, скласть в кучи. При оной высечке усмотрено гнездо орлово того острова на дереве.

16-го, то есть в день Пятидесятницы, по Божественной литургии, с ликом святительским и генералитетом и статскими чинами от Канец изволил шествовать на судах рекою Невою и по прибытии на остров Люистранд и по освящении воды и по прочтении молитвы на основание града и по окроплении святою водою, взяв заступ, и первые начал копать ров. Тогда орел с великим шумом парения крыл от высоты опустился и парил над оным островом.

Царское величество, отошед мало, вырезал три дерна и изволил принести ко означенному месту. В то время зачатого рва выкопано было земли около двух аршин глубины и в нем был поставлен четверугольной ящик, высеченной из камня, и по окроплении того ящика святою водою изволил поставить в тот ящик ковчег золотой, в нем мощи святого апостола Андрея Первозванного, и покрыть каменною накрышкою, на которой вырезано было: «По воплощении Иисус Христове 1703 мая 16 основан царствующий град Санктпетербург великим государем царем и великим князем Петром Алексиевичем,

^а С ой остров тогда был пуст и обросши был лесом, а именовался Люистранд, то есть веселый остров.

^б Ныне на оном месте каменная соборная церковь верховных апостолов Петра и Павла.

^в Во оном протоке стояли в плотам леса, заготовленные в отпуск в Стокгольм.

^г Которой ныне именуется Санктпетербурской.

^д На оном месте ныне церковь Живоначальныя Троицы.

^е Ныне на оном месте первой дворец.

самодержцем Всероссийским». И изволил на накрывку онаго ящика полагать реченные три дерна з глаголом: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Основан царствующий град Санктпетербург».

Тогда его царское величество от лика святительскаго и генералитета и от всех ту бывших поздравляем был царствующим градом Санктпетербургом; царское величество всех поздравляющих изволил благодарить, при том была многая пушечная пальба. Орел видим был над оным островом парящий. Царское величество, отшед к протоку, которой течение имеет меж Санктпетербургом и кронверхом, по отслушении литии и окроплении того места святою водою, изволил обложить другой роскат. Тогда была вторишняя пушечная пальба, и между теми двумя роскатами изволил размерить, где быть воротами, велел пробить в землю две дыры и, вырубив две березы тонкие, но длинныя, и вершины тех берез свертел, а концы поставляя в пробитые дыры в землю на подобие ворот. И когда первую березу в землю утвердил, а другую поставляя, тогда орел, опустясь от высоты, сел на оных воротах; ефрейтором Одинцовым оной орел с ворот снят.

Царское величество о сем добром предзнаменовании весьма был обрадован; у орла перевязав ноги платком и надев на руку перчатку, изволил посадить у себя на руку и повелел леть литию. По литии и окроплении ворот святою водою была третичная ис пушек пальба, и изволил вытти в оные ворота, держа орла на руке, и, сшед на яхту, шествовал в дом свой царской канецкой. Лик святительской и генералитет и статские чины были пожалованы столом; веселие продолжалось до 2 часов пополудни, при чем была многая пушечная пальба.

Оной орел был во дворце; по построении на Котлине острове крепости святаго Александра оной орел от его царскаго величества в оной Александровой крепости отдан на гобвахту с наречением орлу комендантскаго звания.*

Подобное древле благочестивому царю Константину в сонном видении явил Бог о построении в Востоке града. Великий и равноапостольный царь Константин разсматривал места к зданию града и во время шествия от Халкидона водою к Византии увидел орла, летящаго и несущаго верф и прочие орудия каменоделателей, которые орел положил у стены града Византии. Великий царь Константин на том месте построил град и наименовал во имя свое Константинград.

Оной Санктпетербургской крепости план и основание собственнаго труда его императорскаго величества Петра Великаго.

24 [мая] на острове, которой ныне именуется Санктпетербургской, царское величество повелел рубить лес и изволил обложить дворец. Генерал светлейший князь Александр Данилов сын Меншиков предлагал его царскому величеству в Канецких слободах от пожара многие дома в остатке, строены по архитектуре из лесу брусоваго, не соизволил ли перевезти и построить дворец. Царское величество изволил говорить: «Для того и велю на сем месте рубить лес, ис того лесу строить дворец впредь для знания, в какой пустоте оной остров был».

25-го около дворца по берегу реки Невы вверх и по Малой Невы вниз повелел лес вырубить и места разровнять и прежних служб бояром и прочим чинам поставить шатры и наметы, а Санктпетербургской крепости на обложенных первых двух роскатах поставить пушки. А светлейший князь Александр Данилович Меншиков на всех назначенных местах шести роскатов пушки поставил и в Шлютебург послал указ, чтоб 28 числа 2 шнявы и яхта в 3 часу пополудни под флагам и вымпалам пришли и Санктпетербургскую крепость пушечною пальбою поздравляя.³

26-го дворца строение работою окончилось, и близ онаго дворца поставлены были два великие шатры персидской работы из шелковых богатых материй, полы усланы были коврам, и прочие шатры и наметы были поставлены.

---

* Жители острова, которой ныне именуется Санктпетербургской, и близ онаго по островам жившие сказывали, будто оной орел был ручной, а житье ево было на острове, на котором ныне город Санктпетербург; выгружались по берегам реки Невы маштовые и брусовые королевские леса, и караульными саллаты тех лесов оной орел приучен был к рукам.

³ Оные шнява и яхта шведские стояли при Шлютебургской крепости, прорублены были шведам; хотя починкою трудились, но к походу к Канцам не были исправлены, остались при Шлютебурхе, но с великим трудом и старанием светлейшаго князя Мен. . . (Низ рукописи обрезан при переплете. — Ю. Б.).

28-го царское величество с ликом святительским и з генералитетом и статскими знатными чинами на 63-х судах изволил шествовать рекою Невой к новопостроенному дворцу. По приближению к Санктпетербурской крепости со всех шести роскатов поздравляем был пушечною пальбою. По шествии на остров, на котором был построен дворец, изволил спрашивать светлейшего князя Меншикова (оной князь Меншиков был при оном дворце) о палбе с шести роскатов Санктпетербурской крепости. Светлейший князь объявил, что прошедшей ночи на назначенных всех роскатах Санктпетербурской крепости пушки постановлены. За сие изволил благодарить. По шествии во дворец и освящении воды и окропления дворца святою водою изволил наименовать остров, "дворец Петергов." От лика святительскаго в благословение нового дому поднесен образ Живоначальныя Троицы и хлеб и соль, и от реченнаго светлейшаго князя и прочих хлебы, посуда золотая и серебряная многая и дорогая вещи были приношены ж.

Царское величество изволил всех благодарить; тогда с Санктпетербурской крепости и из стоящей при оном дворце артиллерии и с шнявы ис пушек и от гвардии, стоящей в параде, из ружья была троекратная пальба. Царское величество в великом был обрадовании, всех поздравляющих благодарив, жаловал к руке и потом приказною воткою и изволил сесть кушать с ликом святительским в новом дворце; потом изволил вытти и кушать в шатре с генералитетом и статскими знатными чинами.

По полудни, в половине 3-го часа, еще обед не отшел, 2 шнавы и яхта шли рекою Невой к Санктпетербургу, украшенные флагами и вымпалами и, не дошед города, поздравляли Санктпетербурскую крепость пушечною пальбою. Тогда светлейший князь Меншиков докладывал царскому величеству, что пришли от Шлютебурга 2 шнявы и яхта и поздравляют его царское величество с царствующим градом Санктпетербургом и новым домом. Хотя царскому величеству и видими были из шатра идущие 2 шнавы и яхта, но изволил вытти на берег реки Невы (и изволил говорить: «Генерал губернатор Санктпетербурской, светлейший князь Александр Данилович, много доволен я вашею службою») и, сев в шлюбку, изволил шествовать на пришедшие шнявы и яхту, и з двумя шнявами, которая взяты были на взморье мая 6, на оном флоте изволил шествовать мимо Санктпетербурской крепости, с которой поздравляем был многую пушечною пальбою; с шняв и яхты благодарил пушечною ж пальбою и, поставя флот на якорь, по шествии на берег изволил войти в шатер. Светлейший князь со всем ту бывшими поздравлял его царское величество с новым флотом. Оное торжество продолжалося до 3-го часа пополудни.

29-го. Оная Санктпетербурская крепость с великим поспешением отправляема была работою, и в 5 месяцев земляная Санктпетербурская крепость работою кончана, и в ней деревянная церковь во имя верховных апостолов Петра и Павла построена и освящена, которая при окончании каменной Петропавловской церкви перенесена и поставлена при салдацких слободах и ныне церковь во имя святого апостола Матфея.

Октября 1-го, то есть в день Покрова Богоматери, царское величество во онаю Санктпетербурскую крепость изволил иметь торжественный вход, и было освящение града Санктпетербурга и хождение с животворящими крестами по стене града и кропление святою водою, и тот день изволил обложить и церковь Живоначальныя Троицы. По шествии царскаго величества в Санктпетербурскую крепость и по освящении града была многая пушечная пальба, и изволил кушать в оной крепости в доме каменданта. Веселие продолжалось до 1 часа пополудни, при чем была другая пушечная пальба с крепости и из стоящих на Неве реке фрегата, 5 шняв и 8 яхт.

Об оном же царствующем граде Санктпетербурге предвозвешение. По Вознесении Господнем на небеса апостол Христов святыи Андрей Первозванный на пустых Киевских горах, где ныне град Киев, водрузил святыи крест и предвозвестил о здании града Киева и о благочестии, а по пришествии в великий Славенск,^а от великаго Славенска святыи апостол, следуя к стране Санктпетербурской, отшел около 60 верст, благословив оное место, водрузил жезл свой, прообразовал самодержавие в стране оной. Сие апостольское благословение и предвозвешение водружением жезла не месту оному,^б но его апостольское благословение и жезла водружение предвозвешение сему царствующему

^а Святого Петра.

^б Петров дом.

^в Ныне той Нов град Великий.

^г Оное место по водружении жезла апостольскаго и поныне именуется Друзино, в лето благочестия на оном месте построена каменная церковь во имя святого апостола Андрея Первозваннаго.

щему граду Санктпетербургу. И месту сему, яко Киеву и великому Славенску, жезла не даровал, но, отшед от Славенска донележе видимо народу, водрузил жезл; яко далее в оную страну, на местах Санктпетербурга, водрузить жезла и место благословить народов во свидетельство не было. От Друзина святый апостол Христов Андрей Первозванный имел шестие рекою Волховом и озером Невом и рекою Невою сквозь места царствующаго града Санктпетербурга в Варяжское море, и в шестие оные места, где царствующий град Санктпетербурх, не без благословения его апостольскаго были. Ибо по создании сего царствующаго града Санктпетербурга предки их, умершие близ мест сих, им сказывали, яко издревле на оных местах многажды видимо было света сияние, и в году начатия войны со Швецией видим же был свет велик; мнили жители, яко горят леса королевские, выкатанные по берегам Невы реки, которые приуготовлены в отпуск в Стеггоlm; по шествии, видев свет, удивлялись.

В 1701-м году, в ночь Рождества Христова, видим же был свет окольным жителям мест оных, и мнили быть пожару. По шествии вид[е]ли у сосны все сучье наполнено было воцаных свеч горящих. Удивлялись и, сняв с топориза топор, насадя на жерть и взяв несколько человек, у сосны сук з горящими свечами рубили в намерении или сук со свечами отрубить, или рублением сука свечи отпадут, и как сука вырубилы глубиною перста на два, свет угас. Вырубка на суку видима была; сук был высотой от земли около дву сажен.

В 1720-м году от великой морской погоды была великая вода, которая все места жила Санктпетербурха глубиною около аршина покрывла. Чухна разглашали, будто бывает вода по сук з зарубкою; в народе великое было сомнение, и царское величество при присутствии своем повелел оную сосну срубить, и та сосна срублена гвардии Преображенскаго полку салдатами. Оная сосна стояла на Санктпетербургском острове, близ церкви образа Казанские Богоматери, которой сосны пень и донныне видим.

Того ж году, по срубке оной сосны, явились чухна, которые (оной сосны) оной сук з горящими свечами рубили, и тем оное сомнение уничтожилось.

В 1721-м году октября в 11 день по упрощению всенародному царское величество изволил принять титул императорской и в церкви Живоначальной Троицы от лика святительскаго и генералитета и всех чинов поздравлен великим императором отцем отчества и от всех коронованных государей чрез послов и грамоты императором поздравлен, и его императорским величеством начало восприяла четвертая монархия северная, то есть Российская империя.

В 1714 году о сей северной монархии предложил князь Димитрей Кантемир за 7 лет прежде наименования России империею или монархиею, и прежде наименования царскаго величества императором, которое предложение напечатано повелением его императорскаго величества. В предложении аравлене и равини сказывают: еже север всем вселенныя частем преодолеть имеет, паче же аравляня яко испытатели физических вещей паче прочих за несумелость содержат монархии: восточную, полуденную, западную и северную. Первую глаголют Восточную, вторую Греческую, третью Римскую, четвертую Северную, в которой всегда разные и великие процветали владычества.

Сию монархию насадит Бог единым от князей, всеми добродетельми и науками обогащенным, и большая дела ясно покажутся, неже в тех трех прешедших монархиях!

Сию Северную монархию (в последнем Кола в пункте полуношном версе быти утверждают) полярную и привлекающую монархию нарицают."

Иоанн Латоциний, славный физик и математик, в 1595 году в книге о прменах государств и империев за 126 лет до принятия императорскаго титула Петром Великим и наименования царства Российскаго империею написал:

Известно есть, что зело храбрый принц придет от норда во Европе и в 1700 году начнет войну и по воле Божией глубокоим своим умом и поспешностию и ведением получит места, лежачии на зюйд и вест, под власть свою и напоследок наречется император.

В явлении святого и равноапостольнаго царя Константина и святого папы Силвестра патриарха Царяграда^о патриарху Филофею: «Веси, Филофею, яко вся святая предана будет от Бога велицей Рустей земли, и царя Рускаго возвеличит Господь над многими

^н Под Севером никаких государств и народов, кроме державы Российской, не обретается.

^о В истории о белом клубуке, которая несколько сот лет обретается в России.

языцы, и под властью их многие цари будут, и страна та наречется Светлая Россия. Богу тако изволившу прославить Русскую землю и исполнить православие, величеством честнейшую сотворить паче первых. Повелением Божиим приидохом к тебе поведати сию тайну Божию, яже збудется во времена своя».¹¹

И прочие многие о сем свидетельства, но не наношу многим изъяснением труда читателям, а явлено в книге о рождении сего великаго императора.

В 1725-м году марта в 10 день святопочившее тело великаго государя императора, отца отечества Петра Великаго, в сем царствующем граде Санктпетербурге, в соборной церкви верховных апостолов Петра и Павла, которой град и сию соборную церковь его царское величество своими руками обложить изволил, со многим плачем и великою печальною церемониею погребено.*

---

¹¹ Папа Силвестр папствовал с 314, умер в 336 году; царь Ко[н]стантин царствовал с 306 по 337 год.

* ГПБ ОР. Эрмитажное собрание. № 359. Л. 3—13. — Впервые документ опубликован Г. В. Есиповым (Русский архив. 1863. Вып. 10/11. Стб. 103—114), однако с многочисленными неточностями.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ
БОЛЬШОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА

Строительство в этой местности началось в 1703 году, после того как царь Петр I завоевал принадлежавшие шведам крепость Нотебург и торговый город Ниеншанц и милей ниже нашел много островов, положение которых показалось ему удобным для основания города. Для обеспечения этого намерения был разбит большой лагерь, причем пехота встала на финской, а кавалерия на ингрийской стороне. А поскольку этот царь имел большую склонность к мореплаванию и нашел в этой местности наилучшие для него возможности, то он сначала приказал на месте, где теперь стоит Петербург и где тогда находились лишь две рыбацьи хижины, устроить небольшое укрепление и произвести точную разведку реки Невы до большого залива Балтийского моря. Вскоре затем обнаружили несколько шведских кораблей, крейсеровавших в море, тем не менее царь приказал поставить караул в 1000 человек на острове Ретусари, или Нутцари, где теперь расположен Кронштадт, и они столь храбро оборонялись от шведов, что прогнали их опять в море, и с этого времени царь прочно утвердился на острове. А так как царю очень нравилась эта местность, то было решено заложить на реке Неве не только крепость, но и главную верфь для строительства больших военных кораблей, особенно когда обнаружили, что река в том месте, где теперь крепость, необычайно глубока — 14—15 маховых саженей, да к тому же вокруг одни сплошные болота, от природы труднопроходимые, то лежащие вокруг острова были выбраны для возведения крепости и города, что в короткое время и исполнили. Крепость построили за четыре месяца [силами] множества работников, но многие из них, тысяч 100, при этом погибли. Потом крепость время от времени улучшалась, и в последующие годы около нее был еще построен кронверк. Река Нева окружает ее, она имеет форму продолговатого неправильного шестиугольника и одинаковые расположенные друг против друга бастионы, за исключением обоих средних. Поначалу они были целиком земляными, но в 1710 году приступили к замене их на очень прочные каменные стены высотой до бруствера 30 футов. На флангах два — один над другим — прочных сводчатых каземата, по одну открытую сторону с выпуклым сводом. В куртине, расположенной по правую руку, находится главная аптека, она благодаря превосходным медикаментам и особенно сосудам из настоящего китайского фарфора является, возможно, одной из прекраснейших в Европе. В крепости двое ворот, из них верхние — с дорогим скульптурным оформлением. Снаружи наверху находится Св. Петр размером более чем в человеческий рост, с двумя ключами в руке, а на плите надпись на русском языке об основании крепости и дата: 1703 год. С внутренней стороны над воротами стоит большой черный русский орел с короной на голове, у него в когтях правой лапы скипетр, а левой — держава. Несколько ниже стоит святой Николай — самый главный заступник у русских.

Из зданий в крепости самые замечательные — большая церковь с высокой колокольней. Главная канцелярция, в которой прежде собирался сенат, теперь со всеми бумагами перенесена туда, где построено новое [здание] канцелярии. Вокруг крепости частью на материке, частью на островах расположен город, напоминающий скорее

ландшафт со многими поселениями. В длину он тянется на добрую немецкую милю, да и в ширину немногим меньше. Выше по реке стоял Ниеншанц, или Невашанц, но теперь от него не осталось ни единого камня. Главная часть города, ниже по реке, расположена на твердой земле, но с береговой стороны окружена очень глубоким болотом и скорее имеет очертания полуострова. Берег над рекой порядочно высок, и это единственный участок во всей местности, не подверженный опасности наводнения. В этой части города жил царь со своим высоким семейством; там находятся также жилища многих из знати и литейный дом. Большинство домов прежде были деревянными, из бревен, уложенных одно на другое, с внутренней стороны более или менее гладко обтесанных топором, а снаружи — нет. Крыши состояли из уложенной в ряд тонкой еловой щепы или драки длиной 10—12 футов, прижатой несколькими поперечными брусами. Теперь такие [дома] в большинстве своем целиком каменные, крыши полностью покрыты железными или медными листами, а купола колоколен — отчасти золотом, отчасти серебром и в солнечную погоду уже издалека смотрятся чрезвычайно красиво.

За рукавом реки стоит летний дом царя, при котором разбит сад, находящийся в превосходном состоянии; напротив через этот рукав на небольшом участке расположены сад и летний дом царицы и рядом, ниже к воде, жилища ее придворных, а также ее конюшня. У реки на Адмиралтейском острове находится так называемая Немецкая слобода, где живет большинство немцев; один уголок на нем называют финскими шхерами, так как там живут некоторые переселенные финны и шведы. Здесь имеется также финская лютеранская кирха, выстроенная из дерева. У воды стоит царский зимний дом и постоянная резиденция, возведенный из камня в два этажа и расположенный таким образом, что из него можно обозреть большую часть города и крепость. На этом острове стоят еще большой Адмиралтейский двор, где строятся большие военные корабли, а также Адмиралтейская церковь, в которую [царский] двор ездит на богослужения.

На финской и карельской стороне город очень велик и обширен, однако на северной стороне за татарской слободой не вполне заселен. На прибрежном участке стоит много домов сенаторов, дома прежде были деревянными, но теперь полностью каменные. Здесь также находятся канцелярия, красивая церковь, купеческие лавки на площади, самые лучшие тракторы, типография и татарская барахолка, где продаются старые вещи и одежда. За нею видны рынок предметами домашнего обихода, бойня, аптекарский сад и т. д. Самый лучший остров, называемый Васильевским, был подарен царем этому князю, но после того как царь там очень славно повеселился, он решил на нем построить настоящий город Петербург, и для этого там были колыями размечены улицы и каналы и положено начало строительству многих домов, из которых большинство тогда были деревянными, но теперь все перестроены в камне. Здания, возведенные князем, роскошны, среди них есть русская церковь, где вопреки старому обычаю русских произносятся проповеди.

Город подвержен большой опасности наводнений, что и подтвердилось в 1715 и 1721 годах, когда вода, неожиданно поднявшись, сносила все мосты и укрепления. Река Нева очень глубока до самого залива, где становится несколько мельче; она имеет большие излучины и у обоих берегов много песчаных отмелей, делающих реку всё уже. По этой причине большие корабли не могут входить в нее с грузом, им приходится вставать на якорь в заливе. Течение в реке чрезвычайно быстрое, ее ширина в пределах города от 700 до 1600 шагов, а поскольку между островами она имеет большую глубину, то едва ли возможно через нее построить мост. Однако теперь через нее наведены два понтонных моста, по которым можно ездить [в экипажах] и верхом и ходить пешком, но мосты на зиму приходится убирать, так как в противном случае многочисленные плывущие льдины их разрушили бы. Один мост, наведенный через самую узкую часть реки Невы, называется Исаакиевским, другой, находящийся выше по течению и почти вдвое длиннее первого, называется Новым мостом.

Местность вследствие избытка воды имеет холодную почву и неплодородна, поэтому зимой и летом приходится доставлять продовольствие за много сотен миль, и оно, следовательно, чрезвычайно дорого. Во всей округе не сыскать даже самого маленького фруктового дерева, однако имеется вид земляных грибов, считающихся деликатесным кушаньем, но они весьма неудобоаримы. В древесине и лесах недостатка нет, отсутствуют лишь дуб и бук, и их приходится доставлять сюда из Казани. В этой местности множество волков и медведей. Воздух очень холоден зимой, в продолжение двух летних месяцев — июня и июля — чрезвычайно теплый; бывает каких-нибудь 3 часа сумерек;

зимой же, напротив, дни настолько коротки, что солнце появляется едва на 3 часа. Местность сплошь болотиста, что делает весьма тяжелыми дороги, ведущие в город и из него.

Остров Ретусари расположен у оконечности Восточного моря в устье Финского залива. У южной стороны острова Балтийского моря проходит узкий фарватер для больших военных кораблей. На этом острове прежде стояло только несколько рыбацких хижин; царь нашел его удобным для постройки надежной гавани, а также крепостцы и города. Гавань велика и глубока, расположена по южную сторону острова в открытом море, так как в глубь страны глубина настолько уменьшается, что к суше не подойти никаким судам и приходится приставать к большим причальным мосткам. Крепостца носит название Кроншлот и стоит с ингерманландской стороны в открытом море на песчаной отмели на расстоянии пушечного выстрела от острова. Она выглядит как круглая башня в три этажа, сверху донизу хорошо обеспеченная пушками. Город, называемый Кронштадт, с каждым днем все более застраивается и становится все красивее. Продолвольствие там очень дорого, поскольку его приходится привозить из Петербурга за 4 мили. На всем протяжении дороги по морскому берегу до Петербурга стоят один за другим увеселительные дома и дворы, наилучшие среди них — увеселительный дом князя Меншикова Ориениенбаум, а также Петергоф — увеселительные дома и сады царя, теперь императора.

Это описание развлечет тех, кто прежде ничего не знал о возникновении и местоположении этого города, чтобы им было тем приятнее получить таким образом некоторые предварительные сведения, наблюдая во всем великолении представленную сейчас здесь панораму Петербурга, полностью охватывающую город и местность.*

---

* Kurze Beschreibung der grossen Kaiserstadt St. Petersburg. S. 1. et a.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август II Сильный, польский король и саксонский курфюрст 25, 28, 88, 209, 224, 246
- Адам, библ. 258
- Адриан, патриарх 190, 245
- Аззарити И. А. 210
- Аккерфельт 93
- Александр Македонский (Александр Великий) 143, 159
- Александр Ярославич Невский (св. Александр Невский), князь 82, 132, 205, 211, 223, 227, 228, 236, 241, 243, 248, 251
- Алексей Михайлович (Alexis Michailowitch), русский царь 14, 41, 64, 85, 126, 136
- Алексей Петрович (Alexei), царевич 36, 107, 131, 133, 136, 159, 165, 168, 169, 172, 173, 180, 187, 190, 210
- Али, пророк 166
- Алпатов М. А. 40
- Андрей Первозванный, апостол 70, 72, 137, 161, 175, 207, 210, 243, 256, 258, 260, 261
- Анна, святая 81, 98
- Анна Ивановна, герцогиня Курляндская, впоследствии российская императрица 11, 14, 15, 36, 72—75, 78, 81, 88, 89, 175, 188, 189, 195, 197, 209, 225, 246, 248
- Анна Петровна, герцогиня Гольштейн-Готторпская 8, 175, 189, 199, 202—204, 210, 222, 247
- Антон Генрих, граф Шварцбургский и Гогенштейнский 65
- Апраксин П. М. 198, 210
- Апраксин Ф. М. 22, 54, 55, 68, 70, 73, 83, 92, 98, 110, 116, 147, 150, 154, 164, 169, 175, 181, 182, 188, 197, 198, 203, 205, 206, 221
- Апухтин В. А. 175
- Арескин Р. К. 183, 190, 222
- Армфельт К. Г. 171, 188
- Арне (*Arne*) Т. Ю. 32, 33, 44
- Арсеньева В. М. 197, 210
- Арсеньевы 189
- Ахемениды, династия древнеперсидских царей 159
- Ачерби, узбекский посол 165—167, 186
- Базылов (Bazyłow) Л.* 24, 25, 42
- Байер Т. З. 240, 251
- Бальцер 193
- Бангыш-Каменский Д. Н.* 43, 250
- Баранов П. А.* 135
- Баронч (Baracz) С.* 25, 42
- Барсов П. П.* 6, 7, 15, 36
- Бассевич Г.-Ф. 3, 36, 205, 210, 245, 246, 251
- Бастарева Л. И.* 80
- Бекенштейн, Бекенштейн И.-С. 240, 250
- Белокуров С. А.* 88
- Беляев О. П.* 159, 160, 210
- Бернулли Д. 240
- Бернулли Н. 240
- Берх В. Н.* 188
- Берхгольц, Биркгольц В. 71, 88
- Берхгольц Ф. В. 3, 15, 36, 39, 100, 159, 160, 246
- Беслятых Ю. Н.* 41—43, 90, 135, 136, 188
- Бестужев см. Бестужев-Рюмин П. М.
- Бестужев-Рюмин П. М. 195, 209
- Биберштейн И.-А. 71, 88
- Бирон Г. 209
- Бирон Э. И. 209
- Блументрост Л. Л. 31
- Богатырев И. В.* 158
- Богданов А. И.* 82, 83, 98, 99, 133—135, 245, 247, 249
- Богемелль (Bogemell) Ф. В.* 83, 137
- Богословский М. М.* 100, 159
- Божерянов И. Н.* 250
- Болес Г. 249
- Борзин Б. Ф.* 99, 185, 247
- Бородкин М. М.* 188

- Браге Т. 133, 164, 185, 239, 250
 Браун см. Броун Р.
 Браунштейн И.-Ф. 137
Брикнер А. Г. 17, 20, 39, 40
 Броун, Браун Р. 233, 249
 Брюс (Bruce) П. Г. 26—28, 42, 137, 162, 185—189
 Брюс Р. В. 26, 71, 87, 92, 98, 163, 169, 173, 184
 Брюс Я. В. 22, 26, 71, 87, 100, 107, 133, 165, 175, 181, 186, 222, 247
 Брюсы 88
 Буксбаум И.-Х. 31, 240, 251
Бунин М. С. 12, 38, 81, 185, 245, 249
 Бургер см. Бюргер М.
 Буржуа Н. 160, 210, 225
 Буффлингер см. Бюльфингер Г. Б.
 Буш А. 133, 185
Быкова Т. А. 187
Бычков А. Ф. 11, 13—16, 36, 38, 39, 83, 87—89
 Бэркли, Берклей 217, 246
 Бюльфингер, Бильфингер, Буффлингер Г. Б. 240, 250
 Бюргер, Бургер М. 240, 250
 Бялошыцкий 156

Вааль Ф. 185
 Васа, Ваза, династия шведских и польских королей 65
 Василий III Иванович, русский великий князь 64, 85
 Василий Шуйский, русский царь 158
 Ваттранг Г. 169, 170, 187
 Вебер (Weber) Ф.-Х. 3—7, 14—20, 23, 27, 35—37, 39, 40, 80, 87, 98, 102, 132, 134, 136, 137, 160, 186—190, 246
 Вейде А. А. 71, 88, 132, 169, 187
 Вейсброд Л. 84, 89, 90
Веселаго Ф. Ф. 100, 134, 137, 160, 186, 187, 247, 249
 Вестфаль 3
Вздорнов Г. И. 135
 Вильгельм III, голландский штатгальтер и английский король 220, 222, 246, 247
Вильк (Wilk) М. 24, 25, 42
 Вильчек Г. В. 71, 88
 Витсен (Witsen) Н. К. 223, 247
 Вихманн 61
 Владислав, польский королевич, впоследствии Владислав IV, польский король 64, 85
Возгрин В. Е. 101
 Волков Е. 76, 77, 90
 Волконский Г. И. 175
Вольтер (Voltaire) М. Ф. 30, 43
 Вольфус 240
Воронихина А. Н. 99, 133, 136, 138, 185, 249
 Восков С. П. 210
Воскресенский Н. А. 185

 Вратислав Я. В. 244
 Выбес 84
 Вяземский Н. 187

 Гавриил, архангел, 135
Гаврилов А. К. 35
 Гагарин М. П. 19, 111, 134, 139, 158
Гаусман Р. 210
 Гвин, Гвын С. 87
 Ге Н. Н. 187
 Геенрафф 195
Гейман В. Г. 159, 247
 Гельмс И. А. 85
 Гемзель 209
 Геннин, Хеннинг В. И. 92, 98
 Георг I, ганноверский курфюрст и английский король 17
 Георгий Победоносец, св. Георгий 63, 64
 Гербель Н. Ф. 250
 Герберштейн С. 248
 Герице (Gericke) И. Б. 9
 Герице (Gericke) С. Т. 9
 Герице (Gericke) Ф. 9
 Герикен (Gericken) И. В. 9
 Геркенс (Gerken) 6—12, 14, 16—20, 23, 82, 98, 99, 136, 160
 Геркенс (Geerken, Geerkens) С. Д. 37, 38
Герман (Herrmann) Э. 36
 Герман Я. 240, 250
 Герц Г. Г. 223, 247
 Гессель см. Гзель Г.
 Гзель Г. 240, 251
 Гизен см. Гюйссен Г.
Глаголева А. П. 134.
Голиков И. И. 89, 159
 Голицын 195
 Голицын М. М. 22, 170, 171, 178, 188, 189
 Головин И. М. 148, 160
 Головин Ф. А. 81
 Головкин Г. И. 19, 40, 51, 70, 73, 81, 83, 86, 92, 111, 142, 149, 157, 166, 198, 208, 246, 256
Гольдберг А. Л. 30, 43
 Гольц Г. 63, 71, 85, 88, 89
 Горн, Хорн, Хурн А. 23
 Готвальд 159
Гофман П. 35
Грабарь И. Э. 5, 16, 23, 37—39, 41, 42
Грицкевич В. 43
 Гросс Х.-Ф. 240, 251
 Грунд Г. 88
Гуревич М. М. 187
 Густав, шведский король 65
 Густав I Васа, шведский король 85
 Густав II Адольф, шведский король 85
 Гюйссен, Гизен (Huyssen, Huissen) Г. 5, 36, 37, 89

 Давид, израильско-иудейский царь 181, 215
 Давид И. 136

- Де Би Я. 186
 Делиль Ж.-Н. (И.-Н.) 239, 250
 Ден Дж. 186
 Дерптский епископ 226
 Дешизо (Deschisaux) П. 30—32, 44
 Джеффрис, Джефферис Дж. 17, 238, 250
 Дивьер, Девьер А. М. 249
 Дмитриев-Мамонов И. И. 156, 157, 161
 Дмитрий Иванович см. Лжедмитрий I
 Добролюбов Н. А. 82
 Долгорукая 203
 Долгорукий 195
 Долгорукий В. В. 175, 189
 Долгорукий В. Л. 83
 Долгорукий Г. Ф. 161
 Долгорукий Я. Ф. 153, 161
 Дом Альвар дель Соль (Dom Alvar der Sol)
 10, 38, 87
Дорофеева Л. П. 136, 209, 210
Дубяго Т. Б. 160, 185
 Дювернуа И. (Ж.)-Г. 240, 250
 Дюпре И. Я. 131
 Дюринг 174
- Ева, библ. 231
 Евдокия (Авдотья) Федоровна Лопухина,
 русская царица 133
 Екатерина, святая 174, 207, 242
 Екатерина I Алексеевна, русская царица,
 российская императрица 7, 8, 20, 29,
 35, 81, 92, 99, 108, 118, 131, 136, 151,
 154—158, 167, 168, 170, 174, 175, 180,
 185, 187, 189, 194, 195, 198, 201—204,
 206, 207, 209, 210, 214—217, 219, 222,
 223, 225, 230, 232, 234, 235, 237—
 239, 241—243, 245—247, 251, 264
 Екатерина Ивановна, герцогиня Меклен-
 бургская 81, 175, 184, 189—191, 195,
 202, 203, 209
 Елизавета Петровна, царевна, впослед-
 ствии российская императрица 8, 175,
 189, 194, 203, 204, 209, 222
Елисеева В. В. 161
Есинов Г. В. 262
- Житков К. Г.* 250
- Заозерская Е. И.* 190, 209
 Зарудный И. П. 135
 Збожыньский 153
 Земцов М. Г. 247, 250
 Зимин А. А. 248
 Змаевич (Измайлович) М. Х. 169, 187
 Зоргер И. Г. 83
 Зотов Н. М. 181, 189, 190, 256
 Зубов А. Ф. 38, 185
Зязева Л. К. 184
- Иван I Васильевич см. Иван III Василье-
 вич
 Иван II Васильевич Тиран см. Иван IV
 Васильевич Грозный
 Иван III Васильевич, русский великий
 князь 64, 85, 248
 Иван IV Васильевич Грозный (Тиран)
 (Ivan Jultmuri) 41, 64, 85, 136, 226, 248
 Иван V Алексеевич, русский царь 51, 64,
 81, 85, 98, 121, 165, 184, 186, 189
 Измайлович см. Змаевич М. Х.
 Иоанн Креститель, Иоанн Предтеча,
 св. Иоанн 144, 150, 154
 Иоанн Собеский, см. Ян Собеский
 Иоанн III см. Юхан III
Иогансен М. В. 98, 135
 Исаакий Далматский 83, 249
 Игон 224
Итс Р. Ф. 133, 159, 250
- Й. Г. (J. H.) 11, 75, 89
 Йерне У. 32
 Йерне (Niärne) Ю. 32—35, 44
- Кайзерлинг см. Кейзерлинг Г. И.
Калачов Н. В. 5, 14—16, 39
Калязина Н. В. 83, 99, 135, 136, 209, 210,
 250
Канн П. Я. 38, 81, 132—134
 Кантемир Д. К., молдавский господарь 221,
 247, 261
 Карл X Густав, шведский король 82
 Карл XII (Charles XII), шведский король
 28, 30, 32, 33, 43, 67, 86, 88, 89, 101,
 174, 215, 218, 237, 245, 246, 250
 Карл Леопольд, герцог Мекленбургский
 184, 189
 Карл-Фридрих, герцог Гольштейн-Гот-
 торпский (Голштинский) 133, 189, 190,
 194, 196—199, 201, 203—206, 208, 209,
 221—223, 225, 246, 247, 250
 Кашин Н. И. 137, 186
 Кейзерлинг, Кайзерлинг Г. И. 10, 38, 71,
 88, 89
 Кельдерман 182
*Кентицкий, Кентржинский (Kętrzyń-
 ski) В.* 24—26, 41
 Киавери Г. 250
 Кикин А. В. 54, 71, 83, 92, 110, 134, 159,
 175
 Кирхен М. Б. 67, 86
Клещева Л. С. 83, 100, 137, 210, 250
Княжецкая Е. А. 44
Коврижкин В. Ф. 159
 Козенц, Козенс Р. 160, 249
Козинцева Р. И. 132, 187
Кологов М. Г. 249
 Коль И.-Х. 240, 250
 Коммод, римский император 64, 85

- Константин I Великий, римский император 258, 261, 262
Копелевич Ю. Х. 250, 251
 Корсаков см. Римский-Корсаков Я. Н.
Костомаров Н. И. 187
Кочедáмов В. И. 134, 158
Краснобаев Б. И. 134
 Крешин П. Н. 161
 Криспина Аугуста 64
 Кристина Аугуста, шведская королева 52, 82, 92
 Круук 137
 Крюйс К. И. 22, 53, 55, 68, 70, 82, 83, 92, 110, 169, 174, 187—189, 221
Кузнецова О. Н. 42, 99, 185, 247

 Ламотрэ см. Мотрэ О. де ла
Лансере Н. Е. 133
 Латоциний И. 260
 Лау, Лоу Т.-Л. 71, 88, 89
 Леблон Ж.-Б.-А. 135—138
 Левенгаупт А. Л. 71, 88
 Лейн Э. 233, 235, 236, 249
 Лемери Н. 224
 Леопольд, венгерский король 65
 Лефорт И. 195, 209, 210, 241, 251
 Лефорт П. 169, 187
 Лефорт Ф. Я. 67, 86
 Лжедмитрии 64
 Лжедмитрий I 64, 85
 Лжедмитрий II 85, 158
 Либекер, Либеккер см. Любеккер Г.
Либталь Е. Э. 6, 7, 16, 36, 37
 Лиллье Э. Ю. 169, 187
 Лирийский и Бервикский дюк см. Лирия Ж. де
 Лирия Ж. де (дюк Лирийский и Бервикский) 43
Лисавич И. И. 133, 184, 245
Литвинов Д. И. 44
 Лопухина Е. Ф. см. Евдокия (Авдотья) Федоровна Лопухина
 Лоу см. Лау Т.-Л.
Луппо С. П. 5—7, 16—19, 23, 30, 36, 37, 40, 41, 43, 82, 84, 99, 100, 135, 246, 249
 Любеккер, Либекер, Либеккер (Lybесker) Г. 21, 53, 82, 93, 99, 246
 Любекский (Любский) епископ 222, 247
 Любецкая, валашская господарыня 151
Любомиров П. Г. 190
 Любошаньский староста 192, 198, 206, 208, 209
 Людовик XV, французский король 30

Мавродин В. В. 84
 Мазепа И. С. 215, 245
 Майер Ф.-Х. 240, 251
Майков Л. Н. 38
 Мальм см. Эренмальм Л. Ю.

 Мамонов см. Дмитриев-Мамонов И. И.
 Мамонова см. Матвеева М. А.
 Маргарита Петровна, царица 187
 Мария, английская королева 220, 246
 Марпергер (Marperger) П. Я. 6—8, 37
 Марселиус Х. 240
 Мартини Х. 240
 Марфа Матвеевна Апраксина, русская царица 136, 165, 182, 186, 190
 Матвеев А. А. 110, 134
 Матвеева М. А. 157, 161
 Маттарнови Г.-И. 133, 158, 185, 249, 250
 Матфей, апостол 133, 260
Медерский Л. 248
 Меншиков А. А. 194, 196, 197, 202, 205, 209
 Меншиков (Menzikov) А. Д. 10, 19, 22, 28, 29, 33, 43, 51, 54, 55, 67, 69, 70, 72—76, 81, 83, 87, 90, 93—95, 99, 109, 110, 112, 114—116, 129, 130, 132, 135—137, 141, 142, 150, 158, 163, 167, 171, 175, 177, 181, 184, 188, 189, 192—210, 216—218, 229, 230, 232, 235—238, 242—244, 246, 250, 256, 259, 260, 264, 265
 Меншиков Л.-П. А. 78, 90
 Меншикова А. А. 209
 Меншикова Д. М. 76, 175, 189, 194—197, 203—210, 215
 Меншикова М. А. 28, 29, 43, 202—206, 209, 210, 237, 250
 Меншиковы 210
 Мерецкий староста 192, 198, 203, 206—209
 Мериан М. С. 224
 Мериан С. 223
 Микетти Н. 137, 138, 231, 249
 Миллер Г. Ф. 44
Миловидов В. В. 159
Миццлов Р. И. 5
 Михаил Федорович, русский царь 64, 85, 226
Михайлов Г. В. 136, 209, 210
Михневич В. О. 43, 250
Мортон А. Л. 248
 Мотрэ О. де ла, Ламотрэ О. де (Motraye A. de la) 29, 30, 32, 43, 211, 245—250

 Наргов А. К. 137
 Нарышкин К. А. 86, 254
 Нарышкин К. П. 14, 39, 126, 136
 Наталья Алексеевна, великая княжна 168
 Наталья Алексеевна, царица 72, 73, 107, 133, 135, 165, 186, 187
 Наталья Кирилловна Нарышкина, русская царица 14, 126, 136
 Наталья Петровна, цесаревна 213, 245
 Нацциус Г. Г. 83
 Нащокин В. А. 245
 Небелиус 210
 «Невский адмирал» см. Потемкин И. С.
 Недецкий И. А. 88

- Нежиховский Р. А.* 84, 135
Некрасова В. Л. 44
Немиров Г. А. 134
Никифоров Л. А. 39, 246
 Николай Чудотворец, св. Николай 50, 105, 262
Новиков Н. В. 187
 Ной, библ. 220
 Ньютон И. 32
- Овидий (Публий Овидий Назон)** 226
Овсянников Ю. М. 82, 98, 133, 247
 Одинцов 259
 Олеарий А. 248
 Оман 64
 Омар 64
Опочинин Ф. К. 134
 Опраксин см. Апраксин Ф. М.
 Оршанский 207, 208
 Оснер К. 240
 Оссолинские 24
 Остерман А. И. 87, 217, 244, 246
- Павел, апостол** 81, 161, 256, 258, 260, 262
Павленко Н. И. 43, 90, 137, 189
 Паули И. А. 13, 63, 85
Пекарский П. П. 5, 15, 16, 36, 37, 39, 80, 81, 98, 133, 136, 158, 159, 187
 Перри Дж. 87
 Петр, апостол (St. Peter) 50, 81—83, 105, 132, 155, 157, 161, 195, 212, 255, 256, 258, 260, 262, 263
 Петр Михайлов см. Петр I Алексеевич
 Петр I Алексеевич, Великий (Peter I, Petro I, Pietari I, Piótr I, Peter de Groote, Peter der Grosse, Pierre le Grand, Peter the Great, Pietari Suuri, Petro Alexiowitz, Keizer, Seiner Czaarische Majestät), русский царь, российский император 3—8, 11—15, 17—19, 21, 22, 25—27, 29—44, 47—49, 51—53, 55—59, 61, 63, 64, 66—70, 72—89, 91—105, 107—115, 117, 124, 126—146, 148—190, 193, 195, 198, 199, 201, 209—231, 233, 235—239, 241—245, 247, 249—251, 255—265
 Петр II Алексеевич, российский император 20, 29, 35, 43, 180, 190, 217, 236, 250
 Петр Петрович, царевич 180, 181, 190
Петров А. Н. 40
Петров П. Н. 5, 36, 81, 82, 134, 136, 249
 Пизон У. 226
 Пильман 231
Пилявский В. 248
 Пипер К. 71, 88, 154
 Подолец 192, 206, 208
 Понинский Ф. 26
Попов И. Г. 209
 Поппе М. 105, 132
 Потемкин И. С. 86, 99, 141, 149, 154, 159, 161, 185, 186
- Прасковья Ивановна, царевна 81, 175, 189
 Прасковья Федоровна Салтыкова, русская царица 72, 73, 81, 89, 92, 98, 121, 165, 186, 189, 191
 Прокопович Феофан (Элеазар) 201, 203, 205, 210, 255, 257
Прохаска (Prochaska) А. 24, 25, 41, 42
 Псковский епископ 214
Пташицкий С. Л. 24—26, 161
 Пузына (Puzyna) М. 24, 25, 42
Пушкин А. С. 100
- Рааб Г.* 36
 Рабутин 244, 251
 Рагузинский-Владиславич С. Л. 83, 92, 99
 Ракоци Ф., князь Трансильвании и Венгрии 71, 88, 89
 Рамз Р. 160
Раскин А. Г. 137
 Растрелли Б. (В. В.) 137
 Растрелли Б. К. 210
 Растрелли К. Б. 138
 Ратлов 88
 Рейс см. Рюйш Ф.
 Ренн, Рен, Ренне К.-Э. М. 71, 88
 Реншельд, Реншильд К. Г. 71, 88
Репин Н. Н. 190
 Репнин А. И. 192, 209
 Римский-Корсаков Я. Н. 93, 99, 114, 175
 Рихтер 210
Розадеев Б. А. 83, 100, 137, 210, 250
 Ромодановский Ф. Ю. 89, 171, 172, 181, 186, 188
 Ростовцев А. И. 38
 Румянцев А. И. 30, 157, 161
 Рупрехт Ф. 44
 Рюйш, Рейс Ф. 159, 225, 226
- Савва см. Рагузинский-Владиславич С. Л.
Саверкина И. В. 250
 Саккелиус В. 129, 137
 Салтыков-Щедрин М. Е. 35
 Санкович 192, 208
 Сапега П., староста Здзитовский 28, 29, 192, 194, 196—198, 202—204, 206—210, 237, 238
 Сапега (Sapieha) Я.-К., староста Бобруйский 28, 43, 192—194, 196—210, 237, 238
 Сапеги (Sapiehowie) 43
Сашонко В. Н. 38
 Свартс см. Шварц Е.
 Себа А. 159
 Седерьельм 21
 Седерьельм Й, шведский посланник 71, 89, 195, 201—204, 209
Семевский М. И. 98, 191
Семенова Л. Н. 37, 136, 188, 246
Сементовская А. К. 42

- Сенявин У. А. 99, 175
Серчик В. А. 35
 Сиверс П. И. 200, 210, 236
 Сивоча Д. 159
 Сигизмунд III, польский король 85
Сидорова В. И. 80
 Сильвестр, папа 261, 262
 Симон Волхв 255
 Синявин см. Сенявин У. А.
 Складев Ф. М. 89, 185
Скрынников Р. Г. 248
Соколов А. П. 159, 186, 189
 Соловьев Д. А. 132
 Соловьев Ф. А. 108, 116, 133, 237, 250
Соловьев Г. И. 161
Сомина Р. А. 83, 100, 137, 210, 250
 Софья Алексеевна, царевна-правительница 100
Спасский И. Г. 85, 86, 209
 Спиридон, святитель 83
Ставровский А. 83, 133
 Стамке, Штамке А. Э. 223, 247
 Станислав Лещинский, польский король 28, 246
Станюкович Т. В. 159, 210, 250
 Штенбок, Штенбок М. 97, 101, 154
 Стефан Яворский см. Яворский Стефан
Штещенко Л. А. 189
 Стремберг, Штремберг Н. 71, 85, 88
Сухачев Н. Л. 32, 90, 135, 136
Схельтема (Scheltema) Я. 84
- Талаба М. 88
 Тамерлан см. Тимур
Тарккайнен (Tarkiainen) К. 21, 41, 98
Тарле Е. В. 187
 Тверской епископ 214
 Теодор см. Федор Иванович
 Тимур (Тамерлан), эмир 64, 85
Тимченко-Рубан Г. И. 12, 38, 82, 100
 Тирютин Ф. Н. 133
 Толле В. 13, 53, 58, 62, 65, 83, 85, 86
 Толстой П. А. 216, 243, 246
 Траян, римский император 64, 85
 Трезини Д. 81, 82, 98, 106, 133, 135, 184, 185, 212, 241, 245, 247
 Трубецкой Ю. Ю. 255
Туманский Ф. О. 89
- Уитворт, Витворт Ч. 82, 190
 Урбанович 192, 208
Устрялов Н. Г. 27, 42, 43, 187
- Фарварсон, Фаркинсон, Фергарсон А. Д. 87, 227, 248
 Федор Алексеевич (Feodor III), русский царь 41, 64, 85, 136, 165, 182, 186
 Федор Иванович, русский царь 64, 85
- Федорова Е. 168, 187
Федорова Н. Н. 137
Фейгина С. А. 101, 246
 Фельтен И. И. 67, 86
 Феодосий Яновский см. Яновский Феодосий
 Фофан Прокопович см. Прокопович Фофан
 Фер 245
 Фергарсон см. Фарварсон А. Д.
 Филофей, патриарх 261
 Фицмун (Вицедом, Фицедом) фон Экштедт Ф. 71, 88
Флоринский Д. 133, 245
 Фома, мальчик-урод 159
 Фонтана Д. М. 83, 99, 137
 Фредрик I, шведский король 32
 Фредрик IV, датский король 69, 87, 88, 174, 225
 Фридрих, курфюрст Пфальцский 65
 Фридрих-Вильгельм, герцог Курляндский 7, 11, 14—16, 36, 48, 51, 56, 59, 69, 71—76, 78, 81, 88, 89, 224
 Фридрих-Вильгельм, прусский король 148, 160, 174, 183, 184, 219
 Фюрстенберг, великий магистр 226, 248
- Х. Г. (Н. Г.) 5, 36, 47
 Хеннинг см. Геннин В.
Ходурска Х. 35
 Холл 248
 Хоментовский (Chomętowski) Ст. 24—26, 41, 146, 148, 150—153, 155—158, 161
 Хорн см. Горн А.
Хорошкевич А. Л. 248
 Христос (Иисус Христос) 226, 227, 255, 258, 260, 261
 Хурн см. Горн А.
- Царг И. Д.* 40
 Цедергельм см. Седеръельм Й., шведский посланник
- Чемезов, Чемесов М. О. 92, 98
Ченакал В. Л. 133
 Черкасский А. М. 51, 80, 81
 Чернышев Г. П. 110, 134
Чеснокова А. Н. 248
 Чиприани С. 138
 Чириков Л. С. 189
- Шарлотта 32
 Шарлотта-Христина-Софья, принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская 107, 116, 132, 136, 165, 168, 173, 180, 186, 187, 190
Шарымов А. М. 37

- Шаскольский И. П.* 101
 Шафиров (Shafirov, Safirov) П. П. 19, 39, 51, 70, 81, 86, 87, 92, 111, 149, 154, 157, 215—217, 239, 246
 Шварц, Шварт, Свартс Е. 183, 184, 190
 Швертфегер Г. 251
 Шедель И. Г. 137
 Шереметев Б. П. 22, 70, 87, 131, 179, 189, 221
 Шереметев М. Б. 70, 87
Шерман (Stiernman) А. А. 38
 Шеслер Ф. 240
Шклярска (Szkłarska) Э. 25, 42
 Шлунд, Шлюнд, Шлюнт 67, 86
 Шлутер см. Шлютер А.
 Шлюнд, Шлюнт см. Шлунд
 Шлютер, Шлутер А. 94, 100, 177, 178
Шмурло Е. Ф. 37
 Штамке см. Стамке А. Э.
Штейман Ш. И. 42
 Штенбок см. Стенбок М.
 Штремберг см. Стремберг Н.
 Шувалов И. И. 186
 Шумахер И.-Д. 183, 190, 222—224, 227, 240
Шюбергсон (Schybergson) М. Г. 24, 41

 Эванс 227
 Эллигер О. 137
 Эльзенгер З. Л. 161
 Энгель Ф. Л. 137
 Энцберг, Энсберг Н. 71, 88
 Эребо Р. 82
 Эренмальм (Ehrenmalm) Л. Ю. 21—24, 34, 41, 80, 84—86, 91, 98—101, 136, 158, 188
 Эреншельд, Эреншельт Н. 169—172, 187, 188
 Эрскин см. Арескин Р. К.

 Юль Ю. 3, 8, 15, 35, 37, 39, 71, 80—86, 88—90, 100, 101
 Юхан (Иоанн) III, шведский король 65, 85

 Яворский Стефан 153, 154, 161
 Ягужинский П. И. 110, 134, 169

 Яков I, английский король 246
Яковлева И. Г. 35
 Ян Казимир, польский король 65
 Ян (Иоанн) Собеский, Ян III, польский король 52, 82, 92
 Яновский Феодосий 73, 89, 242, 251

Anthoni E. 41

Buch P. 248
Bunge F. C. 38
Büsching A.-F. 82, 83
Butler W. E. 39

Cross A. G. 39

 Elisabeth, St. 83, 137

 Ferdinand III 65

Gadebusch F. K. 38
Gorzny W. 37
Grot J. 85

 Herault 44

Jungblut Th. 83

Konopczyński W. 41

Lagus W. G. 41
Lemmerich C. 82
Locher T. Y. G. 248

Napiersky K. E. 38

Recke J. F. 38

Stephen L. 42
Stewart A. F. 42
Struve B. G. 38

Theiner A. 41

Uddgren H. E. 82

Warmholtz W. W. 38

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австрия (Трактирный дом, Главный императорский кабак) на Петербургской стороне 112, 134, 220, 247
- Адмиралтейская сторона 249
- Адмиралтейский (Аккерфелъта) остров 52, 93, 108, 109, 132, 164, 222, 228—230, 236, 239, 264
- Адмиралтейство (Адмиралтейская верфь, крепость; Адмиралтейский двор, дом; Арсенал) 19, 38, 54, 67, 83, 84, 93, 99, 109, 126, 132, 133, 141, 145—148, 152, 158, 160, 164, 170, 174, 175, 189, 229, 230, 249, 256, 264
- Аккерфелъта остров см. Адмиралтейский остров
- Александрбург, Александершанц, Александрова крепость, Александровский шанец, Крепость св. Александра 55, 94, 100, 259
- Александро-Невский монастырь (Александро-Невская лавра) 51, 82, 132, 139, 165, 211, 236, 241—243, 251
- Алексея Петровича дом на Московской стороне 107, 131, 133, 165
- Аничков мост через Фонтанку 228, 249
- Апраксина Ф. М. дом на Адмиралтейской стороне 54, 92, 110, 164, 221
- Апраксина Ф. М. дом на о. Котлин 55
- Аптека в Петропавловской крепости 50, 92, 105, 212, 263
- Аптекарский дом в Аптекарском огороде 218
- Аптекарский (Медицинский) огород, сад 114, 131, 135, 217, 218, 246, 264
- Аптекарский остров 82, 135, 217, 219
- Арсенал см. Адмиралтейство
- Бани на Петербургской стороне 217, 219
- Безымянный ерик см. Фонтанка
- Березовый остров см. Петербургский остров
- Биржа на Петербургской стороне 219, 220, 227
- Бойня на Адмиралтейской стороне 110
- Бойня на Петербургской стороне 113—115, 264
- Большая перспективная (першпективная) дорога см. Невский проспект
- Большой зал см. Зала для славных торжествований
- Большой луг см. Царицын луг
- Брюса Р. В. дом на Петербургской стороне 163
- Брюса Я. В. дом на Московской стороне 107, 131, 133, 165, 186, 222
- Васильевский (Княжеский, св. Василия) остров 9, 33, 44, 50, 54, 93, 99, 107, 114, 115, 117, 132, 135, 137, 141, 144, 158, 161, 163, 210, 229, 236, 239, 245, 255, 256, 264
- Вейде А. А. дом на Адмиралтейской стороне 132
- Веселый остров см. Заячий остров
- Воинова ул. 159
- Воскресенский (Троицкий, Кировский) мост 12
- Гагарина М. П. дом на Петербургской стороне 19, 111, 139, 158
- Газенхольм см. Заячий остров
- Галерея на круглых столбах в Летнем саду 185
- Галерная (Скампавейная) верфь, двор; Галерное адмиралтейство 110, 141, 158, 229, 230, 249
- Галерная гавань 187
- Главный императорский кабак см. Австрия
- Главный штаб 249
- Головкина Г. И. дом на Петербургской стороне 19, 40, 51, 81, 92, 111, 142
- Горный институт 84, 135
- Городской остров см. Петербургский остров
- Госпиталь на Петербургской стороне 51, 82
- Госпиталь на Выборгской стороне 131
- Гостинный двор на Адмиралтейской стороне 228
- Гостинный (Мытный) двор (рынок) на Адмиралтейской стороне 54, 228, 249

- Гостинный двор («лавки», «лавочки») на Петербургской стороне первоначальный 51, 82, 112; новый 51, 82, 112, 131, 134, 140, 158, 163, 184, 219, 220, 246, 257, 264
- Государственная канцелярия см. Коллегий и Сената здание
- Греческая слобода 249
- Дворцовая набережная 247
- Длинная галерея 185
- Добролюбова проспект 82
- Дорога св. Александра Невского см. Невский проспект
- Дудергоф 81
- Дюпре И. Я. дом на Адмиралтейской стороне 131
- Екатерингоф 8, 118, 136, 159, 167, 170, 187, 222, 229, 230
- Екатерингофская плотняная мануфактура 142, 159, 228, 249
- Екатерины I Алексеевны Летний дворец («Золотые палаты», «Золотые хоромы») 8, 99, 108, 131, 158, 247, 264
- Екатерины I Алексеевны Летний дворец (второй, «Садовый», «Новые палаты») 185, 222, 247
- Енисаари, Еннессари, Еннессари см. Заячий остров
- Зала для славных торжествований (Большой зал) в Летнем саду 222, 246
- Заячий (Газенхольм, Хазенхольм, Веселый, Енисаари, Еннессари, Еннессари, Люистранд, Люстэланд) остров 34, 80, 81, 92, 104, 212, 254, 258
- Зеленый (Полицейский, Народный) мост через Мойку 228, 249
- Зимняя канавка 133
- Золотые палаты, Золотые хоромы см. Екатерины I Алексеевны Летний дворец
- Ингерманландская, Ингрийская сторона 48, 52, 55, 57, 93, 94, 102, 117, 118, 128, 129, 167, 263—265
- Иноземская слобода см. Немецкая слобода
- Исаакиевский мост через Большую Неву 12, 185, 263
- Кабак (Пивной дом) на Адмиралтейской стороне 132
- Кабак на о. Котлин 55
- Кабак на Петербургской стороне см. Австрия.
- Кабак у Адмиралтейства 54
- Калинкина деревня, Калинкино 99, 136, 249
- Канавка Зимняя см. Зимняя канавка
- Канавка Лебяжья см. Лебяжья канавка
- Канал вокруг Адмиралтейства 133, 145, 146
- Канал в Петропавловской крепости 50, 106
- Канал морской в Петергофе 137, 151
- Канал Ново-Адмиралтейский 249
- Канал на о. Котлин 150, 160, 235
- Канатный двор (мастерская) на Адмиралтейской стороне 54, 67, 110, 230
- Канецкие слободы 259
- Кантемира Д. К. дом на Адмиралтейской стороне 221
- Канцелярии городских дел здание на Петербургской стороне 99
- Канцы, Канецкая крепость см. Ниеншанц
- Карельская сторона см. Финская сторона
- Карповка, река 246
- Картинная галерея в Летнем саду 185
- Кикина А. В. дом на Московской стороне (Кикины палаты) 54, 83, 92, 143, 159, 199, 223, 227, 248
- Кладбище немецкое (евангелическое, лютеранское) на Петербургской стороне 51, 82, 114, 131, 219
- Кладбище русское 51
- Койвасаари, Койвусаари см. Петербургский остров
- Коллегий и Сената здание (государственная канцелярия, Канцелярия, «мазанковые коллегии») на Петербургской стороне 98, 99, 106, 111, 112, 131, 133, 139, 144, 156—158, 163, 170, 177, 181, 182, 185, 256, 263, 264
- Конюшни царские на Адмиралтейской стороне 131, 227, 247
- Котлин, Котлин-остров (Регусаари, Ретусари, Рутцари, Нутцари, Ричарда), остров 6, 7, 9, 48, 55, 58, 80, 84, 94, 100, 101, 103, 128, 129, 137, 149, 150, 167, 186, 218, 230, 234, 236, 259, 263, 265
- Котлинская гавань 84, 94, 96, 100, 103, 128, 129, 137, 149, 158, 160, 166, 167, 186, 200, 210, 233, 235, 236, 265
- Крепость св. Александра см. Александершанц
- Крепость С.-Петербург см. Петропавловская крепость
- Крестовский (Рессель, Ристисаари) остров 55, 83
- Кронверк, Кронверх 7, 49—52, 80, 92, 104, 113, 131, 257, 259, 263
- Кронверкская протока 51, 80, 81, 91—93, 98, 106, 185, 245, 258, 259
- Кроншлот, Кронслот (Cron Schloss, Cronh-Schlott), крепость 7, 9, 25, 36, 38, 39, 47, 48, 55, 56, 83, 84, 87—89, 93, 94, 103, 117, 128, 130, 131, 137, 150, 158, 163, 166, 167, 169, 170, 179, 186, 193, 200, 234, 265
- Кронштадт, Кронштат (Cronstadt) 80, 83,

- 95, 96, 100, 129, 137, 140, 148—150, 152, 153, 158, 165, 167, 200, 210, 212, 219, 229, 230, 233, 235, 250, 263, 265
- Крухмальная и пудренная мануфактура при Екатерингофской полотняной мануфактуре 142, 159
- Крюйса К. И. дом на Адмиралтейской стороне 53, 92, 110, 221
- Крюйса К. И. дом на о. Котлин 55
- Кузнечная слобода 249
- Кузница адмиралтейская 110, 145, 230
- Кунсткамера здание на Васильевском острове 25, 31, 33, 133, 144, 158, 159, 215, 220, 239, 247, 250
- Лебяжья канавка 185, 247
- Летний сад (Первый и Второй) 18, 39, 52, 53, 92, 99, 108, 132, 140, 141, 145, 154—156, 158, 160, 164, 185, 222, 247, 256, 264
- Летний сад (Третий, Сад за маленькой речкой) 8, 92, 99, 108, 131, 158, 247, 264
- Литейная часть 98
- Литейный двор, дом (Литейня) 98, 107, 124, 131, 133, 165, 186, 227, 248, 256
- Литейный проспект 247
- Ломоносов см. Ораниенбаум
- Луг перед Адмиралтейством 117, 229, 249
- Люистранд, Люстэланд см. Заячий остров
- Мазанковые коллегии см. Коллегий и Сената здание
- Марли, дворец в Петергофе 231, 232
- Марсово поле см. Царицын луг
- Марфы Матвеевны дом на Московской стороне 165
- Медицинский сад см. Аптекарский огород
- Меншикова А. Д. дворец в Ораниенбауме 130, 137, 150, 151, 161, 167, 193, 230, 232, 233, 265
- Меншикова А. Д. дворец на Васильевском острове деревянный (Летний дом) 54, 72—74, 76, 83, 93, 116, 132, 136, 141, 158, 194, 256; каменный 33, 54, 83, 93, 99, 115, 132, 135—137, 141, 142, 158, 163, 171, 177, 194, 196—199, 202, 204—210, 229, 236—238, 250, 256
- Меншикова А. Д. дворец (Итальянский) на о. Котлин 129, 137, 150, 200, 235, 236
- Меншикова А. Д. дворец на Петербургской стороне 19, 51, 72, 75, 81, 83, 109, 136
- Меншикова А. Д. дворец «Фаворит» в Михайловке 193, 209
- Михайловка 209
- Михайловский сад 99
- Мойка, река 158, 228, 247, 249
- Монетный двор старый 196, 209; новый 209
- Монплезир, дворец в Петергофе 130, 137, 151, 193, 231, 232
- Морская Большая ул. 249
- Морская Малая ул. 249
- Морская слобода 249
- Морской рынок на Адмиралтейской стороне 117, 136, 160, 228, 249
- Московская сторона 132, 133, 247
- Мост к Петропавловской крепости (Петровский мост) 50, 81, 106, 134, 163, 185, 214, 220, 245
- Мытный двор, рынок на Петербургской стороне 98, 113, 114, 132, 135, 264
- Народный мост см. Зеленый мост
- Натальи Алексеевны дом на Московской стороне 107, 133, 165
- Нева, Ние-река, Ние (Neva Strohm) 3, 7, 8, 12, 19, 21—23, 27, 29, 31, 36, 37, 43, 47—49, 51, 52, 54—56, 60, 68, 72, 79—84, 86, 87, 91—93, 95—97, 99, 102—104, 107, 111, 114, 117, 118, 120, 121, 129, 132, 136, 139—143, 152, 158, 162, 165, 178, 179, 181, 185, 186, 209, 211, 212, 215, 217, 220, 221, 227, 229, 230, 246, 247, 255, 258—261, 263, 264
- Нева Большая 19, 185
- Нева Малая 259
- Невашанц, Нева-Шанц см. Ниеншанц
- Невка Большая 51, 81, 82, 159, 217, 246
- Невка Малая 241
- Невский проспект (прешпект), Невская перспектива (прешпектива), Дорога св. Александра Невского 227, 228, 248, 249
- Немецкая, «Иноземская» слобода 39, 52, 91—93, 104, 108, 117, 132, 164, 185, 264
- Ниеншанц, Ниешанц, Невашанц, Нева-Шанц, Канцы, Канецкая крепость, Шанцер Ние, Шанцер-Ние, Шанцер-Ние, Шлотбург 48, 49, 56, 80, 84, 91, 102, 107, 131—133, 139, 162, 211, 212, 227, 245, 255, 256, 258, 263, 264
- «Новый» мост 12, 264
- Новые палаты см. Екатерины I Алексеевны Летний дворец (второй)
- Нотебург, Ноттенбург см. Шлиссельбург
- Нутцари см. Котлин
- Ораниенбаум (Ломоносов) 130, 137, 150, 151, 153, 161, 167, 193, 229, 230, 232, 233, 236, 249
- Орешек см. Шлиссельбург
- Остермана А. И. дом на Петербургской стороне 217
- Офицерская слобода 249
- Охта, река 12, 80, 107, 133

- Партикулярная верфь 185
- Петербургская, Санктпетербургская (ныне — Петроградская) сторона 18, 19, 82, 98, 133, 134
- Петербургский (Березовый, Городской, Койвасаари, Койвусаари, Святого Петра, С.-Петербургский, Троицкий; ныне Петроградский) остров 34, 40, 81, 82, 92, 98, 99, 132, 134, 141, 158, 185, 210, 212, 214, 219, 227, 228, 245, 248, 256, 258—261
- Петербургской губернской канцелярии здание 114, 135
- Петергоф 130, 137, 151, 152, 167, 193, 231, 232, 249, 265
- Петергофский парк (сад) 130, 137, 231
- Петра I Большой дворец в Петергофе 130, 137, 151, 161, 193, 231
- Петра I дворец в Стрельне 131, 138, 151, 161, 230, 231
- Петра I дворец на о. Котлин 200, 210, 235
- Петра I дом на о. Котлин 55
- Петра I домик на Петербургской стороне (Дворец Петергов, Петров дом) 42, 81, 139, 158, 162, 184, 211, 212, 217, 258—260
- Петра I Зимний Дворец первый 19, 39, 53, 82, 109; второй 19, 40, 82, 92, 109, 117, 131, 133, 140, 164, 177, 181, 185, 194, 198, 203, 204, 207, 221, 222, 247, 263
- Петра I Летний дворец 18, 39, 42, 52, 82, 92, 99, 108, 140, 155, 158, 164, 177, 185, 221, 222, 247, 256, 264
- Петровская набережная 99
- Петровские ворота 10, 18, 50, 81, 105, 106, 132, 245, 263
- Петровский мост см. Мост к Петропавловской крепости
- Петровский остров 55
- Петроградская набережная 99
- Петроградская сторона см. Петербургская сторона
- Петроградский остров см. Петербургский остров
- Петропавловская (Петербургская, Санкт-Петербургская, С.-Петербург, die Vestung) крепость 7, 10, 18, 19, 34, 36, 48—53, 56, 71, 79, 80, 81, 91—93, 98, 99, 103—106, 112, 113, 131—134, 141, 152, 157, 158, 163, 165, 170, 171, 177, 181, 185, 195, 209, 210, 212, 214, 215, 220, 245, 246, 248, 256, 259, 260, 263, 264
- Пивоварни на Выборгской стороне 107, 131, 141, 142, 159, 211, 215, 217, 218, 227
- Питейный дом на Адмиралтейской стороне 39, 53
- Полицейский мост см. Зеленый мост
- Пороховой завод на Петербургской стороне 141, 158
- Посольский дворец, Посольские хоромы см. Меншикова А. Д. дворец на Васильевском острове (деревянный)
- Постоялый двор А. Д. Меншикова на Адмиралтейской стороне 110, 132, 230
- Почтовый дом, двор на Адмиралтейской стороне (на месте Питейного дома) 18, 82, 108—110, 131, 145, 157, 160, 177, 185, 189, 221
- Прасковьи Федоровны дом на Московской стороне 165
- Прасковьи Федоровны дом на Петербургской стороне 51, 92
- Прядильная слобода 249
- Пушкарская Большая слобода 249
- Пушкарская Малая слобода 249
- Рагузинского-Владиславича С. Л. дом на Адмиралтейской стороне 54, 92
- Рессель см. Крестовский остров
- Ретусаари, Ретусари см. Котлин остров
- Римского-Корсакова Я. Н. дом на Петербургской стороне 114
- Ристисаари см. Крестовский остров
- Ричарда остров см. Котлин остров
- Русская слобода на Адмиралтейской стороне 107
- Русская слобода на Петербургской стороне 91, 92, 114, 131
- Рутцари см. Котлин остров
- Сад, парк в Стрельне (Сад Версаль) 131, 138, 152, 230
- Сад за маленькой речкой см. Летний сад Третий
- Садовая ул. 99
- Садовый дворец см. Екатерины I Алексеевны Летний дворец (второй)
- Санктпетербургская, С.-Петербургская крепость см. Петропавловская крепость
- Санктпетербургская сторона см. Петербургская сторона
- Св. Василия остров см. Васильевский остров
- Святого Петра остров см. Петербургский остров
- Сената здание в Петропавловской крепости 106, 262
- Сестра, Сестра-река, Систербек 236, 250
- Сестрорецкий оружейный (ныне — инструментальный) завод в Дубках 98, 200, 201, 210, 236, 250
- Систербек см. Сестра
- Скамповейная верфь см. Галерная верфь
- Склады на Выборгской стороне 131, 217, 218
- Слоновый двор, Слоновник 18, 108, 133
- Шлюссельбург см. Шлиссельбург
- Смольный монастырь 159

- Солдатские слободы 133, 260
 Соловьева Ф. А. дом на Васильевском острове 116, 237, 250
 С.-Петербургский остров см. Петербургский остров
 Стрельна, мыза 131, 138, 151, 152, 161, 230, 233, 249
 Стрельна, река 131, 151, 230, 236
- Таможня в Мытном дворе на Петербургской стороне 135**
 Татарская барахолка 113, 132, 264
 Татарская слобода 52, 104, 111, 113, 185, 264
 Темная речка см. Черная речка
 Типография на Петербургской стороне 19, 113, 132, 134, 219, 220, 264
 Трактирный дом см. Австрия
 Троицкая площадь (ныне — пл. Революции) 98, 99, 112, 134, 158, 161, 214, 215, 245, 246, 256
 Троицкая пристань 134, 186
 Троицкий остров см. Петербургский остров
- Университетская набережная 135, 158, 247
- Финская, Финляндская сторона 48—51, 57, 59, 94, 102, 105, 111, 132, 263, 264**
 Финские шхеры 18, 104, 108, 264
 Фонтанка (Безымянный ерик), река 18, 82, 185, 222, 227, 228, 247—249
 «Французская» ул. 142
 Фрегатный порт 212, 245
- Хазенхольм см. Заячий остров
- Царицын (Большой) луг (ныне — Марсово поле) 53, 82, 247**
- Церкви**
 Адмиралтейский собор во имя святителя Спиридона 54, 110, 133, 264
 Воскресения Христова при дворце А. Д. Меншикова на Васильевском острове 112, 115, 116, 136, 237, 250, 256, 264
 Иезуитская на Адмиралтейской стороне 222
 Исаакия Далматского 8, 83, 229, 230, 249
 Католическая на Адмиралтейской стороне 18, 104, 108, 132, 164, 247
 Лютеранская во имя св. Анны в Петропавловской крепости 50, 81, 92, 98
 Лютеранская реформистская при доме К. И. Крюкса на Адмиралтейской стороне 53, 82, 83, 109, 132
 Лютеранская (финская) на Адмиралтейской стороне 104, 108, 132, 247, 264
 Образа Казанской Богоматери на Петербургской стороне 261
 Петропавловский собор в Петропавловской крепости: первоначальная церковь 18, 34, 38, 50, 76, 79, 81, 133, 256; каменный собор 81, 92, 106, 133, 141, 163, 180, 182, 185, 195, 201, 212, 214, 245, 258, 260, 262, 263
 Св. Андрея Первозванного в Кронштадте 129, 137, 236
 Св. Андрея Первозванного на Васильевском острове 161
 Св. Апостола Матфея на Петербургской стороне (перенесенная из Петропавловской крепости) 133, 260
 Собор в Александро-Невском монастыре 241
 Троицкий собор в Александро-Невском монастыре 251
 Троицкий собор на Петербургской стороне (Живоначалная Троицы, Св. Троицы) 112, 131, 134, 154, 155, 161, 181, 212, 214, 220, 256, 258, 260, 261, 264
 St. Elisabethenkirche в Кронштадте 83, 137
- Цитадель на о. Котлин 234, 250
- Черкасского А. М. дом на Петербургской стороне 51**
 Черная (Темная) речка 211, 245
 Чернышева Г. П. дом на Адмиралтейской стороне 110
- Шанцер-Ние, Шанцер Ние, Шанцер-Ниен см. Ниеншанц**
 Шафирова П. П. дом на Петербургской стороне 19, 51, 92, 111, 215, 239, 240, 246
 Шереметева Б. П. дом на Фонтанке 131
 Шереметева Б. П. дом на Адмиралтейской стороне 221
 Шлиссельбург, Шлютебург, Шлютебурх (Нотебург, Ноттенбург, Орешек), крепость 29, 48, 62, 80, 102, 142, 158, 162, 190, 196, 211, 212, 255, 259, 260, 263
 Шлотбург см. Ниеншанц
 Шневенский рынок на Адмиралтейской стороне 83
 Штофных и прочих шелковых парчей мануфактура на Петербургской стороне 222, 247
 Шумахера И.-Д. дом на Московской стороне 222, 223
- Ягужинского П. И. дом на Адмиралтейской стороне 110**
 Ямская московская, Ямщицкая слобода 118, 136

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Т Е К С Т Ы

Точное известие о новопостроенной его царским величеством Петром Алексеевичем на большой реке Неве и Восточном море крепости и города Санкт-Петербурга. . . . . Перевод с немецкого	47
Комментарии	80
Л. Ю. Эренмалм. Описание города Петербурга, вкуне с несколькими замечаниями Перевод с шведского	91
Комментарии	98
Из книги Ф.-Х. Вебера «Преображенная Россия» (ч. 1): Приложение о городе Петербурге и относящихся к этому замечаниях. Перевод с немецкого	102
Комментарии	132
Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году. Перевод с польского	139
Комментарии	158
П. Г. Брюс. Из «Мемуаров. . .». Перевод с английского	162
Комментарии	184
Диариуш пути из Вильно в Петербург и пребывания в нем его светлейшей милости господина Сапеги, старосты Бобруйского, а теперь фельдмаршала русских войск. Перевод с польского	192
Комментарии	209
О. де ла Мотрэ. Из «Путешествия. . .». Перевод с английского	211
Комментарии	245
Список сокращений	252

П Р И Л О Ж Е Н И Я

1. Феофан Прокопович. История императора Петра Великого	255
2. О зачатии и здании царствующаго града Санктпетербурга	258

У К А З А Т Е Л И

Указатель имен	266
Топографический указатель	273

**Юрий Николаевич
Беспятых**

**ПЕТЕРБУРГ ПЕТРА I
В ИНОСТРАННЫХ ОПИСАНИЯХ**

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии «Панорама истории»*

*Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Л. И. Каряева
Корректоры Л. Б. Наместникова и Г. И. Тимошенко*

ИБ № 44575

Сдано в набор 19.06.90. Подписано к печати 22.01.91. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Фотонабор. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17.50. Усл. кр.-от. 17.74. Уч.-изд. л. 23.78. Тираж 20 000.
Тип. зак. № 535. Цена 5 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

ПЛАНЪ
САНКТПЕТЕРБУРГА.

въ 1795 году.

60

5.0.